

ЛЕВ ТОЛСТОЙ

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ

ТОМ 20

АННА КАРЕНИНА

ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

Весь Толстой в один клик

Лев Толстой

**Полное собрание сочинений.
Том 20. Анна Каренина.
Черновые редакции и варианты**

«Библиотечный фонд»

1873-1877

Толстой Л. Н.

Полное собрание сочинений. Том 20. Анна Каренина. Черновые редакции и варианты / Л. Н. Толстой — «Библиотечный фонд», 1873-1877 — (Весь Толстой в один клик)

Содержание

Лев Николаевич	6
Предисловие к электронному изданию	7
АННА КАРЕНИНА	11
ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТОМУ ТОМУ.	12
РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.	13
АННА КАРЕНИНА. ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ	15
ПЛАНЫ И ЗАМЕТКИ К «АННЕ КАРЕНИНОЙ».	15
* № 1 (рук. № 1).	15
* № 2 (рук. № 1).	16
* № 3 (рук. № 1).	17
* № 4 (рук. № 1).	18
* № 5 (рук. № 1).	19
* № 6 (рук. № 1).	20
* № 7 (рук. № 1).	20
* № 8 (рук. № 1).	20
* № 9 (рук. № 1).	20
* № 10 (рук. № 1).	21
* № 11 (рук. № 38).	21
* № 12 (рук. № 96).	22
* № 13 (рук. № 101).	22
ВАРИАНТЫ К «АННЕ КАРЕНИНОЙ»	24
** № 1 (рук. № 2).	24
* № 2 (рук. № 3).	28
* № 3 (рук. № 4).	31
* № 4 (рук. № 5).	47
* № 5 (рук. № 6).	51
<Часть I. Глава I.>	51
АННА КАРЕНИНА	51
ЧАСТЬ I	51
* № 6 (рук. № 7).	71
<АННА КАРЕНИНА.	71
* № 7 (рук. № 8).	75
АННА КАРЕНИНА.	75
* № 8 (рук. № 17).	80
[305]ДВА БРАКА.	80
* № 9 (рук. № 9).	83
* № 10 (рук. № 16).	96
* № 11 (рук. № 16).	100
* № 12 (рук. № 103).	101
* № 13 (рук. № 12).	102
* № 14 (рук. № 17).	102
* № 15 (рук. № 17).	103
* № 16 (рук. № 103).	105
* № 17 (рук. № 21).	114
№ 18 (рук. № 17).	116
* № 19 (рук. № 13).	116

* № 20 (рук. № 17).	123
* № 21 (рук. № 17).	123
* № 22 (рук. № 17).	124
* № 23 (рук. № 17).	124
* № 24 (рук. № 103)	125
* № 25 (рук. № 14).	126
* № 26 (рук. № 15).	132
* № 27 (рук. № 15).	132
* № 28 (рук. № 103).	133
* № 29 (кор. №109).	139
* № 30 (рук. № 103).	143
* № 31 (рук. № 16).	146
* № 32 (рук. № 21).	151
* № 33 (рук. № 22).	151
* № 34 (рук. № 26).	152
* № 35 (рук. № 18).	153
* № 36 (рук. № 24).	155
* № 37 (рук. № 19).	159
* № 38 (рук. № 22).	166
* № 39 (рук. № 31).	166
* № 40 (рук. № 27).	167
Конец ознакомительного фрагмента.	169

**Лев Николаевич
Толстой**
**Полное собрание сочинений. Том 20. Анна
Каренина. Черновые редакции и варианты**

Государственное издательство
«Художественная литература»
Москва – 1939

Электронное издание осуществлено в рамках краудсорсингового проекта [«Весь Толстой
в один клик»](#)

Организаторы: [Государственный музей Л.Н. Толстого](#)
[Музей-усадьба «Ясная Поляна»](#)
[Компания ABBYY](#)

Подготовлено на основе электронной копии 20-го тома Полного собрания сочинений
Л.Н. Толстого, предоставленной [Российской государственной библиотекой](#)
Электронное издание 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого доступно на пор-
тале www.tolstoy.ru

Если Вы нашли ошибку, пожалуйста, напишите нам info@tolstoy.ru

Предисловие к электронному изданию

Настоящее издание представляет собой электронную версию 90-томного собрания сочинений Льва Николаевича Толстого, вышедшего в свет в 1928—1958 гг. Это уникальное академическое издание, самое полное собрание наследия Л.Н.Толстого, давно стало библиографической редкостью. В 2006 году музей-усадьба «Ясная Поляна» в сотрудничестве с Российской государственной библиотекой и при поддержке фонда Э. Меллона и *координации* Британского совета осуществили сканирование всех 90 томов издания. Однако для того чтобы пользоваться всеми преимуществами электронной версии (чтение на современных устройствах, возможность работы с текстом), предстояло еще распознать более 46 000 страниц. Для этого Государственный музей Л.Н. Толстого, музей-усадьба «Ясная Поляна» вместе с партнером – компанией ABBYY, открыли проект «Весь Толстой в один клик». На сайте readingtolstoy.ru к проекту присоединились более трех тысяч волонтеров, которые с помощью программы ABBYY FineReader распознавали текст и исправляли ошибки. Буквально за десять дней прошел первый этап сверки, еще за два месяца – второй. После третьего этапа корректуры *тома и отдельные произведения* публикуются в электронном виде на сайте tolstoy.ru.

В издании сохраняется орфография и пунктуация печатной версии 90-томного собрания сочинений Л.Н. Толстого.

Руководитель проекта «Весь Толстой в один клик»

Фекла Толстая

L É O N T O L S T O Ï

O E U V R E S C O M P L È T E S

SOUS LA RÉDACTION GÉNÉRALE

de V. TCHERTKOFF

AVEC LA COLLABORATION DU COMITÉ DE RÉDACTION:

K. CHOKHOR-TROTSKY, N. GOUDZY, N. GOUSSEFF, A. GROUSINSKY,
N. PIKSANOFF, N. RODIONOFF, P. SAKOULINE, V. SRESNEWSKY,
et M. TSIAVLOVSKY

SANCTIONNÉE PAR LA COMMISSION DE RÉDACTION D'ÉTAT:
V. BONTCH-BROULÉVITCH, J. LOUPPOL et M. SAVELIEFF

PREMIÈRE SÉRIE
O E U V R E S

TOME
20

É D I T I O N D' É T A T
M O S C O U — 1939

Л. Н. Т

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ

ПОД

B.

ПРИ УЧАСТИИ РЕДАКТОРА

А. Е. ГРУЗИНСКОГО. Н. К.

Н. С. РОДЧОНОВА. | П.

М. А. ДЯВЛОВС

Перепечатка разрешается безвозмездно.

—

Reproduction libre pour tous les pays

АННА КАРЕНИНА

РЕДАКТОР
Н. К. ГУДЗИЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ К ДВАДЦАТОМУ ТОМУ.

Черновые материалы к «Анне Карениной», публикуемые в настоящем томе, сохранились в значительной своей части, но, к сожалению, не полностью. Так, прежде всего, утрачено около половины наборной рукописи; утрачены и некоторые рукописные тексты – промежуточные между ранними черновыми набросками романа и текстом наборной рукописи. Возможно, что существовали, помимо сохранившихся планов, и такие, которые до нас не дошли. В самом незначительном количестве сохранились корректуры романа, особенно корректуры текста, печатавшегося в журнале «Русский вестник».

Почти все черновые материалы, относящиеся к «Анне Карениной», публикуются впервые. Публикация их, как правило, делается в порядке развития сюжета, применительно к окончательному тексту романа.

С самого начала работы над рукописями и корректурами «Анны Карениной» редактору оказывал помощь В. П. Гончаров. Кроме того, в переписке вариантов редактору помогали М. В. Булыгин, С. А. Стахович и В. В. Шершенев. Указатель собственных имен составлен В. С. Мишиным.

Н. Гудзий.

РЕДАКЦИОННЫЕ ПОЯСНЕНИЯ.

Тексты произведений, печатавшихся при жизни Толстого, печатаются по новой орфографии, но с воспроизведением больших букв во всех, без каких-либо исключений, случаях, когда в воспроизводимом тексте Толстого стоит большая буква.

При воспроизведении текстов, не печатавшихся при жизни Толстого (произведения, окончательно не отделанные, неоконченные, только начатые и черновые тексты), соблюдаются следующие правила:

Текст воспроизводится с соблюдением всех особенностей правописания, которое не унифицируется, т. е. в случаях различного написания одного и того же слова все эти различия воспроизводятся («этаго» и «этого», «тетенька» и «тетинька»).

Слова, не написанные явно по рассеянности, дополняются в прямых скобках.

В местоимении «что» над «о» ставится знак ударения в тех случаях, когда без этого было бы затруднено понимание. Это ударение не оговаривается в сноске.

Ударения (в «что» и других словах), поставленные самим Толстым, воспроизводятся, и это оговаривается в сноске.

Неполно написанные конечные буквы (как, напр., крючок вниз, вместо конечного «ъ» или конечных букв «ся» в глагольных формах) воспроизводятся полностью без каких-либо обозначений и оговорок.

Условные сокращения (т. н. «аббревиатуры») типа «к-ый» вместо «который» и слова, написанные неполностью, воспроизводятся полностью, причем дополняемые буквы ставятся в прямых скобках: «к[отор]ый», «т[акъ] к[акъ] лишь в тех случаях, когда редактор сомневается в чтении.

Слитное написание слов, объясняемое лишь тем, что слова для экономии времени и сил писались без отрыва пера от бумаги, не воспроизводится.

Описки (пропуски букв, перестановки букв, замены одной буквы другой) не воспроизводятся и не оговариваются в сносках, кроме тех случаев, когда редактор сомневается, является ли данное написание опиской.

Слова, написанные явно по рассеянности дважды, воспроизводятся один раз, но это оговаривается в сноске.

После слов, в чтении которых редактор сомневается, ставится знак вопроса в прямых скобках: [?]

На месте не поддающихся прочтению слов ставится: [1 неразобр.] или [2 неразобр.], где цифры обозначают количество неразобранных слов.

Из зачеркнутого в рукописи воспроизводится (в сноске) лишь то, что редактор признает важным в том или другом отношении.

Незачеркнутое явно по рассеянности (или зачеркнутое сухим пером) рассматривается как зачеркнутое и не оговаривается.

Более или менее значительные по размерам места (абзац или несколько абзацев, глава или главы), перечеркнутые одной чертой или двумя чертами крест-на-крест и т. п., воспроизводятся не в сноске и ставятся в ломаных < > скобках, но в отдельных случаях допускается воспроизведение и отдельных зачеркнутых слов в ломаных скобках в тексте, а не в сноске.

Написанное Толстым в скобках воспроизводится в круглых скобках. Подчеркнутое воспроизводится курсивом. Дважды подчеркнутое – курсивом с оговоркой в сноске.

В отношении пунктуации соблюдаются следующие правила: 1) воспроизводятся все точки, знаки восклицательные и вопросительные, тире, двоеточия и многоточия (кроме случаев явно ошибочного написания); 2) из запятых воспроизводятся лишь поставленные согласно с общепринятой пунктуацией; 3) ставятся все знаки в тех местах, где они отсутствуют

с точки зрения общепринятой пунктуации, причем отсутствующие тире, двоеточия, кавычки и точки ставятся в самых редких случаях.

При воспроизведении многоточий Толстого ставится столько же точек, сколько стоит у Толстого.

Воспроизводятся все абзацы. Делаются отсутствующие в диалогах абзацы без оговорки в сноске, а в других, самых редких случаях – с оговоркой в сноске: *Абзац редактора*.

Примечания и переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие Толстому и печатаемые в сносках (внизу страницы), печатаются (петитом) без скобок.

Переводы иностранных слов и выражений, принадлежащие редактору, печатаются в прямых [] скобках.

Пометы: *, **, ***, **** в оглавлении томов, на шмуцтитутах и в тексте, как при названиях произведений, так и при номерах вариантов, означают: * – что печатается впервые, ** – что напечатано после смерти Толстого, *** – что не вошло ни в одно из собраний сочинений Толстого и **** – что печаталось со значительными сокращениями и искажениями текста.

АННА КАРЕНИНА. ЧЕРНОВЫЕ РЕДАКЦИИ И ВАРИАНТЫ

ПЛАНЫ И ЗАМЕТКИ К «АННЕ КАРЕНИНОЙ».

* № 1 (рук. № 1).

Прологъ. Она выходитъ за мужъ подь счастл[ивыми] auspices.¹ Она ѣдетъ <встрѣчать> утѣшать невѣстку и встрѣчаетъ Гагина.

1 часть.

1 глава. Гости собирались въ концѣ зимы, ждали Кар[ениныхъ] и говорили про нихъ. Она пріѣхала и неприлично вела себя съ Гагин[ымъ].

2 глава. Объясненіе съ мужемъ. Она упрекаетъ за прежнее равнодушіе. «Поздно»

3 глава. <Въ артели> Гагинъ изъ манежа собирается ѣхать на свиданье. Его мать и братъ совѣтуютъ ему, онъ ѣдетъ къ ней. <Вечеръ у нея. Мужъ.>

4-я глава. Обѣдъ у Карен[иныхъ] съ Гагинымъ. Мужъ, разговоръ съ братомъ. Ст[епанъ] Арк[адьичъ] успокоиваетъ и на счетъ нѣмецк[ой] партіи и на счетъ жены.

5-я глава. Скачки – падаетъ.

6 глава. Она бѣжитъ къ нему, объявляетъ о беременности, объясненіе съ мужемъ.

2 часть.

1 глава. Сидятъ любовники, и онъ умоляетъ разорвать съ муж[емъ]. Она отдѣл[ывается], говорить, что умру.

2 глава. Мужъ въ Москвѣ, С[тепанъ] А[ркадьичъ] затаскиваетъ къ себѣ, уѣзжаетъ въ клубъ, разговоръ съ его женою. Семья С[тепана] А[ркадьича]. Несчастье А[лексѣя] А[лександровича], говоритъ, что выхода нѣтъ, надо нести крестъ.

<3 глава. Читаетъ всѣ романы, изучаетъ вопросъ. Все невозможно. Ѣдетъ къ Троицѣ, встрѣча съ нигилистомъ, его утѣшеніе. Говѣтъ. Телеграма. Я умираю, прошу прощенье. Пріѣзжай.

3 глава. Ея сонъ опять. Ея ужасъ <– дьяволъ>. Его пропустить и сына.

4 глава. Роды, оба ревутъ. – Благополучно.

5-я глава. Поддерживаетъ въ себѣ христ[іанское] чувство, опускаетъ [ш]торки,² и все напоминаетъ, страдаетъ. Они шепчутся³ о томъ, что это невозможно.

6-я глава. Ст[епанъ] Арк[адьичъ] предлагаетъ разводъ. Послѣдняя тщетная [?], онъ соглашается и уѣзжаетъ.>

<3-я часть.>

6 глава. Ст[епанъ] Арк[адьичъ] устраиваетъ по просьбѣ Г[агина] и Н[ана], и А[лексѣй] А[лександровичъ] соглашается подставить др[угую] щеку.

3 часть.

1 глава. Въ обществѣ хохотъ. Хотятъ соболѣзнованье. Онъ пріѣзжаетъ; но дома рыдаетъ.

2 глава. <Отпоръ> въ обществѣ, никто не пріѣзжаетъ <кромѣ дряни, она блеснуть. Сцена его ей.

¹ [предзнаменованиями.]

² Первая буква в этом слове оторвана.

³ Далее – одно слово на оторванной части листа.

3 глава. Онъ отсѣкнулся, сынъ къ матери, и онъ бьется, какъ бабочка.

4-я глава. У нее нигилисты. Онъ уѣзжаетъ> ихъ ругаетъ. <Она ревнуетъ. Такъ надо ѣхать въ деревню.

5-я глава. Онъ въ клубѣ играетъ. Они въ деревнѣ, ничего, кромѣ живот[ныхъ] отн[ошеній]; устроили жизнь къ чему? Онъ уѣзжаетъ. Такъ и я ѣду.

6-я глава. Установилось; онъ въ свѣтѣ, она дома, ея отчаяніе.

4-я часть.

1 глава. А[лексѣй] А[лександровичъ] шляется, какъ несчастный, и умираетъ. Его братья. Ст[епанъ] Арк[адьичъ] Видитъ ее и чувствуетъ, что она несчастлива, желалъ бы помочь ей. Одно – христ[іанская] любовь. Она отталкиваетъ. Сплетница экономка. Ледъ таетъ. Она жалѣетъ и раскаивается.

2-я глава. Онъ весель, пріѣзжаетъ. Болтунъ возбуждаетъ ея ревность. А дома несчастливъ. На войну нельзя.

3-я глава Афронтъ отъ Кн. М. на дѣтяхъ. Болтунъ, ревность, débâcle⁴ чувства. Праздная [?] [1 неразобр.], еще сонъ.

4-я глава. Пріѣзжаетъ А[лексѣй] А[лександровичъ].> Съ Гаг[инымъ] страшная сцена. Я не виновата.

5-я глава. Она уходитъ изъ дома и бросается.

6-я глава. Оба мужа, братъ.

Эпизодъ. А[лексѣй] А[лександровичъ] воспитываетъ <дѣтей> сына.> Гагинъ въ Ташкентѣ.⁵

* № 2 (рук. № 1).

1 Она отврат[ительная] женщ[ина].

2 Ищетъ только его [?].

3 Свѣтъ потухъ. За[чѣмъ]⁶ я не умерла.

Жестъ закрытія руками отъ стыда

Распрощанно. А[лексѣй] А[лександровичъ] объясняется и говоритъ плишелъ, и хочется смѣяться и жалко.

Очень важное. Гимнастъ, гордь, приличенъ и вдругъ передъ ея лаской раскисъ.

Еще важнѣе. После 6 недѣль онъ соблазняетъ ее. Она – уйди, уйди. Нѣтъ, конечно. Но будетъ дурно, и улыбнулся.

Лучше бы я умерла.

Богу молитесь, батюшка!

Они думаютъ, что онъ можетъ переносить это, и онъ ужъ [1 неразобр.]

Онъ ошибся, не разочтя на жизнь, и въ отчаяніи.

За обѣ[домъ?]

Вставлены зубы у А[лексѣя] Александровича].

Анна Каренина
Мщеніе мое
Соломонъ [?]
Алабинъ
К[нязь] Удашевъ

⁴ [крушение]

⁵ На полях написано: [1] Церковь, служба, утѣшеніе. [2] О чемъ ни заговаряютъ нигилисты – дѣти, состояніе – все приводится къ неяснымъ положеніямъ. [3] Сцена съ матерью.

⁶ Предположительное окончание слова приходилось на оторванный и утраченный край листа.

Ордынцевъ
К[нязь] Щербатскій
Острожскій
Исаенковъ
Базыкинъ
Жидковъ
Орѣховъ
Вереницынъ
Липоваловъ

*** № 3 (рук. № 1).**

1.
Ссора Об[лонского] съ женой. Левинъ, предложеніе, Анна миритъ. Балъ и отъѣздъ въ П[етер]б[ургъ].
2.
Вечеръ въ П[етер]б[ургъ], объясненіе. Сцена съ мужемъ. Доктора отправляютъ загр[ани-
цу]. Тяга въ деревню.
3.
Свершилось. Покося. Встрѣча въ каретѣ. Обида [?] мужа. Скачки. Объясненіе съ мужемъ.
4.
Ал[ексѣй] Ал[ександровичъ] ѣдетъ разводиться. Обѣдъ у Обл[онскаго]. Нигилисты въ
Петерб[ургъ], роды, прощеніе.
5.
Сватъба К[ити] и Левина и разрѣшеніе судьбы Вр[онскаго] и Кар[ениной].
6.
Въ деревнѣ женатый. Охота. Поѣздка Долли. Житіе Анны съ Вронскимъ. Маркевичъ,
разсказъ о Петерб[ургскомъ] житіѣ.
7.
Въ Москвѣ, роды Кити. Житіе Анны. Сцена за нигилистовъ. Переѣздъ въ Петербурга,
свиданіе съ мужемъ и сыномъ и смерть ребенка.
- <7.
Ложа, блескъ, афронть. Сцена ей. Смерть ребенка. Не причемъ жить. Переѣздъ Обл[он-
скаго] съ женой въ Петерб[ургъ] и Левиныхъ.>
8.
Свиданіе съ сыномъ и мужемъ. На дачѣ. Ревность къ Кити. Мать. Смерть.>
8.
Левины и Алабины въ Москвѣ. Приѣзжаетъ Вронскій къ матери. Онъ у Левина. Анна,
<мученья> <смерть ребенка> мученья ревности. Мать, смерть.
<1. У Удашева. 2. Ссора, ревность: 3. У Удашевыхъ. Ничего, кромѣ чувств[енности].
Надо ѣхать въ Петерб[ургъ]>.
- 4-я часть.
1.
А[лексѣй] А[лександровичъ] въ министерствѣ, въ свѣтѣ, видитъ жену въ Лѣтн[емъ] саду.
Мальчикъ, сестра.
2.
<Афронть въ> Лѣтн[ій] садъ, блескъ. Афронть – коляска или ложа, блескъ. Сцена Уд[а-
шева] ей.

3.

Орд[ынцевъ] въ Петербургъ для старика отца въ параличѣ. Счастье оч[ень] столкн[улось] съ сумбуромъ. Не бояться уже встрѣчь съ Уд[ашевымъ]. Анна. Клубъ, Уд[ашевъ] играетъ.> Отсѣкнулись *оба мужа*.

4.

Алабинъ въ Петербургѣ. Удашевъ играетъ съ Грабе, приѣзжаетъ домой – нигилисты. Сцена.

5.

Мать, ѣдетъ> Анна мучает[ся], ѣдетъ объясняться съ матерью. Искушение съ Грабе.

6.

Свиданіе съ сыномъ и мужемъ, ревность къ Уд[ашеву].

7.

<Смерть.> Собирается на смерть изъ дома.

8.

Ордынцевы и Алабинъ узнаютъ подробности и А[лексѣй] А[лександровичъ].

9.

Эпилогъ.

*** № 4 (рук. № 1).**

1 часть.

1 гл. Ст[епанъ] Арк[адьичъ] встаетъ и объясняется съ женой.

2 гл. С[тепанъ] А[ркадьичъ] видится съ Орд[ынцевымъ]. Орд[ынцевъ] исполненъ жизни. Куча предпріятій.

3 гл. Въ Зоолог[ическомъ] с[аду] Орд[ынцевъ] съ быкомъ и коньки съ К[ити].

4 гл. Обѣдъ <и объясненія о женитьбѣ> втроемъ. Ст[епанъ] Арк[адьичъ] заѣзжаетъ <домой> къ тещѣ, примиренье. Я винов[атъ], что хо[тите?]

5 гл. <Вечеръ у Щерб[ацкихъ]. Орд[ынцевъ] навралъ, напуталъ.>

6 гл. <И уѣхалъ въ деревню.>

7 гл. <Примиренье съ Д[олли].>

8 гл. Приѣздъ А[нны] К[арениной]. На жел[ѣзной] дорогѣ.

9 гл. Всѣхъ обворажив[аетъ].

10 гл. Балъ у Губерн[атора] и отъѣздъ въ Пет[ербургъ] съ Уд[ашевымъ].⁷

<2 часть.>

1 гл. Вечеръ въ Пет[ербургъ] весною.

2 гл. Лживое объяснен[іе] съ мужемъ.

3 гл. Положеніе мужа въ свѣтѣ.

4 гл. <Въ артели Удаш[евъ] и свид[аніе].> – Покось, баба, путаница.

5 гл. <Скачки, паденіе.> – Сосѣди. Сближеніе <и поѣздки на скачки>.

6 гл. <Свиданіе съ нимъ.> – <Удаш[евъ] въ артели. Спасенье.>

7 гл. <Признаніе мужу.> – <Скачки, паденіе. Поѣздка въ Петербургъ.> У[дашевъ], Ст[е-панъ] Арк[адьичъ].

8 гл. <Покось, баба, народъ, путаница.> – <Свиданье с ней.> Скачки, паден[іе].

9 гл. <Сосѣди К., сближеніе, баба.> – <Признанье мужу.> Свид[аніе] съ н[имъ].

10 гл. <Спасенье, сближенье.> – Признанье мужу.

3 часть.

1 гл. Въ Петерб[ургъ] встрѣч[аетъ] мужа. Объяснен[іе] между любо[вниками?].

⁷ Рядом с текстом плана 1-й части написано и обведено кружком: Любовь идетъ сама по себѣ.

2 гл. А[лексѣй] А[лександровичъ] въ Москву.

3 гл. Адвокатъ.

4 гл. Духовникъ.

5 гл. А[лексѣй] А[лександровичъ] съ Д[олли].

6 гл. Обѣдъ.

7 гл. Телегр[амма] и отъѣздъ въ Пет[ербургъ].

III часть.

8 гл. Роды.

9 гл. <Отношенія> Крот[ость] А[лексѣя] А[лександровича].

10 гл. Возобновило любовь.

<4 часть.

1 гл. Ст[епанъ] Арк[адьичъ] устраиваетъ разв[одъ].

2 глава. Любовникъ устраива[етъ] тоже и бракъ.

3-я глава.>

4-я часть.

<1 гл. Бракъ Орд[ынцева] съ Кити. Ст[епанъ] Арк[адьичъ] пос[аженный] отецъ.>

2 гл. Ст[епанъ] Арк[адьичъ] устраиваетъ разводъ.

3 гл. Люб[овники] объясняютъ и о томъ же.

4 гл. Бракъ Уд[ашева] съ Анной.

5 гл. Жизнь А[лексѣя] А[лександровича] въ Петерб[ургѣ].

IV часть.

<6 гл.> Какъ жить Орд[ынцевъ].

<7 гл.> Варить варенье, разговоръ..

<8 гл.> Приѣздъ Ст[епана] Аркадьича и охота.

<9 гл.> Поѣздка Долли.

<10 гл.> Сцена между К[ити] и О[рдынцевымъ] и между Уд[ашевымъ] и А[нной].

5 часть.

1 гл. А[лексѣй] А[лександровичъ] живетъ съ сыномъ.

2 гл. Встрѣча съ жен[ой] на Нев[скомъ].

3 гл. Удашевы, ихъ среда и жи[знъ].

4 гл. Театръ – и [1 неразобр.] на б[ольшой?] сцен[ѣ].

5 гл. Смерть ребенка в Мо[сквѣ].

6 гл. Нигилисты, любовь Граб[е].

7 гл. Объясненіе съ матерью и отчаянно от [?]

8 гл. <Кити живетъ и хочетъ ли [?]>

9 гл. Узнаетъ о мнимой невѣрности и бросается.

10 гл. Ст[епанъ] Арк[адьичъ] рыдаетъ.

Эпилогъ.

*** № 5 (рук. № 1).**

Не спать всю ночь, счастливъ и страшно, съ лакеемъ говорить. Съ Стивой. Всѣхъ заговорилъ. Какъ могутъ они спать.

Завтра – черезъ недѣлю. Вы съ ума сошли, но рада.

Нордстонъ, и та сіяла. Она прямо бросилась къ нему <обняла его>, отдалась ему, рѣшительно, близко, близко къ нему.

Кн[язь] А[лександръ] Д[митричъ] обнималъ Княгиню и лабунилъ къ ней. Высыпала прислуга.

Глупъ ужасно. Конфеты дѣлаютъ. Стива прелесть.

Все будетъ иначе, чѣмъ у другихъ.
Въ театрѣ. Пьеса.
Постоянно забываетъ, что онъ не она.
Она признанье – онъ. Ей тяжело, но простила.
Всѣ знаютъ всѣ озабочены.

*** № 6 (рук. № 1).**

Она гордится имъ на скачкѣ, весела.
Возвратившись къ чаю, она не дьявольское, а просто безумно счастлива.
Онъ предлагаетъ денегъ на дачѣ.
Нѣтъ, кажется. Да!
Краснѣетъ.
Женихъ толстый, пьяный и невѣста хоро[ша].
Платье изъ Парижа.
Новый флигельад[ютантъ] пѣтушится [?].
Въ отставку рѣшительно.
Уѣзжаетъ на ревизию и объясняется.
Ст[епанъ] Арк[адычъ] жалѣетъ. И она злится, онъ не любитъ.

*** № 7 (рук. № 1).**

Кити ужасно жалѣетъ, что должна отказать Левину. И ей совѣстно призн[аться], что она не отказ[ала] бы, если бы не было Удашева.
Съ Ст[епаномъ] Ар[кадычемъ] за обѣдомъ о братѣ Николаѣ.
Съ Кити на конькахъ о мачихѣ.
Съ братомъ о братѣ Никол[аѣ].
Долли, характ[еръ].
От[ецъ] Кн[язь] сердито смотритъ на заманиванье.
<Д[олли] слабая, кислая немног[о].>

*** № 8 (рук. № 1).**

Вр[онскій] о земледѣліи.
Общество земледѣлія.
Встрѣчаетъ на улицахъ, всѣ скачутъ.
Ст[епанъ] Арк[адычъ] говоритъ про натянутость и ужась положенія Ан[ны].
«Надо быть спокойнымъ».
Онъ бросается оправдаться, защитить, помочь. И тоже.
Досада на нее, на Бога.
Желаніе удрать и назадъ.
Иверская.

*** № 9 (рук. № 1).**

- 1) Начать съ дѣйствія, <уничто[жить]> перенести въ конецъ о разговорахъ.
Чувство униженія, когда совралъ.
- 2) Вронской подсѣлъ за обѣдомъ.
- 3) Сцена Вр[онскаго] съ Анной. «Тебѣ упрямство, а если бы ты зналъ, что мнѣ».

<Онъ ужаснулся.> Она поняла, и онъ опять освободился.

4) Отвращеніе къ ребенку, ничего веселаго, и ужасно жалко. —

Сельскохозяйственные.

Увидавъ Анну, Кити мелка.

Дома мелка.

При родахъ раскаяніе.

3 дня побѣда.

*** № 10 (рук. № 1).**

Эпилогъ.

Кити бѣжала навстрѣчу.

С[ергѣй] И[вановичъ] доказываетъ православіе.

Пчельникъ.

Грудной чай, мочала.

Тѣнь. Лопухи.

Гудѣніе пчель, полнота.

Смотритъ въ окно на звѣзды. — Астрономія, прямое восхожденіе не мѣшаетъ.

Молитва о спасеніи.

Только признаніе власти.

Одно добро не имѣетъ причины и послѣдствій.

Непроницаемая броня: Да души то ужъ никакой.

А она рада, что онъ испугался.

Ливень идетъ.

*** № 11 (рук. №38).**

Во снѣ, просыпается. Неужели это правда? Все кончено?

Покось <не убираетъ>, народъ, <баба>.

Напуталь, не с[о]враль.

Недостаточно — ѣдетъ <въ Москву. Разгов[оръ] съ Ал[абинымъ]. Ты правъ. Работа умственная къ сосѣдямъ.

Нечаянное сближеніе. И свобода уже тяжела.

Надѣялся васъ видѣть въ Москвѣ.

3) Съно и открываетъ мужу.

4) Въ Москвѣ и роды.

5) Въ деревнѣ оба.

Римъ. Ордынцевъ и Кити.

Долинъ Иванскій, и онъ одинъ.

3 часть.

Въ деревнѣ у Долли.

Она смирилась и знаетъ свое несчастье.

Покось и зарей въ каретѣ.

— Вы пріѣдете? — Нѣтъ.

Толки про связь Анны.

Встрѣтилъ въ каретѣ.⁸

⁸ На этом же листе выписки по-французски (из книги Ларошфуко «*Maximes*»):[1] La jalousie se nourrit dans les doutes. Elle devient furieuse ou elle finit sitôt qu'on passe du doute à la certitude.[2] Il n'y a guère de gens qui ne soient honteux de s'être aimés lorsqu'ils ne s'aiment plus.[3] Il y a des gens qui n'auraient jamais été amoureux, s'ils n'ayaient jamais entendu parler de l'amour.[4]

*** № 12 (рук. № 96).**

<Объѣдъ, разговоръ о прогрессѣ.>

<Разговоръ передъ объѣдомъ.> Я должна сказать, кто и кто у насъ. Думаютъ, что я хочу доказать. Я ничего не хочу, не знаю.

Щурится.

Не рожать.

Имя Анночка.

Переписка съ Алексѣемъ Александровичемъ.

Онъ тебѣ не говорилъ про свои общественныя обязанности.

Тяж[ело], грустно, хочется домой.

Обидно Д[олли] за Кн[ягиню] Варвару.

Анна знаетъ Архитект[уру].

Помѣщикъ говорить о сословіи, какъ о дубѣ.

Вронской на выборахъ.

Свѣжскій.

Записка отъ нея. Приѣзжаетъ домой. Морфинъ. И ужъ она знаетъ, что онъ тяготится ею. То пусть тяготится, но будетъ тутъ. Утромъ поѣздка на бѣга.

*** № 13 (рук. № 101).**

Слав[янскій] вопросъ занимать всѣхъ. А[лексѣй] А[лександровичъ]. Л[идія] И[вановна] бросила общ[ество] христ[іанское]. Редактор[ы] безъ газетъ. Мин[истры] безъ минист[ерствъ]. Полков[одцы] безъ армій. С[ергѣй] И[вановичъ] ѣдетъ грустный. Книгу избрали. Слав[янскій] вопросъ предвосхитилъ. Ёдетъ съ Катав[асовымъ] отдохнуть. Проводы на станціи. Гр[афиня] Вр[онская] провожаетъ сына. Разговорила съ С[ергѣемъ] И[вановичемъ], рассказ[ываетъ] о первомъ врем[ени]. Вр[онскій] угрюмый. Жизнь моя мнѣ не нужна, такъ отдать ее за дѣло.

—

Хозяйство Левина продолжало занимать его, безъ плана, съ сознаніемъ долга, самопожертвованія. Одно — неясность больше и больше мучала его, во всемъ искалъ, унился [?]. Разговоръ съ мельникомъ. Легъ, трава узломъ. Не для нужды, только не дурно, со всѣми вмѣстѣ, какъ дѣти... *Запѣло въ души.*

Пришелъ домой. Разговоръ съ Катавасовымъ о религіи, съ С[ергѣемъ] И[вановичемъ] о слав[янскомъ] вопросѣ; разрушилось.

Гроза. Бѣжить за Митей съ Кити. <Кити съ Долли говорить о полити[кѣ] [?], Стива, любовь>. И такъ важно, что думаетъ о разрушеніи. Вечеромъ въ тишинѣ опять взглядъ отворачивается.

Ахъ, какъ хорошо. Онъ узнаетъ. Еще любовь, другая только, забота, трудъ безъ радости.

Катавас[овъ] особая порода.

Думая матерьялистично, только стоитъ думать до конца, и придешь къ худшей безсмыслицѣ.

Левинъ видѣлъ Анну на столѣ и Вронскаго съ поднятой панталоной, безъ шапки.

Грѣхъ, объясненіе зла и смерти.

Грудница.

Тоска весеня [?]

Любовь.

Спасень.

Узнаеть.

Гроза.

С[ергѣй] И[вановичъ], книга; безъ дѣла скучаетъ.

Катавасовъ разстроилъ его вѣрованіе. Возстанавливается въ тишинѣ ночи.

ВАРИАНТЫ К «АННЕ КАРЕНИНОЙ»

** № 1 (рук. №2).

МОЛОДЕЦ—БАБА.

1.

Гости послѣ⁹ оперы съѣзжались къ молодой Княгинѣ¹⁰ Врасской. Княгиня Мика, какъ ея звали въ свѣтѣ, только успѣла, пріѣхавъ изъ театра, снять шубку¹¹ передъ окруженнымъ цвѣтами зеркаломъ въ ярко освѣщенной передней; еще она отцѣпляла маленькой ручкой въ перчаткѣ упрямо зацѣпившееся кружево за крючокъ шубки, когда изъ подъ лѣстницы показалось въ накинutomъ на высокую прическу красномъ башлыкѣ красивое личико Нелли, и слышалось военное легкое бряцаніе шпоръ и сабли ея мужа, и показалась вся сіяющая плѣшивая приглаженная голова и усатое лицо ея мужа.

Княгиня Мика разорвала, сдернувъ, перчатку и всетаки не выпростала и разорвала кружево. <Она> улыбкой встрѣтила гостей, которыхъ она только что видѣла въ театрѣ.

— Сейчасъ вытасу мужа изъ его кабинета и пришлю къ вамъ, — проговорила она и скрылась за тяжелой портьерой. — Чай въ большой гостиной, — сказала она толстому дворецкому, прошедшему за нее, — и Князя просить.

Пока Княгиня Мика въ уборной съ помощью встрѣтившей ея франтихи горничной розовыми пальчиками, напудренными лебяжьимъ пухомъ, какъ бы ощупывала свое лицо и шею и потомъ стирала эту пудру и горничная ловкими быстрыми пальцами и гребнемъ потрогивала ее прическу, давая ей прежнюю свѣжесть, и пока Нелли съ мужемъ въ передней снимали шубы, передавая ихъ¹² [на руки] слѣдившихъ за каждымъ ихъ движеніемъ ожидавшихъ двухъ въ чулкахъ и башмакахъ лакеевъ, ужъ входная большая стеклянная дверь нѣсколько разъ беззвучно отворилась швейцаромъ, впуская новыхъ гостей.

Почти въ одно и тоже время хозяйка съ освѣженными лицомъ и прической вышла изъ одной двери и гости изъ другой въ большую темную отъ обаяжуровъ гостиную, и естественно все общество сгруппировалось около круглаго стола съ серебрянымъ самоваромъ.

Разговоръ, какъ и всегда въ первые минуты сбора, дробился на привѣтственные рѣчи, на предложеніе чая, шутки, замѣчанія объ оперѣ, пѣвцахъ и пѣвицахъ, какъ будто отыскивая предметъ и не позволяя быть болѣе завлекательнымъ, пока еще продолжали входить гости.

— Ахъ, пожалуйста, не будемъ говорить объ Нильсонѣ. Я только и слышу это имя и одно и тоже о ней и все такое, что должно быть ново, но что уже сдѣлалось старо.

— А Китти будетъ? Отчего я давно ее не вижу?

— Она общала; но ты знаешь, какъ можно рассчитывать на душу въ криолиниѣ, — отвѣчала хозяйка. — Да и потомъ мнѣ кажется, что у ней есть что то на сердцѣ. Боюсь не съ Ана ли чтонибудь.

— Ана такъ мила!

— О да. Могу я вамъ предложить чашку чая, — обращалась она къ Генералу. — А вотъ и Serge.

— Расскажите мнѣ чтонибудь злое и веселое, — говорила извѣстная умница фрейлина молодому Дипломату.

⁹ Зачеркнуто: театра

¹⁰ Зач.: <Кареловой> М[икѣ]

¹¹ Слово: шубку по ошибке зачеркнуто вместе с последующими словами: въ ярко освѣщенной, блестящей

¹² Слово: ихъ по ошибке зачеркнуто вместе с последующими словами: беззвучно, почтительно

– Говорятъ, что злое и смѣшное несовмѣстимо, но я попробую, если вы мнѣ дадите тему. Хозяинъ, молодой человѣкъ съ умнымъ и истомленнымъ лицомъ, вышелъ изъ боковой двери и здоровывается съ гостями.

– Какъ вамъ понравилась¹³ Нильсонъ, Графиня? – говоритъ онъ, неслышно подойдя по мягкому ковру к полной красивой дамѣ въ черномъ бархатномъ платьѣ.

– Какъ можно такъ пугать, – отвѣчаетъ дама, перегибаясь къ нему съ своимъ вѣеромъ и подавая ему руку въ перчаткѣ, которую она не снимаетъ, потому что рука ея некрасива. – Не говорите, пожалуйста, про оперу со мной. Вы думаете, что вы спускаетесь до меня, а я этаго вамъ не позволяю. Я хочу спуститься до васъ, до вашихъ гравюръ. Расскажите мнѣ, какіе новыя сокровища вы нашли на толкучемъ...

Совершенно незамѣтно столъ устанавливается всѣмъ, что нужно для чая, гости размѣстились всѣ у круглаго стола. Мушны обходятъ не слышно кресла дамъ и берутъ изъ рукъ хозяйки прозрачныя дымящіяся паромъ чашки чая. Хозяйка стоитъ съ рукой съ отставленнымъ розовымъ мезинчикомъ на серебряномъ кранѣ и выглядываетъ изъ самовара на гостей и на двери и даетъ знаки въ тѣни стоящимъ 2-мъ лакеямъ. Разговоръ изъ отрубковъ фразъ начинается устанавливаться въ разныхъ группахъ и, для того чтобы сдѣлаться общимъ и завлекательнымъ, разумѣется, избираетъ своимъ предметомъ лица всѣмъ извѣстныя, и, разумѣется, объ этихъ лицахъ говорятъ зло, иначе говорить было бы нечего, такъ какъ счастливые народы не имѣютъ исторіи.

Такого рода разговоръ установился въ ближайшемъ уголкѣ къ хозяйкѣ, и теперь этотъ разговоръ имѣетъ двойную прелесть, такъ какъ тѣ, о которыхъ злословятъ, друзья хозяйки и должны пріѣхать нынѣшній вечеръ; говорятъ о молодой¹⁴ Анастасѣ (Ана¹⁵ Гагина, какъ ее зовутъ въ свѣтѣ) и о ея мужѣ. Молодой дипломатъ самъ избралъ эту тему, когда упомянули о томъ, что Пушкины обѣщались быть сегодня, но не могли пріѣхать рано, потому что у Алексѣя Александровича какой то комитетъ, а она всегда ѣздитъ только съ мужемъ.

– Я часто думалъ, – сказалъ дипломатъ, – что, какъ говорятъ, народы имѣютъ то правительство, котораго они заслуживаютъ, такъ и жены имѣютъ именно тѣхъ мужей, которыхъ онѣ заслуживаютъ, и Ан[астасья?] Аркадьевна¹⁶ Каренина вполне заслуживаетъ своего мужа.

– Знаете ли, что, говоря это, вы, для меня по крайней мѣрѣ, дѣлаете похвалу ей.

– Я этаго и хочу.

– Только какъ онъ можетъ спокойно спать съ такой женой. И съ всякимъ другимъ мужемъ она бы была героиней стариннаго романа.

– Она знаетъ, что мужъ ея замѣчательный человѣкъ, и¹⁷ она удовлетворяется. Она при-
мѣрная жена.

– Была.

– Я никогда не могла понять, Княгиня, – сказала фрейлина, что въ немъ замѣчательнаго. Если бы мнѣ всѣ это не твердили, я бы просто приняла его за дурачка. И съ такимъ мужемъ не быть героиней романа – заслуга.

– Онъ смѣшонъ.

– Стало быть, не для нея, – сказала хозяйка. – Замѣтили вы, какъ она похорошѣла. Она положительно не хороша, но если бы я была мужчиной, я бы съ ума сходила отъ нея, – сказала она, какъ всегда женщины [говорятъ?] это, ожидая возраженія.

¹³ Зачеркнуто: Траві[ата]

¹⁴ Зачеркнуто: Анѣ

¹⁵ Зач.: <Пушкино> Бернова

¹⁶ Зач.: Пушкина

¹⁷ Зач.: лелѣетъ его

Но какъ ни незамѣтно это было, дипломатъ замѣтилъ это, и, чтобъ подразнить ее, тѣмъ болѣе что это была и правда, онъ сказалъ:

– О да! Послѣднее время она расцвѣла. Теперь или никогда для нея настало время быть героиней романа.

– Типунъ вамъ на языкъ, – сказала хозяйка.

Хозяйка говорила, но ни на минуту не теряла взгляда на входную дверь.

– Здравствуйте,¹⁸ Михаилъ Аркадьичъ, – сказала она,¹⁹ встрѣчая²⁰ входившаго сіяющаго цвѣтомъ лица, бакенбардами и бѣлизной жилета и рубашки молодцоватаго Облонскаго.

– А сестра ваша Анна будетъ? – прибавила она громко, чтобы разговоръ о ней замолкъ при ея братѣ. – Приѣдетъ она?

– Не знаю, Княгиня. Я у нее не былъ.

И Степанъ Аркадьичъ, знакомый со всѣми женщинами и на ты со всѣми мужчинами, добродушно раскланивался, улыбаясь и отвѣчая на вопросы.

– Откуда я? Чтожъ дѣлать? Надо признаваться. Изъ Буффовъ. La Comtesse de Rudolstadt²¹ прелесть. Я знаю, что это стыдно, но въ оперѣ я сплю, а въ Буффахъ досиживаю до послѣдняго конца и всласть. Нынче..

– Пожалуйста, не рассказывайте про эти ужасы.

– Ну, не буду, чтоже дѣлать, мы Москвичи еще не полированы и терпѣть не можемъ скучать.

Дама въ бархатномъ платьѣ подозвала къ себѣ Степана Аркадьича.

– Ну что ваша жена? Какъ я любила ее. Расскажите мнѣ про нее.

– Да ничего, Графиня. Вся въ хлопотахъ, въ дѣтяхъ, въ классахъ, вы знаете.

– Говорятъ, вы дурной мужъ, – сказала дама тѣмъ шутливымъ тономъ, которымъ она говорила объ гравюрахъ съ хозяиномъ.

²²Михаилъ Аркадьичъ²³ разсмѣялся. Если отъ того, что я не люблю скучать, то да. Эхъ, Графиня, всѣ мы одинаки. Она не жалуется.

– Ну, а что ваша прелестная свояченица Кити?

– Она очень больна, уѣхала за границу.

Степанъ Аркадьичъ оглянулся, и лицо его еще больше просіяло.

– Вотъ кого не видалъ все время, что я здѣсь, – сказалъ онъ, увидавъ входившаго²⁴ Вронскаго.

– Виноватъ, Графиня, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ и, поднявшись, пошелъ къ вошедшему.

Твердое, выразительное лицо²⁵ Гагина съ свѣже выбритой, но синѣющей отъ силы растительности бородой просіяло, открывъ сплошные, правильнаго полукруга здоровенные зубы.

– Отчего тебя²⁶ нигдѣ не видно?

– Я зналъ, что ты здѣсь, хотѣлъ къ тебѣ заѣхать.

¹⁸ Зачеркнуто: Степанъ

¹⁹ Зач.: особенно громко, – а что

²⁰ Зач.: улыбкой молодого полного румянаго съ прекрасными красными губами прямо дер[жавшагося] добродушнаго молодого человѣка, который входилъ, высоко неся бѣлую грудь въ открытомъ до невозможн[ости] жилетѣ.– А ваша сестра <Ана Пушкина> М-ме Карени[на]

²¹ [Графиня Рудольштадт]

²² Зач.: Степанъ

²³ Зач.: на мгновеніе нахмурился, но сейчас же

²⁴ Зачеркнуто: невысокаго роста коренастаго военнаго, молодого, но почти плѣшиваго и съ серьгой въ ухѣ

²⁵ Зач.: Вронскаго.

²⁶ В рукописи: тебѣ

– Да, я дома, ты бы заѣхалъ. Однако какъ ты оплѣшивѣлъ, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, глядя на его почти голую прекрасной формы голову и короткіе черные, курчавившіеся на затылкѣ, волосы.

– Что дѣлать? Живешь.

– Ну, завтра обѣдать вмѣстѣ. Мнѣ сестра про тебя говорила.

– Да, я былъ у ней.

²⁷Вронскій замолчалъ, оглядываясь на дверь. Степанъ Аркадьичъ посмотрѣлъ на него.

– Что ты оглядываешься? Ну, такъ завтра обѣдать у Дюссо въ 6 часовъ.

– Однако я еще съ хозяйкой двухъ словъ не сказалъ, – и Вронскій пошелъ къ хозяйкѣ съ пріятными, такъ рѣдко встрѣчающимися въ свѣтѣ пріемами скромности, учтивости, совершеннаго спокойствія и достоинства.

Но и хозяйка, говоря съ нимъ, замѣтила, что онъ нынче былъ не въ своей тарелкѣ. Онъ безпрестанно оглядывался на дверь и ронялъ нить разговора. Хозяйка въ его лицѣ, какъ въ зеркалѣ, увидала, что теперь вошло то лицо, которое онъ ждалъ. Это²⁸ была Нана Каренина впереди своего мужа.

Дѣйствительно, они были пара: онъ прилизанный, бѣлый, пухлый и весь въ морщинахъ; она некрасивая съ²⁹ низкимъ лбомъ, короткимъ, почти вздернутымъ носомъ и слишкомъ толстая. Толстая такъ, что еще немного, и она стала бы уродлива. Если бы только не огромныя черныя рѣсницы, украшавшія ея сѣрые глаза, черныя огромныя волосы, красившія лобъ, и не стройность стана и граціозность движеній, какъ у брата, и крошечныя ручки и ножки, она была бы дурна. Но, несмотря на некрасивость лица, было что-то въ добродушіи улыбки красныхъ губъ,³⁰ такъ что она могла нравиться.³¹

Хозяйка мгновенно сообразила вмѣстѣ нездоровье³² Мари, сестры Каренина, и удаленіе ея послѣднее время отъ свѣта. Толки толстой дамы о томъ, что³³ Вронскій, какъ тѣнь, вездѣ за³⁴ Анной и его пріѣздъ нынче, когда онъ не былъ званъ,³⁵ связало всѣ эти замѣчанія.³⁶

«Неужели это правда?» думала она.

– Хотите чая? Очень рада васъ видѣть. Вы, я думаю, со всѣми знакомы. А вотъ и Анна, – сказала она самымъ небрежнымъ тономъ, но глаза ея слѣдили за выраженіемъ лица Вронскаго, и ей завидно стало за то³⁷ чувство и радости и страха, которое выразилось на лицѣ Вронскаго при входѣ Анны.

Анна своимъ обычнымъ твердымъ и необыкновенно легкимъ шагомъ, показывающимъ непривычную въ свѣтскихъ женщинахъ физическую силу, прошла тѣ нѣсколько шаговъ, которые отдѣляли ее отъ хозяйки, и при взглядѣ на Вронскаго, блеснувъ сѣрыми глазами, улыбнулась свѣтлой доброй улыбкой. Она крѣпко пожала протянутыя руки своей крошечной сильной

²⁷ Зачеркнуто: Гагинъ

²⁸ Зач.: былъ А. А. <Гагинъ> Каренинъ съ женою.

²⁹ Зач.: маленькимъ

³⁰ Зач.: за что

³¹ Против этих строк и ниже на полях написано: [1] Кидается, не зная куда пристать. [2] Ей легко свѣтское, что др[угимъ] трудно. На жалкое *plaisant[erie?]* посмотри[ть?] съ недоумѣніемъ и, главное, глаза. [3] Сдержанная энергія движеній.

³² Зачеркнуто: Кити

³³ Зач.: Гагинъ

³⁴ Зач.: Нана

³⁵ Зач.: его безпокойство и оглядыванье и, главное, послѣднее, что прив[ело]

³⁶ Зач.: Это было лицо Нана, <ея взглядъ на Гагина.> Никто не могъ спорить съ молодымъ человѣкомъ, назвавшимъ ее некрасивой, въ то время какъ она вошла въ комнату и, еще больше сошуривъ свои и такъ небольшіе узкіе глаза (такъ что видны были только густыя черныя рѣсницы), вглядывалась въ лица. Низкій, очень низкій лобъ, маленькіе глаза, <толстыя,> неправильныя губы и носъ <некрасивой формы>. <Но когда> Она сдѣлала тѣ нѣсколько шаговъ, которые отдѣляли ее отъ хозяйки,

³⁷ В рукописи после этого: что

кистью³⁸ и быстро съла.³⁹ И когда она заговорила своимъ яснымъ, отчетливымъ, безъ одной недоговорки или картавленья голосомъ, всегда чрезвычайно пріятнымъ, но иногда густымъ и какъ бы воркующимъ, нельзя было, глядя на ея удивительныя не костлявыя и не толстыя мраморныя плечи, локти и грудь, на⁴⁰ оконечности, ловкую силу движеній и простоту и ясность пріемовъ, не признать въ ней, несмотря на некрасивую небольшую⁴¹ голову, нельзя было не признать ее привлекательною. На поклонъ⁴² Вронскаго она отвѣчала только наклоненіемъ⁴³ головы,⁴⁴ но слегка покраснѣла и обратилась къ хозяйкѣ:

– Алексѣй не могъ раньше пріѣхать, а я дожидалась его и очень жалѣю.

Она смотрѣла на⁴⁵ входившаго мужа. Онъ съ тѣмъ наклоненіемъ головы, которое указываетъ на умственное напряженіе, подходилъ лѣнивымъ шагомъ къ хозяйкѣ.⁴⁶

Алексѣй Александровичъ не пользовался⁴⁷ общимъ всѣмъ людямъ удобствомъ серьезнаго отношенія къ себѣ ближнихъ. Алексѣй Александровичъ, кромѣ того, сверхъ общаго всѣмъ занятымъ мыслью людямъ, имѣлъ еще для свѣта несчастье носить на своемъ лицѣ слишкомъ ясно вывѣску сердечной доброты и невинности. Онъ часто улыбался улыбкой, морщившей углы его глазъ, и потому еще болѣе имѣлъ видъ ученого чудака или дурачка, смотря по степени ума тѣхъ, кто судилъ о немъ.

Алексѣй Александровичъ былъ человѣкъ страстно занятый своимъ дѣломъ и потому разсѣянный и не блестящій въ обществѣ. То сужденіе, которое высказала о немъ толстая дама, было очень естественно.

* № 2 (рук. № 3).

<2-я часть.>

I.

⁴⁸Пріѣхавъ изъ оперы, хозяйка только успѣла въ уборной опудрить свое худое, тонкое лицо и⁴⁹ худошавую шею и грудь, стереть эту пудру, подобрать выбившуюся прядь волосъ, приказать чай въ большой гостиной и вызвать мужа изъ кабинета, какъ ужъ одна за другой стали подъѣзжать кареты,⁵⁰ и гости, дамы, мужчины, выходили на широкій подъѣздъ, и огромный швейцаръ беззвучно отворялъ огромную стеклянную дверь, пропуская мимо себя пріѣзжав-

³⁸ Зачеркнуто: привѣшенной къ полнымъ, необыкновенно круглымъ локтямъ,

³⁹ На полях против этих слов написано: Дамы пасъ. Мужчины всѣ глядятъ на нее.

⁴⁰ Зачеркнуто: тончайшія

⁴¹ Зач.: съ огромными волосами

⁴² Зач.: Гагина

⁴³ Зач.: головки

⁴⁴ Зач.: и, блеснувъ на него долгимъ взглядомъ из-за черной рамки рѣсницъ,

⁴⁵ Зачеркнуто: жалкую, некрасивую, сутуловатую, маленькую фигуру мужа – не стараго бритого бѣлаго, бѣлокурого мужчину

⁴⁶ Зач.: мямля что-то непонятное. Алексѣй Александровичъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, преданныхъ страстно умственному труду, но открытыхъ ко всѣмъ <наслажд[еніямъ]> благамъ міра людей и специалистовъ и вмѣстѣ съ тѣмъ тонкихъ и умныхъ наблюдателей, но которыхъ, благодаря ихъ внѣшнему труженническому виду, ихъ случайной разсѣянности, такъ охотно подводятъ подъ одну общую категорію дѣльныхъ и занятыхъ ученыхъ людей или чудаковъ или даже дурачковъ и которые потому рѣдко пользуются

⁴⁷ В рукописи дальше слово: тѣмъ, по контексту связанное с зачеркнутым текстом и, видимо по рассеянности, здесь Толстым не зачеркнутое.

⁴⁸ Зачеркнуто: <Гости послѣ оперы собирались у Княгини Врасской.> Пріѣхавъ изъ оперы, Княгиня Мика, какъ ее звали въ свѣтъ,

⁴⁹ Зач.: жилистую

⁵⁰ Зач.: къ ихъ огромному дому и высаживать <гостей> съ помощью лакеевъ свой грузъ

шихъ. Это былъ небольшой избранный кружокъ петербургскаго общества, случайно собравшійся пить чай послѣ оперы у Княгини⁵¹ Тверской, прозванной въ свѣтѣ Княгиней⁵² Нана.⁵³

Почти въ одно и тоже время хозяйка съ освѣженной прической и лицомъ вышла изъ одной двери и гости изъ другой въ большую гостиную съ темными стѣнами, глубокими пушистыми коврами и ярко освѣщеннымъ столомъ, блестящимъ бѣлизною скатерти, серебрянаго самовара и чайнаго прибора. Хозяйка сѣла за самоваръ, сняла перчатки и, оставивъ розовый мезинчикъ, повертывала кранъ, подставивъ чайникъ, и, передвигая стулья и кресла съ помощью незамѣтныхъ въ тѣни лакеевъ, общество собралось у самовара и на противоположномъ концѣ, около красивой дамы въ черномъ бархатѣ и съ черными рѣзкими бровями. Разговоръ, какъ и всегда въ первыя минуты, дробился, перебиваемый привѣтствіями, предложеніемъ чая, шутками, какъ бы отыскивая, на чемъ остановиться.

— Она необыкновенно хороша, какъ актриса; видно что она изучила Каульбаха, — говорилъ дипломатъ.

— Ахъ, пожалуйста, не будемъ говорить про Нильсонъ. Про нее нельзя сказать ничего новаго, — сказала толстая бѣлокурая дама, вся бѣлая, безъ бровей и безъ глазъ.

— Вамъ будетъ покойнѣе на этомъ креслѣ, — перебила хозяйка.

— Расскажите мнѣ что-нибудь⁵⁴ забавное, — говорилъ женскій голосъ.

— Но вы не велѣли говорить ничего злаго. Говорять, что злое и смѣшное несовмѣстимы, но я попробую. Дайте тему.⁵⁵

— Какъ вамъ понравилась Нильсонъ, Графиня? — сказалъ хозяинъ, подходя къ толстой и⁵⁶ бѣлокурой дамѣ.

— Ахъ, можно ли такъ подкрадываться. Какъ вы меня испугали, — отвѣчала она, подавая ему руку въ перчаткѣ, которую она не снимала, зная что рука красна.⁵⁷ — Не говорите, пожалуйста, про оперу со мной. Вы ничего не понимаете въ оперѣ. Лучше я спущусь до васъ и буду говорить съ вами про ваши маіолики и гравюры. Ну, что за сокровища вы купили послѣдній разъ на толкучкѣ? Они, какъ ихъ зовутъ, — эти, знаете, богачи банкиры Шпигельцы — они насъ звали съ мужемъ, и мнѣ сказывали, что соусъ стоилъ 1000 рублей; надо было ихъ позвать, и я сдѣлала соусъ на 85 копѣекъ, и всѣ были очень довольны. Я не могу дѣлать 1000 рублевыхъ соусовъ.

— Нѣтъ, моя милая, мнѣ со сливками, — говорила дама⁵⁸ безъ шиньона, въ старомъ шелковомъ платьѣ.

— Вы удивительны. Она прелесть.

Наконецъ разговоръ установился, какъ ни пытались хозяева и гости дать ему какой-нибудь новый оборотъ, установился, выбравъ изъ 3-хъ неизбѣжныхъ путей — театр — опера, послѣдняя новость общественная и злословіе. Разговоръ около чернобровой дамы установился о пріѣздѣ въ Петербургъ короля, а около хозяйки на обсужденіи четы Карениныхъ.

— А⁵⁹ Мари не пріѣдетъ? — спросила толстая дама у хозяйки.

— Я звала ее и брата ее. Онъ обѣщался съ женой, а она пишетъ, что она нездорова.

⁵¹ Зачеркнуто: Врасской

⁵² Зач.: Мика

⁵³ На полях вкось вписано: Борьба. Онъ говорить: «что вы со мной сдѣлали». Она говорить: «простите меня и оставьте».

⁵⁴ Зачеркнуто: злое и смѣшное

⁵⁵ На полях вкось сверху вписано: Двѣ дамы царствуютъ: безбровая бойкая и черная красавица, молча и обиженная, злая.

⁵⁶ Зачеркнуто: красной

⁵⁷ Зач.: и сморщенна

⁵⁸ Зачеркнуто: вся въ кружевахъ и бриліантахъ

⁵⁹ Зач.: Кити

– Вѣрно, душевная болѣзнь. Душа въ кринолинѣ, – повторила она то, что кто то сказалъ о⁶⁰ Мари, извѣстной умницѣ, старой дѣвушкѣ и сестрѣ⁶¹ Алексѣя Александровича Каренина.

– Я видѣла ее вчера, – сказала толстая дама. – Я боюсь, не съ⁶² Анной ли у нее что нибудь.⁶³ Анна очень перемѣнилась со своей Московской поѣздки. Въ ней есть что то странное.

– Только некрасивыя женщины могутъ возбуждать такія страсти, – вступила въ разговоръ прямая съ римскимъ профилемъ дама.⁶⁴ – Алексѣй Вронскій сдѣлался ея тѣнью.

– Вы увидите, что⁶⁵ Анна дурно кончитъ, – сказала толстая дама.

– Ахъ, типунъ вамъ на языкъ.

– Мнѣ его жалко, – подхватила прямая дама. – Онъ такой замѣчательный человѣкъ. Мужъ говорить, что это такой государственный человѣкъ, какихъ мало въ Европѣ.

– И мнѣ тоже говорить мужъ, но я не вѣрю. Если бы мужья наши не говорили, мы бы видѣли то, что есть, а по правдѣ, не сердись,⁶⁶ Нана, Алексѣй Александровичъ по мнѣ просто глупъ. Я шепотомъ говорю это. Но неправда ли, какъ все ясно дѣлается. Прежде, когда мнѣ велѣли находить его умнымъ, я все искала и находила, что я сама глупа, не вижу его ума, а какъ только я сказала главное слово – *онъ глупъ*, но шопотомъ, все такъ ясно стало, не правда ли?

Обѣ засмѣялись, чувствуя, что это была правда.

– Ахъ, полно,⁶⁷ ты нынче очень зла, но и его я скорѣе отдамъ тебѣ, а не ее. Она такая славная, милая. Ну, что же ей дѣлать, если Алексѣй⁶⁸ Вронскій влюбленъ въ нее и какъ тѣнь ходитъ за ней.

– Да, но за нами съ тобой никто не ходитъ, а ты хороша, а она дурна.

– Вы знаете М-ме Каренинѣ, – сказала хозяйка, обращаясь къ молодому человѣку, подхившему къ ней. – Рѣшите нашъ споръ – женщины, говорятъ, не знаютъ толку въ женской красотѣ. М-ме Кар[енинѣ] хороша или дурна?

– Я не имѣлъ чести быть представленъ М-ме К[арениной], но видѣлъ ее въ театрѣ, она положительно дурна.

– Если она будетъ нынче, то я васъ представлю, и вы скажете, что она положительно хороша.⁶⁹

– Это про⁷⁰ Каренину говорятъ, что она положительно дурна? – сказалъ молодой Генераль, вслушивавшійся въ разговоръ.

И онъ улыбнулся, какъ улыбнулся бы человѣкъ, услышавшій, что солнце не свѣтитъ.

Около самовара и хозяйки между тѣмъ, точно также поколебавшись нѣсколько времени между тремя неизбѣжными тѣмами: послѣдняя общественная новость, театръ и осужденіе ближняго, тоже, попавъ на послѣднюю, пріятно и твердо установился.

– Вы слышали – и Мальтишева – не дочь, а мать – шьетъ себѣ костюмъ *diable rose*.⁷¹

– Не можетъ быть?! Нѣтъ, это прелестно.

– Я удивляюсь, какъ съ ея умомъ, – она вѣдь не глупа, – не видѣтъ *ridicule* этаго.⁷²

⁶⁰ Зач.: Кити

⁶¹ Зач.: <еще болѣе> <Каренина> извѣстнаго дѣльца и умницы Михаила

⁶² Зач.: Нана

⁶³ Зач.: Нана была жена Каренина, Анастасья Аркадьевна. – Есть что то странное въ Нана.

⁶⁴ Зач.: Алексѣй Гагинъ

⁶⁵ Зач.: Нана

⁶⁶ Зач.: Мика

⁶⁷ Зачеркнуто: Мари,

⁶⁸ Зач.: Гагинъ

⁶⁹ Зач.: Генераль вслушивался въ разговоръ.

⁷⁰ Зач.: Нана

⁷¹ [розового чорта.]

⁷² [как это смешно.]

Каждый имѣлъ что сказать, и разговоръ весело трещалъ, какъ разгорѣвшійся костеръ. Мужъ Княгини Бетси, добродушный толстякъ, страстный собиратель гравюръ, узнавъ, что у жены гости, зашелъ передъ клубомъ въ гостиную. Онъ

*** № 3 (рук. № 4).**

I.

Молодая хозяйка, только что, запыхавшись, взбѣжала по лѣстницѣ и еще не успѣла снять соболью шубку и отдать приказанья дворецкому о большомъ чаѣ для гостей въ большой гостиной, какъ ужъ дверь отворилась и вошелъ генералъ съ молодой женой, и ужъ другая карета загремѣла у подъѣзда.⁷³ Хозяйка только улыбкой встрѣтила гостей (она ихъ видѣла сейчасъ только въ оперѣ и позвала къ себѣ) и, поспѣшно отцѣпивъ⁷⁴ крошечной ручкой въ перчаткѣ кружево отъ крючка шубы, скрылась за тяжелой портьерой.

— Сейчасъ оторву мужа отъ его гравюръ и пришлю къ вамъ, — проговорила хозяйка изъ за портьеры и бѣжитъ въ уборную оправить волосы, попудрить рисовымъ порошкомъ и обтереть душистымъ уксусомъ.

Генералъ съ блестящими золотомъ эполетами, а жена его [съ] обнаженными плечами оправлялась передъ зеркалами между цвѣтовъ. Два беззвучные лакея слѣдили за каждымъ ихъ движеніемъ, ожидая мгновенія отворить двери въ зало. За генераломъ вошелъ близорукій дипломатъ съ измученнымъ лицомъ, и пока они говорили, проходя черезъ зало, хозяйка, ужъ вытащивъ мужа изъ кабинета, шумя платьемъ, шла на встрѣчу гостей въ большей гостиной по глубокому ковру. Въ обдуманномъ, не яркомъ свѣтѣ гостиной собралось общество.

— Пожалуйста, не будемъ говорить объ⁷⁵ Віардо. Я сыта Віардою. Кити общала пріѣхать. Надѣюсь, что не обманетъ. Садитесь сюда поближе ко мнѣ, князь. Я такъ давно не слыхала вашей желчи.⁷⁶

— Нѣтъ, я смирился ужъ давно. Я весь вышелъ.

— Какже не оставить про запасъ для друзей?

— Въ ней много пластического, — говорили съ другой стороны.

— Я не люблю это слово.

— Могу я вамъ предложить чашку чая?

По мягкому ковру обходятъ кресла и подходятъ къ хозяйкѣ за чаемъ. Хозяйка, поднявши розовый мизинчикъ, поворачиваетъ кранъ серебрянаго самовара и передаетъ китайскія прозрачныя чашки.

— Здравствуйте, княгиня, — говоритъ слабый голосъ изъ за спины гостыи. Это хозяинъ вышелъ изъ кабинета. — Какъ вамъ понравилась опера — Травіата, кажется? Ахъ, нѣтъ, Донъ Жуанъ.

— Вы меня испугали. Какъ можно такъ подкрадываться. Здравствуйте.

Она ставитъ чашку, чтобъ подать ему тонкую съ розовыми пальчиками руку.

— Не говорите, пожалуйста, про оперу, вы ее не понимаете.

Хозяинъ здоровывается съ гостями и садится въ дальнемъ отъ жены углу стола. Разговоръ не умолкаетъ. Говорятъ [о] Ставровичѣ и его женѣ и, разумѣется, говорятъ зло, иначе и не могло бы это быть предметомъ веселаго и умнаго разговора.

⁷³ Зачеркнуто: — Сейчасъ. Извините меня.

⁷⁴ Зач.: неловкой

⁷⁵ Зач.: Нильсонъ

⁷⁶ Рядом на полях написано: <Застѣнчива.><Необыкновенно неприлична.>Онъ смѣшонъ. Она насмѣшлива. Сестра Леониды Дмитрича страдаетъ и оттого, что дѣти тоже, что онъ.

– Кто то сказалъ, – говорить⁷⁷ адъютантъ, – что народъ имѣть всегда то правительство, которое онъ заслуживаетъ; мнѣ кажется, и женщины всегда имѣютъ того мужа, котораго онѣ заслуживаютъ. Нашъ общій другъ Михаилъ Михайловичъ Ставровичъ есть мужъ, котораго заслуживаетъ его красавица жена.

– О! Какая теорія! Отчего же не мужъ имѣть жену, какую...

– Я не говорю. Но госпожа Ставровичъ слишкомъ хороша, чтобъ у нее былъ мужъ, способный любить...

– Да и съ слабымъ здоровьемъ.

– Я одного не понимаю, – въ сторону сказала одна дама, – отчего М-ме Ставровичъ вездѣ принимаютъ. У ней ничего нѣтъ – ни имени, ни тепе,⁷⁸ за которое бы можно было прощать.

– Да ей есть что прощать. Или будетъ.

– Но прежде чѣмъ рѣшать вопросъ о прощеніи обществу, принято, чтобъ прощать или не прощать мужъ, а онъ, кажется, и не видитъ, чтобы было что нибудь à pardonner.⁷⁹

– Ее принимаютъ оттого, что она соль нашего прѣснаго общества.

– Она дурно кончить, и мнѣ просто жаль ее.

– Она дурно кончила – сдѣлалась такая обыкновенная фраза.

– Но милѣ всего онъ. Эта тишина, кротость, эта наивность. Эта ласковость къ друзьямъ его жены.

– Милая Софи. – Одна дама показала на дѣвушку, у которой уши не были завѣшаны золотомъ.

– Эта ласковость къ друзьямъ его жены, – повторила дама, – онъ долженъ быть очень добръ. Но если бъ мужъ и вы всѣ, господа, не говорили мнѣ, что онъ дѣльный человѣкъ (дѣльный это какое то кабалистическое слово у мужчинъ), я бы просто сказала, что онъ глупъ.

– Здравствуйте, Леонидъ Дмитричъ, – сказала хозяйка, кивая изъ за самовара, и поспѣшила прибавить громко подчеркнуто: – а что, ваша сестра М-ме Ставровичъ будетъ?

Разговоръ о Ставровичъ затихъ при ея братѣ.

– Откуда вы, Леонидъ Дмитричъ? вѣрно, изъ⁸⁰ буффъ?

– Вы знаете, что это неприлично, но чтоже дѣлать, опера мнѣ скучно, а это весело. И я досиживаю до конца. Нынче...

– Пожалуйста, не рассказывайте...

Но хозяйка не могла не улыбнуться, подчиняясь улыбкѣ искренней, веселой открытаго, красиваго съ кра т. г. и б. в. з.⁸¹ лица Леонида Дмитрича.

– Я знаю, что это дурной вкусъ. Что дѣлать...

И Леонидъ Дмитричъ, прямонося свою широкую грудь въ морскомъ мундирѣ, подошелъ къ хозяину и усѣлся съ нимъ, тотчасъ же вступивъ въ новый разговоръ.

– А ваша жена? – спросила хозяйка.

– Все по старому, что то тамъ въ дѣтской, въ классной, какія то важные хлопоты.

Немного погодя вошли и Ставровичи,⁸² Татьяна Сергѣевна въ желтомъ съ чернымъ кружевомъ платьѣ, въ вѣнкѣ и обнаженная больше всѣхъ.

Было вмѣстѣ что то вызывающее, дерзкое въ ея одеждѣ и быстрой походкѣ и что то простое и смиренное въ ея красивомъ румянѣ лицѣ съ большими черными глазами и такими же губами и такой же улыбкой, какъ у брата.⁸³

⁷⁷ Зачеркнуто: дипломатъ

⁷⁸ [манеры держать себя,]

⁷⁹ [прощать.]

⁸⁰ Зачеркнуто: Французскаго театра

⁸¹ Так в подлиннике. Расшифровать значение этих букв не удалось.

⁸² Зачеркнуто: Ан[на]

⁸³ На полях против этого абзаца написано: Застѣнчива. Скромна.

– Наконец и вы, – сказала хозяйка, – гдѣ вы были?

– Мы заѣхали домой, мнѣ надо было написать записку⁸⁴ Балашеву. Онъ будетъ у васъ.

«Этого не доставало», подумала хозяйка.⁸⁵

– Михаилъ Михайловичъ, хотите чаю?

Лицо Михаила Михайловича, бѣлое, бритое, пухлое и сморщенное, морщилось въ улыбку, которая была бы притворна, еслибъ она не была такъ добродушна, и началъ мямлить что то, чего не поняла хозяйка, и на всякій случай подала ему чаю. Онъ аккуратно разложилъ салфеточку и, оправивъ свой бѣлый галстукъ и снявъ одну перчатку, сталъ всхлипывая отхлебывать.⁸⁶ Чай былъ горячъ, и онъ поднялъ голову и собрался говорить. Говорили объ Офенбахѣ, что все таки есть прекрасные мотивы. Михаилъ Михайловичъ долго собирался сказать свое слово, пропуская время, и наконецъ сказалъ, что Офенбахъ, по его мнѣнію относится къ музыкѣ, какъ М-г Jabot относится къ живописи, но онъ сказалъ это такъ не во время, что никто не слышалъ его. Онъ замолкъ, сморщившись въ добрую улыбку, и опять сталъ пить чай.

Жена его между тѣмъ, облокотившись обнаженной рукой на бархатъ кресла и согнувшись такъ, что плечо ее вышло изъ платья, говорила съ дипломатомъ громко, свободно, весело о такихъ вещахъ, о которыхъ никому бы не пришлось въ голову говорить въ гостиной.⁸⁷

– Здѣсь говорили, – сказалъ дипломатъ, – что всякая жена имѣетъ мужа, котораго заслуживаетъ. Думаете вы это?

– Что это значитъ, – сказала она, – мужа, котораго заслуживаетъ? Что же можно заслуживать въ дѣвушкахъ? Мы всѣ одинакія, всѣ хотимъ выдти замужъ и боимся сказать это, всѣ влюбляемся въ перваго мужчину, который попадется, и всѣ видимъ, что за него нельзя выйти.

– И разъ ошибившись, думаемъ, что надо выдти не за того, въ кого влюбились, – подсказалъ дипломатъ.

– Вотъ именно.

Она засмѣялась громко и весело, перегнувшись къ столу, и, снявъ перчат[ки], взяла чашку.

– Ну а потомъ?

– Потомъ? потомъ, – сказала она задумчиво. Онъ смотрѣлъ улыбаясь, и нѣсколько глазъ обратилось на нее. – Потомъ я вамъ разскажу, черезъ 10 лѣтъ.

– Пожалуйста, не забудьте.

– Нѣтъ, не забуду, вотъ вамъ слово, – и она съ своей не принятой свободой подала ему руку и⁸⁸ тотчасъ же⁸⁹ обратилась къ Генералу. – Когда же вы приѣдете къ намъ обѣдать? – И,⁹⁰ нагнувъ голову, она взяла въ зубы ожерелье чернаго жемчуга и стала водить имъ, глядя изъ подлобья.

Въ 12-мъ часу взошелъ Балашевъ. Его невысокая коренастая фигурка всегда обращала на себя вниманіе, хотѣлъ или не хотѣлъ онъ этаго. Онъ, поздоровавшись съ хозяйкой, не скрываясь искалъ глазами и, найдя, поговоривъ что нужно было, подошелъ къ ней. Она передъ этимъ встала, выпустивъ ожерелье изъ губъ, и прошла къ столу въ уголъ, гдѣ были альбомы. Когда онъ сталъ рядомъ, они были почти одного роста. Она тонкая и нѣжная, онъ черный и грубый. По странному семейному преданію всѣ Балашевы носили серебряную кучерскую серьгу въ лѣвомъ ухѣ и всѣ были плѣшивы. И Иванъ Балашевъ, несмотря на 25 лѣтъ, былъ уже плѣшивъ, но

⁸⁴ Зачеркнуто: <Кура[кину]> <Корсаку> <Неволи[ну?]> <Волы[нскому?]> или <Вольс[кому?]>

⁸⁵ Зач.: – Не знаю, – сказала она.

⁸⁶ Рядом на полях написано: <Что то противное и слабое>

⁸⁷ Ниже поперек текста написано: Разговоръ искренній, шуточный, насмѣшливый и блестящій, умный. Рядом на полях пометка: <Нечаянно повстрѣчались [?], и всѣ ужаснулись, какъ пропустили.>

⁸⁸ Зачеркнуто: вставъ

⁸⁹ Зач.: отошла къ другому столу и сѣла за альбомы.

⁹⁰ Зач.: оттянувъ

на затылкѣ курчавились черные волосы, и борода, хотя свѣже выбритая, синѣла по щекамъ и подбородку. Съ совершенной свободой свѣтскаго человѣка онъ подошелъ къ ней, сѣлъ, облокотившись надъ альбом[ами], и сталъ говорить, не спуская глазъ съ ея разгорѣвшагося лица. Хозяйка была слишкомъ свѣтская женщина, чтобъ не скрыть неприличности ихъ уединеннаго разговора. Она подходила къ столу, за ней другіе, и вышло незамѣтно. Можно было начась сходить, и вышло бы хорошо. Отъ этаго то многіе, чувствуя себя изящными въ ея гостиной, удивлялись, чувствуя себя снова мужиками внѣ ея гостиной.

Такъ до тѣхъ поръ, пока всѣ стали разѣзжаться, просидѣли вдвоемъ Татьяна и Балашевъ. Михаилъ Михайловичъ ни разу не взглянулъ на нихъ. Онъ говорилъ о миссіи – это занимало его – и, уѣхавъ раньше другихъ, только сказалъ:

– Я пришло карету, мой другъ.

Татьяна вздрогнула, хотѣла что то сказать: – Ми... —, но Михаилъ Михайловичъ ужъ шелъ къ двери. Но зная, что сущность несчастія совершилась.

Съ этаго дня Татьяна Сергѣевна не получала ни одного приглашенія на балы и вечера большого свѣта.

II.⁹¹

Прошло 3 мѣсяца.⁹²

Стояло безночное Петербургское лѣто, всѣ жили по деревнямъ, на дачахъ и на водахъ за границей. Михаилъ Михайловичъ оставался въ Петербургѣ по дѣламъ своей службы избраннаго имъ любимаго занятія миссіи на востокѣ. Онъ жилъ въ Петербургѣ и на дачѣ въ Царскомъ, гдѣ жила его жена. Михаилъ Михайловичъ все рѣже и рѣже бывалъ послѣднее время на дачѣ и все больше и больше погружался въ работу, выдумывая ее для себя, несмотря на то, что домашній докторъ находилъ его положеніе здоровья опаснымъ и настоятельно совѣтовалъ ѣхать въ Пирмонтъ. Докторъ Гофманъ былъ другъ Михаила Михайловича. Онъ любилъ, несмотря на все занятое время, засиживаться у Ставровича.

– Я еще понимаю нашихъ барынь, онѣ любятъ становиться къ намъ, докторамъ, въ положеніе дѣтей – чтобъ мы приказывали, а имъ бы можно не послушаться, скушать яблочко, но вы знаете о себѣ столько же, сколько я. Неправильное отдѣленіе желчи – образованіе камней, отъ того раздраженіе нервной системы, оттого общее ослабленіе и большое расстройство, *circulus viciosus*,⁹³ и выходъ одинъ – измѣнить наши усложненныя привычки въ простыя. Ну, поѣзжайте въ Царское, поѣзжайте на скачки. Держите пари, пройдитесь верстъ 5, посмотрите...

– Ахъ да, скачки, – сказалъ Михаилъ Михайловичъ. – Нѣтъ, ужъ я въ другой разъ, а нынче дѣло есть.

– Ахъ, чудакъ.

– Нѣтъ, право, докторъ, – мямля проговорилъ Михаилъ Михайловичъ, – не хочется. Вотъ дайте срокъ, я къ осѣни отпрошусь у Государя въ отпускъ и съѣзжу въ деревню и въ Москву. Вы знаете, что при Покровскомъ монастырѣ открыта школа миссіонеровъ. Очень, очень замѣчательная.

Въ передней зазвѣнѣлъ звонокъ, и только что входилъ Директоръ, старый пріятель Михаила Михайловича, въ передней раздался другой звонокъ. Директоръ, стально-сѣдой сухой человѣкъ, заѣхалъ только затѣмъ, чтобы представить Англичанина миссіонера, пріѣхавшаго изъ Индіи, и второй звонокъ былъ миссіонеръ. Михаилъ Михайловичъ принялъ того и другаго и сейчасъ же вступилъ съ Англичаниномъ въ оживленную бесѣду. Директоръ вышелъ вмѣстѣ

⁹¹ Поперек начала текста II главы написано: <Не нужно.>. Кити за границу. Ордынцевъ покось убираетъ, его сватаютъ, не можетъ – ненависть къ Удашеву. Рядом на полях: <Я выстрадалъ.> Ему говорятъ. Онъ смѣшался и при родахъ. Отнялъ руки. Скачки. Яхта. <На водахъ.> Въ Швейцаріи. На водахъ Михаилъ Михайловичъ и Ордынцевъ и Кити. Михаилъ Михайловичъ ѣдетъ домой.

⁹² Зачеркнуто: Ужъ наступила безночная весна Петербурга.

⁹³ [заколдованный круг.] В подлиннике: *circulum viciosum*

съ докторомъ. Докторъ и Директоръ остановились на крыльцѣ, дожидаясь кучера извозицъей коляски Директора, который торопливо отвязывалъ только что подвязанные торбы.

– Такъ нехорошо? – сказалъ Директоръ.

– Очень, – отвѣчалъ докторъ. – Если бы спокойствіе душевное, я бы ручался за него.

– Да, спокойствіе, – сказалъ директоръ. – Я тоже ѣздилъ въ Карлсбадъ, и ничего, оттого что я не спокоенъ душою.

– Ну да, иногда еще можно, а гдѣжь Михаилу Михайловичу взять спокойствіе съ его женушкой.⁹⁴

Докторъ молчалъ, глядя впередъ на извозчика, поспѣшно запахивающего и засовывающаго мѣшокъ съ овсомъ подъ сидѣнье.⁹⁵

– Да, да, не по немъ жена, – сказалъ Директоръ.⁹⁶

– Вы, вѣрно, на дачу, – сказалъ Докторъ.

– Да, до свиданья. Захаръ, подавай.

И оба разѣхались. Директоръ ѣхалъ и съ удовольствіемъ думалъ о томъ, какъ хорошо устроиваетъ судьба, что не все дается одному. Пускай Михаилъ Михайловичъ моложе его, имѣетъ доклады у Государя и тонъ, что онъ пренебрегаетъ почестями, хотя черезъ двѣ получилъ Владимира, за то въ семейной жизни онъ упалъ такъ низко.

Докторъ думалъ, какъ ужасно устроила судьба жизнь такого золотого человѣка, какъ Михаилъ Михайловичъ. Надо было ему⁹⁷ это дьявольское навожденіе – женитьбы и такой женитьбы. Какъ будто для того только, чтобъ втоптать его въ грязь передъ такими людьми, какъ этотъ директоръ.

III.⁹⁸

Иванъ Балашевъ обѣдалъ въ артели своего полка раньше обыкновеннаго. Онъ сидѣлъ въ растегнутомъ надъ бѣлымъ жилетомъ сюртукѣ, облокотившись обѣими руками на столъ, и, ожидая заказаннаго обѣда, читалъ на тарелкѣ французскій романъ.

– Ко мнѣ чтобъ Кордъ сейчасъ пришелъ сюда, – сказалъ онъ слугѣ.

Когда ему подали супъ въ серебряной мисочкѣ, онъ вылилъ себѣ на тарелку. Онъ доѣдалъ супъ, когда въ столовую вошли офицерикъ и статскій.

Балашевъ взглянулъ на нихъ и отвернулся опять, будто не видя.

– Что, подкрѣпляешься на работу, – сказалъ офицеръ, садясь подлѣ него.

– Ты видишь.

– А вы не боитесь потяжелѣть, – сказалъ толстый, пухлый штатскій, садясь подлѣ молодого офицера.

– Что? – сердито сказалъ Балашевъ?

– Не боитесь потяжелѣть?

– Человѣкъ, подай мой хересъ, – сказалъ Балашевъ не отвѣчая штатскому.

Штатскій спросилъ у офицера, будетъ ли онъ пить, и, улыбаясь на него, просилъ его выбрать.

Твердые шаги слышались въ залѣ, вошелъ молодчина Ротмистръ и ударилъ по плечу Балашева.

– Такъ умно, [1 неразобр.]. Я за тебя держу съ Голицынымъ.

Вошедшій точно также сухо отнесся къ штатскому и офицеру, какъ и Балашевъ. Но Балашевъ весело улынулся Ротмистру.

⁹⁴ Далее поперек текста до конца главы написано: Не нужно.

⁹⁵ Зачеркнуто: – Правда, что она беременна?

⁹⁶ Зач.: – Да, это правда, – также сухо сказалъ Докторъ.– Послѣ 6 лѣтъ. Какъ странно.

⁹⁷ Зач.: жену

⁹⁸ Против начала текста III главы поперек текста написано: <Его пріятель Ордынцевъ.>

– Что же ты вчера дѣлалъ? – спросилъ онъ.

– Проигралъ пустяки.

– Пойдемъ,⁹⁹ я кончилъ, – сказалъ Балашевъ.

И, вставъ, они пошли къ двери. Ротмистръ громко, не стѣсняясь, сказалъ:

– Эта гадина какъ мнѣ надоѣла. И мальчишка жалокъ мнѣ. Да. Я больше не буду ѣсть.

Ни шампанскаго, ничего.

Въ бильярдной никого не было еще, они сѣли рядомъ. Ротмистръ выгнать маркера.

Кордъ Англичанинъ пришелъ и на вопросъ Балашева о томъ, какъ лошадь Tiny, получилъ отвѣтъ, что весела и ѣсть кормъ, какъ слѣдуетъ ѣсть честной лошади.

– Я приду, когда вести, – сказалъ Балашевъ и отправился къ себѣ, чтобъ переодѣться во все чистое и узкое для скачки. Ротмистръ пошелъ съ нимъ и легъ, задравъ ноги на кровать, пока Балашевъ одѣвался. Товарищъ сожитель Балашева Несвицкой спалъ. Онъ кутилъ всю прошлую ночь. Онъ проснулся.

– Твой братъ былъ здѣсь, – сказалъ онъ Балашеву. – Разбудилъ меня, чортъ его возьми, сказалъ, что придетъ опять. Это кто тутъ? Грабе? Послушай, Грабе. Чтобы выпить послѣ перепоя? Такая горечь, что...

– Водки лучше всего. Терещенко, водки барину и огурецъ.

Балашевъ вышелъ въ подштанникахъ, натягивая въ шагу.

– Ты думаешь, это пустяки. Нѣтъ, здѣсь надо, чтобъ было узко и плотно, совсѣмъ другое, вотъ славно. – Онъ поднималъ ноги. – Новые дай сапоги.

Онъ почти одѣлся, когда пришелъ братъ, такой же плѣшивый, съ серьгой, коренастый и курчавый.

– Мнѣ поговорить надо съ тобой.

– Знаю, – сказалъ Иванъ Балашевъ, покраснѣвъ вдругъ.

– Ну, секреты, такъ мы уйдемъ.

– Не секреты. Если онъ хочетъ, я при нихъ скажу.

– Не хочу, потому что знаю все, что скажешь, и совершенно напрасно.

– Да и мы всѣ знаемъ, – сказалъ выходя изъ за перегородки въ красномъ одѣялѣ Несвицкій.

– Ну, такъ что думаютъ *тамъ*, мнѣ все равно. А ты знаешь лучше меня, что въ этихъ дѣлахъ никого не слушаютъ люди, а не червяки. Ну и все. И пожалуйста, не говори, особенно тамъ.

Всѣ знали, что рѣчь была о томъ, что¹⁰⁰ тотъ, при комъ состоялъ старшій братъ Балашева, былъ недоволенъ тѣмъ, что Балашевъ компрометировалъ Ставровичъ.

– Я только одно говорю, – сказалъ старшій братъ, – что эта неопредѣленность нехороша. Уѣзжай въ Ташкентъ, за границу, съ кѣмъ хочешь, но не...¹⁰¹.

– Это все равно, какъ я сяду на лошадь, объѣду кругъ, и ты меня будешь учить, какъ ѣхать. Я чувствую лучше тебя.

– И не мѣшай, онъ доѣдетъ, – закричалъ Несвицкій. – Послушайте, кто же со мной выпьетъ? Такъ водки, Грабе. Противно. Пей. Потомъ пойдемъ смотрѣть, какъ его обскачутъ, и выпьемъ съ горя.

– Ну, однако прощайте, пора, – сказалъ Иванъ Балашевъ, взглянувъ на отцовскій старинный брегетъ, и застегнулъ куртку.

– Постой, ты волоса обстриги.

⁹⁹ Зачеркнуто: въ билиардную. Туда вели принести

¹⁰⁰ Зачеркнуто: при дворѣ одно лицо

¹⁰¹ Рядом и ниже на полях написано: Рассказъ, какъ всю ночь пили, и погребальный маршъ. Вошелъ Потуловъ. «Вотъ мой другъ. Этотъ меня пойметъ». «Давай зельтерской съ лимономъ и потомъ шампанскаго».

– Ну, хорошо.

Иванъ Балашевъ надвинулъ прямо съ затылка на лысину свою фуражку и вышелъ, разминаясь ногами.

Онъ зашелъ въ конюшню, похолодилъ Тину, которая, вздохнувъ тяжело при его входѣ въ стойло, покосилась на него своимъ большимъ глазомъ и, отворотивъ лѣвое заднее копыто, свихнула задъ на одну сторону. «Копыто то, – подумалъ Иван Балашевъ. – Гибкость!» Онъ подошелъ еще ближе, перекинулъ прядь волосъ съ гривы, перевалившуюся на право, и провелъ рукой по острому глянцевиному загривку и по крупу подъ попоной.

– All right,¹⁰² – повторилъ Кордъ скучая.

Иванъ Балашевъ вскочилъ въ коляску и поѣхалъ къ Татьянѣ Ставровичъ.

Она была больна и скучна. Въ первый разъ беременность ея давала себя чувствовать.

IV.¹⁰³

Онъ вѣбжалъ въ дачу и, обойдя входную дверь, прошелъ въ садъ и съ саду, тихо ступая по песку, крадучись вошелъ въ балконную дверь. Онъ зналъ, что мужа нѣтъ дома, и хотѣлъ удивить ее.

Наканунъ онъ говорилъ ей, что не заѣдетъ, чтобъ не развлекаться, потому что не можетъ думать ни о чемъ, кромѣ скачки. Но онъ не выдержалъ и на минуту передъ скачками, гдѣ онъ зналъ, что увидить ее въ толпѣ, заѣбжалъ къ ней. Онъ шелъ во всю ногу, чтобъ не бренчать шпорами, ступая по отлогимъ ступенямъ терасы, ожидая найти въ внутреннихъ комнатахъ, но, оглянувшись, чтобъ увидать, не видитъ ли его кто, онъ¹⁰⁴ увидалъ ее. Она сидѣла въ углу терасы между цвѣтами у балюстрады въ лиловой шелковой собранной кофтѣ, накинутой на плечи, голова была причесана. Но она сидѣла, прижавъ голову къ лейкѣ, стоявшей на перилахъ балкона. Онъ подкрался къ ней. Она открыла глаза, вскрикнула и закрыла голову платкомъ, такъ, чтобъ онъ не видалъ ея лица. Но онъ видѣлъ и понялъ, что подъ платкомъ были слезы.

– Ахъ, что ты сдѣлалъ..... Ахъ зачѣмъ... Ахъ, – и она зарыдала.....

– Что съ тобой? Что ты?

– Я беременна, ты испугалъ меня. Я.. беременна.

Онъ оглянулся, покраснѣлъ отъ стыда, что онъ оглядывается, и сталъ поднимать платокъ. Она удерживала его, дѣлая ширмы изъ рукъ. Въ концѣ [?] улицѣ¹⁰⁵ сіяли мокрая отъ слезъ, но нѣжныя, потерянно счастливыя глаза, улыбаясь.

Онъ всунулъ лицо въ улицу.¹⁰⁶ Она прижала его щеки и поцѣловала его.

– Таня, я обѣщался не говорить, но это нельзя. Это надо кончить. Брось мужа. Онъ знаетъ, и теперь мнѣ все равно; но ты сама готовишь себѣ мученья.

– Я? Онъ ничего не знаетъ и не понимаетъ. Онъ глупъ и золъ. Еслибъ онъ понималъ чтонибудь, развѣ бы онъ оставлялъ меня?

Она говорила быстро, не поспѣвая договаривать. Иванъ Балашевъ слушалъ ее съ лицомъ грустнымъ, какъ будто это настроеніе ея было давно знакомо ему, и онъ зналъ, что оно непреодолимо. «Ахъ, еслибъ онъ былъ глупъ, золъ, – думалъ Балашевъ. – А онъ уменъ и добръ».

– Ну, не будемъ.

¹⁰² [– Всё в порядке.]

¹⁰³ В начале главы поперек текста написано: Не нужно. Рядом на полях: <Въ Москвѣ. Нигилизмъ не помогаетъ.> Подѣбжалъ къ ней и не думая о ней. Онъ проѣхалъ мимо дачи. Она высунулась изъ окна съ сестрой. «Я обѣщался заѣхать, сказать – пора. Вы обѣщали дать мнѣ на счастье». «Возьмите мою коляску, Lise, поѣдемъ». Ей хотѣлось сказать наединѣ. Она быстро солгала. «Нѣтъ, я пойду пѣшкомъ. Ахъ, подите мой ящикъ отоприте». Онъ ловокъ руками. «Постойте, я принесу». Изъ за двери она закричала: «Подите сюда скорѣе»... Онъ вѣбжалъ, и не успѣла еще войти, какъ онъ поцѣловалъ ее губы и зубы и успѣлъ сказать: «Я проведу всю ночь въ саду, буду ждать» «Хорошо, жди непременно, непременно». Свернулся. Вошла сестра и все поняла и рѣшила сказать мужу. Роль ея стала невозможна.

¹⁰⁴ В подлиннике: но

¹⁰⁵ Так в подлиннике.

¹⁰⁶ Так в подлиннике.

Но она продолжала.

– И что же ты хочешь, чтобы я сдѣлала, что я могу сдѣлать? Сдѣлаться твоей *maîtresse*,¹⁰⁷ осрамить себя, его, погубить тебя. И зачѣмъ? Оставь, все будетъ хорошо. Развѣ можно починить? Я лгала, буду лгать. Я погибшая женщина. Я умру родами, я знаю, я умру. Ну, не буду говорить. И нынче. Пустяки. – Она вдругъ остановилась, будто прислушиваясь или вспоминая. – Да, да, ужъ пора ѣхать. Вотъ тебѣ на счастье. – Она поцѣловала его въ оба глаза. – Только не смотри на меня, а смотри на дорогу и на препятствіяхъ не горячи Тани, а спокойнѣе. Я за тебя держу три пари. Ступай.

Она подала ему руку и вышла. Онъ вздохнулъ и пошелъ къ коляскѣ. Но какъ только онъ выѣхалъ изъ переулковъ дачъ, онъ уже не думалъ о ней. Скачки съ бесѣдкой, съ флагомъ, съ подѣзжающими колясками, съ лошадьми, провожаемыми въ кругъ, открылись ему, онъ забылъ все, кромѣ предстоящаго.

V.

День разгулялся совершенно ко времени скачекъ, солнце ярко блестѣло, и послѣдняя туча залегла на севѣрѣ.¹⁰⁸

Балашевъ пробѣжалъ мимо толпы знакомыхъ, кланяясь не впадѣть и слыша, что въ толпѣ на него показывали какъ на одного изъ скачущихъ и на самого надежнаго скакуна. Онъ пошелъ къ своей Танѣ, которую водилъ конюхъ и у которой стоялъ Кордъ, и входя разговаривалъ. По дорогѣ онъ наткнулся на главнаго соперника Нельсона Голицына. Его вели въ сѣдлѣ два конюха въ красныхъ картузахъ. Невольно замѣтилъ Балашевъ его спину, задъ, ноги, копыта. «Вся надежда на ѣзду противъ этой лошади», подумалъ Балашевъ и побѣжалъ къ своей.

Передъ его подходомъ лошадь остановили. Высокій, прямой статскій съ сѣдыми усами осматривалъ лошадь. Подлѣ него стоялъ маленькій, худой, хромой. Маленькій хромой, въ то самое время, какъ Балашевъ подходилъ, проговорилъ:

– Слово нѣтъ, лошадь суха и ладна, но не она придетъ.

– Это отчего?

– Скучна. Не въ духѣ.

Они замолчали.¹⁰⁹ Сѣдой въ высокой шляпѣ обернулся къ Балашеву:

– Поздравляю, мой милый. Прекрасная лошадь, я подержу за тебя.

– Лошадь то хороша. Каковъ ѣздокъ будетъ? – сказала Балашевъ улыбаясь.

Высокій штатскій окинулъ взглядомъ сбитую коренастую фигурку Балашева и веселое твердое лицо и одобрительно улыбнулся.

Въ толпѣ зашевелилось, зашевелились жандармы. Народъ побѣжалъ къ бесѣдкѣ.

– Великій Князь, Государь пріѣхалъ, – слышались голоса.

Балашевъ побѣжалъ къ бесѣдкѣ. У вѣсовъ толпилось челоуѣкъ 20 офицеровъ. Три изъ нихъ, Г[олицынъ], М[илютинъ] и З., были пріятели Балашева, изъ одного съ нимъ петербургскаго круга. И одинъ изъ нихъ, маленькій худенькій М[илютинъ], съ подслѣповатыми сладкими глазками, былъ кромѣ того, что и вообще несимпатичный ему челоуѣкъ,¹¹⁰ былъ соперникъ самый опасный; отличный ѣздокъ, легкій по вѣсу и на лошади кровной, въ¹¹¹ Италіи [?] взявшей 2 приза и недавно привезенной.

Остальные были мало извѣстные въ Петербургскомъ свѣтѣ гвардейскіе кавалеристы, армейцы, гусары, уланы и одинъ казакъ. Были юноши еще безъ усовъ, мальчики, одинъ гусаръ

¹⁰⁷ [любовницей.]

¹⁰⁸ *Рядом на полях написано:* Анну не принимаютъ. «Мнѣ вправо». Онъ встрѣтилъ Степана Аркадыча на скачкахъ, объявляетъ Аннѣ о устраивающемся бракѣ Кити съ Левинымъ. *Дальше поперекъ следующей страницы написано:* Скачки, другихъ

¹⁰⁹ *Зачеркнуто:* когда подошелъ Балашевъ. Старый

¹¹⁰ *Зач.*: несмотря на высшій тонъ, то, что принадлежавши къ высшему свѣту, мальчикъ гордый и съ отгѣнкомъ учености и новой либеральности. Кромѣ того, онъ

¹¹¹ *Зачеркнуто:* Англіи

совсѣмъ мальчикъ съ дѣтскимъ лицомъ, складный, красивый, напрасно старавшійся принять видъ строго серьезный, особенно обращать на себя вниманіе. Балашевъ съ знакомыми, и въ томъ числѣ съ М[илютинымъ], здоровывался по своему обыкновенію просто,¹¹² одинаково крѣпко пожимая руку и глядя въ глаза. М[илютинъ], какъ всегда, былъ ненатураленъ, твердо смѣялся, выставляя свои длинные зубы.

— Для чего вѣшать? — сказалъ кто-то. — Все равно надо нести что есть въ каждомъ.

— Для славы Господа. Записывайте: 4 пуда 5 фунтовъ, — и уже немолодой конюхъ Гренадеръ [?] слѣзъ съ вѣсовъ.

— 3 пуда 8 фунтовъ, 4 пуда 1 фунтъ. Пишите прямо 3,2, — сказалъ М[илютинъ].

— Нельзя. Надо повѣрить...

Въ Балашевѣ было 5 пудовъ.

— Вотъ не ждалъ бы, что вы такъ тяжелы.

— Да, не сбавляетъ.

— Ну, господа, скорѣе. Государь ѣдетъ.

По лугу, на которомъ кое гдѣ разношники [*1 неразобр.*], разсыпались бѣгушія фигуры къ своимъ лошадямъ. Балашевъ подошелъ къ Тіпу. Кордъ давалъ послѣднія наставленія.

— Одно, не смотрите на другихъ, не думайте о нихъ. Не обгоняйте. Передъ препятствіями не удерживайте и не посылайте. Давайте ей выбирать самой, какъ онъ хочетъ приступить. Труднѣе всѣхъ для васъ канавы, не давайте ей прыгать въ даль.

Балашевъ засунулъ палецъ подъ подпруги. Она, прижавъ уши, оглянулась.

— All right, — улыбаясь сказалъ Англичанинъ.

Балашевъ былъ немного блѣденъ, какъ онъ могъ съ его смуглымъ лицомъ.

— Ну, садитесь.

Балашевъ оглянулся. Кое кто сидѣлъ, кто заносилъ ноги, кто вертѣлся около недающихъ садиться. Балашевъ вложилъ ногу и гибко приподнялъ тѣло. Сѣдло закрипѣло новой кожей, и лошадь подняла заднюю ногу и потянула голову въ поводья. Въ одинъ и тотъ же моментъ поводья улеглись въ перчатку, Кордъ пустил, и лошадь тронулась вытягивающимъ шагомъ. Какъ только Балашевъ подѣхалъ къ кругу и звонку и мимо его проѣхали двое, лошадь подтянулась и подняла шею, загорячилась и, несмотря на ласки, не успокоивалась, то съ той, то съ другой стороны стараясь обмануть сѣдока и вытянуть поводья. Мимо его галопомъ проѣхалъ Милютинъ на 5 вершковомъ гнѣдомъ жеребцѣ и осадилъ его у звонка. Таня выкинула лѣвую ногу и сдѣлала два прыжка, прежде чѣмъ, сердясь, не перешла на тряскую рысь, подкидывая сѣдока.

Порывы, [*1 неразобр.*], повороты назадъ, затишье, звонокъ, и Балашевъ пустил свою лошадь въ самый моментъ звонка. Казачій офицеръ на сѣрой лошаdkѣ проскакалъ не слышно мимо его, за нимъ легко вскидывая, но тяжело отбивая задними ногами, проплылъ М[илютинъ]. Таня влегла въ поводья и близилась къ хвосту М[илютина]. Первое препятствіе былъ барьеръ. М[илютинъ] былъ впереди и, почти не перемѣняя аллюра, перешелъ барьеръ и пошелъ дальше. Съ казачьимъ офицеромъ Балашевъ подскакивали вмѣстѣ. Таня рванулась и близко слишкомъ поднялась, стукнула задней ногой. Балашевъ пустил поводья, прислушиваясь къ такту скачки, не ушиблась ли она. Она только прибавила хода. Онъ опять сталъ сдерживать. Второе препятствіе была рѣка. Одинъ упалъ въ ней. Балашевъ подержалъ влѣво, не посылая, но онъ почувствовалъ въ головѣ лошади, въ ушахъ нерѣшительность; онъ чуть приложилъ шенкеля и щелкнулъ языкомъ. «Нѣтъ, я не боюсь», какъ бы сказала лошадь, рванулась въ воду. Одинъ, другой прыжокъ по водѣ. На третьемъ она заторопилась, два нетактные прыжка въ воду, но послѣдній прыжокъ такъ подкинулъ задъ, что, видно было, она шутя выпростала ноги изъ тины и вынесла на сухое. М[илютинъ] былъ тамъ сзади. Но не упалъ. Балашевъ слышалъ приближающіеся ровные поскоки его жеребца. Балашевъ оглянулся: сухая чернѣющая

¹¹² Зап.: радушно

отъ капель пота голова жеребца, его тонкій храпъ съ прозрачными красными на [1 неразобр.] ноздрями близилась къ крупу его лошади, и М[илютинъ] улыбался ненатурально.

Балашеву неприятно было видѣть М[илютина] съ его улыбкой; онъ не сдержалъ Тани. Она только что начинала потѣть на плечахъ. Онъ даже, забывъ увѣщанія Корда, послалъ ее. «Такъ нужно наддать, — какъ будто сказала Тани. — О, еще много могу», еще ровнѣе, плавнѣе, неслышнѣ стали ея усилія, и она отдѣлилась отъ М[илютина]. Впереди было самое трудное препятствіе: стѣнка и канава за нею. Противъ этого препятствія стояла кучка народа, Балашевъ ихъ большинство своихъ пріятелей,¹¹³ М. О., товарищи Гр. и Н. и нѣсколько дамъ. Балашевъ уже былъ въ томъ состояніи ѣзды, когда перестаешь думать о себѣ и лошади отдѣльно, когда не чувствуешь движеній лошади, а сознаешь эти движенія какъ свои собственные и потому не сомнѣваешься въ нихъ. Хочешь перескочить этотъ валъ и перескочишь. Ни правилъ, ни совѣтовъ Корда онъ не помнилъ, да и не нужны ему были. Онъ чувствовалъ за лошадь и всякое движеніе ее зналъ и зналъ, что препятствіе это онъ перескочить такъ же легко, какъ сѣлъ на сѣдло. Кучка людей у препятствія была, его пріятель Гр. выше всѣхъ головой стоялъ въ серединѣ и любовался пріателемъ Балашевымъ. Онъ всегда любовался, утѣшаясь имъ послѣ мушекъ, окружавшихъ его. Теперь онъ любовался имъ больше чѣмъ когда нибудь. Онъ своими зоркими глазами издали видѣлъ его лицо и фигуру и лошадь и глазами дружбы сливался съ нимъ и, также какъ и Балашевъ, зналъ, что онъ перескочить лихое препятствіе. Но когда артиллеристъ знаетъ, что выстрѣлить пушка по [1 неразобр.], которую онъ ударяетъ, онъ всетаки дрогнетъ при выстрѣлѣ, такъ и теперь онъ и они всѣ съ замираньемъ смотрѣли на приближающуюся качающуюся голову лошади, приглядывающейся къ предстоящему препятствію, и на нагнутую впередъ широкую фигуру Балашева и на его блѣдное, не веселое лицо и блестящія, устремленные впередъ и мелькнувшіе на нихъ глаза.

«Лихо ѣдетъ». — «Погоди». — «Молчите, господа». Таня какъ разъ размѣряла мѣсто и поднялась съ математически вѣрной точки, чтобы дать прыжокъ. Лица всѣхъ просіяли въ то же мгновеніе, они поняли, что она на той сторонѣ, и точно мелькнула поднятая голова и грудь и разъ и два вскинутый задъ, и не успѣли заднія ноги попасть на землю, какъ уже переднія поднялись, и лошадь и сѣдокъ, впередъ предугадавший всѣ движенія и неотдѣлявшійся отъ сѣдла, уже скакали дальше. «Лихо, bravo, Балашевъ», проговорили зрители, но уже смотрѣли на М[илютина], который подскакивалъ къ препятствію. На лицѣ Балашева мелькнула радостная улыбка, но онъ не оглядывался. Впереди и сейчасъ было маленькое препятствіе — канава съ водой въ 2 аршина. У этаго препятствія стояла дама въ лиловомъ платьѣ, другая въ сѣромъ и два господина. Балашеву не нужно было узнавать даму, онъ съ самаго начала скачекъ зналъ, что она тамъ, въ той сторонѣ, и физически почувствовалъ приближеніе къ ней. Татьяна Сергѣевна пришла съ золовкой и Б. Д. къ этому препятствію именно потому, что она не могла быть спокойна въ бесѣдкѣ, и у большаго препятствія она не могла быть. Ея пугало, волновало это препятствіе. Она, хотя и ѣздокъ, какъ женщина, не могла понять, какъ возможно перепрыгнуть это препятствіе на лошади. Но она остановилась дальше, но и оттуда смотрѣла на страшное препятствіе. Она видѣла сонъ, и сонъ этотъ предвѣщалъ ей несчастіе. Когда онъ подъѣзжалъ къ валу (она давно въ бинокль узнала его впереди всѣхъ), она схватилась рукой за сестру, перебирая ее, сжимая нервными пальцами. Потомъ откинула бинокль и хотѣла броситься [?], но опять схватила бинокль, и въ ту минуту какъ она искала его въ трубу, онъ ужъ былъ на этой

¹¹³ Так в подлиннике. Далее поперек текста написано: Она сидитъ въ коляскѣ. Толпа молодежи около. Она откинулась назадъ <и застонала. «Лизъ, я домой».> Всѣ замолчали. <Она отъѣхала.> Корней. Блѣдна, вскочила и опять назадъ. «Подите узнайте, что онъ». Его посадили въ коляску и повезли. Пришелъ, сказалъ. «Это ужасно. Я поѣду домой. <Корней, поѣзжай».> «Маша» написала записку. Я хочу тебя видѣть и сейчасъ приду къ тебѣ». «Маша! доставь». Анна Каренина ходила, ломала цвѣты. «Я бы былъ, но мнѣ не велятъ — съ задняго крыльца въ 9-ть я буду одинъ». «О, какъ я счастливъ». «Я это знала». «Я знаю какъ я люблю тебя». Вдругъ дурно. «Я беременна». «Это нельзя. Не омрачай[?]».

сторонѣ.¹¹⁴ «Нѣтъ сомнѣнья, что Балашевъ выиграетъ». – «Не говорите, М[илютинъ] хорошо ѣдетъ. Онъ сдерживаетъ. Много шансовъ». – «Нѣтъ, хорошъ этотъ». – «Ахъ, опять упаль». Пока это говорили, Балашевъ приближался, такъ что лицо его видно было, и глаза ихъ встрѣтились. Балашевъ не думалъ о канавѣ, и, дѣйствительно, нечего было думать. Онъ только послалъ лошадь. Она поднялась, но немножко рано. Такъ чтобъ миновать канаву, ей надо бы прыгнуть не 2, а 3 аршина, но это ничего не значило ей, она знала это и онъ вмѣстѣ. Они думали только о томъ, какъ скакать дальше. Вдругъ Балашевъ почувствовалъ въ то мгновеніе, какъ перескочилъ, что задъ лошади не поддалъ его, но опустился неловко (нога задняя попала на край берега и, отворотивъ дернину, осунулась). Но это было мгновеніе. Какъ бы разсердившись на эту непріятность и пренебрегая ею, лошадь перенесла всю силу на другую заднюю ногу и бросила, увѣренная въ упругости задней лѣвой, весь передъ впередъ. Но бокомъ ли стала нога, слишкомъ ли понадеялась на силу ноги лошадь, невѣрно ли стала нога, нога не выдержала, передъ поднялся, задъ подкосился, и лошадь съ сѣдокомъ рухнула назадъ на самый берегъ канавы. Одно мгновеніе, и Балашевъ выпросталъ ногу, вскочилъ и блѣдный, съ трясущейся челюстью, потянулъ лошадь, она забила, поднялась, зашаталась и упала. М[илютинъ] съ бѣлыми зубами перелетѣлъ черезъ канаву и исчезъ. К[азачій] Офицеръ ерзонулъ черезъ, еще 3-й. Балашевъ схватился за голову. «АА!» проговорилъ онъ и съ бѣшенствомъ ударилъ каблукомъ въ бокъ лошади. Она забила и оглянулась на него. Уже бѣжали народъ и Кордъ. Татьяна Сергѣевна подошла тоже.

– Что вы?

Онъ не отвѣчалъ. Кордъ говорилъ, что лошадь сломала спину. Ее оттаскивали. И его ощупывали. Онъ сморщился, когда его тронули за бокъ. Онъ¹¹⁵ сказалъ Татьянѣ Сергѣевнѣ:

– Я не ушибся, благодарю васъ, – и пошелъ прочь, но она видѣла, какъ его поддерживалъ докторъ и какъ подъ руки посадили въ дрожки.

VI.¹¹⁶

Не одна Татьяна Сергѣевна зажмуривалась при видѣ скакуновъ, подходившихъ къ препятствіямъ. Государь зажмуривался всякій разъ, какъ офицеръ подходилъ къ препятствію. И когда оказалось, что изъ 17 человѣкъ упало и убилося 12, Государь недовольный уѣхалъ и сказалъ, что онъ не хотѣлъ этаго и такихъ скачекъ, что ломать шеи не позволить впередъ. Это же мнѣніе и прежде слышалось, хотя и смутно, въ толпѣ, но теперь вдругъ громко высказалось.

Михаиль Михайловичъ пріѣхалъ таки на скачку, не столько для того, чтобы послѣдовать совѣту Доктора, но для того, чтобы разрѣшить мучавшія его сомнѣнія, которымъ онъ не смѣлъ, но не могъ не вѣрить. Онъ рѣшился говорить съ женой, послѣдній разъ, и съ сестрою, съ божественной Кити, которая такъ любила, жалѣла его, но которая должна же понять, что прошло же время жалѣть, что сомнѣнія даже хуже его горя, если есть что нибудь въ мірѣ хуже того горя, котораго онъ боялся. Въ домѣ на дачѣ, разумѣется, никого не было. И Михаилъ Михайловичъ, отпустивъ извозчика, рѣшилъ пойти пѣшкомъ, слѣдуя совѣту Доктора. Онъ заложилъ за спину руки съ зонтикомъ и пошелъ, опустивъ голову, съ трудомъ отрываясь отъ своихъ мыслей, чтобъ вспоминать на перекресткахъ, какое изъ направленій надо выбирать. Онъ пришелъ къ скачкамъ, когда уже водили потныхъ лошадей, коляски разѣзжались. Всѣ были недовольны, нѣкоторые взволнованы. М[илютинъ] побѣдитель весело впрыгнулъ въ коляску къ матери. У разѣзда столкнулся съ Голицыной и сестрой.

¹¹⁴ *Зачеркнуто:* «Очень хорошо ѣдетъ».

¹¹⁵ *Зач.*: быстро

¹¹⁶ *На поляхъ рядомъ съ начальными строками главы написано:* Мужъ пріѣхалъ, она реветъ блѣдная. Ее не пустили къ любовнику и признается. Михаилъ Михайловичъ пріѣхалъ и не нашелъ ее. Сестра говоритъ, что не можетъ говорить. Она лжетъ, объясненіе о беременности. Отѣздъ Михаила Михайловича въ Москву. Роды. Прощеніе. Леонидъ Дмитричъ затащилъ къ себѣ обѣдать. Его жена – разговоръ съ кузиной. Поѣдемъ <домой> въ Петербургъ. Нигилисты утѣшаютъ. Михаилъ Михайловичъ горячится. Онъ уѣзжаетъ <въ деревню> въ Петербургъ. На комитетѣ. Приходитъ домой и отравляет[ся?].

– Браво, Михаилъ Михайловичъ. Неужели ты пѣшкомъ? Но что это съ вами? Должно быть, усталъ.

Онъ въ самомъ дѣлѣ отъ непривычнаго движенія [*1 неразобр.*] въ то время былъ какъ сумашедшій, такъ раздраженъ нервами, чувствовалъ полный упадокъ силъ и непреодолимую рѣшительность.

– А Таня гдѣ?

Сестра покраснѣла, а Голицына стала говорить съ стоявшими подлѣ о паденіи Балашева. Михаилъ Михайловичъ, какъ всегда при имени Балашева, слышалъ все, что его касалось, и въ то же время говорилъ съ сестрой. Она пошла съ Н. къ канавѣ. Она хотѣла пріѣхать домой одна. Сестра лгала: она видѣла въ бинокль, что Татьяна Сергѣевна пошла вслѣдъ за паденіемъ Балашева къ своей коляскѣ и знала, какъ бы она сама видѣла, что Татьяна Сергѣевна поѣхала къ нему. Михаилъ Михайловичъ тоже понялъ это, услыхавъ, что Балашевъ сломалъ ребро. Онъ спросилъ, съ кѣмъ она пошла. Съ Н. Не хочетъ ли онъ взять мѣсто въ коляскѣ Г[олицыной]? Его довезутъ.

– Нѣтъ, благодарю, я пройдуся.

Онъ съ тѣмъ официальнымъ пріемомъ внѣшнихъ справокъ рѣшился основательно узнать, гдѣ его жена. Найти Н., спросить его, спросить кучера. Зачѣмъ онъ это дѣлалъ, онъ не зналъ. Онъ зналъ, что это ни къ чему не поведетъ, зналъ и чувствовалъ всю унижительность роли мужа, ищащаго свою жену, которая ушла. «Какъ лошадь или собака ушла», подумалъ онъ. Но онъ холодно односторонне рѣшилъ это и пошелъ. Н. тотчасъ же попался ему.

– А, Михаилъ Михайловичъ.

– Вы видѣли мою жену?

– Да, мы стояли вмѣстѣ, когда Балашевъ упалъ и все это попадало. Это ужасно. Можно ли такъ глупо!

– А потомъ?

– Она поѣхала домой, кажется. Я понимаю, что для М-те Ставровичъ это, да и всякую женщину съ нервами. Я мужчина, да и то нервы. Это гладіаторство. Недостаетъ цирка съ львами.

Это была фраза, которую сказалъ кто то, и всѣ радовались, повторяли. Михаилъ Михайловичъ взялъ и поѣхалъ домой. Жены не было. Кити сидѣла одна, и лицо ее скрывало что то подъ неестественнымъ оживленіемъ.

Михаилъ Михайловичъ подошелъ къ столу, сѣлъ, поставилъ локти, сдвинувъ чашку, которую подхватила Кити, положилъ голову въ руки и¹¹⁷ началъ вздохъ, но остановился. Онъ открылъ лицо.

– Кити, – чтожъ, рѣшительно это такъ?

– Мишель, я думаю, что я не должна ни понимать тебя, ни отвѣчать тебѣ. Если я могу свою жизнь отдать для тебя, ты знаешь, что я это сдѣлаю; но не спрашивай меня ни о чемъ. Если я нужна, вели мнѣ дѣлать.

– Да, ты нужна, чтобъ вывести меня изъ сомнѣнья. – Онъ глядѣлъ на нее и понялъ ея выраженіе при словѣ *сомнѣнія*. – Да и сомнѣній нѣтъ, ты хочешь сказать. Все таки ты нужна, чтобъ вывести меня изъ сомнѣнія. Такъ жить нельзя.¹¹⁸ Я несчастное, невинное наказанное дитя. Мнѣ рыдать хочется, мнѣ хочется, чтобъ меня жалѣли. Чтобъ научили, что мнѣ дѣлать. Правда ли это? Неужели это правда? И что мнѣ дѣлать?

– Я ничего не знаю, я ничего не могу сказать. Я знаю, что ты несчастливъ, а что я...

– Какъ несчастливъ?

– Я не знаю какъ, я вижу и ищу помочь.

¹¹⁷ Зачеркнуто: тяжело

¹¹⁸ Зачеркнуто: Ты привыкла у меня спрашивать, отъ меня учиться жизни. Забудь это всё.

Въ это время зазвучали колеса, раздавливающія мелкой щебень, и фыркнула подъ самымъ окномъ одна изъ лошадей остановившагося экипажа. Она вбѣжала прямая, румяная и опять больше чѣмъ когда нибудь съ тѣмъ дьявольскимъ блескомъ въ глазахъ, съ тѣмъ блескомъ, который говорилъ, что хотя въ душѣ то чувство, которое она имѣла, преступленья нѣтъ и нѣтъ ничего, чтобы остановило. Она поняла мгновенно, что говорили о ней. Враждебное блеснуло въ ея взглядѣ, въ ней, въ доброй, ни одной искры жалости къ этимъ 2 прекраснымъ (она знала это) и несчастнымъ отъ нея 2-мъ людямъ.

— И ты здѣсь? Когда ты приѣхалъ? Я не ждала тебя. А я была на скачкѣ и потомъ отъ ужаса при этихъ паденьяхъ уѣхала.

— Гдѣ ты была?

— У.... у Лизы, — сказала она, видимо радуясь своей способности лжи, — она не могла ѣхать, она больна, я ей все рассказала.

И какъ бы радуясь и гордясь своей способностью (неизвѣстной доселѣ) лжи, она, вызывая, прибавила:¹¹⁹

— Мнѣ говорили, что убился Иванъ Петровичъ Балашевъ, очень убился. Ну, я пойду раздѣнусь. Ты ночуешь?

— Не знаю, мнѣ очень рано завтра надо.

Когда она вышла, Кити сказала:

— М[ишель], я не могу ничего сказать, позволь мнѣ обдумать, и я завтра напишу тебѣ.

Онъ не слушалъ ее:

— Да, да, завтра.

Сестра поняла.

— Ты хочешь говорить съ ней?

— Да, я хочу.

Онъ смотрѣлъ неподвижно на самоваръ и именно думалъ о томъ, что онъ скажетъ ей. Она вошла въ блузкѣ спокойная, домашняя. Сестра вышла. Она испугалась.

— Куда ты?

Но Кити ушла.

— Я приду сейчасъ.

Она стала пить чай съ аппетитомъ, много ѣла. Опять дьяволъ!

¹²⁰— Анна, — сказалъ Михайль Михайловичъ, — думаешь ли ты.. ду... думаешь ли ты, что мы можемъ такъ оставаться?

— Отчего? — Она вынула сухарикъ изъ чая. — Что ты въ Петербургѣ, а я здѣсь? Переѣзжай сюда, возьми отпускъ.

Она улыбающимися, насмѣшливыми глазами смотрѣла на него.

— Таня, ты ничего не имѣешь сказать мнѣ особеннаго?

— Я? — съ наивнымъ удивленіемъ сказала она и задумалась, вспоминая, не имѣетъ ли она что сказать. — Ничего, только то, что мнѣ тебя жаль, что ты одинъ.

Она подошла и поцѣловала его въ лобъ. И тоже сіяющее, счастливое, спокойное, дьявольское лицо, выраженіе, которое, очевидно, не имѣло корней въ разумѣ, въ душѣ.

— А ну, такъ хорошо, — сказалъ онъ и невольно, самъ не зная какъ, подчинился ея вліянію простоты, и они поговорили о новостяхъ, о денежныхъ дѣлахъ.

Только одинъ разъ, когда онъ передалъ ей чашку и сказалъ: «еще пожалуйста», она вдругъ безъ причины покраснѣла такъ, что слезы выступили на глаза, и опустила лицо. Кити пришла, и вечеръ прошелъ обыкновенно.

¹¹⁹ *Зач.*: — Мнѣ говорили, что убился Г., и Б. очень убился.

¹²⁰ *Зачеркнуто*: — Таня

Она проводила его на крыльцо и когда въ мѣсячномъ свѣтѣ по безночному свѣту садился въ коляску, она сказала своимъ груднымъ голосомъ:

– Какъ жаль, что ты уѣзжаешь, – и прибѣжала къ коляскѣ и кинула ему пледъ на ноги. Но когда коляска отѣхала, онъ зналъ, что она, оставшись у крыльца, страдала ужасно.

На другой день Михаилъ Михайловичъ получилъ письмо отъ Кити. Она писала: «Я молилась и просила просвѣщенія свыше. Я знаю, что мы обязаны сказать правду. Да, Татьяна невѣрна тебѣ, и это я узнала противъ воли. Это знаетъ весь городъ. Что тебѣ дѣлать? Я не знаю. Знаю одно, что Христово ученіе будетъ руководить т[обой].

Твоя Кити».

Съ тѣхъ поръ Михаилъ Михайловичъ не видалъ жены и скоро уѣхалъ изъ Петербурга.¹²¹

VII. О беременности. Онъ глупъ, насмѣшливость.

VIII. Михаилъ Михайловичъ въ Москвѣ. Леонидъ Дмитричъ затащилъ обѣдать.

Его жена. Разговоръ о невѣрности мужа. Дѣти похожи на отца.

IX. Въ вагонѣ разговоръ съ нигилистомъ.

X. Роды, прощаетъ.

XI.¹²²

Михаилъ Михайловичъ ходилъ по залѣ: «шшъ», говорилъ онъ на шумѣвшихъ слугъ. Иванъ Петровичъ легъ отдохнуть послѣ 3-хъ бессонныхъ ночей въ кабинетѣ. Чувство успокоенія поддерживалось въ Михаилѣ Михайловичѣ только христіанской дѣятельностью. Онъ пошелъ въ министерство, и тамъ, внѣ дома, ему было мучительно. Никто не могъ понимать его тайны. Хуже того – ее понимали, но навыворотъ. Онъ мучался внѣ дома, только дома онъ былъ покоенъ. Сужденія слугъ онъ презиралъ. Но не такъ думали Иванъ Балашевъ и Татьяна.

– Чтоже, это вѣчно будетъ такъ? – говорилъ Балашевъ. – Я не могу переносить его.

– Отчего? Его это радуешь? Впрочемъ дѣлай какъ хочешь.

– Дѣлай, разумѣется, нуженъ разводъ.

– Но какъ же мнѣ сказать ему? Я скажу: «Мишель, ты такъ не можешь жить!» Онъ поблѣднѣлъ. «Ты простишь, будь великодушень, дай разводъ». – «Да, да, но какъ?» – «Я пришлю тебѣ адвоката». – «Ахъ да, хорошо».

Подробности процедуры для развода, униженіе ихъ – ужаснуло его. Но христіанское чувство – это была та щека, которую надо подставить. Онъ подставилъ ее. Черезъ годъ Михаилъ Михайловичъ жилъ по старому, работая тоже; но значеніе его уничтожилось.

XII.

Хотѣли мусировать доброту христіанства его, но это не вышло: здравый смыслъ общества судилъ иначе, онъ былъ посмѣшищемъ. Онъ зналъ это, но не это мучало его. Его мучала необходимость сближенія съ прежней женой. Онъ не могъ забыть ее ни на минуту, онъ чувствовалъ себя привязаннымъ къ ней, какъ преступникъ къ столбу. Да и сближенія невольно вытекали черезъ дѣтей. Она смѣялась надъ нимъ, но смѣхъ этотъ не смѣшонъ былъ. Балашевъ вышелъ въ отставку и не зналъ, что съ собой дѣлать. Онъ былъ заграницей, жилъ въ Москвѣ, въ Петербургѣ, только не жилъ въ деревнѣ, гдѣ только ему можно и должно было жить. Ихъ обоихъ свѣтъ притягивалъ какъ ночныхъ бабочекъ. Они искали – умно, тонко, осторожно – признанія себя такими же, какъ другія. Но именно отъ тѣхъ то, отъ кого имъ нужно было это признаніе, они не находили его. То, что свободно мыслящіе люди дурнаго тона ѣздили къ нимъ и принимали ихъ, не только не радовало ихъ, но огорчало. Эти одинокіе знакомые очевиднѣе всего доказывали, что никто не хочетъ знать ихъ, что они должны удовлетворять себѣ одни.

¹²¹ В подлиннике: въ Петербургѣ. Рядом, поперекъ полей написано: «Да я его люблю, дѣлай что хочешь». Поздно. Ей надо идти на свиданье. Свѣтлая ночь. Принесъ [?] зап[иску] [1 неразобр.]

¹²² Вверху листа приписано: Тяжесть прощенія – нельзя. Разводъ. Противъ текста XI главы на поляхъ приписано: «Все это очень просто, – говорилъ Степанъ Аркадьичъ, – а пот[ому] не оч[ень] пр[осто], н. п., нѣтъ, не тр[удно], не уж[асно], но невозможно».

Пускай эти люди, которые принимали ихъ, считали себя лучше той такъ называемой пошлой свѣтской среды, но имъ не нужно было одобренія этихъ добродѣтельныхъ свободомыслящихъ людей, а нужно было одобреніе такъ называемаго пошлаго свѣта, куда ихъ не принимали. Балашевъ бывалъ въ клубѣ – игралъ. Ему говорили:

– А, Балашевъ, здорово, какъ поживаешь? Поѣдемъ туда, сюда. Иди въ половину.

Но никто слова не говорилъ о его женѣ. Съ нимъ обращались какъ съ холостымъ. Дамы еще хуже. Его принимали очень мило; но жены его не было для нихъ, и онъ самъ былъ человѣкъ слишкомъ хорошаго тона, чтобы попытаться заговорить о женѣ и получить тонкое оскорбленіе, за которое нельзя и отвѣтить. Онъ не могъ не ѣздить въ клубы, въ свѣтъ, и *жена* ревновала, мучалась, хотѣла ѣхать въ театръ, въ концертъ и мучалась еще больше. Она была умна и ловка и, чтобы спасти себя отъ одиночества, придумывала и пыталась разные выходы. Она пробовала блистать красотой и нарядомъ и привлекать молодыхъ людей, блестящихъ мужчинъ, но это становилось похоже, она поняла на что, когда взглянула на его лице послѣ гулянья, на которомъ она въ коляскѣ съ вѣромъ стояла недалеко отъ Гр. Кур., окруженная толпой. Она пробовала другой самый обычный выходъ – построить себѣ высоту, съ которой бы презирать тѣхъ, которые ее презирали; но способъ постройки этой контръ батареи всегда одинъ и тотъ же. И какъ только она задумала это, какъ около нее уже стали собираться дурно воспитанные¹²³ писатели, музыканты, живописцы, которые не умѣли благодарить за чай, когда она имъ подавала его.

Онъ слишкомъ былъ твердо хорошій, искренній человѣкъ, чтобы промѣнять свою гордость, основанную на старомъ родѣ честныхъ и образованныхъ людей, на человѣчномъ воспитаніи, на честности и прямоутѣ, на этотъ пузырь гордости какого то выдуманнаго новаго либерализма. Его вѣрное чутье тотчасъ показало ему ложь этаго утѣшенія, и онъ слишкомъ глубоко презиралъ ихъ. Оставались дѣти, ихъ было двое. Но и дѣти росли одни. Никакія Англичанки и наряды не могли имъ дать той среды дядей, тетокъ, крестной матери, подругъ, товарищей, которую имѣлъ онъ въ своемъ дѣтствѣ. Оставалось чтоже? Чтоже оставалось въ этой связи, названной бракомъ? Оставались одни животныя отношенія и роскошь жизни, имѣющія смыслъ у лоретокъ, потому что всѣ любятъ эту роскошь, и не имѣющія здѣсь смысла. Оставались голыя животныя отношенія, и другихъ не было и быть не могло. Но еще и этаго мало, оставался привидѣніе Михаилъ Михайловичъ, который самъ или котораго судьба всегда наталкивала на нихъ, Михаилъ Михайловичъ, осунувшійся, сгорбленный старикъ, напрасно старавшійся выразить сіяніе счастья жертвы въ своемъ сморщенномъ лицѣ. И ихъ лица становились мрачнѣе и старше по днямъ, а не по годамъ. Одно, что держало ихъ вмѣстѣ, были ж[ивотныя] о[тношенія]. Они знали это, и она дрожала потерять его, тѣмъ болѣе что видѣла, что онъ тяготился жизнью. Онъ *отстыкнулся*. Война. Онъ не могъ покинуть ее. Жену онъ бы оста[вилъ], но ее нельзя было.

Не права ли была она, когда говорила, что не нужно было развода, что можно было оставаться такъ жить? Да, тысячу разъ права.

Въ то время какъ они такъ жили, жизнь Михаила Михайловича становилась часъ отъ часу тяжелѣе.¹²⁴ Только теперь отзывалось ему все значеніе того, что онъ сдѣлалъ. Одинокая комната его была ужасна. <Одинъ разъ онъ пошелъ въ комитетъ миссіи. Говорили о ревности и убійствѣ женъ. Михаилъ Михайловичъ всталъ медленно и поѣхалъ къ оружейнику, зарядилъ пистолетъ и поѣхалъ къ¹²⁵ ней.>¹²⁶

¹²³ *Зачеркнуто:* артисты музыканты,

¹²⁴ *Зачеркнуто:* Какъ шутка,

¹²⁵ *Зач.*: себѣ

¹²⁶ *Зач.*: – Я не могу жить.

Одинъ разъ Татьяна Сергѣевна сидѣла одна и ждала Балашева, мучаясь ревностью. Онъ былъ¹²⁷ въ театрѣ. Дѣти легли спать. Она сидѣла, перебирая всю свою жизнь. Вдругъ ясно увидала, что она погубила 2-хъ людей добрыхъ, хорошихъ. Она вспомнила выходы – лоретка – нигилистка – мать (нельзя), спокойствіе – нельзя. Одно осталось – жить и наслаждаться.¹²⁸ Другъ Балашева. Отчего не отдаться, не бѣжать, сжечь жизнь. Чѣмъ заболѣлъ, тѣмъ и лѣчись.

Человѣкъ пришелъ доложить, что пріѣхалъ Михаилъ Михайловичъ.

– Кто?

– Михаилъ Михайловичъ желаютъ васъ видѣть на минутку.

– Проси.

Сидить у лампы темная, лицо¹²⁹ испуганное, непричесанная.

– Я... вы я... вамъ...

Она хотѣла помочь. Онъ высказался.

– Я не для себя пришелъ. Вы несчастливы. Да, больше чѣмъ когда нибудь. Мой другъ, послушайте меня. Связь наша не прервана. Я видѣлъ, что это нельзя. Я половина, я мучаюсь, и теперь вдвойнѣ. Я сдѣлалъ дурно. Я долженъ былъ простить и прогнать, но не надсмѣяться надъ таинствомъ, и всѣ мы наказаны. Я пришелъ сказать: есть одно спасенье. Спаситель. Я утѣшаюсь имъ. Если бы вы повѣрили, поняли, вамъ бы легко нести. Что вы сдѣлаете, Онъ самъ вамъ укажетъ. Но вѣрьте, что безъ религіи, безъ надеждъ на то, чего мы не понимаемъ, и жить нельзя. Надо жертвовать собой для него, и тогда счастье въ насъ; живите для другихъ, забудьте себя – для кого – вы сами узнаете – для дѣтей, для него, и вы будете счастливы. Когда вы рожали, простить васъ была самая счастливая минута жизни. Когда вдругъ просіяло у меня въ душѣ... – Онъ заплакалъ. – Я бы желалъ, чтобы вы испытали это счастье. Прощайте, я уйду. Кто-то.

Это былъ онъ. Увидавъ Михаила Михайловича, поблѣднѣлъ. Михаилъ Михайловичъ ушелъ.

– Что это значить!

– Это ужасно. Онъ пришелъ, думая, что я несчастна, какъ духовникъ.

– Очень мило.

– Послушай, Иванъ, ты напрасно.

– Нѣтъ, это ложь, фальшь, да и что ждать.

– Иванъ, не говори.

– Нѣтъ, невыносимо, невыносимо.

– Ну постой, ты не будешь дольше мучаться.

Она ушла. Онъ сѣлъ въ столовой, выпилъ вина, съ свѣчей пошелъ къ ней, ея не было. Записка: «будь счастливъ. Я сумашедшая».

Она ушла. Черезъ день нашли¹³⁰ подъ рельсами тѣло.

Балашевъ уѣхалъ въ Ташкентъ, отдавъ дѣтей сестрѣ. Михаилъ Михайловичъ продолжалъ служить.¹³¹

¹²⁷ *Зач.*: на балѣ

¹²⁸ *Зач.*: Офицеръ

¹²⁹ *Зач.*: доброе

¹³⁰ *Зачеркнуто*: въ Невѣ ея

¹³¹ *Ниже поперекъ страницы написано*: Слезъ. Ей приходило прежде въ мысль: еслибъ онъ умеръ, да теперь не поможетъ и ни ему, ни Алексѣю. Она объ себѣ вспомнила. Ахъ, вотъ кому? Въ 1 веч. Слушаетъ и не слышитъ крест [?] Перестали смѣяться, когда связь. Михаилъ Михайловичъ рассказываетъ свою исторію М-те С. и плачетъ. Она говоритъ: «я съ нынѣшняго вечера не своя». Онъ не истасканъ.

* № 4 (рук. № 5).

NN

Старушка Княгиня Марья Давыдовна Гагина, приѣхавъ съ сыномъ въ свой¹³² московскій домъ, прошла къ себѣ на половину убраться и переодѣться и велѣла сыну приходить къ кофею.

– Чьи же это оборванные чемоданы у тебя? – спросила она, когда они проходили черезъ сѣни.

– А это мой милый Нерадовъ – Костя. Онъ приѣхалъ изъ деревни и у меня остановился. Вы ничего не имѣете противъ этого, матушка?

– Разумѣется, ничего, – тонко улыбаясь, сказала старушка, – только можно бы ему почище имѣть чемоданы. Что же онъ дѣлаетъ? Все не поступилъ на службу?

– Нѣтъ, онъ¹³³ земствомъ хочетъ заниматься. А хозяйство бросилъ.

– Который это счетъ у него планъ? Каждый день новенькое.

– Да онъ все таки отличный человѣкъ, и сердце.

– Что, онъ все такой же грязный?

– Я не знаю. Онъ не грязный, онъ только деревенскій житель, – отвѣчалъ сынъ, тоже улыбаясь тому постоянному тону пренебреженья, съ которымъ его мать относилась всегда къ его¹³⁴ изъ всѣхъ людей болѣе любимому человѣку, Константину Нерадову.

– Такъ приходи же черезъ часикъ, поговоримъ.

Гагинъ прошелъ на свою половину.

Неужели спать Константинъ Николаевичъ? – спросилъ онъ лакея.

– Нѣтъ, не спать, – прокричалъ голосъ изъ за занавѣса спальни.

И стройный широкой атлетъ съ лохматой русой¹³⁵ головой и¹³⁶ рѣдкой черноватой бородой и блестящими голубыми глазами, смотрѣвшими изъ широкаго толстоносаго лица, выскочилъ изъ за перегородки и началъ плясать, прыгать черезъ стулья и кресла и, опираясь на плечи Гагина, подпрыгивать такъ, что казалось – вотъ вотъ онъ вспрыгнетъ ногами на его эполеты.

– Убирайся! Перестань, Костя! Что съ тобой? – говорилъ Гагинъ, и чуть замѣтная улыбка, но за то тѣмъ болѣе цѣн[ная?] и красившая его строгое лицо, виднѣлась подъ усами.¹³⁷

– Чему я радъ? Вотъ чему. Первое, что у меня тутъ, – онъ показалъ, какъ маленькую тыкву, огромную, развитую гимнастикой мышцу верхняго плеча, – разъ. Второе, что у меня тутъ, – онъ ударилъ себя по лбу, – третье, что у меня. – Онъ побѣжалъ за перегородку и вынесъ тетрадку исписанной бумаги. – Это я вчера началъ и теперь все пойдетъ, пойдетъ, пойдетъ. Вотъ видишь, – онъ сдвинулъ два кресла, разъ, два, три, съ мѣста съ гимнастическимъ приѣмомъ съ сжатыми кулаками взялъ размахъ и перелетѣлъ черезъ оба кресла. Гагинъ засмѣялся и, доставъ папиросу, сѣлъ на диванъ.

– Ну, однако одѣнусь и все тебѣ расскажу.

Гагинъ сѣлъ задумавшись, что съ нимъ часто бывало, но теперь что-то очень, видно, занимало его мысль; онъ какъ остановилъ глаза на углу ковра, висѣвшаго со стола, такъ и не двигалъ ихъ. А ротъ его улыбался, и онъ покачивалъ головой.

– Знаешь, я тамъ встрѣтилъ сестру Алабина, она замѣчательно мила, да, – но «замѣчательно» говорилъ онъ съ такимъ убѣжденіемъ эгоизма, что нельзя было не вѣрить.

¹³² Зачеркнуто: огромный

¹³³ Зачеркнуто: теперь пишеть сочиненіе, и какой то новый планъ у него объ улучшеніи и быта мужиковъ.

¹³⁴ Зач.: искреннему другу

¹³⁵ Зач.: бородой

¹³⁶ Зач.: рыжеватой

¹³⁷ Рядом поперек полей написано: Ордынцевъ незнакомъ, въ поддевкѣ, дикарь. «Такъ зови на свадьбу. Она мила».

– Гагинъ, – послышался послѣ долгаго и громкаго плесканья голосъ изъ за занавѣса. – Какой я однако эгоистъ. Я и не спрошу. Приѣхала Княгиня? Все хорошо?

– Приѣхала, все благополучно.

– За что она меня не любитъ?

– За то, что ты не такой, какъ всѣ люди. Ей надо для тебя отводить особый ящикъ въ головѣ; а у нея всѣ давно заняты.

Нерадовъ высунулся изъ за занавѣса только затѣмъ, чтобы видѣть, съ какимъ выраженіемъ Гагинъ сказалъ это, и, оставшись доволенъ этимъ выраженіемъ, онъ опять ушелъ за занавѣсъ и скоро вышелъ одѣтый въ очень новый сертукъ и панталоны, въ которыхъ ему несовсѣмъ ловко было, такъ какъ онъ, всегда живя въ деревнѣ, носилъ тамъ русскую рубашку и поддевку.

– Ну вотъ видишь ли, – сказалъ онъ, садясь противъ него. – Да чаю, – сказалъ онъ на вопросъ челоуѣка, что прикажутъ, – вотъ видишь ли, я вчера просидѣлъ весь вечеръ дома, и нашла тоска, изъ тоски сдѣлалась тревога, изъ тревоги цѣлый рядъ мыслей о себѣ. Дѣятельности прямой земской, такой, какой я хотѣлъ посвятить себя, въ Россіи еще не можетъ быть, а дѣятельность одна – разрабатывать Русскую мысль.

– Какже, а ты говорилъ, что только одна и возможна дѣятельность.

– Да мало ли что, но вотъ видишь, нужно самому учиться, *docendo discimus*,¹³⁸ и для этаго надо жить въ спокойной средѣ, чтобы не дѣло самое, а сперва приѣмъ для дѣла, да я не могу рассказать: ну, дѣло въ томъ, что я нынче ѣду въ деревню и вернусь только съ готовой книгой. А знаешь, Каренина необыкновенно мила. Ты ее знаешь?

– Ну, а выставка? – спросилъ Гагинъ о телятахъ своей выкормки, которыхъ привелъ на выставку Нерадовъ и которыми былъ страстно занятъ.

– Это все вздоръ, телята мои хороши; но это не мое дѣло.

– Вотъ какъ! Одно только нехорошо – это что мы не увидимся нынче: мнѣ надо обѣдать съ матушкой. А вотъ что, завтра поѣзжай. Мы пообѣдаемъ вмѣстѣ, и съ Богомъ.

– Нѣтъ, не могу, – задумчиво сказалъ Нерадовъ. Онъ, видно, думалъ о другомъ.¹³⁹

– Да вѣдь нынче, – и Нерадовъ покраснѣлъ, вдругъ началъ говорить съ видимымъ желаніемъ, говорить какъ о самой простой вещи, – да вѣдь нынче мы общались Щербацкимъ приѣхать на катокъ.

– Ты поѣдешь?

Гагинъ задумался. Онъ не замѣтилъ ни краски, бросившейся въ лицо Нерадова, ни пристыженнаго выраженія его лица, когда онъ началъ говорить о Щербацкой, какъ онъ вообще не замѣчалъ тонкости выраженія.

– Нѣтъ, – сказалъ онъ, – я не думаю ѣхать, мнѣ надо оставаться съ матушкой. Да я и не общалъ.

– Не общалъ, но они ждутъ, что ты будешь, – сказалъ Нерадовъ, быстро вскочивъ. – Ну, прощай, можетъ быть, не увидимся больше. Смотри же, напиши мнѣ, если будетъ большая перемѣна въ твоей жизни, – сказалъ онъ.

– Напишу. Да я поѣду на проѣздку посмотрѣть Грознаго и зайду. Какъ же, мы не увидимся?

– Да дѣла пропасть. Вотъ еще завтра надо къ Стаюнину.

– Такъ какже ты ѣдешь? Стало быть, обѣдаемъ завтра.

¹³⁸ [уча учимся,]

¹³⁹ *Зачеркнуто:* – Да, сходить нынче <на коньки> въ Зоологическій садъ, потомъ къ Цимерману. – А у Щербацкихъ будешь? – спросилъ Гагинъ. – Нѣтъ, у нихъ ужъ завтра. – Такъ стало быть, будемъ обѣдать. Ну хорошо. Однако пора идти къ матушкѣ.

– Ну да, обѣдаемъ, разумѣется, – сказалъ Нерадовъ также рѣшительно, какъ рѣшительно онъ минуту тому назадъ сказалъ, что нынче ѣдетъ. Онъ схватилъ баранью шапку и выбѣжалъ. Вслѣдъ за нимъ, акуратно сложивъ вещи, Гагинъ пошелъ къ матери.

Старушка была чиста и элегантна, когда она вышла изъ вагона, но теперь она была какъ портретъ, покрытый лакомъ; все блестѣло на ней; и лиловое платье, и такой же бантъ, и перстни на сморщенныхъ бѣлыхъ ручкахъ, и сѣдые букли, не блестѣли только каріе строгіе глаза, такіе же, какъ у сына. Она подвинула сама кресло, гдѣ долженъ былъ сѣсть сынъ и, видимо, хотѣла обставить какъ можно радостнѣе тотъ пріятный и важный разговоръ, который предполагала съ сыномъ. Нѣтъ для старушки матери, отстающей отъ жизни, важнѣе и волнительнѣе разговора, какъ разговоръ о женитьбѣ сына: ждется и радость новая, и потеря старой радости, и радость жертвы своей ревности для блага сына и, главное, для продолженія рода, для счастья видѣть внучатъ. Такой разговоръ предстоялъ Княгинѣ Марьѣ Давыдовнѣ. Алеша, какъ она звала его, писалъ ей въ послѣднемъ письмѣ: «вы давно желали, чтобы я женился. Теперь я близокъ къ исполненію вашего желанія и былъ бы счастливъ, если бы вы были теперь здѣсь, чтобы я могъ обо всемъ переговорить съ вами». Въ день полученія письма она послала ему телеграмму, что ѣдетъ отъ старшаго сына, у котораго она гостила.

– Ну, моя душа, вотъ и я, и говори мнѣ. Я тебѣ облегчу дѣло. Я догадалась, это Кити.

– Я видѣлъ, что вы догадались. Ну, что вы скажите, мама?

– Ахъ, моя душа! Что мнѣ сказать? Это такъ страшно. Но вотъ мой отвѣтъ.

Она подняла свои глаза къ образу, подняла сухую руку, перекрестивъ, прижала его голову къ бархатной кофтѣ и поцѣловала его въ рѣдкіе черные на верхней части головы волосы.

– Благодарю васъ, матушка, и за то, что вы пріѣхали ко мнѣ, и за то, что¹⁴⁰ вы бы одобрили мой выборъ.

– Какъ¹⁴¹ бы? Что это значить, – сказала она строго.

– Мама,¹⁴² только то, что ничего не говорите ни имъ, ни кому, позвольте мнѣ самому все сдѣлать...¹⁴³ Я очень радъ, что вы тутъ. Но я люблю самъ свои дѣла дѣлать.

– Ну, – она подумала, – хорошо, но помни, мой другъ,¹⁴⁴ что какъ противны кокетки, которыя играютъ мущинами, такъ противны мущины, играющія дѣвушками.¹⁴⁵

– О повѣрьте, что я такъ былъ остороженъ.

– Ну, хорошо. Скажу правду, я могла желать лучше. Но на то и состояніе, чтобы выбирать не по имѣнью, а по сердцу. И родъ ихъ старый, хорошій, и отецъ, старый Князь, отличный былъ человекъ. Если онъ проигралъ все, то потому, что былъ честенъ, а она примѣрная мать, и Долли прекрасная вышла. Ну, расскажи, что ты дѣлаешь, что твои рысаки.

– Ничего, тамап, послѣ завтра бѣгъ. Грозный очень хорошъ.

– Ну ты 2-хъ зайцевъ сразу. А знаешь, я тебѣ скажу, ты загадалъ: если Грозный возьметъ призъ...

– Я сдѣлаю предложеніе. Почему вы угадали?

– А развѣ ты не мой сынъ?

¹⁴⁰ Зачеркнуто: если бы я рѣшилъ,

¹⁴¹ Зач.: если

¹⁴² Зач.: это такъ странно, ради Бога

¹⁴³ Зач.: но мнѣ нужно переработать это въ себѣ, и тогда

¹⁴⁴ Зач.: что откладывать нечего, я стара

¹⁴⁵ Рядом на полях написано: Разсужденіе о томъ, что дѣлать.

Часть 1
Воскресенье
Анна
Завтра
Часть 1
Маша
Утром
вот
и
Сидит

Первая страница рукописи четвертого по порядку начала «Анны Карениной»
Размер подлинника

*** № 5 (рук. № 6).**

<Часть I. Глава I.>

*<Одно и то же дѣло женитьба для однихъ есть забава, для другихъ
мудренѣйшее дѣло на свѣтѣ.>*

**АННА КАРЕНИНА
РОМАНЪ.**

Отмищеніе Мое.

**ЧАСТЬ I
Глава I.¹⁴⁶**

*Женитьба для однихъ <есть> труднѣйшее и важнѣйшее дѣло
жизни, для другихъ – легкое увеселеніе.¹⁴⁷*

Степанъ Аркадьичъ Алабинъ былъ въ самомъ ужасномъ положеніи: онъ, по мѣсту, занимаемому имъ въ Москвѣ, извѣстный всей Москвѣ и родня по себѣ и женѣ почти всему московскому обществу, онъ, отецъ 4-хъ дѣтей, уже съ просьбою въ головѣ и бакенбардахъ, вдругъ вслѣдствіи открывшейся интриги съ гувернанткой въ своемъ домѣ вдругъ сдѣлался предметомъ разговора всѣхъ. Жена его, кроткая, милая Дарья Александровна, урожденная Щербацкая, не вѣрившая въ зло на свѣтѣ, въ первый разъ поняла, что мужъ никогда не былъ и не намѣренъ быть ей быть вѣренъ, и въ припадкѣ отчаянія и ревности бросила его и переѣхала съ дѣтьми къ своей матери. На бѣду тутъ же должники пристали къ Степану Аркадьичу, и онъ видѣлъ, что, не продавши женина имѣнья, нельзя поправить дѣлъ.

Положеніе было ужасное, но Степанъ Аркадьичъ ни на минуту не приходилъ въ отчаянье и не переставалъ быть такъ же прямъ, румянъ и также всегда пріятенъ, добродушенъ, важенъ въ своемъ чиновничествѣ [?], какимъ онъ всегда былъ. Кредиторамъ онъ обѣщалъ отдать черезъ 6 мѣсяцевъ и успѣлъ занять деньги, и къ женѣ онъ ѣздилъ каждый день и уговаривалъ не дѣлать позора семьи для дѣтей. Жена была почти убѣждена вернуться къ нему, или по крайней мѣрѣ онъ былъ убѣжденъ, что она возвратится рано или поздно. И потому Степанъ Аркадьичъ былъ также добродушенъ и веселъ, какъ и всегда, хотя въ рѣдкія минуты и рассказывалъ своимъ близкимъ друзьямъ свое горе.

Въ Москвѣ была выставка скота. Зоологическій садъ былъ полонъ народа.¹⁴⁸ Сіяя¹⁴⁹ раскраснѣвшимся лицомъ, съ румяными полными губами, въ глянцовитой шляпѣ, надѣтой

¹⁴⁶ Рядом поперек страницы написано: Широкий ящикъ груди для легкихъ и маленькая нога и легкая походка.

¹⁴⁷ Рядом поперек полей написано: Красавцевъ, Лабазинъ

¹⁴⁸ Зачеркнуто: Иней висѣлъ

¹⁴⁹ Зач.: <румянымъ, красивымъ> открытымъ, пріятнымъ

немного съ боку на кудрявые рѣдкіе русые волосы и съ сливающимися съ сѣдой остью бобра красивыми съ просѣдью бакенбардами,¹⁵⁰ онъ шель подъ руку съ нарядной дамой и, раскланиваясь безпрестанно встрѣчавшимся знакомымъ, нагибаясь надъ дамой, заставлялъ ее смѣяться, можетъ быть, слишкомъ легкимъ, подъ вліяніемъ выпитаго за завтракомъ вина, шуткамъ. Такой же веселый и румяный и такихъ же лѣтъ, только поменьше ростомъ и некрасивый, извѣстный прожившій кутила¹⁵¹ Лабазинъ прихрамывая шель съ ними рядомъ и принималъ участіе въ разговорѣ.¹⁵²

— Право, онъ ослабъ, — говорилъ Степанъ Аркадьичъ о комъ то, что выходило очень смѣшно, и дама смѣялась.

Подойдя къ одному изъ тѣхъ наполняющихъ садъ рѣзныхъ квази русскихъ домиковъ, Алабинъ отстранилъ плечомъ совавшагося навстрѣчу молодаго человѣка и прошелъ съ дамой мимо сторожа, наряденнаго въ обшитый галуномъ кафтанъ и уже привыкшаго къ своему наряду и мрачно пропускающаго публику въ коровникъ.

— Посмотримъ, посмотримъ коровъ, это по твоей части,¹⁵³ Лабазовъ.

¹⁵⁴Лабазовъ не пилъ ничего кромѣ воды и имѣлъ отвращеніе къ молоку.

Для веселыхъ людей всякая шутка хороша, и всѣ трое весело засмѣялись. Въ тѣни и запахъ коровника¹⁵⁵ они остановились, посмотрѣли огромную чернопѣгую корову, которая, не смотря на то что была на выставкѣ, спокойно стоя на трехъ ногахъ и вытянувъ впередъ заднюю, лизала ее своимъ шероховатымъ языкомъ; потомъ подошли къ другому стойлу, въ которомъ лежала на соломѣ красная корова, которую, тыкая ногой въ гладкой задъ, старался поднять помѣщикъ въ картузѣ и енотовой шубѣ;¹⁵⁶ и хотѣли уже выходить, когда дама обратила вниманіе на поворотѣ на высокаго чернаго¹⁵⁷ молодца барина, съ поразительнымъ выраженіемъ силы, свѣжести и энергіи, который съ мужикомъ вымѣривалъ тесемкой грудь и длину коровы.

— Что это они дѣлаютъ? — сказала дама. — И посмотрите, какой молодець. Вѣрно не Русской?

Алабинъ посмотрѣлъ на не Русскаго молодца, и лицо его, всегда выражавшее удовольствіе и веселость, просіяло такъ, какъ будто онъ былъ нахмуренъ.

— Ордынцевъ! Сережа! — закричалъ онъ черному молодцу. — Давно ли? А вотъ Наталья Семеновна. Позволь тебя представить. Наталья Семеновна, мой пріятель, и другъ, и скотоводъ, и агрономъ, и гимнастъ, и силачъ Сергѣй Ордынцевъ. Наталья Семеновна только что говорила: «Какой красавецъ, вѣрно не Русскій?» А ты самый Русскій, что Руссе и найти нельзя.

— Совѣмъ я не то говорила, — сказала дама. — Я сказала...

— Да ничего, онъ не обидится..

Ордынцевъ дѣйствительно, казалось, не обидѣлся; но онъ съ одного взгляда понялъ, какого рода была дама Наталія Семеновна, и, несмотря на ея безупречный скромно элегантнѣй туалетъ, слегка приподнялъ передъ ней¹⁵⁸ баранью шапку и съ сухостью, въ которой было почти отвращеніе, взглянулъ на нее и обратился къ Алабину.

— Я выставлю телку и быка. Я только вчера изъ деревни. А это Боброва корова, лучшее животное на выставкѣ. Смотри, что за задъ. Я хочу смѣрить.

¹⁵⁰ Зач.: подошелъ извѣстный всему Московскому свѣту Степанъ Аркадьичъ Алабинъ, членъ суда

¹⁵¹ Зач.: Красавцевъ

¹⁵² Зач.: — Ну теперь я серьезень, какъ судья, архирей. Идемъ. И львы, и тигры, и коровы, и бараны

¹⁵³ Зач.: Красавцевъ

¹⁵⁴ Зач.: Красавцевъ

¹⁵⁵ Так в подлиннике.

¹⁵⁶ Зачеркнуто: потомъ прошли нѣсколько стойлъ, не глядя и разговаривая о пріятномъ запахѣ коровъ

¹⁵⁷ Зач.: краса[вца?]

¹⁵⁸ Зачеркнуто: фуражку

Онъ отвернулся отъ Алабина и опять обратился къ своему мужику. Ордынцевъ былъ пріятель Алабина, хотя и 12 годами моложе его (Алабинъ былъ пріятелемъ еще съ его отцомъ). Кромѣ того Ордынцевъ былъ влюбленъ въ Княжну Щербатскую, своячению Алабина, и¹⁵⁹ ждали ужъ давно, что онъ сдѣлаетъ предложеніе; и потому¹⁶⁰ Ордынцевъ ушелъ отъ Алабина въ стойло и сталъ перемѣрять съ мужикомъ то, что онъ уже мѣрять. Онъ – Ордынцевъ – человѣкъ чистой и строгой нравственности – не могъ понять этаго теперешняго появленія Алабина въ зоологическомъ саду подѣ хмѣлькомъ подѣ руку съ хорошенькой Анной Семеновной. Вчера, тотчасъ послѣ его пріѣзда въ Москву, знакомый рассказывалъ ему, что Алабины, мужъ съ женой, разошлись, что Дарья Александровна, жена Алабина, открыла его связь и переписку съ гувернанткой, бывшей въ домѣ, и что они разѣзжаются или уже разѣхались. Ордынцевъ зналъ Алабина коротко и, несмотря на совершенно противоположные ему безнравственные привычки Алабина, любилъ его, какъ и всѣ, кто зналъ Алабина, любили его. Но послѣднее извѣстіе объ гадкой исторіи съ гувернанткой, о полномъ разрывѣ съ Дарьей Александровной, женой, съ сестрой Катерины Александровны или Кити, какъ ее звали въ свѣтѣ, той самой, на которой желалъ и надѣялся жениться Ордынцевъ, и теперешняя встрѣча подѣ руку съ Натальей Семеновной заставили Ордынцева, сдѣлавъ усиліе надѣ собой, сухо отвернуться. Но Алабинъ не понималъ или не хотѣлъ понимать тона, принятаго пріятелемъ.

– Коровы – это все прекрасно. Но отъ этаго, что ты влюбленъ въ своихъ коровъ, это не резонъ такъ бѣгать отъ друзей. Я и женѣ скажу и Кити, что ты здѣсь, и пріѣзжай вечеромъ къ Щербацкимъ непременно. И мы будемъ.

– Ты говоришь – нынче вечеромъ? – переспросилъ Ордынцевъ, глядя ему въ глаза.¹⁶¹

– Ну да.¹⁶² Нѣтъ, пожалуйста, душа моя, пріѣзжай, и Долли будетъ рада, и я уже останусь дома для тебя.¹⁶³

Алабинъ остановился въ нерѣшительности. Идти ли дальше или остаться?

– Однако до свиданья, Наталья Семеновна, – сказалъ онъ вдругъ, передавая свою даму на руку¹⁶⁴ Лабазину¹⁶⁵ и взявъ подѣ руку Ордынцева. – Пойдемъ поговоримъ, – сказалъ онъ, и лицо его вдругъ измѣнилось. Виноватая улыбка выразилась на его добромъ, красивомъ лицѣ. – Ты, вѣрно, слышалъ про наши...

– Да, слышалъ.

– Ну пойдемъ, пойдемъ поговоримъ.

Они вышли на уединенную дорожку.

– Ты понимаешь, что я не имѣю никакого права на объясненія, – сказалъ Ордынцевъ.

– Да, я знаю, но ты такой пуристъ, и твой отецъ былъ, я знаю. Ну вотъ видишь ли, мой другъ. Я рѣшительно погибшій человѣкъ. Я не стою своей жены. Она – ангелъ. Но когда ты будешь женатъ, ты поймешь. Я увлекся. А главное, я самъ сдѣлалъ глупость. Этаго никогда не надо дѣлать. Я ей признался во всемъ. Ну и кончено. Я теперь виноватый. И женщины никогда не прощаютъ этаго. Но понимаешь, когда дѣти, на это нельзя такъ легко смотрѣть. Она хотѣла разѣхаться. Насилу мы спасли ее отъ срама. И теперь я надѣюсь, что все обойдется. Ужасно,

¹⁵⁹ *Зач.*: теперь подѣ предлогомъ выставки пріѣхалъ въ Москву, чтобы сдѣлать

¹⁶⁰ *Зач.*: онъ бы долженъ былъ обрадоваться этой встрѣчѣ, но, напротивъ,

¹⁶¹ *Зачеркнуто*: – И Дарья Александровна будетъ дома?

¹⁶² *Зач.*: Ты окоровился совершенно.

¹⁶³ *Зач.*: – Непременно буду. Нынче? – сказалъ Ордынцевъ и прошелъ нѣсколько шаговъ, разговаривая съ Алабинымъ. «Ничего не понимаю, – сказалъ онъ самъ себѣ, возвращаясь домой. – А это судьба. Надо ѣхать». И какъ только онъ подумалъ о томъ, что предстоитъ ему, кровь бросилась ему въ лицо, и онъ привычнымъ жестомъ сталъ тереть себе лобъ и брови.

¹⁶⁴ *Рядом и ниже на поляхъ написано*: [1] <Алабинъ оставляетъ даму и рассказываетъ. «Я несчастный человѣкъ. Пріѣзжай».> [2] <Ордынцевъ съ мужикомъ совѣтуется.> [3] <На вечерѣ говоритъ, какъ онъ живетъ въ деревнѣ> [4] <Въ горѣ уѣзжаетъ къ телятамъ.> [5] <Анна говоритъ: «Я мирить не могу, но покаяйся. Я бы убила».> [6] «Пойдемъ, наши тамъ». Ордынцевъ вспыхнулъ. Они пошли.

¹⁶⁵ *Зачеркнуто*: Красавцеву

ужасно было. Но главное то, что бывает же увлеченіе. И вѣдь это такая прелесть была, – сказала онъ съ робкой улыбкой, – и я погубилъ и ту и другую. Это ужасно!

– Да, но по крайней мѣрѣ теперь все кончено? – спросилъ Ордынцевъ.

– Да, и кончено и нѣтъ. Ты пріѣзжай непременно. Она тебя очень любитъ и будетъ рада тебя видѣть.

– Ты знаешь, я не могу понять этихъ увлеченій.

– Знаю, что жена правду говоритъ, что твой главный порокъ – гордость. Вотъ женись.

– И по мнѣ бракъ, разрушенный невѣрностью¹⁶⁶ съ той или съ другой стороны, – продолжалъ громко и отчетливо Ордынцевъ съ своей привычкой ясно и немного длинно выражаться, – бракъ разрушенный не можетъ быть починенъ.

– Ты не женатъ, и ты судить не можешь. Это совсѣмъ не то, что ты воображаешь.

– Отъ этаго, можетъ быть, я никогда не женюсь, но если женюсь, то я строго исполню долгъ и буду требовать исполненія.

– Такъ ты пріѣзжай непременно, Кити будетъ, – сказалъ Алабинъ, глядя на часы и невольно отвѣчая этимъ на слова Ордынцева о бракѣ. – А мнѣ надо обѣдать у старика Щипкова.

И Степанъ Аркадьичъ, опять выпрямивъ грудь и принявъ свое веселое, беззаботное выраженіе, растегнувъ пальто, чтобы освѣжиться отъ прилива къ головѣ, вызваннаго объясненіемъ, пошелъ легкой и красивой походкой маленькихъ ногъ къ выходу сада, гдѣ ждала его помѣсячная извозицья карета.¹⁶⁷

Въ одномъ изъ такихъ домиковъ стоялъ Ленинъ передъ стойломъ, надъ которымъ на досечкѣ было написано: телка Русскаго завода¹⁶⁸ Николая Константиновича Ордынцева, и любовался ею, сравнивая ее съ другимъ знаменитымъ выводошемъ завода Бабина. Чернопѣгая телка, загнувъ голову, чесала себѣ задней головой¹⁶⁹ за ухомъ.

«Нѣтъ хороша», думалъ онъ. Ленинъ зналъ свою телку до малѣйшихъ подробностей. Годъ и два мѣсяца онъ видѣлъ ее каждый почти день, зналъ ее отца, мать: узнавалъ въ ней черты материнской, отцовской породы, черты выкормки. Теперь, сравнительно съ другими выставленными телками, она упала нисколько въ его глазахъ. (Онъ думалъ одно время, что она будетъ лучшая телка на выставкѣ), но все-таки онъ высоко цѣнилъ ее. Немножко только онъ желалъ бы ее пониже на ногахъ, и когда она стояла, какъ теперь, въ глубокой постылкѣ, этотъ недостатокъ былъ незамѣтенъ, да немножко посуше въ переду и пошире костью въ задѣ; но этотъ недостатокъ, онъ надѣялся, выправится при первомъ тѣлѣ. Голова короткая и породистая, подбородокъ какъ атласный мѣшокъ, глазъ большой и въ бѣломъ ободкѣ были все таки прекрасны. Такъ онъ думалъ, косясь на свою телку и прислушиваясь къ тому, что говорили посѣтителы. Большинство посѣтителей были совершенно равнодушны,¹⁷⁰ другое большее большинство были осуждатель. И каждый, думая, что говорить новенькое, всѣ говорили одно и то же, имянно: и что выставятъ у насъ въ Россіи, привезутъ изъ за границы и выставятъ: вотъ молъ какихъ намъ нужно бы имѣть коровъ, но мы не имѣемъ. А у насъ все Тасканской породы, какъ шутили одинъ помѣщикъ, т. е. таскать надо подъ гору, оттого тасканская. Большинство проходило, читало надпись телки, глядѣли на телки и или ничего не говорили или говорили: «телушка какъ телушка, отчего же она Русской породы. Красная помѣсь Тирольской». Рѣдкіе останавливались, спрашивали, и тогда Ордынцевскій молодой мужикъ Елистратъ, страстный охотникъ,

¹⁶⁶ *Зачеркнуто:* продолжалъ Ордынцевъ, какъ будто его и не перебивали

¹⁶⁷ *Зач.*: Оставшись одинъ, Ордынцевъ вернулся къ коровамъ, еще разъ сравнивая, остановился

¹⁶⁸ *Зач.*: Константина

¹⁶⁹ *Так в подлиннике.*

¹⁷⁰ *Зачеркнуто:* какъ Алабинъ

приохоченный бариномъ, рассказывалъ, что телкъ годъ 2 мѣсяца и живаго вѣсу 13 пудовъ, и выведена она не подъ матерью и т. д.¹⁷¹

Иногда вмѣшивался и самъ хозяинъ и съ увлеченіемъ объяснялъ всю свою теорію вывода скота, основанную на новѣйшихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Такъ онъ вступилъ въ такое объясненіе съ молодымъ богачемъ купцомъ, который съ женой остановился противъ телки и сталъ спрашивать. Купецъ былъ охотникъ и тоже выразилъ сомнѣнье, что телка не русская. Ордынцевъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, безпрестанно перебивая купца и стараясь внушить ему впервыхъ то, что надо условиться, что понимать подъ Русской скотиной. Не заморскую скотину, но ту скотину, которая вывелась въ Россіи, также какъ то, что въ Англіи считается кровной лошадыю; во вторыхъ, онъ старался внушить купцу, что для вывода скота не нужно брать хорошо выкормленную въ теплѣ и угодахъ скотину и изъ лучшихъ условій переводить ее въ худшія, а напротивъ; въ третьихъ, онъ старался внушить купцу, хотя и невольно, но очень замѣтно, что дѣло о коровахъ и способъ вывода знаетъ одинъ онъ, Ордынцевъ, а что всѣ, и въ томъ числѣ купецъ, глупы и ничего не понимаютъ. Онъ говорилъ хотя и умно и хорошо, но многословно и дерзко; но купецъ, несмотря на то что былъ образованный, почтенный человекъ и зналъ не хуже Ордынцева толкъ въ скотинѣ и научныя разсужденія о скотѣ, слушалъ Ордынцева, не оскорбляясь его тономъ. Тотъ же самый дерзкій, самоувѣренный тонъ, который имѣлъ привычку принимать почти со всѣми Ордынцевъ, въ другомъ человекѣ, менѣе свѣжемъ, красивомъ и, главное, энергичномъ, былъ бы оскорбителенъ, но Ордынцевъ такъ очевидно страстно былъ увлеченъ тѣмъ, что говорилъ, что купецъ сначала пробовалъ отвѣчать, но, всякій разъ перебиваемый словами *нѣтъ позвольте*, выслушалъ цѣлую лекцію и остался доволенъ. Оставшись опять одинъ послѣ ухода купца, Ордынцевъ подошелъ къ своему мужику и помощнику Елистрату и съ нимъ заговорилъ о коровахъ.

— Ну какія же тебѣ лучше всѣхъ понравились?

— Да и чернопѣгая хороша. Только на мой обычай я бѣ жену заложилъ, а того сѣдаго бычка купилъ бы, — сказалъ Елистратъ. — Охъ — ладень. Кабы его да къ нашей Павѣ, да это — мы бы такихъ вывели, ... — закончилъ онъ, просіявъ улыбкой.

— Правда, правда.¹⁷² Я куплю. Ну поѣдемъ, я тебя довезу обѣдать.

И Ордынцевъ съ мужикомъ пошелъ по дорожкамъ къ выходу, продолжая разговаривать съ мужикомъ съ большимъ увлеченіемъ, чѣмъ можно бы было предполагать, и которое умный Елистратъ справедливо относилъ къ тому, что баринъ хочетъ показать, что онъ имъ не гнушается.

Около выхода Ордынцева догналъ бѣжавшій съ коньками замотанными худощавый молодой человекъ съ длиннымъ горбатымъ носомъ.

— Давно ли, Ордынцевъ? — сказала по французски молодой человекъ, ударяя его по плечу.

— Вчера пріѣхалъ, привезъ скотину свою на выставку.

— Ну а что гимнастика? Бросили? Приходите завтра, поработаемъ.

— Нѣтъ, не бросилъ, но некогда. Въ деревнѣ я поддерживаюсь верховой ѣздой. Верстъ 15 каждый день и гири.

Ордынцевъ отвѣчалъ и говорилъ по французски замѣчательно изящнымъ языкомъ и выговоромъ и не такъ, какъ его собесѣдникъ, перемѣшивая Русскій съ Французскимъ. Замѣтенъ былъ нѣкоторый педантизмъ въ томъ, что онъ, разъ рѣшивъ, что глупо мѣшать два языка, отчетливо и ясно говорилъ на томъ или другомъ.

Молодой человекъ пощупалъ его руку выше локтя. И тотчасъ же при этомъ жестѣ Ордынцевъ напряжилъ мускулы.

¹⁷¹ *Зач.*: Вернувшись въ коровникъ послѣ разговора съ Алабинымъ, Ордынцевъ засталъ группу противъ своей телки.

¹⁷² *Ниже на поляхъ вследъ за этимъ вписано:* «Ты посмотри задъ», и онъ сталъ мѣрять. Въ это время въ дверь вошелъ Степанъ Аркадычъ съ знаменитымъ прожившимъ кутилой Безобразовымъ. У Безобразова на рукѣ была франтиха дама. Вокругъ нихъ стояло сіяніе веселаго хорошаго завтрака.

- О! О! ничего не ослабла. Что же, всё 5 пудовъ?
- Поднимаю или вѣшу?
- И то и другое.
- Поднимаю тоже, но вѣсу я въ себѣ сбавилъ, а то сталъ толстѣть.
- Это кто же съ вами?
- Это мой товарищъ по скотоводству, замѣчательный человѣкъ.

Но молодому человѣку, видно, не интересенъ былъ замѣчательный мужикъ, онъ пожалъ руку Ордынцеву.

– Пріѣзжайте завтра, весь классъ васъ будетъ ждать. Старая гвардія – и Келеръ ходитъ, – и пробѣжалъ впередъ. – Ахъ да, – закричалъ онъ оборачиваясь, – были вы у Алабиныхъ?

- Нѣтъ еще.
- Говорятъ, они развѣзжаются.
- Нѣтъ, это неправда.
- Вѣдь надо что нибудь выдумать.
- До свиданья.¹⁷³

–

Вернувшись въ свой № въ новой гостиницѣ на Петровкѣ, Ордынцевъ увидаль, что онъ опоздалъ къ обѣду къ теткѣ, да и ему не хотѣлось никуда идти. Несмотря на все увлеченіе, съ которымъ онъ занимался выставкой и успѣхомъ своей телки, съ той минуты, какъ онъ встрѣтилъ Алабина и тотъ взялъ съ него обѣщаніе пріѣхать вечеромъ къ нему и сказалъ ему, что Китти Щербацкая тамъ будетъ, новое чувство поднялось въ душѣ молодого человѣка, и, споря съ купцомъ и совѣтуясь съ Елистратомъ и соображая покупку сѣдаго бычка, мысль о Китти и о предстоящемъ свиданіи съ нею ни на минуту не покидала его. Привычка занятія поддерживала его въ прежней колеѣ, какъ данное движеніе несетъ корабль еще по прежнему направленію, а уже парусъ надулъ въ другую сторону. Онъ услалъ Елистрата обѣдать, велѣлъ подать себѣ обѣдать въ номеръ и радъ былъ, что остался одинъ, чтобы обдумать предстоящее. Ему было 26 лѣтъ, и, какъ человѣкъ исключительно чистой нравственности, онъ чувствовалъ болѣе чѣмъ другой, какъ нехорошо человѣку единому быть. Уже давно женщины дѣйствовали на него такъ, что онъ или чувствовалъ къ нимъ восторги, ничѣмъ не оправдываемые, или отвращеніе и ужасъ. Отца и матери у него не было. Онъ былъ уже 5 годъ по выходѣ изъ университета и по смерти отца въ одно и тоже время полнымъ хозяиномъ себя, своего имѣнія и еще опекуномъ меньшаго брата. Состояніе у него было среднее,¹⁷⁴ независимость для одного, 10, 12 тысячъ дохода на его долю; но у нея, у Кити Щербацкой, почти ничего не было. Но объ этомъ онъ не позволялъ себѣ думать. Что то было унижительное для его гордости думать, что деньги могутъ мѣшать выбору его жизни. «Для другихъ 12 тысячъ мало, но для меня, – думалъ онъ, – это другое. Впервые, жизнь моя семейная будетъ совсѣмъ не похожая на всѣ жизни, какія я вижу. Будетъ другое. Потомъ, еслибъ нужно сдѣлать деньги, я сдѣлаю. Но подчинится ли она моимъ требованіямъ? Она хороша, среда ея глупая московская свѣтская. Правда, она особенное существо.¹⁷⁵ Та самая особенная, какая нужна для моей особенной жизни. Но нѣтъ ли у ней прошедшаго, не была ли она влюблена? Если да, то кончено. Идти по слѣдамъ другаго я не могу. Но почему же я думаю? – Нѣтъ, но что то щемитъ мнѣ сердце и радуется, когда думаю. Что щемитъ? Одно – что я долженъ рѣшиться, да и нынче вечеромъ».

Онъ всталъ и сталъ ходить по комнатѣ, вспоминая ея прелестное бѣлокурое кроткое лицо и, главное, глаза, которые вопросительно выжидательно смотрѣли на него, это благодѣтельство

¹⁷³ *Против этих слов и ниже поперек полей написано:* [1] Послѣ обѣда чувство недовольства, у того все назади, у этаго впереди. [2] Обѣдъ. Шампанское развязываетъ языки. «Моя жена удивительная женщина». Ордынцевъ не гастрономъ, каша лучше, но бумажникъ полонъ.

¹⁷⁴ *Зачеркнуто:* почти

¹⁷⁵ *Против этих слов и ниже на полях написано:* Жениться хорошо, не жениться тоже хорошо. Дѣла пропасть.

осанки и искренность, доброту выраженья. Но все что то мучало его. Онъ не признавался себѣ даже въ томъ, что мучало его. Его мучала мысль объ невыносимомъ оскорбленіи отказа, въ возможность котораго онъ ставилъ себя.

Онъ вспоминалъ ея улыбки при разговорѣ съ нимъ, тѣ улыбки, которыя говорили, что она знаетъ его любовь и радуется ей. Онъ вспоминалъ, главное, то отношеніе къ себѣ ея сестры, ея матери, какъ будто ужъ ждали отъ него, что вотъ вотъ онъ сдѣлаетъ предложеніе. Вспоминалъ, что была даже, несмотря на ихъ страхъ какъ бы заманивать его, была неловкость, что очевидно въ послѣднюю зиму дѣло дошло до того, что онъ долженъ былъ сдѣлать предложеніе въ мнѣніи свѣта. Его ужъ не звали, когда звали другихъ, и онъ не обижался. «Да, да, – говорилъ онъ себѣ. – Нынче это кончится».

Елистратъ, пообѣдавъ, вошелъ въ нумеръ.

– Ну ужъ кушанье, – сказалъ онъ, – и не знаешь, какъ его ѣсть то. Хороша Москва, да дорога. Чтоже, сходить къ Прыжову посватать бычка?

Ордынцевъ остановился передъ Елистратомъ, не отвѣчая и улыбаясь, сверху внизъ глядя на него.

– А знаешь, Елистратъ Агеичъ, о чемъ я думаю. Что ты скажешь?

– Объ чемъ сказать то?

– Какъ ты скажешь, надо мнѣ жениться?

– И давно пора, – ни секунду не медля, какъ давно всѣмъ свѣтомъ рѣшенное дѣло, отвѣчалъ Елистратъ. – Самое хорошее дѣло.

– Ты думаешь?

– Чего думать, Николай Константиновичъ. Тутъ и думать нечего. Возьмите барыню помирнѣе,¹⁷⁶ да чтобъ хозяйка была, совсѣмъ жизнь другую увидите.

Ордынцевъ засмѣялся ребяческимъ смѣхомъ и поднялъ и подкинулъ Елистрата.

– Ну, ладно, подумаемъ.

И, отпустивъ Елистрата, Ордынцевъ неторопливо переодѣлъ свѣжую рубашку и¹⁷⁷ фракъ вмѣсто утренняго пичджака [?] и пошелъ, чтобы чѣмъ нибудь занять время, въ Хлѣбный переулокъ, гдѣ жили¹⁷⁸ Щербацкіе.

Никогда послѣ Ордынцевъ не забылъ этаго полчася, который онъ шелъ по слабо освѣщеннымъ улицамъ съ сердцемъ, замиравшимъ отъ страха и ожиданія огромной радости, не забылъ этой размягченности душевной, какъ будто наружу ничѣмъ не закрыто было его сердце; съ такой силой отзывались въ немъ всѣ впечатлѣнія. Переходъ черезъ Никитскую изъ Газетнаго въ темный Кисловскій переулокъ и слѣпая стѣна монастыря, мимо которой, свистя, что то несъ мальчикъ и извожикъ ѣхалъ ему навстрѣчу въ саняхъ, почему то навсегда остался ему въ памяти. Ему прелестна была и веселость мальчика и прелестенъ видъ движущей[ся] лошади съ санями, бросающей тѣнь на стѣну, и прелестна мысль монастыря, тишины и доживанія жизни среди шумной, кишашей сложными интересами Москвы, и прелестнѣе всего его любовь къ себѣ, къ жизни, къ ней и способность пониманія и наслажденія всѣмъ прекраснымъ въ жизни.

Когда онъ позвонилъ у подъѣзда, гдѣ стояла карета и сани, онъ почувствовалъ, что не можетъ дышать отъ волненія счастья, и нарочно сталъ думать о непріятномъ, о безнравственности Алабина, съ тѣмъ чтобы разсердиться и этимъ сердцемъ успокоить свою размягченную душу

Глава V.

¹⁷⁶ Зачеркнуто: потише

¹⁷⁷ Зач.: сертукъ

¹⁷⁸ Зач.: Алабины

Князя Щербацкіе были когда [-то] очень богатые люди, но старый Князь¹⁷⁹ шутя проигралъ все свое и часть состоянія жены.¹⁸⁰ Ежели бы Княгиня¹⁸¹ рѣшительно не взяла въ свои руки остатки состоянія и, какъ ни противно это было ея характеру, не отказала Князю въ выдачѣ ему денегъ, онъ проигралъ бы все. «Если бы мнѣ несчастные 10, 15 тысячъ, я бы отыгралъ все», говорилъ себѣ князь, еще свѣжій 60 лѣтній человѣкъ.¹⁸² Въ то же почти время какъ Княгиня перестала давать деньги для игры мужу, случилась и смерть единственного любимого сына. Смерть эта страшно поразила Князя и съ той поры, 12 лѣтъ тому назадъ, и съ той поры безъ дѣла, кромѣ номинальной службы при Императрицыныхъ учрежденіяхъ, безъ занятій, безъ интереса къ чему бы то ни было, съѣдаемый неудовлетворенной жаждой страсти, презирая и ненавидя все новое, нарастающее и живущее, несмотря на то что онъ пересталъ жить, непріятнымъ, тяжелымъ гостемъ жилъ въ домѣ. И если бы не умѣнье, нѣжность, любовь меньшей незамужней дочери Кити, которую одну какъ будто и любилъ, онъ былъ бы невыносимымъ членомъ семьи. Теперь Щербацкіе жили далеко небогато, но всетаки много выше средствъ.¹⁸³ Жизнь въ Москвѣ, гдѣ они проживали тысячъ 20, тогда какъ у нихъ было всего 10 тысячъ дохода, Княгиня считала необходимымъ для того, чтобы выдать замужъ послѣднюю дочь, которая была въ томъ¹⁸⁴ дѣвичьемъ возрастѣ 20 лѣтъ, когда теперь или никогда выдти замужъ. За Кити нельзя было бояться, чтобы она засидѣлась, — она была нетолько хороша, но такъ привлекательна, что нѣсколько предложеній уже были ей сдѣланы; но съ одной стороны, она не любила никого изъ тѣхъ, кто дѣлалъ предложеніе, съ другой стороны, мать знала, что Китти всегда скорѣе склонна отказаться, чѣмъ принять предложеніе уже по тому только, чтобы не оставить мать одну съ отцомъ. Кромѣ того, на успѣхъ хорошаго замужества Китти имѣло дурное вліяніе замужество сестры. Умная мать знала, что меньшія сестры всегда преждевременно узнаютъ многія супружескія отношенія вслѣдствіи близости съ старшей замужней сестрой. И тутъ все, что узнала Китти, могло только отвратить ее отъ супружества и сдѣлать болѣе требовательной. Кромѣ того умная, опытная мать знала, что всегда почти, особенно въ семьѣ, гдѣ нѣтъ братьевъ, меньшая сестра выходитъ за мужъ въ кругу друзей мужа старшей сестры; а друзья Алабина, несмотря на его по связямъ и имени высшее положеніе въ обществѣ, были не¹⁸⁵ женихи, которыхъ бы желала мать для дочери. Это были большей частью веселые собесѣдники на пиру, но не желательные мужья для дочери.

И когда мать подумывала о томъ, что Китти можетъ не выдти замужъ, ей становилось особенно больно, нетолько потому, какъ вообще матерямъ грустно и обидно, что онѣ не сумѣли сбыть товаръ съ рукъ, но особенно больно потому, что она твердо знала, что товаръ ее перваго, самаго перваго достоинства; она знала про себя, что была отличная жена и мать, знала, что Долли, несмотря на несчастье въ супружествѣ, была образцовая жена и мать, и знала, что Китти будетъ такая же и еще лучше, съ придаткомъ особенной, ей свойственной прелести и граціи. Изъ¹⁸⁶ очевидныхъ искателей руки Китти теперь на кону были два: Левинъ, графъ Кубинъ. Для матери не могло быть никакого сравненія между Кубинымъ и Левинымъ. Матери не нравилось въ¹⁸⁷ Левинѣ и его молодость и его гордость, самоувѣренность, ни на чемъ не основанная, и

¹⁷⁹ *Зач.*: жившій и теперь подъ опекой своей жены,

¹⁸⁰ *Зач.*: Когда

¹⁸¹ *Зач.*: уже давно перестала давать ему деньги, старый игрокъ

¹⁸² *Зачеркнуто*: И это онъ говорилъ себѣ уже 15 лѣтъ и 15 лѣтъ безъ дѣла, безъ интереса къ чему бы то ни было

¹⁸³ *Против этих слов на полях написано*: <Княгиня пухлая съ одышкой.>

¹⁸⁴ *Зач.*: лучшемъ

¹⁸⁵ *Зач.*: такіе

¹⁸⁶ *Зачеркнуто*: пріятелей Алабина одинъ Ордынцевъ, который казался матери возможнымъ, но и онъ ей скорѣе не нравился, и она боялась, чтобы дочь не привязалась къ нему.

¹⁸⁷ *Зач.*: Ордынцевъ

его, по понятіямъ матери, дикая какая-то жизнь въ деревнѣ съ занятіями¹⁸⁸ скотиной, мужиками; не нравилось, и очень, то, что онъ, очевидно влюбленный уже 2-й годъ въ дочь, ѣздилъ въ домъ, говорилъ¹⁸⁹ про разныя глупости и чего то какъ будто ждалъ, высматривалъ, какъ будто боялся, не велика ли будетъ честь, если онъ сдѣлаетъ предложеніе, и не понималъ, что, ѣздя въ домъ, гдѣ дѣвушка невѣста, онъ долженъ былъ давно объясниться. Старый Князь, принимавшій мало участія въ семейныхъ дѣлахъ, въ этомъ дѣлѣ былъ противоположнаго мнѣнія съ женою. Онъ покровительствовалъ¹⁹⁰ Левину и желалъ брака Кити съ нимъ. Главнымъ качествомъ¹⁹¹ Левина онъ выставялъ передъ женою¹⁹² физическую свѣжесть, не истасканность. Но Княгиня по странной женской слабости не могла повѣрить, чтобы ее мужъ, во всемъ неправый, могъ бы быть правъ въ этомъ, и сердито и презрительно спорила съ нимъ, оскорбляясь даже тѣмъ, что физическую свѣжесть и силу можно ставить въ заслугу кому нибудь, кромѣ мужику. Она говорила, что эта физическая свѣжесть¹⁹³ и доказываетъ, что у него нѣтъ сердца. <Княгиня тѣмъ болѣе теперь была недовольна Ордынцевымъ, что въ послѣднее время, въ концѣ этой зимы,¹⁹⁴ на Московскихъ балахъ, изъ которыхъ ни одного не пропускала Кити, появился новый искатель, къ которому Княгиня была расположена всей душой.> Другой искатель¹⁹⁵ удовлетворялъ всѣмъ желаніямъ матери. Она каждое утро [и] вечеромъ молилась о томъ, чтобы это сдѣлалось.¹⁹⁶ Искатель этотъ былъ¹⁹⁷ Графъ Вроцкой, одинъ изъ двухъ братьевъ¹⁹⁸ Вроцкихъ, сыновей извѣстной въ Москвѣ¹⁹⁹ Графини Марьи Алексѣвны. Оба брата были очень богаты, прекраснаго семейства. Отецъ ихъ оставилъ память благороднаго Русскаго вельможи, оба прекрасно образованы, кончили курсъ²⁰⁰ въ высшемъ военномъ учебномъ заведеніи, оба первыми учениками, и оба служили въ гвардіи. Меньшій, Алексѣй, Кавалергардъ, жилъ въ отпускѣ²⁰¹ за границей и теперь, возвращаясь, проживъ въ Москвѣ два мѣсяца, встрѣтился на балѣ съ Кити и сталъ ѣздить въ домъ.²⁰²

Нельзя было сомнѣваться въ томъ, что означаютъ его посѣщенія. Вчера только разрушились послѣднія сомнѣнія матери о томъ, почему онъ не высказывается. Китти, все рассказывавшая матери, рассказала ей свой разговоръ съ нимъ.²⁰³ Говоря объ своихъ отношеніяхъ къ матери, онъ сказалъ, что они оба брата такъ привыкли подчиняться ей во всемъ, что²⁰⁴ они никогда не рѣшатся предпринять что нибудь важное, не посоветовавшись съ нею.

¹⁸⁸ *Зач.*: мужицкими школами

¹⁸⁹ *Зач.*: съ увлеченіемъ

¹⁹⁰ *Зач.*: Ордынцеву

¹⁹¹ *Зач.*: Ордынцева

¹⁹² *Зач.*: честность и

¹⁹³ *Зач.*: и противна въ немъ, что это

¹⁹⁴ *Зач.*: въ домѣ ихъ

¹⁹⁵ *Зач.*: Графъ Кубанской

¹⁹⁶ *Зач.*: и отслужила тайно отъ дочери о томъ же молебень Иверской

¹⁹⁷ *Зачеркнуто*: <Кн. Иванъ Сер.> <Михаиль> Алексѣй Удашевъ

¹⁹⁸ *Зач.*: Удашевыхъ

¹⁹⁹ *Зач.*: Княгини

²⁰⁰ *Зам.*: кандидатами въ Московскомъ университетѣ,

²⁰¹ *Зач.*: для раздѣла съ братомъ и во время этаго отпуска, встрѣтившись на балѣ съ Китти, былъ представленъ и протанцовалъ съ ней 4 мазурки <и два раза былъ въ домѣ> и ѣздилъ очень часто

²⁰² *Зач.*: Положеніе его въ домѣ стало таково, что онъ, видимо, уже не боялся <компрометировать> ѣздить каждый день и, зная его честную породу и природу,

²⁰³ *Зач.*: у фортепьяно

²⁰⁴ *Зач.*: иногда они становятся въ неловкое положеніе, не смѣя дать слово или обѣщать, или просить, умолять о чемъ нибудь, не имѣя на то согласіе матери. Это оскорбило бы ее. «И теперь я жду приѣзда матери какъ мессіи, – сказалъ онъ, – отъ нея зависитъ счастье моей жизни, и я знаю, что она счастлива будетъ моимъ счастіемъ».

«И теперь я особенно жду, какъ особеннаго счастья, приѣзда матушки изъ Петербурга», сказалъ онъ. «И я перемѣнила разговоръ», рассказывала Китти. Мать заставила нѣсколько разъ повторить эти слова. И успокоилась. Она знала, что старуху Удашеву ждутъ со дня на день. Знала, что старуха будетъ рада выбору сына, но понимала, что онъ, боясь оскорбить ее, не дѣлаетъ предложеніе безъ ея согласія.

Какъ ни много горя было у старой Княгини отъ старшей дочери,²⁰⁵ собиравшейся оставить мужа, этотъ предстоящій бракъ радовалъ ее, и мысль о томъ, чтобы онъ разошелся, пугала ее. Она ничего прямо не совѣтовала дочери, не спрашивала ее, приметъ ли она или нѣтъ предложеніе, — она знала, что тутъ нельзя вмѣшиваться; но она боялась, что дочь, имѣвшая, какъ ей казалось, одно время чувство къ²⁰⁶ Левину и подававшая надежды, изъ чувства излишней честности не отказала Удашеву. Поэтому²⁰⁷ она холодно встрѣтила Ордынцева и почти не звала его. Когда она осталась одна съ дочерью, Княгиня чуть не разразилась словами упрековъ и досады.

— Я очень, очень рада, — сказала Китти значительно. — Я очень рада, что онъ приѣхалъ. <— И взглянула на мать, и потомъ, оставшись одна,²⁰⁸ она сказала ей, успокаивая ее: —> Я рада тому, что нынче все рѣшится.

— Но какъ?

— Какъ? — сказала она задумавшись. — Я знаю какъ; но позвольте мнѣ не сказать вамъ. Такъ страшно говорить про это.²⁰⁹

—

Когда Ордынцевъ вошелъ въ гостиную, въ ней сидѣли старая Княгиня, Дарья Александровна, Алабинъ, Удашевъ и Китти съ своимъ другомъ Графиней Нордстонъ. Ордынцевъ зналъ всѣхъ, кромѣ Удашева.

Онъ зналъ и круглый столъ, и тонъ общаго разговора и выраженіе лица Китти, то выраженіе²¹⁰ взволнованнаго, но сдержаннаго счастья, которое было на ея лицѣ. При входѣ его она невольно покраснѣла, какъ 13 л[ѣтняя] дѣвочка, и съ улыбкой, которую онъ хорошо зналъ, ожидала, чтобы онъ поздоровался съ матерью и Графиней Нордстонъ, которая сидѣла ближе. Бывало, она съ той же улыбкой²¹¹ ожидала, чтобы онъ кончилъ здорововаться, и эта улыбка, внушая согласіе о томъ, что это нужно только для того, чтобы быть вмѣстѣ, радовала его; теперь было тоже; но въ то время какъ онъ здорововался съ матерью, она сказала что[-то], нагнувъ свою прелестную голову къ Удашеву. Этого слова было довольно, чтобы ему понять значеніе Удашева, и вмѣсто размягченнаго состоянія онъ вдругъ почувствовалъ себя озлобленнымъ весельемъ. Въ ту же минуту, хотя была неправда, что она знала, кого выберетъ до сихъ поръ, она узнала, что это былъ Удашевъ, и ей жалко стало Ордынцева. Онъ былъ веселъ, развязенъ, и при представленіи другъ другу Удашевъ и Ордынцевъ поняли, что они враги, но маленькій ростомъ, хотя и крѣпкій, Удашевъ сталъ утонченъ, учтивъ и презрителенъ, а силачъ Ордынцевъ неприлично и обидчиво озлобленъ. Гостиная раздѣлилась на два лагеря. На сторонѣ Удашева была мать, сама Китти и Графиня Нордстонъ, на сторонѣ Ордынцева только Китти, но скоро прибавился ему на помощь Алабинъ и старый Князь, и партія стала равна.

²⁰⁵ *Зач.*: переѣхавшей къ ней съ дѣтьми и насилу согласившейся простить мужа и вернуться къ нему,

²⁰⁶ *Зач.*: Ордынцеву

²⁰⁷ *Зачеркнуто*: когда Алабинъ заѣхалъ после обѣда къ нимъ и сообщил о встрѣчѣ съ Ордынцевымъ и приглашеніи вечеромъ

²⁰⁸ *После этого слова, очевидно по ошибке, не зачеркнутое*: матери

²⁰⁹ *Против этих строк на полях написано и зачеркнуто*: Какъ передъ сраженіемъ.

²¹⁰ *Зачеркнуто*: тихаго

²¹¹ *Против этой части абзаца на полях написано*: Китти не знаетъ, кого выбрать. — Ордынцевъ силачъ оскорбленъ, безтактенъ. Удашевъ тихъ, слабъ физически и спокойно непоколебимъ. К[итти], М[ать] на сторонѣ Удашева, С[тарикъ?], Д[олли] и А[лабинъ] на сторонѣ Ордынцева. Уѣхалъ домой и плачетъ. «Я всѣмъ противенъ». Дома пристыженная отелилась. Приход[ать?] <луга> наниматься. Разговоръ, что дома дѣлаютъ въ д[еревнѣ?] Приходитъ старикъ от[ецъ]. Д[олли?] переѣзжаетъ. Онъ можетъ плакать всегда.

Разговоръ былъ поднятъ матерью о деревенской жизни, и Ордынцевъ сталъ рассказывать, какъ онъ живетъ.

– Какъ можно жить, – говорила Графиня Нордстонъ, – въ деревнѣ одному, не понимаю.²¹²

– Стива рассказывалъ, что вы выставили прекрасную корову, – сказала Княгиня.

– Онъ, кажется, и не посмотрѣлъ на нее, – улыбаясь отвѣчалъ Ордынцевъ. И стараясь перевести разговоръ съ себя на другихъ: – Вы много танцовали эту зиму, Катерина Александровна?

– Да, какъ обыкновенно. Мама, – сказала она, указывая глазами на Удашева, но мама не замѣтила, и она сама должна была представить: – Князь Удашевъ А[лексѣй] В[асильевичъ?], Ордынцевъ.

Удашевъ всталъ и съ свойственнымъ ему открытымъ добродушіемъ, улыбаясь, крѣпко пожалъ руку Ордынцеву.

– Очень радъ. Я слышалъ про васъ много по гимнастикѣ.

Ордынцевъ холодно, почти презрительно отнесся къ Удашеву.

– Да, можетъ быть, – и обратился къ Графинѣ Нордстонъ.

– Ну что, Графиня, ваши столики?

Ордынцевъ чувствовалъ Удашева врагомъ, и Кити не понравилось это, но больше всѣхъ Нордстонъ. Она предприняла вышутить Ордынцева, что она такъ хорошо умѣла.

– Знаю, вы презираете это. Но чтоже дѣлать, не всѣмъ дано такое спокойствіе. Вы расскажите лучше, какъ вы живете въ деревнѣ.

Онъ сталъ рассказывать.

– Я не понимаю.

– Нѣтъ, я не понимаю, какъ ѣздить по гостинымъ болтать.

– Ну, это неучтиво.

Удашевъ улыбнулся тоже. Ордынцевъ еще больше окрысился. Удашевъ, чтобъ говорить что нибудь, началъ о новой книгѣ. Ордынцевъ и тутъ перебилъ его, высказывая смѣло и безапелляціонно свое всѣмъ противоположное мнѣніе. Кити, собирая сборками лобъ, старалась противурѣчить, но Нордстонъ раздражала его, и онъ расходился. Всѣмъ было непріятно, и онъ чувствовалъ себя причиной. Къ чаю вошелъ старый Князь, обнялъ его и сталъ поддакивать съ другой точки зрѣнія и началъ длинную исторію о безобразіи судовъ. Онъ долженъ былъ слушать старика из учтивости и вмѣстѣ съ тѣмъ видѣлъ, что всѣ рады освободиться отъ него и что у нихъ втроемъ пошелъ веселый small talk.²¹³ Онъ никогда не ставилъ себя въ такое неловкое положеніе, онъ дѣлалъ видъ, что слушаетъ старика; но слушалъ ихъ и когда говорилъ, то хотѣлъ втянуть ихъ въ разговоръ, но его какъ будто боялись.²¹⁴

Кити за чаемъ, вызванная Нордстонъ, высказала Удашеву свое мнѣніе объ Ордынцевѣ, что онъ молодъ и гордъ. Это она сдѣлала въ первый разъ и этимъ какъ будто дала знать Удашеву, что она его жертвуетъ ему. Она была такъ увлечена Удашевымъ, онъ былъ такъ вполне преданъ ей, такъ постоянно любовались ею его глаза, что губы ея не развивались, а, какъ кудри, сложились въ изогнутую линію, и на чистомъ лбу вскакивали шишки мысли, и глаза голубые

²¹² *Рядом на полях написано:* <Какъ только Ордынцевъ вошелъ въ этотъ вечеръ къ Щербаскимъ, онъ съ первыхъ словъ понялъ, что мѣсто его занято. Онъ принялъ на себя веселый, развязный тонъ, но глаза его, голубые, глубокіе, имѣли растерянное выраженіе, и даже Кити было жалко его. Какъ пріятно бываетъ женщинѣ жалѣть о несчастіи челоѣка, несчастіи, сдѣланномъ ею самою. «Разумѣется, Гагинъ ни въ чемъ не виноватъ», подумалъ Ордынцевъ, и онъ былъ особенно любезенъ съ нимъ. Онъ только былъ неловокъ, самъ чувствовалъ это и потому становился еще болѣе неловокъ.> *Далее на полях написано:* Мнѣ необходима красота. Говорить по Русски. Парабола. Гипербола. Я 1-й ученикъ. А[ристократъ?] Удашевъ, но все забыть. Впрочемъ, дамамъ скучно. Разговоръ о столикахъ и о деревенской жизни. «Я устраиваю жизнь для себя и другихъ». Свысока смотреть на Графиню Нордстонъ. «Не могу видѣть этотъ тонъ; презирая, снисходить до насъ грѣшныхъ»,

²¹³ [болтовня.]

²¹⁴ *Рядом и ниже на полях написано:* Я бы радъ съ ними жить, но они глупы ужъ очень. Какже не гордиться. Правда, Удашевъ, но тоже пустошь. Отецъ сдѣлалъ сцену. Говорили о предстоящемъ балѣ у Долгоруковыхъ.

свѣтились яркимъ свѣтомъ. Удашевъ говорилъ о пустякахъ, о послѣднемъ балѣ, о сплетняхъ о Патти, предлагалъ принести ложу и каждую минуту говорилъ себѣ: «да, это она, она, и я буду счастливъ съ нею». То, что она, очевидно, откинула Ордынцева, сблизило ихъ больше, чѣмъ все прежнее. Княгиня Нордстонъ сіяла и радовалась, и онъ и она чувствовали это. Когда Ордынцевъ наконецъ вырвался отъ старика и подошелъ къ столу, онъ замѣтилъ, что разговоръ замолкъ и онъ былъ лишній; какъ ни старалась Кити (шишка прыгала) разговаривать, она не могла, и Долли предприняла его, но и сама впала въ ироническіе отзывы о мужѣ.²¹⁵

Ордынцевъ уже собирался уѣхать, какъ пріѣхалъ Стива, легко на своихъ маленькихъ ножкахъ неся свой широкой грудной ящикъ. Онъ весело поздоров[овался] со всѣми и точно также съ женою, поцѣловавъ ея руку.

— Куда же ты?

— Нѣтъ, мнѣ еще нужно, — солгалъ Ордынцевъ и весело вызываяще простился и вышелъ.

Ему никуда не нужно было. Ему нужно было только быть тутъ, гдѣ была Кити, но въ немъ не нуждались, и съ чувствомъ боли и стыда, но съ сіяющимъ лицомъ онъ вышелъ, сѣлъ на извозчика и пріѣхалъ домой, легъ и заплакалъ.

«Отчего, отчего, — думалъ онъ, — я всѣмъ противенъ, тяжелъ? Не они виноваты, но я. Но въ чемъ же? Нѣтъ, я не виноватъ.²¹⁶ Но вѣдь я говорилъ уже себѣ; но безъ²¹⁷ нихъ я не могу жить. Вѣдь я пріѣхалъ. — И онъ представлялъ себѣ его,²¹⁸ Вр[ощаго], счастливаго, добраго, наивнаго и умнаго.²¹⁹ — Она должна выбрать его. А я? <Что такое?> Не можетъ быть, гордость! Чтонибудь во мнѣ не такъ.²²⁰ Домой, домой, — былъ одинъ отвѣтъ. — Тамъ рѣшится», и онъ вспоминалъ матокъ, коровъ, постройку и сталъ успокаиваться. Брата дома не было.²²¹ Онъ послалъ телеграмму, чтобъ выѣхала лошадь, и легъ спать.

Утромъ его братъ не вставалъ, онъ выѣхалъ, къ вечеру пріѣхалъ. Дорогой, еще въ вагонѣ, онъ разговаривалъ съ сосѣдями о политикѣ, о книг[ахъ], о знакомыхъ, но когда онъ вышелъ на своей станціи, надѣлъ тулупъ, увидалъ криваго Игната и съ подвязаннымъ хвостомъ пристяжную безъ живота, интересы деревни обхватили его. И Игнатъ рассказывалъ про перевозъ гречи въ сушилку, осуждалъ прикащика. Работы шли, но медленнѣе, чѣмъ онъ ждалъ. Отелилась Пава. Дома съ фонаремъ еще онъ пошелъ смотрѣть Паву, пришелъ въ комнату съ облѣзлымъ поломъ, съ гвоздями. Няня въ куцавейкѣ, свой почеркъ на столѣ, и онъ почувствовалъ, что онъ пришелся, какъ ключъ къ замку, къ своему деревенскому житію, и утихъ, и пошла таже жизнь съ новаго жара. Постройки, сушилки, школа, мужики, свадьба работника, скотина, телка, досады, радости и забота.

—

Когда вечеръ кончился и всѣ уѣхали и Кити пришла въ свою комнату, одно впечатлѣніе неотступно преслѣдовало ее. Это было его лицо съ насупленными бровями и мрачно, уныло смотрящими изъ подъ нихъ добрыми голубыми глазами, какъ онъ стоялъ, слушая рѣчи стараго Князя. И ей не только жалко его было, но стало жалко себя за то, что она его потеряла, потеряла на всегда, сколько она ни говорила себѣ, что она любила Вр[ощаго] и любить его. Это была правда; но сколько она ни говорила себѣ это, ей такъ было жаль того, что она навѣрное потеряла, что она закрыла лицо руками и заплакала горючими слезами.

—

²¹⁵ *Рядом и ниже на полях написано:* «Степанъ Аркадьичъ ничего не замѣтилъ, а дѣло было рѣшено». «Теперь я навсегда разсталась съ Ордынцевымъ».

²¹⁶ *Зачеркнуто:* Виновата мерзость среды.

²¹⁷ *Зач.*: среды

²¹⁸ *Зач.*: Удашева, маленькаго, сильнаго,

²¹⁹ *Зач.*: благороднаго и всегда яснаго, спокойнаго.

²²⁰ *Зач.*: Не вралъ ли Стива? Надо попробовать. Поѣду на балъ. Это послѣднее испытаніе. А можетъ быть, и правда.

²²¹ *Зач.*: а поѣздъ уходилъ ночью.

Въ тотъ же вечеръ, какъ хотя и не гласно, не выражено, но очевидно для всѣхъ рѣшилась судьба Кити и Удашева, когда Кити вернулась въ свою комнату съ несходящей улыбкой съ лица и въ восторгѣ страха и радости молилась и смѣялась и когда Удашевъ проѣхалъ мимо²²² Дюсо, гдѣ его ждали, не въ силахъ захватить и, захвативъ, пройдя, какъ чужой и царь, вышелъ оттуда, стяхивая прахъ ногъ, въ этотъ вечеръ было и объясненіе Степана Аркадьевича съ женою.²²³ Въ первый разъ она склонилась на просьбы матери и сестры и рѣшилась выслушать мужа.

— Я знаю все, что будетъ, — сказала Долли иронически и зло сжимая губы, — будутъ увѣренія, что всѣ мужчины такъ, что это не совсѣмъ такъ, какъ у него все бываетъ не совсѣмъ такъ; немного правда, немного неправда, — сказала она, передразнивая его съ злобой и знаніемъ, которое даетъ одна любовь. Но онъ меня не увѣритъ, и ужъ ему, — съ злостью, изуродовавшей ея тихое лицо, сказала она, — я не повѣрю. Я не могу любить человѣка, котораго презираю.

Но объясненіе было совсѣмъ не такое, какое ожидала Долли. Степанъ Аркадьичъ подошелъ къ ней съ робкимъ, дѣтскимъ, милымъ лицомъ, выглядывавшимъ между сдѣвными бакенбардами и изъ подъ краснѣющаго носа, и на первыя слова ея (она отвернувшись сказала съ злостью и страданіемъ въ голосъ: «Ну что можно говорить») — на первыя эти слова въ лицѣ его сдѣлалась судорога, и онъ зарыдалъ, цѣлуя ея руки. Она хотѣла плакать, но удержалась и скрыла.

На другой день она переѣхала домой съ уговоромъ, что она для приличія будетъ жить съ нимъ, но что между ними все кончено.

Степанъ Аркадьичъ былъ доволенъ: приличіе было соблюдено — жена переѣзжала къ матери на время перекраски дверей, другое — жена на виноватую просьбу его подписать купчую иронически согласилась. Третье — главное — устроить внутреннія отношенія по старому — это дѣло Степанъ Аркадьичъ надѣялся устроить съ помощью любимой сестры Петербургской дамы Анны Аркадьевны Карениной, которой онъ писалъ въ Петербургъ и которая обѣщала пріѣхать погостить въ Москву къ невѣсткѣ.

—

Прошло 3 дня. Степанъ Аркадьичъ засѣдалъ весело въ судѣ, по панибратски лаская всѣхъ. Долли углубилась въ дѣтей. Удашевъ ѣздилъ каждый день къ Щербацкимъ, и всѣ знали, что онъ неизмѣнно женихъ. Онъ перешелъ уже ту неопредѣленную черту. Уже не боялись компрометировать ни онъ, ни она. Ордынцевъ сдѣлалъ чистку въ себѣ и домѣ и засѣлъ за политико-экономическую работу и готовился къ новымъ улучшеніямъ лѣта.

— Право, — говорила Долли, — я не знаю, гдѣ ее положить. И въ другое время я ей рада; но теперь... Столько хлопотъ съ дѣтьми. И что ей, Петербургской модной дамѣ, у насъ только...

— Ахъ полно, Долли, — сказалъ мужъ съ смиреніемъ.

— Да тебѣ полно, а мнѣ надо готовить и стѣснить дѣтей.

— Ну хочешь, я все сдѣлаю.

— Знаю я, скажешь Матвѣю сдѣлать чего нельзя и уѣдешь, а онъ все перепутаетъ.

— Совсѣмъ нѣтъ.

— Ну хорошо, сдѣлай. Я уже и рукъ не приложу.

Но кончилось тѣмъ, что, когда Степанъ Аркадьичъ поѣхалъ на желѣзную дорогу встрѣчать сестру вмѣстѣ съ Удашевымъ, который съ этимъ же поѣздомъ ждалъ мать, Долли устроила комнату для золовки.

—

²²² Зачеркнуто: Шевалье

²²³ Рядом на полях написано: <Объясненіе Стивы Алабина съ женой>Извѣстіе о пріѣздѣ Анны. Онъ можетъ плакать, когда хочетъ.Кити счастлива, все кончено.Алабинъ ѣдетъ встрѣчать. Удашевъ за матерью. Несчастье на желѣзной дорогѣ>

На дебаркадерѣ стояла рѣдкая толпа. Степанъ Аркадьичъ пріѣхалъ встрѣчать сестру, Удашевѣ мать. Онѣ въ одномъ поѣздѣ должны были пріѣхать изъ Москвы въ 8 часовъ вечера.

– Вы не знаете Анну? – съ удивленіемъ и упрекомъ говорилъ Степанъ Аркадьичъ.

– Знаю, давно на балѣ у посланника я былъ представленъ ей, но какъ было: знаете, двухъ словъ не сказалъ и теперь даже не посмѣю кланяться. Потомъ видѣлъ, она играла во Французской пьесѣ у Бѣлозерскихъ. Отлично играетъ.

– Она все отлично дѣлаетъ. Не могу удержаться, чтобы не хвалить сестру. Мужъ, сынъ, свѣтъ, удовольствія, добро, связи – все она успѣваетъ, во всемъ совершенство, и все просто, легко, безъ труда.

Удашевѣ замолчалъ, какъ всегда молчать при такого рода похвалахъ.

– Она на долго въ Москву?²²⁴

– Недѣли двѣ, три. Чтоже, ужъ не опоздалъ?

Но вотъ побѣжалъ кто то, задрожалъ полъ, и съ гуломъ отворились двери. Какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, протежируемыхъ пропустили впередъ, и Степанъ Аркадьичъ съ Удашевымъ въ числѣ ихъ.

Соскочилъ молодцоватый кондукторъ, свистя. Затолкались, вбѣгая въ вагоны, артельщики. И стали выходить по одному пассажиры. Сначала молодые военные – офицеръ медлительно и прямо, купчикъ быстро и юрко. И наконецъ толпа. Въ одномъ изъ вагоновъ 1-го класса противъ самихъ Удашева и Степана Аркадьича на крылечкѣ стояла невысокая дама въ черномъ платьѣ, держась правой рукой за колонну, въ лѣвой держа муфту и улыбалась глазами, глядя на Степана Аркадьича. Онѣ смотрѣлъ въ другую сторону, ища ее глазами, а Удашевѣ видѣлъ ее. Она улыбалась Степану Аркадьичу, но улыбка ея освѣщала и²²⁵ жгла его. Въ дамѣ этой не было ничего необыкновеннаго, она была просто одѣта, но что то приковывало къ ней вниманіе.

²²⁶Гагинѣ тотчасъ же догадался по сходству съ братомъ, что это была Каренина, и онѣ видѣлъ, что Степанъ Аркадьичъ ищетъ ее глазами не тамъ, гдѣ надо, но ему почему то весело было чувствовать ея улыбку и не хотѣлось указать Степану Аркадьичу, гдѣ его сестра. Она поняла тоже, и улыбка ея приняла еще другое значеніе, но это продолжалось только мгновенье. Она отвернулась и сказала что то, обратившись въ дверь вагона.

– Вотъ здѣсь ваша сестра, – сказалъ Удашевѣ, тронувъ рукою Степана Аркадьича.

И въ тоже время онѣ въ окнѣ увидаль старушку въ лиловой шляпѣ съ сѣдыми буклями и свѣжимъ старушечьимъ лицомъ – эта была его мать. Опять дама вышла и громко сказала: – Стива, – обращаясь къ брату, и Удашевѣ, хотя и видѣлъ мать, посмотрѣлъ, какъ просіяло еще болѣе лицо Карениной и она, дѣтски радуясь, обхватила рукою локтемъ за шею брата, быстрымъ движеніемъ притянула къ себѣ и крѣпко поцѣловала. Удашевѣ улыбнулся радостно. «Какъ славно! Какая энергія! Какъ глупо», сказалъ самъ себѣ Удашевѣ за то, что онѣ мгновенье пропустилъ нѣжный устремленный на него взоръ матери.

– Получилъ телеграмму?

– Вы здоровы, хорошо доѣхали?

– Прекрасно, благодаря милой Аннѣ Аркадьевнѣ.

Они стояли почти рядомъ.

Анна Аркадьевна подошла еще ближе и, протянувъ старушкѣ маленькую руку безъ колець и безъ перчатки (все было необыкновенно просто въ лицѣ и въ одеждѣ Анны Аркадьевны), – Ну, вотъ вы встрѣтили сына, а я брата, и все прекрасно, – сказала она по французски. – И всѣ исторіи мои пришли къ концу, а то бы нечего ужъ рассказывать.

²²⁴ Рядом на полях написано: Обворожила мать. Дѣвушку выводить. А и такія бываютъ. Никогда не видала, какіе они? Совсѣмъ другіе.

²²⁵ Зачеркнуто: грѣла

²²⁶ Зач.: Удашевѣ

– Ну, нѣтъ милая, – сказала старушка, гадливо отстраняясь отъ проходившей дамы въ блестящей атласной шубкѣ, въ лиловомъ вуалѣ, до неестественно румяныхъ губъ, въ модныхъ лаковыхъ ботинкахъ съ кисточками. – Я бы съ вами объѣхала вокругъ свѣта и не соскучилась. Вы однѣ изъ тѣхъ милыхъ женщинъ, съ которыми и поговорить и помолчать пріятно. О сынѣ успокойтесь. Все будетъ хорошо, повѣрьте, – продолжала старушка, – и прекрасно, чтобъ вашъ мужъ поучился ходить за сыномъ. Здравствуйте, милый, – обратилась она къ Степану Аркадьичу, – ваши здоровы? Поцѣлуйте за меня Долли и Кити. – Кити, – сказала она, подчеркнувъ это слово и взглянувъ на сына. – Мой сынъ, – прибавила она представляя сына Аннѣ Аркадьевнѣ. – И какъ это вы умѣете быть незнакомы съ тѣми, съ кѣмъ надо. Ну, прощайте, прощайте, милая. Дайте поцѣловать ваше хорошенькое личико.

Анна Аркадьевна пожала руку Удашеву. Онъ ей напомнилъ свое знакомство.

– Какже, я помню. Ваша матушка слишкомъ добра. Я благодаря ей не видѣла времени. Надѣюсь васъ видѣть.

Она говорила это просто, мило, но въ глазахъ ея было больше чѣмъ обыкновенное вниманіе.²²⁷

Ея поразила вся фигура Удашева. И поразила пріятно. Она не помнила, видѣла ли она когда-нибудь такихъ маленькихъ, крѣпкихъ съ черной щеткой бороды, спокойныхъ и джентельменовъ. Что то особенное было въ немъ.

«А вотъ какіе бываютъ, – сказала она. – Онъ славный, долженъ быть. И что сдѣлалось съ нимъ?» Онъ вдругъ смѣшался и покраснѣлъ и заторопился искать дѣвушку матери.

Къ Аннѣ Аркадьевнѣ тоже подошла ея дѣвушка въ шляпѣ.

– Ну, Аннушка, ты уже устрой багажъ и пріѣзжай, – сказала она, доставая билетъ, и положила руку на руку брата.

– Послушай, любезный, вещи сестры, – сказалъ онъ служащему, кивнувъ пальцемъ, и прошелъ съ ней.

Они уже стали отходить, какъ вдругъ толпа хлынула имъ на встрѣчу, и, какъ это бываетъ, ужасъ неизвѣстно о чемъ распространился на всѣхъ лицахъ.

– Что такое, что? Гдѣ бросился? Задавили?

Степанъ Аркадьичъ съ сестрой и Удашевъ одинъ сошлись вмѣстѣ у конца платформы, гдѣ жандармъ, кондукторъ и артельщикъ тащили что-то. Это²²⁸ былъ старый мужикъ въ сапогахъ.

Какой то чиновникъ рассказывалъ, что онъ самъ бросился, когда стали отводить поѣздъ.

– Ахъ, какой ужасъ! – проговорилъ Степанъ Аркадьичъ. – Пойдемъ.

Но Анна Аркадьевна не шла.

– Что? гдѣ?

Она увидала, и блѣдность, строгость разлилась по ея прелестному лицу. Она обратилась къ брату, но онъ не могъ отвѣчать. Онъ, какъ ребенокъ, готовъ былъ плакать и закрывать лицо руками. Она обратилась къ Удашеву, крѣпко, нервно взявъ его за локоть.

– Узнайте, кто, отчего?

Удашевъ пробился въ толпу и принесъ ей извѣстіе, что²²⁹ это мужикъ, вѣроятно,²³⁰ пьяный, онъ отчищалъ снѣгъ.

– Чтожъ, умеръ?

– Умеръ. Вѣдь это мгновенная смерть.

– Мгновенная?

²²⁷ На полях против этих слов написано: И когда она говорила это, и въ его и въ ея глазахъ было что то очень дружеское и знакомое [?], какъ будто давно онъ

²²⁸ Зачеркнуто: было тѣло молодого человѣка въ пальто съ собачьимъ воротникомъ и лиловыхъ панталонахъ.

²²⁹ Зач.: молодой человѣкъ

²³⁰ Зач.: помѣшанный, цѣлый день былъ на станціи и бросился.

Странно, несмотря на силу впечатлѣнія отъ этой смерти, а можетъ быть, и вслѣдствіе ея, совсѣмъ другое чувство, независимое, чувство симпатіи и близости промелькнуло въ глазахъ у обоихъ.²³¹

– Благодарю васъ, – сказала она. – Ахъ, какъ ужасно, – и они опять разошлись.

– Это дурной знакъ, – сказала она, и, несмотря на веселость Степана Аркадьича, возвратившуюся къ нему тотчасъ послѣ того, какъ онъ потерялъ изъ вида трупъ, она была молчалива и грустна половину дороги. Только подъѣзжая къ дому, она вдругъ очнулась, отворила окно.

– Ну, оставимъ мертвымъ хоронить мертвыхъ. Ну, Стива, очень рада тебя видѣть и твоихъ, ну, Расскажи же мнѣ, что у васъ съ Долли?

Степанъ Аркадьичъ сталъ рассказывать, стараясь быть великодушнымъ и осуждая себя, но тонъ его говорилъ, что онъ не можетъ винить себя.

– Почему же ты думаешь, что я все могу сдѣлать? Я не могу, и, правду тебѣ сказать, Долли права.

– Да, но если бы Михаилъ Михайлычъ сдѣлалъ тебѣ невѣрность.

– Впервые, это немыслимо, а вторыхъ, я бы.... я бы не бросила²³² сына, да; но...

– Но ты, я знаю, устроишь.

– Я, впервые, ничего не знаю. Я ничего не буду говорить, пока Долли сама не начнетъ.

– Ну, я знаю, ты все сдѣлаешь,²³³ – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, входя въ переднюю и переминаясь съ ноги на ногу.

Анна Аркадьевна только улыбнулась улыбкой, выражающей воспоминаніе о дѣтскихъ временахъ, о той же слабой чертѣ характера и любовь ко всему Степана Аркадьича, со всѣми его слабостями, и, скинувъ шубку, быстрыми, неслышными шагами вошла въ гостиную.

Когда Анна вошла въ комнату, Долли сидѣла въ маленькой гостиной, и сухіе съ толстыми костями пальцы ея, какъ у всѣхъ несчастныхъ [?] женщинъ, сердито, нервно вязали, въ то время какъ Таня, сидя подлѣ нея у круглаго стола, читала по французски.

Услыхавъ шумъ платья больше, чѣмъ чуть слышные быстрые шаги, она оглянулась, и на измученномъ лицѣ ея выразилась улыбка однихъ губъ, одной учтивости; но свѣтъ глазъ, простой, искренній, не улыбающійся, но любящій взглядъ Анны Аркадьевны преодолѣлъ ея холодность.

– Какъ, ужъ пріѣхала? – Она встала. – Ну, я все таки рада тебѣ.

– За что жъ ты мнѣ не была бы рада, Долли?

– Нѣтъ, я рада, пойдемъ въ твою комнату.

– Нѣтъ, позволь никуда не ходить.

Она сняла шляпу и, зацѣпивъ за прядь волосъ, мотнувъ головой, отцѣпляла черные волосы. Дѣвочка, любящая и улыбающаяся, смотрѣла на нее. «Вотъ такая я буду, когда вырасту большая», говорила она себѣ.

– Боже мой, Таня. Ровесница Сережи.

Ну, она сдержала что обѣщала. Она взяла ее за руки.

– Можно, можно мнѣ присядать?

Таня покраснѣла и засмѣялась.

Мать уснула дочь, и послѣ вопросовъ о ея мужѣ и сынѣ за кофеемъ начался разговоръ.

– Ну, разумеется, я ни о чемъ не могу и не хочу говорить, прежде чѣмъ не узнаю все твое горе. Онъ говорилъ мнѣ.

²³¹ Против этого абзаца на полях написано: Гагинъ вдругъ разчувствовался. Она внимательно смотреть на него. И далъ денегъ.

²³² Зачеркнуто: его

²³³ Зач.: <Первая встрѣча.> <– Я пройду къ себѣ, ты лучше одна...> – Ну, такъ я поѣду въ присутствіе. В концѣ рукописи на полях карандашом написано: Разумъ. Ужъ не Ордынцевъ. Я теперь никогда не выйду. Отецъ понялъ, что Ордынцевъ пропалъ, и глупо придрался къ Гагину.

Лицо Долли приняло сухое, ненавидящее выражение. Она посмотрѣла на Анну Аркадьевну съ ироническимъ выраженіемъ.

– Долли милая, я хотѣла говорить тебѣ за него, утѣшать. Но, душенька, я вижу, какъ ты страдаешь, и мнѣ просто жалко, жалко тебя.

И на маленькихъ глазахъ съ огромными рѣсницами показались слезы. Она прижалась къ невѣсткѣ. Долли сейчасъ же дала цѣловать себя, но не плакала. Она сказала:

– По крайней мѣрѣ, ты понимаешь, что все, все потеряно послѣ этаго, все пропало.

И какъ только она сказала это, она зарыдала. Анна Аркадьевна взяла ее руку и поцѣловала.

– Не думай, Долли, чтобы я, потому что онъ мой братъ, могла смотрѣть легко на это, не понимаю весь ужасъ твоего положенія. Но чтожъ дѣлать, чтожъ дѣлать? Онъ гадокъ, но онъ жалокъ. Это я сказала ему.

Она противурѣчила себѣ, но она говорила правду. Несмотря на то, что она ласкова была съ нимъ, онъ былъ невыносимо противень ей.

– Да, это ужасно. Что жъ говорить, – заговорила Долли. – Все кончено. И хуже всего то, ты пойми, что я не могу его бросить. Дѣти – я связана. А между прочимъ съ нимъ жить мнѣ мука. Именно потому мука, что я, что я все таки... Мнѣ совѣстно признаться, но я люблю свою любовь къ нему, люблю его.

И она разрыдалась.

– Долли, голубчикъ. Онъ говорилъ мнѣ, но я отъ тебя хочу слышать. Скажи мнѣ все.

И въ самомъ дѣлѣ случилось то, чего ожидала Анна Аркадьевна. Она какъ бы успокоилась, похолодѣла и съ злобой начала говорить:

– Изволь! Ты знаешь, какъ я вышла замужъ. Я съ воспитаніемъ тамап нетолько была невинна, но я была глупа. Я ничего не знала. Говорятъ, я знаю, мужа рассказываютъ женамъ свою прежнюю жизнь, но Стива, – она поправила, – Степанъ Аркадьичъ ничего не сказалъ мнѣ. Ты не повѣришь, но я до сей поры думала, что я одна женщина, которую онъ зналъ. И тутъ эта гадкая женщина Н. стала мнѣ дѣлать намеки на то, что онъ мнѣ невѣренъ. Я слышала и не понимала, я понимала, что онъ ухаживаетъ за ней. Но тутъ вдругъ это письмо. Я сидѣла, занималась съ Петей. Она приходитъ и говоритъ: «вотъ вы не вѣрили, прочтите». Онъ пишетъ: «обожаемый другъ, я не могу пріѣхать нынче». Я разорвала, но помню все письмо. Я понимаю еще увлеченье, но эта подлость – лгать, обманывать, продолжать быть моимъ мужемъ вмѣстѣ съ нею. Это ужасно.

– Я все понимаю, и оправдывать его нѣтъ словъ и даже, правду сказать, простить его не могло быть и мысли, если бы это было годъ послѣ женитьбы, еслибъ у васъ не было дѣтей; но теперь, видя его положеніе, его раскаянье, я понимаю, что....

– Но есть ли раскаянье? – перебила Долли. – Если бы было, – перебила она съ²³⁴ жадностью.

Это есть, я его знаю, я вижу этотъ стыдъ и не могу, правду сказать, безъ жалости смотрѣть на него. Мы его обѣ знаемъ. Онъ добръ, главное – честенъ, боится быть дурень, стыдится страсти, онъ гордъ и теперь такъ униженъ. *Главное, что меня тронуло, – и тутъ Анна Аркадьевна угадала главное, что могло тронуть ее. – Его мучаютъ двѣ вещи:* то, что ему стыдно дѣтей – онъ говорилъ мнѣ это, – и то, что онъ, любя тебя – да, да, любя больше всего на свѣтѣ, сдѣлалъ тебѣ больно, убилъ тебя. «Нѣтъ, нѣтъ, она не проститъ», все говоритъ онъ. Ты знаешь его манеру.

И Анна Аркадьевна представила такъ живо манеру брата, что Долли, казалось, видѣла передъ собой своего мужа. Долли задумчиво смотрѣла мимо золотки, слушая ея слова, и въ губахъ выраженіе ее смягчилось.

²³⁴ Зачеркнуто: радостью и

– Да, я понимаю, что положеніе его ужасно, виноватому хуже, чѣмъ невинному, если онъ чувствуетъ, что отъ вины его – несчастія; но какже простить, какъ мнѣ опять быть его женою послѣ нея?²³⁵ Мнѣ жить съ нимъ теперь будетъ величайшая мука именно потому, что я любила его, какъ любила! что я люблю свою прошедшую любовь къ нему...

И рыданья прервали ея слова. Но какъ будто нарочно всякій разъ, какъ она смягчалась, она нарочно начинала говорить о томъ, что раздражало ее.

– Она вѣдь молода, вѣдь она красива, – начала она. – Ты понимаешь ли, Анна, что у меня моя молодость, красота взяты кѣмъ? Имъ, дѣтьми. Я отслужила ему, и на этой службѣ ушло все мое, и ему теперь, разумѣется, свѣжее, пошлое существо пріятнѣе. Они, вѣрно, говорили между собой обо мнѣ или, еще хуже, умалчивали, потому что не о чемъ говорить.

Опять ненавистью зажглись ея глаза.

– И послѣ этаго онъ будетъ говорить мнѣ. Чтожъ, я буду вѣрить ему? Никогда. Нѣтъ, ужъ кончено все, все, что составляло утѣшеніе, награду труда, мукъ. Нѣтъ, это ужасно. Ужасно то, что вдругъ душа моя перевернулась, и вмѣсто любви, нѣжности у меня къ нему одна злоба, да, злоба. Я бы убила его, ее...

Лицо Анны выражало такое страданье, сочувствіе, что Долли смягчилась, увидавъ ее. Она помолчала.

– Но чтоже дѣлать, придумай. Я все передумала и ничего не вижу.

Анна ничего не придумывала и не могла придумать, но сердце ее прямо и готово отзывалось на каждое слово, на каждое выраженіе лица невѣстки. Она видѣла, что воспоминанье о ней и въ особенности разговоръ о ней возбуждаютъ все болѣе и болѣе Долли и что надо дать ей наговориться.²³⁶ Теперь она наговорила, и надо было говорить, но что? Анна прямо отдалась голосу сердца,²³⁷ и то, что она говорила, нельзя было лучше придумать.

– Чтоже я могу говорить тебѣ, я, вполне счастливая²³⁸ жена? Я скажу тебѣ одно, что мы всѣ слабы и поддаемся впечатлѣнію минуты.

– Ну, нѣтъ.

– Да я не въ томъ смыслѣ говорю. Когда онъ говорилъ мнѣ, я, признаюсь тебѣ, рѣшительно не понимала всего ужаса положенія. Я видѣла только то, что семья разстроена. Мнѣ это жалко было, и мнѣ его жалко было, но, поговоривъ съ тобой, я, какъ женщина, вижу другое: я вижу твои страданія, и мнѣ, не могу тебѣ сказать, какъ жалко тебя. Долли, другъ мой, но если можно простить, – прости. – И сама Анна заплакала. – Постой, – она прервала ее, цѣлуя ея руку. – Я больше тебя, хоть и моложе, знаю свѣтъ. Я знаю этихъ людей, какъ Стива, какъ они смотрятъ на это. Ты говоришь, напримѣръ, что онъ съ ней говорилъ о тебѣ. Этаго не было. Эти люди *vénèrent*²³⁹ свой домашній очагъ и жену и, какъ хорошій обѣдъ, позволяютъ себѣ удовольствіе женщины, но какъ то у нихъ эти женщины остаются въ презрѣніи и не мѣшаютъ семьѣ. Они какую то черту проводятъ непреходимую между семьей и этимъ.

– Да, но онъ цѣловалъ ее...

– Долли, постой, душенька. Я видѣла Стиву, когда онъ былъ влюбленъ въ тебя, я помню это время, когда онъ пріѣзжалъ ко мнѣ и плакать, и какая поэзія и высота была ты для него, и я знаю, что ты въ этомъ смыслѣ росла для него. Вѣдь мы смѣялись бывало надъ нимъ. «Долли – удивительная женщина», а это увлеченье не его души.²⁴⁰

– Но если это увлеченье повторится?

²³⁵ *Зач.*: Вѣдь они говорили

²³⁶ *Зачеркнуто*: и иначе самой говорить о ней и иначе дать понять ей.

²³⁷ *Зач.*: и стала говорить:

²³⁸ *Зач.*: спокойная за мужа, уважающая и уважаемая

²³⁹ [уважают]

²⁴⁰ *Зачеркнуто*: гадость

– Оно не может, какъ я его понимаю.

– Да, но ты простила бы?

– Не знаю. Я не могу судить. Нѣтъ, могу, – сказала она, подумавъ, и, видимо, уловивъ мыслью положеніе и свѣсивъ его на внутреннихъ вѣсахъ, прибавила: – Нѣтъ, могу, могу. Нѣтъ, я простила бы. Я не была бы тою же, да, но простила бы, и такъ, что какъ будто этаго не было, совсѣмъ не было.

– Ну, разумѣется, – чуть улыбаясь, сказала Долли, – иначе бы это не было прощенье. Ну, пойдемъ, я тебя проведу въ твою комнату, – сказала она вставая. И по дорогѣ Долли обняла Анну. – Милая моя, какъ я рада, что ты пріѣхала, какъ я рада. Мнѣ легче, гораздо легче стало.

–

Весь день этотъ Анна провела дома, т. е. у Алабиныхъ, и съ радостью видѣла, что Стива обѣдалъ дома, что жена говорила съ нимъ, что послѣ обѣда у нихъ было объясненіе, послѣ котораго Степанъ Аркадьичъ вышелъ красный и мокрый, а Долли, какъ она всегда бывала, вышла холодная и насмѣшливая. Кити въ этотъ день обѣдала у сестры, и она тотчасъ же нетолько сблизилась съ Анной, но влюбилась въ нее, какъ способны влюбляться молодыя дѣвушки въ²⁴¹ замужнихъ и старшихъ дамъ. Она такъ влюбилась въ нее въ этотъ разъ (она прежде раза два видѣла ее), что сдѣлала ей свои признанія, переполнявшія ея сердце.

Въ то самое время, какъ Долли объяснялась съ Стивой въ его кабинетѣ, куда она нарочно пошла, Кити сидѣла съ Анной и тремя старшими дѣтьми въ маленькой гостиной. И оттого ли, что дѣти видѣли, какъ Кити полюбила Анну, или и имъ понравилась эта новая тетя, но у дѣтей сдѣлалось что то въ родѣ игры, состоящей въ томъ, чтобы какъ можно ближе сидѣть къ тетѣ и держать ее руку и конецъ оборки и ленты и играть ея кольцами. Всякая шутка, которую говорила тетя Анна, имѣла успѣхъ, и дѣти помирали со смѣху. Такъ они сидѣли въ гостиной до тѣхъ поръ, пока не подали чай и Англичанка не позвала дѣтей къ чаю.

Разговоръ шелъ о предстоящемъ балѣ у Генераль-Губернатора, на который Кити уговаривала Анну ѣхать.

– Ну, какже изъ за платья не ѣхать, – говорила она.

– У меня есть одно, и мы вамъ устроимъ съ М-me Зое въ одинъ день.

– Да нельзя, мой дружокъ. Я толще васъ.

– Венеціанскія пришьемъ, я все сдѣлаю, только поѣдемъ.

– Да зачѣмъ вамъ хочется?

– Мнѣ хочется васъ видѣть на балѣ, гордиться вами. Одно можно бы мое бархатное перешить. Кружева отличныя, венеціанскія.

Но когда она позвала ихъ, Кити, оставшись одна съ Анной, невольно съ бала перешла на тѣ признанія, которыя наполняли ее со вчерашняго дня и которыя она чувствовала необходимость передать Аннѣ.

– Мнѣ этотъ балъ очень важенъ.

– О, какъ хорошо ваше время! милый другъ, – сказала Анна. – Помню и знаю этотъ синій туманъ. въ родѣ того, который на горахъ въ Швейцаріи. Этотъ туманъ, который покрываетъ все въ блаженное то время, когда вотъ-вотъ кончится молодость, и изъ этаго огромнаго круга, счастливаго, веселаго, дѣлается все уже и уже, и весело и жутко входитъ въ эту амфиладу, хотя она и свѣтлая и прекрасная.

– Да, да. Вы прошли черезъ это. Въ этомъ одно бываетъ тяжело – это знаете что? – Кити засмѣялась впередъ тому, что она скажетъ, – это то, что надо выбирать одну шляпу, а ихъ 2 и обѣ прекрасны, или даже одна прекрасная, другая тоже хорошая въ своемъ родѣ, а надо только одну.

²⁴¹ *Зачеркнуто*: очень красивыхъ

– Когда я бывала въ дѣвушкахъ, я всегда бывала влюблена въ двухъ сразу, я и виноградъ не люблю ѣсть по одной ягодкѣ, а непременно двѣ сразу, – сказала она, такъ и дѣлая.

– Да, но выдти нельзя за двухъ сразу.

– Когда мнѣ было выходить замужъ, у меня было очень опредѣленно. Мужъ мой былъ такой особенный отъ всѣхъ.

– И у меня тоже. Ахъ, что я говорю!

– Я знаю, Стива мнѣ кое-что сказалъ, и поздравляю васъ, онъ мнѣ очень нравится, – сказала Анна, чувствуя, что она краснѣетъ, оттого что улыбки, которыми они обмѣнялись, совсѣмъ не должны были быть, совсѣмъ не нужны были.

– Но кто же другая шляпка, которую тоже хотѣлось бы взять? Нѣтъ, безъ шутокъ, я знаю, какъ это грустно бываетъ, и грустно потому, что нужно сдѣлать больно ему.

– Да, да, это²⁴² Левинъ; это другъ и товарищъ брата Евгенія покойника. Это очень, очень милый человѣкъ, но странный. Онъ давно уже ѣздилъ къ намъ, но онъ никогда ничего не говорилъ, и тамап сердится, говоритъ, что ничего и не будетъ. Но мнѣ кажется, что онъ думалъ и думаетъ; но, знаете, онъ одинъ изъ не тронъ меня, гордый и отъ того до болѣзненности скромный.

– Что же онъ дѣлаетъ?

– И это тоже.²⁴³ Онъ ничего не дѣлаетъ. Нигдѣ не кончилъ курсъ, но уменъ, поэтиченъ и музыкаленъ, и пишетъ, и хозяинъ, и вѣчно то одно, то другое. Но онъ такъ милъ и такая чистота въ немъ, а между прочимъ, вы знаете, какъ это чувствуется. Я чувствовала, что вчера все между нами кончилось, и онъ понялъ это. Я по крайней мѣрѣ чувствую, что я могу быть за кѣмъ хотите замужемъ, но не за нимъ.

– Ну и Богъ съ нимъ, я его не знаю, но²⁴⁴ Вронскій мнѣ безъ шутокъ очень, очень нравится, и я знаю этотъ генге,²⁴⁵ очень рѣдкій и дорогой у насъ этихъ семей, строгихъ, честныхъ и аристократическихъ, я ѣхала вчера съ его матерью, и это ея любимецъ, и она всю дорогу пѣла мнѣ похвалы его. И храбръ, и правдивъ, и добръ, и уменъ, и ученъ, и скромнень. Что, пріятно слушать?

– Да, пріятно, – задумчиво сказала Кити, и глаза ея свѣтились счастьемъ.

– Какъ вы думаете, можетъ это быть, чтобъ молодой человѣкъ не смѣлъ сдѣлать предложеніе безъ согласія матери?

– Очень, именно онъ. Это такая строгая семья. Она очень просила меня поѣхать къ ней, и я рада повидать старушку и завтра поѣду къ ней и расскажу вамъ. Однако, слава Богу, Долли долго у Стивы въ кабинетѣ.

– Слава Богу, – сказала Кити, перемѣняя разговоръ. – Я думаю, обойдется. Папа правду говоритъ: вы всѣ дуры, только умѣете ихъ разстроивать, а вотъ умная женщина сейчасъ видна, пріѣхала и устроила.

– Нѣтъ, я прежде, нѣтъ я! – кричали дѣти, окончивши чай и бѣжавши къ тетѣ Аннѣ.

– Ну такъ поѣдемъ на балъ?

– Право, не знаю.

– Только поручите мнѣ, я такъ устрою и не дорого. Я такъ и вижу васъ въ черномъ бархатѣ и лиловыхъ цвѣтахъ.

²⁴² Зачеркнуто: Ордынцевъ

²⁴³ Рядом на полях написано: <Какъ она можетъ понимать любовь, когда она жена Михаила Михайловича.>

²⁴⁴ Зачеркнуто: Гагинъ

²⁴⁵ [род,]

Въ первый разъ въ этотъ вечеръ Долли говорила съ Степаномъ Аркадьичемъ, наливши ему чая, и онъ шутилъ съ Анной и съ дѣтьми, видимо только боясь быть слишкомъ веселымъ, чтобы не показать, какъ ребенокъ, что онъ, будучи прощенъ, забылъ свою вину.²⁴⁶

*** № 6 (рук. № 7).**

**<АННА КАРЕНИНА.
РОМАНЪ.**

Отмищеніе Мое.

Степанъ Аркадьичъ Алабинъ, несмотря на вчерашнюю сцену съ женой послѣ того, какъ открылась его невѣрность, несмотря на то, что вчера вечеромъ горничная жены Параша не пустила его въ спальню и объявила, что Дарья Александровна больна, не хочетъ его видѣть и приказала укладывать свои и дѣтскія вещи, съ тѣмъ чтобы переѣхать къ матери, несмотря на все это и на 41 годъ жизни, здоровая натура Степана Аркадьевича взяла свое, и онъ спалъ крѣпко до привычнаго часа 8 часовъ утра, когда ему было время ѣхать въ присутствіе.²⁴⁷

— Ахъ! — вскрикнулъ онъ, когда проснулся и вспомнилъ все, что было. «Обойдется, пройдетъ», подумалъ онъ, спуская съ кровати²⁴⁸ бѣлыя жирныя, мускулистыя²⁴⁹ стегны и отыскивая маленькими жилистыми ступнями шитыя женою и подаренныя къ прошлому рожденью на золотистомъ сафьянѣ щегольскія туфли. Надѣвъ щегольской халатъ работы французскаго портнаго, халатъ, который приписанъ былъ послѣдній разъ въ 80 рублей къ счету портнаго, чтобы составить ровно тысячу, Степанъ Аркадьичъ прошелся по комнатамъ, и, какъ ни не непріятно ему было на душѣ, легкая походка его сильныхъ ногъ, такъ легко носившихъ ожирѣвающее красивое тѣло и широкой грудной ящикъ, была также красива, и плечи держались также назадъ и грудь впередъ, и²⁵⁰ румяное лицо, когда онъ взглянулъ на себя въ большое зеркало, было также красиво, и русыя бакенбарды съ серебряной сѣдиной также красиво вились по сторонамъ щекъ и скулъ,²⁵¹ и волосы, несмотря на проведенную ночь, также курчавились по вискамъ и по плѣши красиво рѣдѣли на срединѣ головы.

²⁵²Вошелъ Матвѣй, лакей, старый другъ и товарищъ Степана Аркадьича, въ щегольскомъ пиджакѣ, съ золотой цѣпочкой на жилетномъ карманѣ и съ ріпсе-пез на шнуркѣ. Такой же щеголь цирюльникъ почтительно и весело шелъ за нимъ съ своимъ клеенчатымъ сверткомъ и бѣлыми полотенцами и парящейся серебряной кружкой. Цирюльникъ привычными глянцево-пухлыми руками раскладывалъ принадлежности на уложенномъ щеточками, бутылочками, коробочками съ серебряными съ вензелями крышечками и ручками, Матвѣй подаль два письма на серебряномъ подносѣ и телеграмму. Отвѣтъ заплаченъ. И положивъ руки въ карманы и разставивъ твердо ноги въ мягкихъ сапогахъ, съ боку²⁵³ насмѣшливо, успокоительно

²⁴⁶ *Ниже поперекъ страницы написано: <Гагинъ по утру съ Ордынцевымъ.> <Стоюнинъ> <Ордынцевъ> <и обѣдъ.> Сбоку на поляхъ написано: <Въ его взглядѣ вдругъ выраженіе покорности лягавой собаки, и она не можетъ сердиться.> Тамъ же, ниже, но позднее, судя по почерку, написано: <Въ началѣ бала веселость, смѣлость обуяла Гагина.> <Въ концѣ встрѣчаются глазами. У нихъ уже есть прошедшее.> <Я уѣду, признаюсь. Я глупо вела себя. Я уѣду, и все кончится.> <Гагинъ бодрый, твердъ и красавецъ.>*

²⁴⁷ *Зачеркнуто: суда*

²⁴⁸ *Зач.: сильныя*

²⁴⁹ *Зач.: ноги*

²⁵⁰ *Зач.: краснов[атое]*

²⁵¹ *В подлиннике: скулы*

²⁵² *Зачеркнуто: — Матвѣй! — крикнулъ онъ. — Цирюльникъ тутъ?*

²⁵³ *Зач.: добродушно*

и вмѣстѣ съ тѣмъ уныло смотрѣлъ на своего барина. «Денегъ нѣтъ, долговъ куча, съ барыней разстройство, а въ ее имѣньѣ надо лѣсъ продать, плохо.²⁵⁴ Ничего, сударь Степанъ Аркадьичъ, и я не оставлю барина, и обойдется, все обойдется и образуется», говорилъ его взгляды.

Одно письмо было изъ Петербурга²⁵⁵ отъ сестры Степана Аркадьича Анны Аркадьевны Карениной. Она писала, что мужъ уѣзжаетъ на ревизію и что ей скучно, несмотря на свѣтъ, скучно безъ мужа. Примутъ ли ее они къ себѣ? Она пріѣхала бы на недѣлю, и слухи и свѣтскія и шутки. «Вотъ женщина, – подумалъ Степанъ Аркадьичъ про сестру. – И вѣрная жена, и свѣтская женщина, и всегда весела и терпима. Нѣтъ этаго какого то пуризма московскаго», подумалъ онъ. Другое письмо было отъ Лидіи Ивановны, той самой особы, которая была причиной разстройства съ женой. Она ничего не знала или не хотѣла знать и звала обѣдать сегодня въ Эрмитажъ²⁵⁶ и сѣхаться въ Зоологическомъ саду въ 3 часа послѣ присутствія. Потомъ былъ черный ящикъ служебныхъ бумагъ въ видѣ гармоніи.

– Ну а изъ Присутствія? – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, придерживая руку цирюльника.

– Гармонія полная, – отвѣчалъ Матвѣй, – прикажете принести?

Гармоніей жена Долли Александровна называла шутя огромный большой обитый кожей ящикъ, въ которомъ приносились служебныя бумаги.

– Нѣтъ, послѣ.

Дожидавшаяся рука цирюльника опять легко задвигалась въ кисти, сгребая щетину съ мыломъ и оставляя нѣжно-розовыя поляны. «Какъ нибудь обойдется», все спокойнѣе и спокойнѣе думалъ Степанъ Аркадьичъ по мѣрѣ движенія впередъ своего туалета.> Два дѣтскія голоса – Степанъ Аркадьичъ узналъ голоса Гриши, старшаго мальчика, и Тани, дѣвочки любимицы – слышались за дверями.

– Нѣтъ, ты не можешь? – кричала по англійски дѣвочка. Степанъ Аркадьичъ²⁵⁷ подошелъ къ двери и кликнулъ:

– Таня!

8-лѣтняя дѣвочка вбѣжала въ столовую, обняла отца и повисла ему на шеѣ, такъ что и такъ красная толстая шея его побагровѣла, и поцѣловала его въ²⁵⁸ душистое лицо. Дѣвочка любила этотъ легкій запахъ духовъ, распространявшійся, какъ отъ саше, отъ бакенбардъ отца и всегда соединявшійся съ впечатлѣніемъ ласки отца.

– Что мама?

– Мама давно встала.

«Значитъ, не спала всю ночь», подумалъ Степанъ Аркадьичъ.

– Что, она весела?

Дѣвочка задумалась.

– Должно быть. Она не велѣла учиться, а велѣла идти гулять съ Мисъ²⁵⁹ Гуль и къ бабушкѣ.²⁶⁰

«Правду говоритъ Матвѣй, образуется. Великое слово – образуется, – подумалъ Степанъ Аркадьичъ. – И что тутъ такого ужаснаго?²⁶¹ Вѣдь все тоже, что было, вѣдь что же новаго? Ахъ, какъ ее жалко, ахъ, какъ ее жалко».

– Ну иди, постой.

²⁵⁴ *Зач.*: Но все пустое на свѣтъ, и все пройдетъ.

²⁵⁵ *Зач.*: служебное, другое отъ Лидіи Ивановны

²⁵⁶ *Зачеркнуто*: съ Васей Красавцевымъ

²⁵⁷ *Зач.*: остановился въ выравниваніи тонкой рубашки изъ подъ помочей

²⁵⁸ *Зач.*: губы

²⁵⁹ *Зач.*: Теборъ

²⁶⁰ *Зач.*: «Обойдется, навѣрно обойдется».

²⁶¹ *Зачеркнуто*: Главное, отчего не могутъ всѣ жить, не сердиться, не ссориться.

Онъ досталь со стола, гдѣ вчера поставилъ; коробочку конфетъ и далъ ей двѣ, выбравъ ее любимыя – шоколадную и помадную. <Туалетъ его ужъ былъ конченъ, мундирные панталоны, жилетъ, часы съ кучей брелокъ и двумя цѣпочками въ обоихъ карманахъ и крестъ на шеѣ маленькій форменный, но нарочно заказанный. Степанъ Аркадьичъ говаривалъ, что нѣтъ ничего болѣе дурнаго тона, какъ крестъ на шеѣ, а вмѣстѣ есть манера его носить такъ, что ничего нѣтъ порядочнѣе, и онъ зналъ эту манеру, и изъ подъ его щегольски красиваго добраго и веселаго лица, изъ подъ его бакенбардъ на его рубашкѣ и бѣломъ галстукѣ съ крошечными золотыми запонками крестъ былъ хорошъ. Онъ этаго ничего не думалъ. Нѣсколько разъ прежде онъ думалъ это, но по привычкѣ долго постоялъ передъ зеркаломъ, стирая батистовымъ платкомъ излишніе духи съ бакенбардъ. «Обойдется, обойдется», подумалъ онъ, оправляя свѣжіе манжеты, окаймлявшіе бѣлые отдѣланныя руки. Онъ надѣлъ сертукъ, расправилъ плечи и, привычнымъ движеніемъ рассовавъ²⁶² по карманамъ спички, сигары, бумажникъ, кошелекъ, все щегольское, не блестящее, но элегантное, вышелъ²⁶³ въ столовую, легко ступая по ковру въ своихъ лайковыхъ, какъ перчатки, мягкихъ сапогахъ и потирая руки. Въ столовой стоялъ на кругломъ [?] столѣ серебряный приборъ съ кофеемъ на бѣлѣйшей, чуть крахмаленной скатерти. Тутъ, за кофеемъ, онъ проглядѣлъ кое какія бумаги, привычными ловкими движеніями развертывая, перекладывая, сдѣлалъ огромнымъ карандашомъ отмѣтки, тутже выдалъ на необходимое 50 рублей Матвѣю изъ 180, которые у него были въ бумажникѣ, и отказалъ долгъ, обѣщанный хозяину извозчику и прикащику изъ магазина. Все время онъ кушалъ кофей съ любимымъ своимъ калачомъ съ масломъ, такъ красиво жуя своими румяными сочными губами и аппетитно и спокойно, что казалось неприлично, чтобы у этаго человѣка могло быть горе и непріятности. Но горе было, и нѣтъ нѣтъ – онъ останавливался жевать и прислушивался, перебирая пальцами окружность бакенбардъ. За затворенными дверьми онъ слышалъ шаги жены.>²⁶⁴

– Готова карета?

– Подаетъ.

И дѣйствительно, каретныя лошади съ громомъ выдвинулись подъ окно.

– Дай портфель, – сказалъ онъ и, взявъ шляпу, остановился, вспоминая, не забылъ ли что.

И онъ вспомнилъ, что ничего не забылъ, кромѣ того, что хотѣлъ забыть, – про жену. «Ахъ да, – лицо его приняло тоскливое выраженіе, – не попробовать ли поговорить съ ней подъ предлогомъ пріѣзда Анны. Вѣдь когда нибудь нужно», сказалъ онъ себѣ,²⁶⁵ вынулъ папиросу, закурилъ, пыхнулъ два раза, бросилъ въ перламутровую раковину-пепельницу и быстрыми шагами пошелъ къ дверямъ гостиной къ женѣ. Сухая женщина съ костлявыми руками, въ кофточкѣ и съ зачесанными косою рѣдкими волосами, быстро шла черезъ гостиную и, увидѣвъ его, остановилась.²⁶⁶ Ненависть, стыдъ, зависть выразилась на лицѣ жены; она сжала руки, и голова ея затряслась.

– Долли! – сказалъ онъ тихимъ, не робкимъ и пріятнымъ голосомъ. – Долли, – повторилъ онъ уже робко.

– Что вамъ нужно?

– Долли! Анна пріѣдетъ нынче.

– Ну чтожъ мнѣ. Мнѣ ее не нужно.

– Но надо же...

²⁶² В подлиннике: рассоваль

²⁶³ Зач.: чуть постукивая каблуками,

²⁶⁴ Зач.: и останавливался жевать, чтобы прислушаться; другой разъ онъ слышалъ ея голосъ, приказывающій что то Англичанкѣ. Когда онъ всталъ отъ кофея съ пріятной теплотой въ тѣлѣ и поглядѣлъ въ окно на дворъ, освѣщенный солнцемъ, гдѣ карета чистая, блестящая на зимнемъ солнцѣ скрипѣла, подъѣзжая къ крыльцу, онъ рѣшительнѣе еще, чѣмъ прежде

²⁶⁵ Зачеркнуто: обойдется

²⁶⁶ Зач.: Отвращеніе, злоба, презрѣніе

– Зачѣмъ вы? Уйдите, уйдите, уйдите, все²⁶⁷ пронзительнѣе, непріятнѣе, неприличнѣе²⁶⁸ провизжала Долли Александровна, такъ, какъ будто крикъ этотъ былъ вызываемъ физической болью.

Кто бы теперь, взглянувъ на это худое, костлявое тѣло съ рѣзкими движеніями, на это измозченное съ нездоровымъ цвѣтомъ и покрытымъ морщинками лицо, узналъ ту Княжну Долли Щербацкую, которая 8 лѣтъ тому назадъ составляла украшеніе московскихъ баловъ своей строгой фигуркой съ широкой высокой грудью, тонкой таліей и маленькой прелестной головкой на²⁶⁹ нѣжной шеѣ.

– Долли, – продолжалъ Степанъ Аркадьичъ, – что я могу сказать. Одно – прости. Прости.²⁷⁰ Вспомни, развѣ 8 лѣтъ жизни не могутъ искупить минуты увлеченія?

Она слушала до сихъ поръ съ злобой съ завистью, оглядывая нѣсколько разъ съ ногъ до головы его сіяющую свѣжестью и здоровьемъ фигуру, но она слушала, онъ видѣлъ, что она хотѣла, желала всей душой, чтобъ онъ нашелъ слова такіе, которые бы извинили его, и онъ не ошибался; но одно слово – *увлеченье* напомнило ей ту женщину; опять, какъ отъ физической боли, сморщилось изуродовалось ея лицо, и она закричала:

– Уйдите, уйдите. Развѣ вы не можете оставить меня одинъ день? Завтра я переѣзжаю.

– Долли!..

– Сжальтесь хотя надо мной, вы только мучаете меня, – и ей самой стало жалко себя, и она упала на диванъ и зарыдала.

Какъ электрической искрой, то же чувство жалости передалось ему. Сіяющее лицо его вдругъ расширилось, губы распухли, глаза налились слезами, и онъ заплакалъ.

– Долли! – говорилъ онъ, – вотъ я на колѣняхъ передъ тобой. Ради Бога, подумай, что ты дѣлаешь. Подумай о дѣтяхъ. Они не виноваты. Я виноватъ, и накажи меня, вели мнѣ, я... Ну чтожъ? Ну чтожъ дѣлать? – говорилъ онъ, разводя руками, – прости, прости.

– Простить. Чтожъ тутъ прощать? – сказала она, удерживая слезы, но съ мягкостью въ голосъ, подавшей ему надежду. – Нѣтъ словъ, чтобы выразить то положеніе, въ которое вы и я поставлены. У насъ дѣти. Я помню это лучше васъ, нечего мнѣ напоминать. Ты помнишь дѣтей, чтобы играть съ ними.

Она, забывшись, сказала ему «ты», и онъ уже видѣлъ возможность прощенія и примиренія; но она продолжала:

– Разойтись теперь – это разстроить семью, заставить дѣтей стыдиться, не знать отца; поэтому все въ мірѣ я сдѣлала бы, чтобы избавить ихъ отъ этаго несчастья.

Она не смотрѣла на него, голосъ ея смягчался все болѣе и болѣе, и онъ только ждалъ того, чтобы она перестала говорить, чтобы обнять ее.

– Но развѣ это возможно, скажите, развѣ это возможно, – повторяла она, – послѣ того какъ мой мужъ, отецъ моихъ дѣтей, пишетъ письмо моей гувернанткѣ, гадкой дѣвчонкѣ. – Она стала смотрѣть на него, и голосъ ея сталъ пронзительнѣе и все поднимался выше и выше по мѣрѣ того, какъ она говорила. – Вы мнѣ гадки, противны,²⁷¹ – сказала она опять сухо и злобно. – Ваши слезы – вода, вы никогда не любили меня, вы могли уважать мать своихъ дѣтей. Дѣтямъ все лучше, чѣмъ жить съ развратнымъ отцомъ, чѣмъ видѣть мое презрѣніе къ вамъ и къ мерзкой дѣвчонкѣ. Живите съ ней.

Въ это время закричалъ грудной ребенокъ. Она прислушалась, лицо ея смягчилось, и она пошла къ нему.

²⁶⁷ *Зач.*: громче и громче

²⁶⁸ *Зач.*: кричала она

²⁶⁹ *Зач.*: бѣлой

²⁷⁰ *Зач.*: Развѣ не могутъ быть увлеченія?

²⁷¹ *Зачеркнуто*: Она открыла лицо

– Если вы пойдете за мной, я позову дѣтей. Я уѣзжаю къ матери и уѣду, оставайтесь съ своей любовницей.

Она вышла. Степанъ Аркадьичъ остановился, опутивъ голову, и, глядя въ землю, тяжело вздохнулъ,²⁷² <перебирая концами пальцевъ окруженія бакенбардовъ. «И тривіально и гадко, точно Акимова въ Русской пьесѣ. Кажется, не слышали. Какъ это не имѣть чувства собственнаго достоинства».>

«Вѣдь любить же она ребенка, – подумаль Степанъ Аркадьичъ, замѣтивъ смягченіе ея лица при крикѣ ребенка. – Вѣдь любить же она ребенка, моего ребенка, какъ же она можетъ ненавидѣть меня? Неужели образуется? Да, образуется. Но не понимаю, не понимаю какъ», сказалъ себѣ Степанъ Аркадьичъ и вышелъ изъ гостиной, отирая слезы.²⁷³ «Одно ужасно – это что она беременная. Какъ она мучается и страдает! Чтобы я далъ, чтобы избавить ее отъ этихъ страданій, но кончено, не воротишь. Да вотъ несчастье, вотъ кирпичъ, – говорилъ онъ, – свалился на голову. – Онъ пошелъ тихими шагами къ передней. – Матвѣй говорить: образуется. Но какъ? Я не вижу даже возможности. Ахъ, ахъ! Какой ужасъ и какъ тривіально она кричала, какъ неблагородно, – говорилъ онъ себѣ, вспоминая ея крикъ и слово: любовница. – Можетъ быть, дѣвушки слышали. Ужасно, тривіально, подло».

Матвѣй встрѣтилъ въ проходной съ требованіемъ денегъ на расходы для повара и доложилъ о просителѣ. Какъ только Степанъ Аркадьичъ увидалъ постороннихъ людей, голова его поднялась, и онъ опять пришелъ въ себя. Онъ быстро, весело выдалъ деньги, объяснился съ просителемъ и, вскочивъ въ карету, весело закричалъ, высовывая изъ окна свою красивую голову въ мягкой шляпѣ:

– ²⁷⁴На Николаевскую дорогу.²⁷⁵

*** № 7 (рук. № 8).**

АННА КАРЕНИНА. РОМАНЪ.

«Отмищеніе Мое».

I.

²⁷² *Зачеркнуто:* «Ахъ, это ужасно. – Потомъ онъ обтеръ лицо и виски. – А можетъ быть и обойдется». – Карета стояла у подъѣзда.

²⁷³ *Зач.*: Матвѣй ожидалъ съ пальто. – Кушать дома не изволите? – Нѣтъ. Швейцаръ вынесъ гармонію съ казенными бумагами и захлопнулъ дверцу. По привычкѣ Степанъ Аркадьичъ закурилъ папирску и опустилъ окно. «Даже навѣрно обойдется», сказалъ онъ себѣ, когда карета покатила визжа по улицамъ, и онъ по привычкѣ, подѣзжая къ Присутствію, дѣлалъ программу дня. «Обѣдать съ ней нельзя, но надо заѣхать завтракать въ Зоологическій садъ и сказать ей; поѣду обѣдать въ клубъ, а вечеромъ посмотрю, что дома. Не можетъ же это такъ остаться». Вдругъ ему пришла счастливая мысль: «Анна. Да, сестра Анна устроить это. Анна – это такой тактъ, терпимость. Жена любить ее». Анна была любимая сестра Степана Аркадьича, замужемъ за Директоромъ Департамента въ Петербургѣ. Анна для Степана Аркадьича была идеаль всего умнаго, красиваго, граціознаго, прекраснаго, добраго «Анна все устроить, я напишу ей, и она устроить». Въ присутствіи еще, въ своемъ кабинетѣ, Степанъ Аркадьичъ написалъ письмо сестрѣ, умоляя ее пріѣхать и помирить его съ женою. Потомъ онъ весело, какъ бы покончивъ это дѣло, надѣлъ мундиръ и пошелъ въ присутствіе. Въ присутствіи были интересныя дѣла, и Степанъ Аркадьичъ, какъ всегда, былъ добръ, простъ, мягокъ съ подчиненными и просителями и толковъ, ясенъ, неторопливъ въ исполненіи дѣла. Когда ему въ 4-мъ часу сказали, что карета пріѣхала, онъ уже чувствовалъ апетитъ и рѣшилъ, что можно не обѣдать съ Лидіей, а поговорить съ ней и хоть позавтракать <въ Зоологическомъ саду>. Можетъ быть, тамъ не очень уже гадко ѣдать въ ресторанѣ.

²⁷⁴ *Зачеркнуто:* – Въ присутствіе.

²⁷⁵ *На обороте листа написано:* Въ Присутствіи вызываютъ. Враждебность. Одинъ – Степанъ Аркадьичъ – не вникаетъ въ смыслъ жизни и спать. Другой – Ордынцевъ – ищетъ добра, устройства. Ордынцевъ былъ во всемъ разгарѣ объясненія. Купцы, когда явилась сіяющая фигура Степана Аркадьича.

²⁷⁶ Несмотря на то, что онъ спалъ уже 3-ю ночь вслѣдствіи ссоры съ женой²⁷⁷ не въ спальнѣ жены,²⁷⁸ а на сафьяновомъ диванѣ въ своемъ кабинетѣ, сонъ Степана Аркадьевича Алабина былъ также²⁷⁹ тихъ и сладокъ, какъ и обыкновенно,²⁸⁰ и въ обычный часъ, 8 утра, онъ сталъ ворочать съ боку на бокъ свое²⁸¹ тѣло на пружинахъ дивана и тереться лицомъ о подушку, крѣпко обнимая ее, потомъ открылъ глаза,²⁸² сѣлъ на диванѣ и, сладко улыбаясь, растянулъ,²⁸³ выставивъ локти, свою широкую грудь, и улыбающіеся румяныя губы перешли въ зѣвающія. «Да что бишь? — думалъ онъ, вспоминая сонъ. — Миша Кортневъ давалъ обѣдъ въ Нью Йоркѣ на стеклянныхъ столахъ, да и какія то маленькія женщины, а хорошо. Много еще что то тамъ было отличнаго, да не вспомнишь. А надо вставать»,²⁸⁴ сказалъ онъ себѣ, замѣтивъ кружки свѣта въ проѣденныхъ молю дыркахъ суконныхъ сторъ и ощущая²⁸⁵ холодъ на тѣлѣ отъ сбившейся простыни съ сафьяннаго дивана. «Вставать, такъ вставать». Онъ быстро скинулъ ноги съ дивана,²⁸⁶ отыскать ими шитыя женой — подарокъ къ прошлому рожденію — золотисто сафьянныя туфли и по старой, 9-лѣтней привычкѣ потянулся рукой къ тому мѣсту, гдѣ въ спальнѣ у него всегда висѣлъ халатъ, и тутъ вдругъ вспомнилъ, какъ и почему онъ спитъ не въ спальнѣ, а въ кабинетѣ, и улыбка исчезла съ его красиваго²⁸⁷ лица. Онъ²⁸⁸ сморщился. Лицо его приняло на мгновеніе выраженіе²⁸⁹ испуганное и виноватое.

²⁷⁶ *Зачеркнуто:* Степанъ Аркадьевичъ Алабинъ, несмотря на <41 годъ жизни, на сѣдющія нити въ длинныхъ курчавыхъ бакенбардахъ, на одѣвающееся уже откормленнымъ жиромъ расширѣвшее тѣло, спалъ сномъ ребенка, и спокойствіе его сна не нарушилось никакими нравственными причинами> 37 лѣтъ отъ роду, не потерялъ еще способности ребяческаго спокойнаго сна, несмотря ни на какія нравственные невзгоды.

²⁷⁷ *Зач.*: въ первый разъ послѣ 9 лѣтъ

²⁷⁸ *Зач.*: куда его не пустили вчера вечеромъ вслѣдствіи открывшейся его невѣрности

²⁷⁹ *Зач.*: хорошъ

²⁸⁰ *Зач.*: и онъ проснулся въ привычный часъ, 8 часовъ, время, когда ему надо было ѣхать въ одно изъ Московскихъ присутствій, гдѣ онъ былъ председателемъ, проснулся, потягиваясь, растягивая и вздымая свою геркулесовскую широкую грудь и сладко чмокая румяными улыбающимися губами. Зимній яркій свѣтъ уже проходилъ въ щели между тяжелыми гардинами, и сафьянъ охлаждалъ тѣло подъ сбившейся простыней.

²⁸¹ *Зач.*: тяжелое, одѣтое жиромъ, откормленное

²⁸² *Зач.*: кругло зѣвнулъ и улыбаясь

²⁸³ *Зач.*: разставивъ

²⁸⁴ *Зач.*: И несмотря на жиромъ одѣтое, откормленное тѣло, онъ скинулъ

²⁸⁵ *Зачеркнуто:* непривычный

²⁸⁶ *Зач.*: маленькими ступнями

²⁸⁷ *Зач.*: свѣжаго

²⁸⁸ *Зач.*: привычнымъ ему жестомъ въ минуты задумчивости сталъ <быстро перебирать и ощупывать кончиками тонкихъ бѣлыхъ и пухлыхъ пальцевъ съ овальными розовыми ногтями лѣвой руки верхнія волоски бакенбардъ, какъ бы повѣряя правдивость ихъ формы> потирать красивой пухлой рукой лобъ и выходящие волосы на маковкѣ. Онъ вдругъ вспомнилъ все, что было вчера вечеромъ, когда онъ, веселый и ласковый, съ коробкой конфетъ вернулся изъ театра и вмѣсто милой <старой>, всегда тихой, ласковой подруги, жены и матери своихъ дѣтей, увидѣлъ блѣдную женщину съ окоченѣвшими, какъ будто дрожащими членами и смотрѣвшими прямо на него и остановившимися глазами, горѣвшими непримиримой злобой, даже ненавистью. Онъ, <такъ любившій любить всѣхъ и быть любимымъ, такъ любившій свою жену не какъ женщину, но какъ стараго друга и мать дѣтей, всегда ласковый, пріятный, добрый со всѣми> всегда гордившійся — если онъ чѣмъ нибудь гордился — тихой прелестью своей семьи, долго не могъ понять, что случилось. Хотя онъ зналъ себя въ отношеніи вѣрности давнымъ давно и сто разъ виноватымъ передъ женой, онъ такъ самъ привыкъ къ этому, что иногда думалъ, что и она знаетъ и привыкла; и ему въ голову не могло придти, чтобы послѣ 9 лѣтъ вдругъ такая счастливая жизнь сдѣлалась адомъ только потому, что она узнала одну изъ его послѣднихъ невѣрностей. Когда она показала ему его любовное письмо <къ бывшей у нихъ гувернанткѣ> <къ Лидіи Ивановнѣ>, попавшее самымъ страннымъ, несчастнымъ случаемъ ей въ руки, и когда она сказала ему, что теперь все кончено между ними и что она завтра уѣдетъ отъ него, онъ былъ такъ ошеломленъ, что ничего не отвѣтилъ и даже не измѣнилъ веселаго выраженія своего лица, какъ это часто бываетъ съ людьми, слишкомъ неожиданно пораженными. Самъ не зная зачѣмъ, онъ даже улыбнулся. Только уже послѣ понявъ весь ужасъ своего и ея положенія, понявъ, что она до этой минуты ничего не знала, что она считала его чистымъ, понявъ, какъ ужасно ей было вдругъ разочароваться, онъ попытался виниться, просить прощенія, обѣщать исправленія; но она не хотѣла его слышать и, еще разъ подтвердивъ свое намѣреніе разойтись, вышла изъ комнаты и не хотѣла его больше видѣть. Какъ ни невозможно ему казалось исполненіе ея угрозы — послѣ 10 лѣтъ <внѣшне> хорошей дружной жизни съ 5 человѣками дѣтьми и съ однимъ въ брюхѣ бросить мужа, онъ боялся жены; онъ зналъ ея кротость, характеръ тихій, холодный, честный и твердый. Какъ ни невозможно казалась ея угроза, онъ тоже не могъ себѣ представить того, чтобы, сказавъ что нибудь такъ рѣшительно, какъ она объявила свое рѣшеніе вчера вечеромъ,

– АААА!, – промычалъ онъ, вспоминая все, что было.

Было то, что любовная записка его къ Лидіи Ивановнѣ Шеръ, бывшей у нихъ въ домѣ гувернанткой, попалась въ руки женѣ однимъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ случаевъ, которые какъ нарочно придуманы для того, чтобы дѣлать людей несчастными, и началось то, чего никакъ и ожидать нельзя было. Оказалось то, чего еще меньше ожидалъ Степанъ Аркадьичъ, – что жена его теперь только, послѣ 9 лѣтъ, открыла, что онъ никогда не былъ ей вѣренъ. Онъ хотя и никогда не думалъ хорошенько объ этомъ, но предполагалъ, что она подозрѣваетъ и не хочетъ доходить до подробностей. Оказалось, что вслѣдствіи этой попавшейся записки²⁹⁰ жена пришла въ неистовство и съ пятью человѣками дѣтей и съ 6-мъ въ брюхѣ объявила ему, что она жить съ нимъ не будетъ и разойдется. Если бы это сказала другая женщина, Степанъ Аркадьичъ, можетъ быть, и не обратилъ бы на эту угрозу вниманія, но жена его была (онъ признавалъ ее такою) твердая, рѣшительная, прекрасная женщина, которая не любила говорить фразъ, а что говорила, то и дѣлала. И вотъ прошло 3 дня. Она не²⁹¹ пускала его себѣ на глаза, и онъ зналъ, она что то дѣлала, готовила съ своей матерью.

– Ие! Ие! – покряхтывалъ онъ съ гадливымъ выраженіемъ лица, какъ будто онъ испачкался въ вонючую грязь, вспоминая самыя тяжелыя для себя впечатлѣнія изъ этой первой сцены, и легъ опять на диванъ. «Ахъ, если бы заснуть опять. Какъ тамъ все это въ Америкѣ безтолково, но хорошо было». Но заснуть уже нельзя было, и ему живо представилась эта первая минута, когда онъ, вернувшись изъ театра веселымъ и довольнымъ, увидалъ ее съ несчастнымъ письмомъ въ рукѣ и съ столь преобразовавшимъ ея всегда доброе, милое, хорошее лицо выраженіемъ отчаянія и ненависти во взглядѣ. И при этой встрѣчѣ, какъ это часто бываетъ, мучало его больше всего не самая неблаговидность своего поступка (онъ признавалъ ее), не та боль, которую онъ ей сдѣлалъ (онъ жалѣлъ ее всей душой), но его мучало болѣе всего та глупая роль, которую онъ сыгралъ въ эту первую минуту.

Съ нимъ случилось то, что случается съ людьми, когда они неожиданно уличатся въ чемъ нибудь слишкомъ неожиданно постыднымъ. Онъ не сумѣлъ приготовить свою физиономію къ тому положенію, въ которое онъ становился передъ женой послѣ открытія его связи. вмѣсто того чтобы оскорбиться, отречься, оправдываться, просить прощенья, остаться даже равнодушнымъ, его лицо, совершенно помимо его воли (видно, нервы не успѣли передать смысла впечатлѣнья), лицо его вдругъ очень мило и пріятно, хотя и нѣсколько насмѣшливо улыбнулось. Этого онъ не могъ забыть и не могъ простить себѣ и чувствовалъ, что этимъ онъ погубилъ себя совершенно. Да, и тонъ ея и взглядъ, когда она сказала: «теперь мы чужіе, ни я, ни дѣти не могутъ оставаться съ вами»,²⁹² былъ такой, что она не можетъ измѣнить своему рѣшенію. «И послѣ такой моей глупой улыбки чтожъ она могла сказать и сдѣлать».

<Степанъ Аркадьичъ нѣсколько разъ крякнулъ и ахнулъ, одѣваясь и живо вспоминая вчерашнее. Онъ не видѣлъ выхода, а между тѣмъ въ глубинѣ души его голосъ говорилъ ему, что пройдетъ и обойдется: «Несчастье – думалъ онъ, – вины тутъ моей нѣтъ почти никакой, невозможно же жить иначе, и никто (при этомъ онъ вспоминалъ своихъ сверстниковъ знакомыхъ) и не можетъ подумать, чтобы можно жить иначе. И она страдает, ее жалко, ужасно жалко, – говорилъ себѣ Степанъ Аркадьичъ, вспоминая лицо жены, исполненное выраженіемъ ненависти, но, несмотря на желаніе выразить ненависть, выражающее страшное страданіе. – Да, ее жалко, ужасно жалко».> «Да, несчастье, – думалъ онъ, – ужасное несчастье. Бываетъ же,

чтобы она измѣнила ему. Если онъ и хотѣлъ надѣяться, что она все таки проститъ его, онъ не могъ себѣ представить, какъ она это сдѣлаетъ. Онъ помнилъ ея лицо и не могъ вѣрить, чтобы она измѣнила своему рѣшенію; такъ не похоже было на нее, всегда благоразумную, спокойную и твердую, сказать и не сдѣлать.

²⁸⁹ Зач.: испуганной и виноватой собаки.

²⁹⁰ Зачеркнуто: Дарья Александровна

²⁹¹ Зач.: хотѣла его видѣть и

²⁹² Зачеркнуто: «это рѣшено и кончено», подтверждалъ что кончено, когда она сказала это.

что идетъ человѣкъ по улицѣ, и кирпичъ упадетъ ему на голову. Вотъ кирпичъ и упалъ мнѣ на голову. Но чтожъ дѣлать, чтожъ дѣлать. И какъ хорошо было все до этого, какъ мы счастливо жили. И кому какой вредъ я сдѣлалъ этимъ? Никому.²⁹³ Правда, нехорошо, могутъ сказать что она была гувернанткой у насъ въ домѣ. Это правда, что нехорошо, – сказалъ онъ себѣ. – Что-то тривіальное, пошлое есть въ этомъ, но вѣдь пока она была у насъ въ домѣ, я не позволялъ себѣ ничего. Но все сдѣлала эта улыбка. Одно нехорошо – бѣдняжка страдаетъ. И она беременная». И онъ опять видѣлъ передъ собой глаза, дышашіе ненавистью, и содрагающійся ротъ и выраженіе напрасно скрываемаго страданія и чувствовалъ свою глупую улыбку. «Что мнѣ дѣлать чтожъ мнѣ дѣлать?»,²⁹⁴ говорилъ онъ себѣ, и отвѣта не было, кромѣ того общаго отвѣта, который даетъ жизнь на всѣ сложные и неразрѣшимые вопросы. Отвѣтъ этотъ: надо жить потребностью дня, а тамъ видно будетъ. <И какъ сладкій, крѣпкій сонъ²⁹⁵ не оставлялъ Степана Аркадыча, несмотря ни на какія нравственныя потрясенія, такъ и сонъ жизни дневной, увлеченіе привычнымъ житейскимъ движеніемъ, независимымъ отъ душевнаго состоянія, и это увлеченіе сномъ жизни никогда не оставляло его.> И онъ поспѣшилъ отдаться²⁹⁶ этой потребности дня. «Тамъ видно будетъ», сказалъ онъ себѣ, надѣлъ халатъ, привычнымъ молодецкимъ шагомъ подошелъ къ окну, поднялъ стору и громко позвонилъ.

II.

И какъ только яркій свѣтъ зимняго утра освѣтилъ косыми лучами темные узоры ковра, изогнутое кресло и огромный письменный столъ, заставленный бездѣлушками и на краю котораго лежали пакеты и письма,²⁹⁷ Степанъ Аркадычъ сталъ, какъ кошка лапами засыпаетъ²⁹⁸ то, что ей не нравится, сталъ заваливать то, что мучало его.²⁹⁹ Вошедшій старый другъ камердинеръ Матвѣй внесъ платье и сапоги и подаль новыя письма и одну телеграмму. Степанъ Аркадычъ схватилъ жадно письма и, разорвавъ ихъ, сѣлъ къ зеркалу и велѣлъ позвать цирюльника.

– Отъ хозяина извозчика приходили, – сказалъ Матвѣй, положивъ руки въ карманы пиджака.

Степанъ Аркадычъ³⁰⁰ ничего не отвѣтилъ и только взглянулъ на Матвѣя съ выраженіемъ соболѣзнованія къ самому себѣ. Матвѣй уныло, насмѣшливо и вмѣстѣ съ тѣмъ успокоительно твердо молча посмотрѣлъ на своего барина.³⁰¹

– Я приказалъ придти въ то воскресенье, а до тѣхъ поръ чтобы не беспокоили васъ и себя по напрасну, – сказалъ Матвѣй.

Степанъ Аркадычъ взглянулъ еще разъ на Матвѣя, и въ выраженіи лица его была благодарность и нѣжность. «Вотъ человѣкъ, который понимаетъ меня, вотъ истинный другъ», подумалъ онъ.

«Такъ ты думаешь ничего?», сказалъ его вопросительный взглядъ.

«Знаю, все знаю, – отвѣчалъ взглядъ Матвѣя, – знаю, что деньги нужны и долговъ много и что надо было лѣсъ продать въ имѣнныя барыни. А теперь разстройство».

²⁹³ *Зач.*: <А главное то поражало его.> Это было и давно, и мы жили прекрасно, и она была счастлива. Вѣдь ничто же не измѣнилось.

²⁹⁴ *Зач.*: И что будетъ? Не простить, нѣтъ, не простить. А можетъ быть, и обойдется.

²⁹⁵ *Зач.*: настоящій ночной никогда

²⁹⁶ *Зач.*: ему

²⁹⁷ *Зачеркнуто*: и телеграммы. И съ входомъ камердинера Матвѣя съ новыми письмами и телеграммой сонъ жизни охватилъ Степана Аркадыча.

²⁹⁸ *Зач.*: землею и пепломъ

²⁹⁹ *Зач.*: и заботы дня одна за другою живо представлялись ему.

³⁰⁰ *Зач.*: оглянулся на него съ удивленіемъ, какъ будто онъ не знаетъ, что денегъ нѣтъ. «Знаю, ну что жъ?»

³⁰¹ *Зач.*: Видно было, что онъ хотѣлъ пошутить. «Не только знаю, что денегъ нѣтъ, – говорилъ взглядъ Матвѣя, – но знаю <и всѣ> ваши обстоятельства, сударь. Знаю, <что долговъ куча, что денегъ нѣтъ и> что съ барыней разстройство, а что въ ея имѣнныя надо лѣсъ продать и что это васъ мучаетъ. Все знаю и понимаю и не совѣтую вамъ унывать, сударь, потому что не такія дѣла бывали и обходились».

– Да ничего, сударь, образуется, – сказалъ онъ вслухъ.

Степанъ Аркадьичъ, разорвавъ телеграмму, исправилъ своей догадкой перевранныя слова и понялъ, что сестра его, давно общавшая пріѣхать къ нимъ изъ Петербурга, будетъ³⁰² нынче.

— Матвѣй, Анна Аркадьевна будетъ³⁰³ нынче, – сказалъ онъ, остановивъ на минуту глянцевою пухлую ручку цирюльника, считавшаго розовую дорогу между кудрявыми бакенбардами.

– Слава Богу, – сказалъ Матвѣй, этимъ отвѣтомъ показывая, что онъ понимаетъ также, какъ и баринъ, значеніе этаго пріѣзда, т. е. что Анна Аркадьевна съумѣетъ помирить мужа съ женою. – Одни или съ супругомъ? – спросилъ онъ.

Степанъ Аркадьичъ не могъ говорить, такъ какъ цирюльникъ занятъ былъ верхней губой, и поднималъ одинъ палецъ. Матвѣй въ зеркало кивнулъ головой.

– Одни. Наверху приготовить?

– Барынѣ доложи, гдѣ прикажутъ.

– Барынѣ доложить? – повторилъ Матвѣй.

– Да, доложи, и вотъ возьми телеграмму передай, что они скажутъ.

– Слушаю-съ.

И подвинувъ душистое обтираніе, употребляемое послѣ бритья, и осмотрѣвъ еще разъ порядокъ, въ которомъ лежали платья и помочи, и поправивъ замѣченную имъ неправильность въ постановкѣ свѣтящихся ботинокъ, Матвѣй надѣлъ рѣс-нез, вдѣлъ большіе слоновой кости рѣзные запонки въ рукава и золотые въ воротъ тонкой, чистѣйшей рубашки и, на нѣкоторое отдаленіе отстранивъ, осмотрѣлъ ее, такъ какъ Степанъ Аркадьичъ былъ прихотливъ насчетъ бѣлья, и тогда только медленно вышелъ. Письма были хотя и незначительныя и не совсѣмъ пріятныя, но они исполняли то, что нужно было, они выставляли впередъ заботы дня и дальше и дальше застилали то, что было всегда нехорошо. Кромѣ писемъ были еще бумаги изъ того присутствія, въ которомъ Степанъ Аркадьичъ былъ членомъ и куда онъ сейчасъ долженъ былъ ѣхать. Онъ взглянулъ и на бумаги и, рѣшивъ, что особенно важныхъ не было, велѣлъ приготовить ихъ въ портфель, чтобы заняться ими въ кабинетѣ присутствія.

Степанъ Аркадьичъ, умывшись, оправивъ ногти и spraysнувъ бакенбарды, въ чистой рубашкѣ, въ панталонахъ и помочахъ стоялъ, нагнувшись передъ зеркаломъ, и двѣ круглыя щетки погоняли одна другую, вычесывая его кудрявые волосы и бакенбарды (это энергическое движеніе болѣе всего возбуждало его), когда Матвѣй³⁰⁴ съ тѣмъ же унылымъ и непроницаемымъ лицомъ вернулся въ комнату.

– Барыня приказали доложить: пускай дѣлаютъ, какъ имъ – вамъ т. е. – угодно, – сказалъ Матвѣй, «а что это значить, понимаете, какъ знаете», сказалъ его взглядъ.

Щетки на мгновеніе остановились, и волосы въ это время были зачесаны на лобъ, что придавало сконфуженному лицу Степана Аркадьича еще болѣе сконфуженное выраженіе. Онъ помолчалъ, остановивъ руки, вздохнулъ и вдругъ какъ бы сказавъ: «а чортъ съ ними со всѣми», еще рѣшительнѣе сталъ чесать волосы, не переставая, такъ что даже запыхался и покраснѣлъ, тѣми же щетками расчесалъ бакенбарды, перечесалъ волоса назадъ, бросилъ щетки, растянулъ рубашку подъ помочами, прыснулъ духами на рубаху и бороду, надѣлъ крестъ на шею особенный, маленькій, форменный, но нарочно заказанный, жилетъ, сертукъ, расправилъ плечи и привычнымъ движеніемъ рассовалъ по карманамъ папиросы, бумажникъ, спички, часы съ двумя цѣпочками и брелоками и, встряхнувъ батистовый платокъ, чувствуя себя чистымъ, душистымъ, здоровымъ и веселымъ, вышелъ, легко ступая, въ столовую, гдѣ уже ждалъ его

³⁰² Зачеркнуто: завтра

³⁰³ Зач.: завтра

³⁰⁴ В подлиннике описка: Аркадій

серебряный кофейникъ и китайскій приборъ на слегка крахмальной бѣлѣйшей скатерти. Письма всѣ были прочтены, а съ самимъ собой оставаться ему не хотѣлось, какъ бы опять не пришли дурныя мысли, и потому за кофею онъ развернулъ еще сырую поданную утреннюю газету и сталъ читать.

Апетитъ у Степана Аркадьича всегда былъ также хорошъ, какъ и сонъ, и послѣ 2-хъ чашекъ кофе и калача съ масломъ и свѣденій, почерпнутыхъ изъ газетъ о томъ, что въ наше время возникаетъ новый вопросъ о томъ, квази-либеральная ли партія имѣетъ призваніе къ будущей формировкѣ высшаго слоя или тенденціозность традицій должна уже офиціозно, если можно такъ выразиться, выставить свое новое и честное непреварикаціонное знамя, вникнувъ въ смыслъ этихъ разсужденій, которые не лишены были для него интереса, Степанъ Аркадьичъ прочелъ про обѣщаніе уничтожить сѣдые волосы, про легкую продающуюся карету и молодую особу, ищущую мѣста, что было тоже не лишено интереса, и, ощущая пріятную теплоту въ тѣлѣ, онъ всталъ спокойный, отряхнулъ крошки калача съ жилета.

*** № 8 (рук. № 17).**

³⁰⁵**ДВА БРАКА. РОМАНЪ.**

Мне отмищеніе. Азъ воздамъ.

Первая часть.

I.

³⁰⁶ Дарья Александровна Облонская, считавшая 9 лѣтъ своего красавца мужа³⁰⁷ вѣрнымъ мужемъ, вдругъ открыла, что онъ былъ въ связи съ бывшей въ ихъ домѣ французенкой гувернанткой, и между мужемъ и женой произошла ужасная сцена и ссора, продолжавшаяся уже три дня и ничѣмъ еще не кончившаяся. То, что произошло и происходило еще теперь между мужемъ и женою, нельзя было назвать ссорой, а это было землетрясеніе, разрушившее всѣ основы ихъ жизни, смѣшеніе всего и хаосъ, который чувствовался и прислугой, и дѣтьми, и болѣе всего ими самими.

³⁰⁵ *Зачеркнуто:* Анна Каренина

³⁰⁶ *Зач.*: <Несмотря на то, что онъ спалъ уже 3-ю ночь вслѣдствіе ссоры съ женой не въ спальнѣ жены> Между мужемъ и женой произошла ссора. Жена не хотѣла оставаться въ домѣ мужа, который измѣнялъ ей, и съ 5-ю человѣками дѣтей хотѣла уѣхать отъ него къ матери.

³⁰⁷ *Зач.*: веселымъ, добродушнымъ]

Первая страница рукописи восьмого по порядку начала «Анны Карениной»
Размер подлинника

Вдруг оказалось для всѣхъ членовъ семьи и домочадцевъ, что нѣтъ никакого смысла въ ихъ сожительствѣ и что на каждомъ постояломъ дворѣ случайно сошедшіеся люди болѣе связаны между собой, чѣмъ всѣ члены семьи и домочадцы дома Облонскихъ. Дѣти бѣгали по всему дому какъ потерянные, Англичанка поссорилась съ экономкой и написала записку пріятельницѣ, чтобы пріискать ей мѣсто, поваръ ушелъ еще вчера со двора во время самага обѣда, кухарка и кучеръ просили расчета.

Степанъ Аркадьичъ, виноватый во всемъ, спалъ уже 3-ю ночь не въ спальнѣ жены, а на сафьянномъ диванѣ въ своемъ кабинетѣ, и, несмотря на то что онъ былъ виноватъ и чувствовалъ свою вину, сонъ³⁰⁸ Стивы (какъ его звали въ свѣтѣ) былъ также³⁰⁹ спокоенъ и крѣпокъ, какъ и обыкновенно; и въ обычный часъ, 8 часовъ утра, онъ³¹⁰ повернулся на пружинахъ дивана,³¹¹ съ другой стороны крѣпко обнялъ подушку, потерся о нее своимъ красивымъ, свѣже-румянымъ лицомъ и открылъ свои³¹² большіе, блестящіе влажнымъ блескомъ глаза.³¹³ Онъ сѣлъ на диванъ, улыбнулся,³¹⁴ красивой бѣлой рукой граціознымъ жестомъ провелъ по густымъ курчавымъ волосамъ, и во снѣ даже принявшимъ красивую форму.

«Ахъ, какъ хорошо было, – подумалъ онъ, вспоминая сонъ, – да, какъ это было? Да, Алабинъ давалъ обѣдъ въ Нью-Йоркѣ на стеклянныхъ столахъ, да, и какіе то маленькіе графинчики и они же женщины», вспоминалъ онъ, и красивые глаза его,³¹⁵ становились болѣе и болѣе³¹⁶ задумчивы.

– Да, хорошо было, очень хорошо. Много тамъ было еще отличнаго, да не вспомнишь... А, —³¹⁷ сказалъ онъ и, замѣтивъ полосу свѣта, пробивавшуюся сбоку одной изъ³¹⁸ суконныхъ сторъ, и, ощущая холодъ въ тѣлѣ отъ сбившейся простыни съ сафьяннаго дивана,³¹⁹ онъ весело скинулъ³²⁰ ноги съ дивана, отыскалъ ими шитыя женой (подарокъ къ прошлому рождению) обдѣланныя въ золотистый сафьянъ туфли и по старой, 9-ти лѣтней привычкѣ, не вставая, потянулся рукой къ тому мѣсту, гдѣ въ спальнѣ у него всегда висѣлъ халатъ, но тутъ онъ вдругъ вспомнилъ, какъ и почему онъ спитъ не въ спальнѣ жены, а въ кабинетѣ, улыбка исчезла съ его³²¹ красиваго лица, онъ³²² сморщилъ гладкій лобъ.

– Ахъ! Ахъ, Ахъ! Ааа...³²³ – заговорилъ онъ, вспоминая все, что было.³²⁴ – Какъ нехорошо...

³⁰⁸ *Зачеркнуто:* <Князя Михаила Андреевича> <Степана Аркадьича Облонскаго> <Мишуты> Мишиньки

³⁰⁹ *Зач.*: тихъ и сладокъ

³¹⁰ *Зач.*: сталъ ворочаться съ боку на бокъ

³¹¹ *Зач.*: повернулъ свое <начинавшее ожирѣвать> бѣлое откормленное тѣло и тереться бѣло-румянымъ нематымъ лицомъ о подушку, крѣпко обнимая ее. Онъ

³¹² *Зач.*: маленькіе блестящіе глазки

³¹³ *Зач.*: окруженные черными густыми рѣсницами.

³¹⁴ *Зач.*: своей неотразимо-пріятной, дѣтски доброй улыбкой и, выставивъ локти, потянулся и, почмокавъ влажными улыбающимися губами, оглянулся. «Да, что бишь, – думалъ

³¹⁵ *Зач.*: по мѣрѣ того какъ съуживались,

³¹⁶ *Зач.*: блестящи

³¹⁷ *Зачеркнуто:* <надо вставать> что же нехорошо?

³¹⁸ *Зач.*: тяжелыхъ

³¹⁹ *Зач.*: – Неужели? – вдругъ вскрикнулъ онъ, вскакивая. – Ахъ, да. Да. Вставать, такъ вставать.

³²⁰ *Зач.*: стройныя бѣлыя

³²¹ *Зач.*: сіяющаго добротой

³²² *Зач.*: сморщился и махнулъ рукой

³²³ *Зач.*: промывалъ

И³²⁵ его воображенію представились опять всѣ подробности³²⁶ ссоры съ женою,³²⁷ вся безвыходность его положенія.

«Да, она³²⁸ не простить, да, она такая женщина», – думалъ онъ про жену.

– Ахъ! Ахъ, Ахъ! – приговаривалъ онъ съ³²⁹ отчаяніемъ, вспоминая самыя тяжелыя для себя впечатлѣнія изъ всей этой ссоры.

«Ахъ, еслибъ заснуть опять! Какъ тамъ все въ Америкѣ безтолково, но хорошо было».

Но заснуть уже нельзя было; надо было вставать³³⁰ бриться, одѣваться, дѣлать домашнія распоряженія, т. е. отказывать въ деньгахъ, которыхъ не было, дѣлать попытки примиренія съ женою, изъ которыхъ едва ли что выйдетъ, потомъ ѣхать въ Присутствіе,³³¹ главное, надо было вспоминать все, что было. Изъ всего, что онъ вспоминалъ, непріятнѣ всего была та первая минута, когда онъ, вернувшись изъ театра веселымъ и довольнымъ, съ огромной грушей для жены въ рукѣ, увидалъ жену съ³³² несчастной запиской въ рукѣ и съ³³³ выраженіемъ³³⁴ ненависти во взглядѣ. И при этомъ воспоминаніи, какъ это часто бываетъ, мучало³³⁵ Степана Аркадьича не самое событіе, но побочное обстоятельство, то, какъ онъ принялъ эту первую минуту гнѣва жены.

* № 9 (рук. №. 9).

III.

³³⁶Занимая 2-й годъ мѣсто начальника въ Москвѣ, онъ пользовался общимъ уваженіемъ сослуживцевъ, подчиненныхъ, начальниковъ и всѣхъ, кто имѣлъ до него дѣло. Главный даръ³³⁷ князя Мишуты, заслужившій ему это общее уваженіе, состоялъ, кромѣ мягкости и веселаго дружелюбія, съ которымъ онъ относился ко всѣмъ людямъ, преимущественно въ полной безстрастности и совершенной либеральности, состоящей не въ томъ, чтобы строже судить сильныхъ и богатыхъ, чѣмъ слабыхъ и бѣдныхъ, но въ томъ, чтобы совершенно ровно и одинаково относиться къ обоимъ.

³²⁴ *Зач.*: И надо же было, чтобы эта записка къ <Лидіи> Лидинькѣ попала прямо въ руки жены, и именно тогда, когда я уже хотѣлъ прекратить съ ней связь. Надо же было случиться этому несчастью.

³²⁵ *Зач.*: онъ сталъ въ сотый разъ припоминать все, что было. «Да, да, она сказала, что разойдется, да, да, она сказала, и она сдѣлаетъ, сдѣлаетъ... Она сдѣлаетъ, она такая женщина. Если бы это сказала другая, я бы зналъ, что это пугаетъ, но она! Если она сказала, она сдѣлаетъ! И вотъ уже три дня она не только не смягчается, но видѣть меня не хочетъ, И что то она дѣлаетъ, готовить съ своей матерью?»

³²⁶ *Зач.*: произошедшей отъ этаго открытія

³²⁷ *Зач.*: ссоры, продолжавшейся уже 3 дня, во время которыхъ жена не хотѣла видѣть его и что то такое замышляла съ своей матерью.

³²⁸ *Зач.*: сдѣлаетъ эскандръ, чтонибудь ужасное, и вся эта исторія будетъ предметомъ <разговора> толковъ и хохота всего города.

³²⁹ *Зач.*: гадливымъ выраженіемъ лица, какъ будто онъ испачкался <въ вонючую грязь> во чтонибудь.

³³⁰ и жить, т. е. вспомнить все, что было, и исполнять всѣ тѣ условія, въ которыя онъ былъ поставленъ. Надо было

³³¹ *Зачеркнуто*: гдѣ онъ былъ начальникомъ,

³³² *Зач.*: несчастнымъ письмомъ

³³³ *Зач.*: столь преобразовавшимъ ея всегда милое лицо

³³⁴ *Зач.*: отчаянія и

³³⁵ *Зач.*: Князя <Мишуту> Мишиньку больше всего не самая неблаговидность его поступка, хотя онъ и признавалъ ее, не та боль, которую онъ сдѣлалъ женѣ, хотя онъ жалѣлъ ее всей душой, но его мучала болѣе всего та глупая роль, которую онъ самъ сыгралъ въ эту первую минуту.

³³⁶ *Зач.*: Степанъ Аркадьичъ, благодаря протекціи своего [зятя] Алексѣя Александровича Каренина, одного изъ ближайшихъ лицъ въ Министерствѣ, мужа столь любимой имъ сестры Анны, занималъ почетное и съ хорошимъ жалованьемъ мѣсто въ одномъ изъ Московскихъ присутствій.

³³⁷ *Зач.*: Степана Аркадьича

³³⁸Князь Мишута, не считавший себя совершенствомъ, былъ исполненъ снисходительности ко всѣмъ. И этимъ онъ нравился людямъ, имѣвшимъ до него дѣло. Кромѣ того, онъ умѣлъ ясно, легко и кратко выражать свои мысли письменно и изустно, и этимъ онъ былъ дорогъ для сослуживцевъ.

Войдя въ Присутствіе, Князь Мишута кивнулъ, проходя, головой почтительному швейцару, поздоровался съ Секретаремъ и товарищами³³⁹ и взялся за дѣло. «Если бы они знали только, — думалъ онъ, когда Секретарь, почтительно наклоняясь, поднесъ ему бумаги, — какимъ мальчишкой виноватымъ былъ нынче утромъ передъ женой ихъ³⁴⁰ Начальникъ».

Просидѣвъ засѣданіе и отдѣлавъ первую часть дѣлъ, Степанъ Аркадьичъ, доставая папиросницу, шелъ въ кабинетъ, весело разговаривая съ товарищемъ по службѣ объ сдѣланной ихъ другимъ товарищемъ и исправленной ими ошибкѣ, когда швейцаръ, заслоня своимъ тѣломъ входъ въ дверь и на носу входившаго затворяя ее, обратился къ Степану Аркадьичу:

— Господинъ спрашиваютъ ваше превосходительство.

Степанъ Аркадьичъ былъ еще Надворный Совѣтникъ, но занималъ мѣсто дѣйствительнаго Статскаго Совѣтника, и потому его звали Ваше Превосходительство.

— Кто такой?

Швейцаръ подалъ карточку.

Константинъ Николаичъ³⁴¹ Ленинъ.³⁴²

— А! — радостно вскрикнулъ Степанъ Аркадьичъ. — Проси въ кабинетъ.

— Это³⁴³ Костя³⁴⁴ Ленинъ. Знаете: сынъ Николая Федорыча.

— Развѣ онъ въ Москвѣ живетъ?

— Онъ? Онъ вездѣ — въ Москвѣ и въ деревнѣ, что-то усвершенствуетъ — народъ что-то изучаетъ. Но прекрасный малый. Мы съ нимъ и по охотѣ друзья, да и такъ я его люблю, — говорилъ Степанъ Аркадьичъ съ тѣмъ обычнымъ заочнымъ пренебреженіемъ, съ которымъ всѣ обыкновенно говорятъ о людяхъ, къ которымъ лично мы относимся иногда не только не пренебрежительно, но подобострастно.

<Съ³⁴⁵ Ленинымъ, когда онъ вошелъ, Степанъ Аркадьичъ обращался тоже не съ тѣмъ пренебреженіемъ, съ которымъ онъ говорилъ; и если не съ подобострастіемъ, котораго и не могло быть, такъ какъ Ордынцевъ былъ лѣтъ на 5 моложе Степана Аркадьича, но съ уваженіемъ и видимой осторожностью, которую, очевидно, вызывало съ разу бросающіеся въ глаза чувствительность, застѣнчивость и вообще несоразмѣрное самолюбіе³⁴⁶ Ленина. Ордынцевъ былъ красивый молодой человѣкъ лѣтъ 30³⁴⁷ съ небольшою черной головой и необыкновенно хорошо сложенный. Все въ его походкѣ, постановкѣ груди и движеніи рукъ говорило о большой физической силѣ и энергіи.

— Здравствуй, любезный другъ, ужасно радъ тебя видѣть, — сказалъ Степанъ Аркадьичъ, обнимая его.> — Ужасно, ужасно радъ всегда, а особенно теперь, — сказалъ онъ съ удареніемъ, — тебя видѣть. И спасибо, что отыскалъ меня здѣсь — въ этомъ вертепѣ; знаю твое отвращеніе ко

³³⁸ *Зач.*: Кромѣ того, Степанъ Аркадьичъ

³³⁹ *Зач.*: сонъ жизни, опьяняя, охватилъ его

³⁴⁰ *Зачеркнуто*: Юпитеръ

³⁴¹ *Зач.*: Ордынцевъ

³⁴² *Рядом на полях написано*: Просіялъ. Никого бы такъ не желалъ видѣть, какъ его.

³⁴³ *Зачеркнуто*: милѣйшій

³⁴⁴ *Зач.*: Ордынцевъ

³⁴⁵ *Зач.*: Ордынцевымъ

³⁴⁶ *Зач.*: Ордынцева

³⁴⁷ *Зач.*: высокій, стройный, хорошо одѣтъ,

всему административно, судебному, государственно и т. д. Ужъ извини меня за это, – и³⁴⁸ князь Мишута сталъ смѣясь застегивать мундиръ, какъ будто желалъ скрыть крестъ на шеѣ.

Лицо Ленина,³⁴⁹ все подвижное, выразительное, сіяло и удовольствіемъ и неудовольствіемъ за то, что швейцаръ грубо остановилъ его, и сдержанностью при видѣ чужихъ лицъ, товарищей³⁵⁰ Облонскаго.

–³⁵¹Мое отвращеніе, съ чего ты взялъ? Смѣшно мнѣ иногда, – сказалъ онъ, оглядываясь на чужія лица.

– Да позвольте васъ познакомить: нашъ товарищъ³⁵² Никитинъ, Шпандовскій – Константинъ Дмитричъ Левинъ – гимнастъ и *двигатель* <– Степанъ Аркадьичъ подчеркнувъ произнесъ это слово —>, а главное, мой другъ Константинъ Николаичъ³⁵³ Ленинъ – и мировой судья и земскій дѣятель.

И тотчасъ же Степану Аркадьичу замѣтно было, что этотъ тонъ шуточной рекомендаціи не понравился³⁵⁴ Ленину, и онъ поспѣшилъ поправить, взялъ его за пуговицу. Ордынцевъ нахмурился и, какъ бы освобождаясь отъ чего-то, выпрямилъ грудь.

– Очень радъ, – сказалъ онъ сухо, подавая руку Борису и не глядя на него.

– Ну, когда же увидимся?

– А вотъ что. Въ 4 часа я свободенъ. Давай обѣдать. Гдѣ я найду тебя?

– Въ Зоологическомъ саду, я тамъ выставилъ скотину.

– Ну, и отлично. Я заѣду за тобой. Ну что же, хорошо идутъ дѣла?

– Послѣ расскажу. Ты какъ?

– Я скверно, какъ всегда. А живу.

– Ну, такъ прощай.

– Да посиди же, покури. Да ты не куришь, ну такъ посиди немножко. Какъ шука на мели; тебѣ, я вижу, тяжело.

– Да и что отрывать васъ отъ вашихъ важныхъ государственныхъ дѣлъ.

³⁵⁵– Ты видишь, какъ у насъ хорошо и удобно. А тебѣ противно.

– Не противно,³⁵⁶ напротивъ, – внушительно сказалъ онъ улыбаясь.

– Что же вамъ смѣшно? – спросилъ Борисовъ.

– Да такъ, я увѣренъ, что если бы ничего этого не было, никакой разницы бы не было. Я увѣренъ, что настоящая жизнь и движеніе не здѣсь, а у насъ въ глуши.

Рѣчь его перебилъ вошедшій Секретарь съ бумагами. Секретарь съ развязной почтительностью и съ нѣкоторымъ общимъ секретарскимъ сознаніемъ своего превосходства подошелъ къ Алабину и сталъ подъ видомъ вопроса объяснять какое-то затрудненіе.³⁵⁷ Князь Мишута, не дослушавъ, перебилъ Секретаря и, кратко объяснивъ ему, въ чемъ дѣло, отодвинулъ бумаги, сказавъ:

– Такъ и сдѣлайте, пожалуйста.

³⁴⁸ *Зачеркнуто:* Степанъ Аркадьичъ

³⁴⁹ *Зач.*: открытое, ясное,

³⁵⁰ *Зач.*: Алабина

³⁵¹ *Зач.*: – Я пріѣхалъ не надолго на выставку скота, и хотѣлось тебя увидеть, – улыбаясь и выказывая бѣлые, какъ снѣгъ, сплошные крѣпкіе зубы изъ-за черныхъ, румяныхъ губъ и черныхъ усовъ и бороды, отвѣчалъ Ордынцевъ. – Я привелъ на выставку своихъ телятъ – удивительныхъ, – сказалъ Ленинъ.

³⁵² *Зач.*: Борисовъ

³⁵³ *Зач.*: Ордынцевъ

³⁵⁴ *Зач.*: Ордынцеву

³⁵⁵ *Зачеркнуто:* – Нѣтъ, серьезно, ужасно противно, я думаю, швейцаръ, бумаги, секре[тарь].

³⁵⁶ *Зач.*: а смѣшно

³⁵⁷ *Зач.*: Степанъ Аркадьичъ

³⁵⁸Левинъ во время совѣщанія съ Секретаремъ стоялъ облокотившись обѣими руками на стулъ, и на³⁵⁹ лицѣ его остановилась насмѣшливая³⁶⁰ улыбка.

³⁶¹Секретарь вышелъ.

– Не понимаю, не понимаю, – сказалъ Левинъ, – какъ ты, честный, хорошій человѣкъ, можешь служить.

– Вотъ видишь, надо только не горячиться.

– Ну да, ты умѣешь, у тебя даръ къ этому.

– Т. е. ты думаешь, что у меня есть недостатокъ чего-то.

– Можетъ быть, и да, – весело засмѣявшись, сказалъ Левинъ.

– Ну, хорошо, хорошо, погоди еще, и ты придешь къ этому. Хорошо, какъ у тебя 3000 десятинъ въ Ефремовскомъ уѣздѣ да такіе мускулы и свѣжесть, какъ у 12-лѣтней дѣвочки, а придешь и къ намъ.

³⁶²– Нѣтъ, ужъ я эту штуку кончилъ совсѣмъ, люблюсь на твое величіе и горжусь тѣмъ, что у меня другъ такой великій человѣкъ, и больше ничего. А моя общественная дѣятельность кончена.

– Ну, что Княгиня и Княжна, – сказалъ онъ и тотчасъ же покраснѣлъ.

– Здоровы, все тоже. Ахъ, какъ жаль, что ты такъ давно не былъ.

– А что? – испуганно спросилъ Левинъ.

– Поговоримъ послѣ. Да ты зачѣмъ собственно пріѣхалъ?

– Ахъ, тоже поговоримъ послѣ, – до ушей покраснѣвъ, сказалъ Левинъ.

– Ну, хорошо. Такъ вотъ что, – сказалъ Мишута, – я бы позвалъ къ себѣ, но жена уѣхала къ своимъ обѣдать. Но завтра пріѣзжай вечеромъ къ тещѣ. Они по старому³⁶³ по четвергамъ принимаютъ. А нынче вотъ что. Да. Если ты хочешь ихъ видѣть, онѣ навѣрно нынче въ Зоологическомъ саду отъ 4 до 5. Кити на конькахъ катается. Ты поѣзжай туда, а я заѣду и вмѣстѣ куда нибудь обѣдать.

– Прекрасно.

– Ну, до свиданья.

– Мое почтенье, – весьма низко и сухо кланяясь, обратился³⁶⁴ Ленинъ къ³⁶⁵ Никитину и Шпандовскому съ тѣмъ дерзкимъ, крайне учтивымъ тономъ, который показываетъ, что я васъ знать не хочу, но прощаюсь съ вами потому, что, хотя я противъ своей воли познакомился съ вами, я благовоспитанный человѣкъ.

– Смотри же ты, вѣдь я знаю, забудешь или вдругъ уѣдешь въ деревню, – смѣясь прокричалъ князь Мишута.

– Нѣтъ, вѣрно.

– Очень странный господинъ, – сказалъ³⁶⁶ Шпандовскій, когда³⁶⁷ Ленинъ вышелъ.³⁶⁸

³⁵⁸ *Зач.*: Ордынцевъ

³⁵⁹ *Зач.*: красивомъ

³⁶⁰ *Зач.*: нѣсколько притворная

³⁶¹ *Зач.*: – Ну какъ же я могу не быть пораженъ послѣ того, что я вижу и слышу, – сказалъ онъ. – Я только чувствую себя, съ одной стороны, подавленнымъ твоимъ величіемъ, отъ вида швейцара до креста на шеѣ, съ другой стороны, я горжусь тѣмъ, что на ты съ такимъ великимъ человѣкомъ. И хотя онъ говорилъ насмѣшливо, онъ говорилъ <правду> то, что немножко чувствовалъ.

³⁶² *Зач.*: – О да, – отвѣчалъ <Ордынцевъ> Ленинъ съ той же насмѣшкой. – Я только хотѣлъ спросить, здорова ли твоя жена и ваши. И странно: сдѣлавъ этотъ вопросъ, <красивое, самоувѣренное и свѣжее> лицо <Ордынцева> Ленина вдругъ <покрылось краской> покраснѣло, какъ лицо дѣвушки, и глубокіе голубоватые глаза опустились. – О, да, да, всѣ здоровы.

³⁶³ *Зачеркнуто*: живутъ у Николы Явленнаго и

³⁶⁴ *Зач.*: Ордынцевъ

³⁶⁵ *Зач.*: Борисову

³⁶⁶ *Зач.*: Борисовъ

³⁶⁷ *Зач.*: Ордынцевъ

– Да,³⁶⁹ но золотое сердце,³⁷⁰ – сказала Князь Мишута. – И представьте, ему 29—30 лѣтъ, онъ какъ красная дѣвушка,³⁷¹ да, да, какъ красная дѣвушка, а вмѣстѣ съ тѣмъ полонъ жизни.

– Неужели?

– Да вотъ, говорятъ, жениховъ въ Москвѣ нѣтъ: свѣжъ, уменъ, образованъ и тысячь 15 доходу; только немножко, – онъ помахалъ пальцами передъ собой.³⁷²

Степанъ Аркадьичъ думалъ именно о томъ, что давно ужъ онъ замѣчалъ, какъ Ордынцеву нравилась его свояченица Кити Щербацкая, и что краска, бросившаяся ему въ лицо, когда онъ спросилъ о ней, не показываетъ ли то, что онъ теперь пріѣхалъ въ Москву съ намѣреніемъ сдѣлать предложеніе, чего давно ждали ужъ всѣ въ семьѣ Щербацкихъ. «Хорошо бы было, – думалъ Степанъ Аркадьичъ, – и Долли этаго желаетъ, и, можетъ быть, если бы это случилось, подъ веселую руку и я бы помирился съ ней. Да и славная партія. И нельзя ли у него занять. Ахъ, непріятно! У пріятелей, которыхъ я люблю, не люблю занимать, потому что не отдашь и тогда испортишь дружбу».>

– Да, батюшка, – сказалъ онъ вслухъ, – вотъ счастливчикъ, все впереди, и силы сколько.

– Что же вы жалуетесь, Князь.

– Да скверно, плохо, – сказалъ³⁷³ Князь Мишута, которому натошакъ передъ ѣдой приходили всегда на короткое время мрачныя мысли,³⁷⁴ и поспѣшилъ приступить къ завтраку.

<III.

Зоологическій садъ былъ полонъ народа.

Около катка играла музыка. Съ горъ катались въ салазкахъ, въ креслахъ и на конькахъ, тѣснясь на лѣстницѣ и у входовъ. Молодцы катальщики измучались, скатывая и втаскивая салазки. Олѣни самоѣдовъ катали любителей. На каткѣ кружились дѣти, юноши, взрослые и нѣсколько дамъ. Вездѣ стояли рамки нарядныхъ зрителей въ соболяхъ и бобрахъ. По всѣмъ домикамъ звѣринцевъ и птичниковъ толпились зрители. У подъѣзда стояли сотни дорогихъ экипажей и извозчиковъ. Стояли жандармы. За прудомъ, рядомъ съ медвѣдями и волками, въ вновь построенныхъ домикахъ, были выставки.>

IV.

³⁷⁵Степанъ Аркадьичъ ужъ находился въ полномъ заблужденіи сна жизни. Лицо его сіяло, какъ и его шляпа и какъ утреннее солнце на инеѣ, покрывавшемъ деревья.

– Зайдемъ на катокъ къ нашимъ – и обѣдать. Гдѣ хочешь?

– Мнѣ все равно. Ты знаешь, что для меня гречневая каша вкуснѣе всего; а такъ какъ ее нѣтъ ни въ Эрмитажѣ ни въ Новотроицкомъ, то мнѣ все равно.

– Ну, такъ въ Эрмитажъ, – сказала Степанъ Аркадьичъ, вспоминая, что въ Новотроицкомъ будутъ просить долгъ. – А Красавцева взять? Онъ милый малый.

– Если можно не брать, то лучше, – сказалъ Ордынцевъ улыбаясь.

– Можно и не брать. А Толстая [?] давно ли? А какова Собѣщанская? Прелестна. Что же Добре? Продулся? Завтра будешь обѣдать?

– А, Наталья Дмитриевна, и вы пришли посмотрѣть коровъ. Вотъ рекомендую – Ордынцевъ, скотоводъ.

³⁶⁸ *Зач.*: – А какой красавецъ – Да, очень

³⁶⁹ *Зач.*: это новый типъ молодыхъ людей,

³⁷⁰ *Зач.*: это дѣтская невинность и честность, – подтвердилъ Алабинъ.

³⁷¹ *Зач.*: вина не пить, не курить, никакимъ страстямъ не предается,

³⁷² *Зач.*: вслухъ выражая продолженіе своей мысли объ <Ордынцевѣ> Ленине.

³⁷³ *Зачеркнуто*: Степанъ Аркадьичъ

³⁷⁴ *Зач.*: и что и дѣлало то, что онъ не любилъ быть натошакъ. Онъ закурилъ папиросу, тотчасъ же бросилъ ее. – Ну, пойдемте, кончимъ дѣла, – сказалъ онъ, стремясь душою къ завтраку и вину, – пойдемте. И онъ пошелъ досиживать присутствіе.

³⁷⁵ *На поляхъ противъ начала главы, написано*: Безобразовъ веселый, добрый. Съ Кити другъ, его брюскируютъ. Представляетъ Ордынцева на каткѣ, и обѣдаютъ всѣ втроемъ. О бракѣ – примѣръ Анны представляетъ Алабинъ[?].

Такъ переговоривался, раскланиваясь, Степанъ Аркадьичъ на право и на лѣво. И Ордынцевъ, къ удивленію, замѣчалъ, что на всѣхъ лицахъ, съ которыми говорилъ Алабинъ, отражалась таже ласковость, что и на лицѣ Алабина.

На каткѣ стояла толпа зрителей, и каталось человѣкъ 15.³⁷⁶ Онъ остановился, чтобы оправиться, и, когда уже подошелъ къ ступени, увидалъ ее. Она была въ суконной, обшитой барашкомъ шубкѣ, въ такой же шапочкѣ. Онъ узналъ ее не по тонкому стану, какого не было у другой женщины, не по длинной граціозной шеѣ, не по маленькой головкѣ съ бѣлокурой тяжестью волосъ, не по ножкамъ, тонкимъ и граціознымъ, въ высокихъ ботинкахъ, не по³⁷⁷ спокойной граціи движеній; но онъ узналъ ее по трепету своего сердца, когда глаза его остановились на ней. Онъ сошелъ внизъ и, поздоровавшись съ стоявшимъ у катка двоюроднымъ братомъ ея Гагинымъ, сталъ подлѣ него.³⁷⁸ Она каталась на противоположномъ концѣ и, тупо поставивъ ножки одну за другой, видимо робѣла, катаясь на поворотѣ навстрѣчу отчаянно размахивавшему руками и пригибающемуся къ землѣ мальчику. Она каталась одна, но видно было, что всѣ, кто былъ на каткѣ, видѣли и помнили ее и, насколько приличіе позволяло, всѣ смотрѣли на нее и желали ея взгляда. Она вынула лѣвую руку изъ муфты и держала ее на одной правой рукѣ. Она улыбалась своему страху. Потомъ, узнавъ, вѣроятно,³⁷⁹ Левина, она сдѣлала быстрое движеніе стегномъ и подбѣжала, катаясь прямо къ³⁸⁰ брату и хватаясь за него рукой и вмѣстѣ съ тѣмъ съ улыбкой кивая³⁸¹ Левину.³⁸²

Если былъ недостатокъ въ этой несомнѣнной красавицѣ, то это былъ недостатокъ живости и цвѣта въ лицѣ. Теперь этаго недостатка не было. Лицо ея, строгое и прелестное, съ большими мягкими глазами, было покрыто румянцемъ, глаза свѣтились больше чѣмъ оживленіемъ физическаго движенія. Они свѣтились счастьемъ.

— Давно ли вы здѣсь? — сказала она, подавая³⁸³ Левину узкую въ темной перчаткѣ руку. — Ахъ, благодарствуйте.

Она уронила платокъ изъ муфты, который поднялъ³⁸⁴ Левинъ, краснѣя и не отвѣчая. Она отвернулась оглядываясь.

— Ахъ да. Я вчера пріѣхалъ. Я не думалъ васъ найти здѣсь. Я не зналъ, что вы катаетесь, и прекрасно катаетесь, — прибавилъ онъ.

— Ваша похвала особенно дорога. Здѣсь про васъ преданье осталось, что вы лучший конькобѣжецъ. И съ горы какъ то задомъ.³⁸⁵

— Да, одно время, когда былъ Американецъ [?], я имѣлъ страсть...

— Ахъ, какъ бы мнѣ хотѣлось васъ посмотреть.³⁸⁶

Левинъ улыбался и чувствовалъ, что глупо улыбается.

Къ³⁸⁷ Левину и Кити подбѣжалъ, ловко остановившись, молодой человѣкъ Московскаго свѣта, котораго оба знали.

— Вотъ я прошу побѣгать, — сказала она ему по французски.

³⁷⁶ *Зачеркнуто:* но изъ всѣхъ, какъ муха въ молокѣ, видна была одна дама въ суконной, обшитой барашкомъ шубкѣ, съ такой же муфтой и шапочкой.

³⁷⁷ *Зач.*: лѣнивой и достойной

³⁷⁸ *На поляхъ противъ последнихъ строкъ написано:* Въ ихъ отношеніяхъ была поэзія дружбы къ умершему брату.

³⁷⁹ *Зач.*: зятя и Ордынцева

³⁸⁰ *Зач.*: <зятю> нему

³⁸¹ *Зач.*: Ордынцеву

³⁸² *Зач.*: Ордынцевъ, какъ награду и счастье, принялъ эту улыбку, онъ чувствовалъ, что мнѣ[?] завидуютъ.

³⁸³ *Зачеркнуто:* Ордынцеву

³⁸⁴ *Зач.*: Ордынцевъ

³⁸⁵ *Зач.*: — Да вотъ и слѣды, — сказала Ордынцевъ, улыбаясь и показывая выбитый зубъ.

³⁸⁶ *Зач.*: — Я уже давно не катался. Молодой Алабинъ ушелъ къ дамѣ и о чемъ-то оживленно говорилъ съ ней.

³⁸⁷ *Зач.*: Ордынцеву

– Ахъ, пожалуйста, тутъ гадость коньки, возьмите мои безъ ремней, очень хороши.

– Да я не заставляю себя просить, но, пожалуйста, не ждите отъ меня ничего, а позвольте просто съ вами побѣгать.

³⁸⁸– Какъ хотите, – отвѣчала Кити, и вдругъ, какъ бы солнце зашло за тучи, лицо Кити утратило всю ласковость и замѣнилось строгимъ, холоднымъ выраженіемъ, и ³⁸⁹Левинъ узналъ эту знакомую игру ея лица, когда она дѣлала усиліе мысли. На гладкомъ мраморномъ лбу ея чуть какъ бы вспухли морщинки.

– Пойдемте еще кругъ, – обратилась она къ молодому человѣку, подавая ему руку, и опять задвигались стройныя ножки.

– А коньки хотите мои? – сказалъ молодой человѣкъ.

– Нѣтъ, все равно.

– Давно не бывали, Николай Константиновичъ, сударь, – говорилъ катальщикъ, навинчивая ему коньки. – Послѣ васъ нѣту. Хорошо ли будетъ?

«Что значить эта перемѣна? – думалъ Ордынцевъ. – Боялась она слишкомъ обрадовать меня, или я дуракъ и смѣшонъ.³⁹⁰ Да, онъ говоритъ, съ радостью пойдетъ, – думалъ онъ про слова брата. – Ему хорошо говорить, не видя ее. Но развѣ можетъ такая женщина любить меня, съ моимъ лицомъ и моей глупой застѣнчивостью. Я сейчасъ былъ точно дуракъ или хуже, точно человѣкъ, знающій за собой много дурнаго».

– Чтоже готово?

– Готово, сударь. Покажите имъ, какъ бѣгать надо.

Левинъ всталъ на ноги, снялъ пальто, выпрямился, сдѣлалъ шагъ, толкнулъ лѣвое плечо и выбѣжалъ изъ домика, стараясь какъ можно меньше махать руками, выпрямляться и вообще щеголять своимъ бѣганьемъ. Но давно не бѣгавши, послѣ своихъ непріятностей дома, это состояніе на конькахъ, это летящее ощущеніе, сознаніе силы, воспоминаніе веселости, которую онъ испытывалъ всегда на конькахъ, возбудили его, онъ сдѣлалъ два сильныхъ шага и какъ будто по своей волѣ полетѣлъ на одной ногѣ по кругу и догналъ Кити и, съ трудомъ удерживаясь, потихоньку пошелъ с ней рядомъ

– Вѣдь вотъ ничего особеннаго не дѣлаетъ, а совсѣмъ не то, что мы грѣшныя.

– Да, очень хорошо.

– Я не знаю, чтоже хорошаго. Иду, какъ и всѣ.

Но чѣмъ больше онъ ходилъ, тѣмъ больше оживлялся,³⁹¹ забывалъ удерживаться и сталъ естествененъ и красивъ въ своихъ движеніяхъ.

– Ну, а съ горы? – сказалъ молодой человѣкъ.

Она ничего на сказала, но посмотрѣла на него.

³⁹²– Попробовать, забыть ли.

Онъ перебѣжалъ кругъ и пошелъ къ горамъ.

Всѣ смотрѣли на него и скоро увидали, какъ онъ, нагнувшись напередъ, на одной ногѣ скатился за дилижаномъ и смѣясь прибѣжалъ на кругъ.

– Ну вотъ всѣ штуки показалъ, – сказалъ онъ.

³⁸⁸ Против начала абзаца на полях написано: Съ мальчиками его полюбили. Онъ милъ всѣмъ, а думаетъ, что смѣшонъ. Все съ азартомъ. Опомнился, что глупо. Она ушла. Онъ думалъ отъ того, что смѣшонъ.

³⁸⁹ Зачеркнуто: Ордынцевъ

³⁹⁰ Зачеркнуто: «Но это хорошо, хороший знакъ», думалъ онъ и думалъ несправедливо: эта перемѣна выраженія ея лица была для него самый дурной знакъ. Она знала, что изъ его отношеній съ нею ничего не можетъ и не должно выдти, и знала почему, и, увлекшись на минуту желаніемъ нравиться, попыталась остановиться. Счастливый и веселый, Ордынцевъ выбѣжалъ изъ домика, гдѣ надѣвали коньки, и, зная, что всѣ глаза устремлены на него, побѣжалъ за нею. Три шага сдѣлавъ сильныхъ, чтобы войти въ тактъ конькобѣжца, онъ пошелъ тихимъ шагомъ.

³⁹¹ Зач.: и сталъ шалить, показывать рас, дѣлать круги, и все это легко, очевидно въ долю того, что онъ могъ сдѣлать,

³⁹² Зач.: – Надо согрѣться.

Онъ сталъ еще веселѣе и оживленнѣе отъ движеній; но на лицѣ Кити вдругъ опять оставилась холодность.

«Да, я воображаю, какъ я глупъ и смѣшонъ, щеголяя своими ногами», подумалъ онъ, и опять ему стало стыдно и безнадежно.

Кити подбѣжала³⁹³ къ скамейкѣ и кликнула катальщика подкрѣпить конекъ.³⁹⁴ Левинъ хотѣлъ взять въ руки ея ножку; но она рѣшила, что не стоитъ того, и побѣжала въ домъ снимать коньки.³⁹⁵ Левинъ снялъ и свои и, выходя, встрѣтилъ ее, когда она мелкимъ шажкомъ переходила черезъ ледъ, и подаль ей руку до дорожки.

Мать встрѣтила ее.³⁹⁶

— Четверги, нынче, какъ всегда, мы принимаемъ, — сказала она сухо. — Скажите, пожалуйста, Мишѣ, вы съ нимъ, чтобъ онъ пріѣхалъ къ намъ нынче. Да вотъ и онъ самъ.³⁹⁷

Дѣйствительно, Князь Мишута въ оживленномъ разговорѣ съ извѣстнымъ кутилой Стивой Красавцевымъ, съ шляпой на боку и съ развѣвающимися и сливающимися съ сѣдымъ бобромъ бакенбардами, блестя звѣздочками глазъ, смѣясь и кланяясь направо и налево всѣмъ знакомымъ, какъ олицетвореніе спокойствія душевнаго и добродушнаго веселья, шелъ имъ навстрѣчу.

— Ну чтожъ, ѣдемъ, — сказалъ онъ Левину.

— Да, поѣдемъ, — уныло отвѣчалъ Левинъ, провожая глазами садившуюся въ карету красавицу.

— Къ Дюссо или въ Эрмитажъ?

— Мнѣ все равно.

— Ну, въ Англію, — сказалъ Князь Мишута, выбравъ Англію потому, что онъ въ ней былъ менѣе всего долженъ.

— У тебя есть извозчикъ? Ну, и прекрасно, а то я отпустилъ карету. Не взять ли Красавцева? Онъ добрый малый. Ну, не возьмемъ, какъ хочешь. Что ты унылый? Ну, да переговоримъ.

И они сѣли на извозника. Всю дорогу они молчали. Левинъ, сдавливаемый всю дорогу на узкомъ сидѣннѣ толстымъ тѣломъ Князя Мишуты, думалъ о томъ, говорить ли и какъ говорить съ Княземъ Мишутой о его свояченицѣ, а Князь Мишута дорогой сочинялъ меню обѣда.

— Ты вѣдь любишь тюрбо? — сказалъ онъ ему, подѣвжая.

V.

Въ характерѣ³⁹⁸ Князя Мишуты не было и тѣни притворства, но когда³⁹⁹ Левинъ вошелъ вмѣстѣ съ нимъ въ Эрмитажъ, онъ не могъ не замѣтить нѣкоторой особенности выраженія сдержаннаго сіянія на лицѣ и во всей фигурѣ⁴⁰⁰ Князя Мишуты, когда онъ снималъ пальто, въ шляпѣ на бекрень вошелъ въ столовую и отдавалъ приказанья липнувшему за нимъ Татарамъ во фракахъ и съ салфетками и когда онъ кланялся на право и на лѣво и тутъ нашедшимся знакомымъ и подошелъ къ буфету и мило по французски пошутилъ съ французенкой въ эквилибристическомъ шиньонѣ и всей казавшейся составленной изъ *poudre[de] riz, vinaigre de toilette*⁴⁰¹ и лентъ и кружевъ.

³⁹³ *Зачеркнуто:* къ дамѣ, съ которой была, и скрылась въ домикъ.

³⁹⁴ *Зач.*: Ордынцевъ сталъ на колѣно и

³⁹⁵ *Зач.*: Ордынцевъ

³⁹⁶ *Зач.*: и поблагодарила <Ордынцева> Левина.

³⁹⁷ *Зач.*: Стало быть, нельзя было идти провожать ихъ. Онъ вернулся и скоро нашелъ Алабина въ оживленной бесѣдѣ съ старичкомъ и дамой.— Неправда ли, мила? Однако пора, пойдемъ. У тебя есть извозчикъ? Ну и прекрасно, а то я отпустилъ карету.

³⁹⁸ *Зачеркнуто:* Степана Аркадыча

³⁹⁹ *Зач.*: Ордынцевъ

⁴⁰⁰ *Зач.*: Степана Аркадыча

⁴⁰¹ [рисовой пудры, туалетного уксуса]

– Сюда, Ваше Сіятельство, пожалуйста, здѣсь не беспокоятъ Ваше Сіятельство, – говорилъ особенно липнувшій старый, свѣтлый Татаринъ.

– Пожалуйста шляпу, Ваше Сіятельство, – говорилъ онъ⁴⁰² Левину, въ знакъ почтенія къ⁴⁰³ Князю Мишутѣ ухаживая и за его гостемъ.

И мгновенно растеливъ еще свѣжую скатерть на кругломъ столѣ подъ бронзой и передъ бархатными стульями и диванами и между зеркалами, со всѣхъ сторонъ отражавшими красивое, сіяющее, красноватое лицо⁴⁰⁴ Князя Мишуты, унылое⁴⁰⁵ будничное лицо Левина и вьющуюся фигуру Татарина съ его бѣлымъ галстукомъ, широкимъ тазомъ и развѣтвляющимися на задѣ фалдами фрака.

– Пожалуйста, – говорилъ Татаринъ, подавая карточку и не обращая вниманія на звонки изъ-за двери. – Если прикажете, Ваше Сіятельство, отдѣльный кабинетъ сейчасъ опростается, – говорилъ онъ. – Князь Голицынъ съ дамой. Устрицы свѣжія получены.

– А, устрицы. – Князь Мишута задумался. – Не измѣнить ли планъ, Левинъ?⁴⁰⁶

Онъ остановилъ⁴⁰⁷ палецъ на картѣ, и лицо его выражало напряженіе мысли.

– Хороши ли устрицы? Ты смотри.

– Вчера получены.

– Такъ чтожъ, не начать ли съ устрицъ, а потомъ ужъ и весь планъ измѣнить, Левинъ?

– Мнѣ все равно. Мнѣ лучше всего щи и каша; но вѣдь здѣсь нѣтъ.

– Каша а ла Рюсъ. Прикажете? – сказалъ Татаринъ, нагибаясь надъ Левинымъ.

– Нѣтъ, безъ шутокъ, что ты выберешь, то и хорошо.⁴⁰⁸ Я побѣгалъ на конькахъ, и⁴⁰⁹ ѣсть хочется. И не думай, – прибавилъ онъ, замѣтивъ грустное выраженіе на лицѣ Облонскаго, – чтобъ я не оцѣнилъ твой выборъ. Я съ удовольствіемъ поѣмъ хорошо.

– А, ну это такъ, – повеселѣвъ сказалъ Мишута. – Ну, такъ дай ты намъ, братецъ ты мой, устрицъ 5 дюжинъ, супъ съ кореньями.

– Принтанъерть, – подхватилъ Татаринъ, но Степанъ Аркадьичъ, видимо, не хотѣлъ ему доставлять удовольствія называть по французски кушанья.

– Съ кореньями, знаешь? Потомъ Тюрбо подъ густымъ соусомъ, потомъ... Ростбифу, да смотри, чтобъ хорошъ былъ, – да этихъ каплуновъ, ну и консервовъ.

– Слушаю-съ.

Татаринъ, вспомнивъ манеру Степана Аркадьича не называть по картѣ, не повторять всякій разъ за нимъ, но доставилъ себѣ удовольствіе повторить весь заказъ по картѣ:

– Тюрбо, Сось бомарше, Poularde à l'estragon, Macedoin[e] du fruit.

И тотчасъ, какъ на пружинахъ, положивъ одну переплетенную карту, подхвативъ другую – карту винъ, понесъ ее къ Мишутѣ.

– Что же пить будемъ?

– Я шампанское, – отвѣчалъ⁴¹⁰ Левинъ.

– Какъ, сначала? А впрочемъ правда, пожалуй.⁴¹¹ Ты любишь Oeil de Perdrix?⁴¹² Ну, такъ этой марки⁴¹³ къ устрицамъ подай, а тамъ видно будетъ.

⁴⁰² Зач.: Ордынцеву

⁴⁰³ Зач.: Степану Аркадьичу

⁴⁰⁴ Зач.: Алабина, сдержанную, стройную фигуру Ордынцева съ его смуглымъ, красивымъ лицомъ

⁴⁰⁵ Зач.: простое

⁴⁰⁶ Зач.: Степанъ Аркадьичъ <задумчиво> радостно водилъ пальцемъ

⁴⁰⁷ В подлиннике: остановивъ

⁴⁰⁸ Зачеркнуто: Какъ я ни дикъ,

⁴⁰⁹ Зач.: обвавилонился немножко. У меня и вкусы цивилизованные [?] развиваются.

⁴¹⁰ Зач.: Ордынцевъ

⁴¹¹ Зач.: Ну, потомъ надо же бургонскаго.

⁴¹² [Глаз куропатки?]

- Столового какого прикажете?
- Нью подай, вотъ это.
- Слушаю-сь. Сыру вашего прикажете?
- Ну да, пармезанъ. Ты другой любишь?

И Татаринъ съ развѣвающимися фалдами надъ широкимъ тазомъ полетѣлъ и черезъ пять минутъ влетѣлъ съ блюдомъ открытыхъ устрицъ съ шаршавыми раковинами и съ бутылкой.⁴¹⁴

Князь Мишута перекрестился маленькимъ крестикомъ надъ жилетной пуговицей, смявъ крахмаленную салфетку, засунулъ ее себѣ за жилетъ и взялся за устрицы.

– А не дурны, – говорилъ онъ, серебряной вилочкой сдирая съ перламутровой раковины и шлюпая, проглатывая ихъ одну за другой и вскидывая влажные и блестящіе глаза то на Левина, то на Татарина.⁴¹⁵

Левинъ лѣниво ѣлъ непитательное блюдо, любуясь на Облонскаго. Даже Татаринъ, отвинтившій пробку и разливавшій игристое розоватое вино по разлатымъ тонкимъ рюмкамъ, поправляя свой бѣлый галстукъ, съ замѣтной улыбкой удовольствія поглядывалъ на Князя. «Вотъ это кушаютъ, служить весело».

– А ты скученъ? – сказалъ Князь Мишута, выпивая свой бокаль. – Ты скученъ.

И лицо Облонскаго выразило истинное участіе. Его мучало то, что пріятель и собесѣдникъ его огорченъ.⁴¹⁶ Онъ видѣлъ, что⁴¹⁷ Левину хочется говорить о ней, и онъ началъ, разчищая ему дорогу:

– Чтоже, ты поѣдешь нынче вечеромъ къ Щербацкимъ? – сказалъ онъ,⁴¹⁸ отодвигая пустыя раковины и придвигая сыръ.⁴¹⁹

– Да, я думаю, даже непременно поѣду, хотя мнѣ показалось, что Княгиня неохотно звала меня.

– Что ты! Вздоръ какой! Это ея манера.⁴²⁰

⁴¹³ *Зач.*: двѣ– Ну двѣ, – отвѣчалъ Ордынцевъ. – А мнѣ все таки мою бутылочку Марли.

⁴¹⁴ *Зачеркнуто*: Онъ, отвинтивъ, вынулъ съ дымомъ пробку и налилъ разлтые бокалы. И пріятели только что кончали устрицы, какъ онъ влетѣлъ съ дымящимъ

⁴¹⁵ *Зач.*: Ордынцевъ сидѣлъ въ трактирѣ среди зеркалъ, за дверьми слышались говоръ, бѣготня и шумъ послѣ 8 лѣтъ <удиненной> деревенской жизни; но онъ видѣлъ передъ собою не то, что было, а онъ видѣлъ ее лицо, улыбку, движенія ногъ и стана, ее особенное движеніе, и лицо его <сіяло улыбкой> было задумчиво. Степанъ Аркадьичъ видѣлъ это и догадывался почему и радовался, и ему хотѣлось сдѣлать пріятное другу и говорить о ней. За то то и любили всѣ Степана Аркадьича, что онъ съ людьми думалъ только о томъ, какъ бы имъ быть пріятнымъ. Тотъ, кто подумалъ бы о немъ съ точки зрѣнія его семейной жизни, тотъ сказалъ бы: это страшный, злой эгоистъ сдѣлалъ невѣрность женѣ, она мучается, страдаетъ, а онъ, веселый, довольный, сидитъ съ пріятелемъ и... и хлюпая устрицы, запивалъ Oeil de perdrix и спрашиваетъ, о чемъ скученъ его пріятель. Но въ томъ то и дѣло, что Князь Мишута не признавалъ смысла въ жизни во всей ея совокупности и никогда не могъ устроиться такъ, чтобы быть въ жизни серьезнымъ, справедливымъ и добрымъ, и махнулъ давно на это рукой, но зато въ провозженіи этой жизни, во снѣ жизни, онъ былъ тѣмъ, чѣмъ его родила мать, – нѣжнымъ, добрымъ и милымъ человѣкомъ.

⁴¹⁶ *Зач.*: и что ему хочется что то высказать.

⁴¹⁷ *Зач.*: Ордынцеву

⁴¹⁸ *Зач.*: улыбаясь и улыбкой давая чувствовать, что онъ и не хочетъ скрывать всего смысла этаго вопроса.

⁴¹⁹ *На поляхъ рядомъ написано*: <Теорія хозяйства. Коровъ. Жениться. «Я бы женился, но, прости меня, глупы очень». Земство – дурачье.> *Тамъ же, ниже, написано*: <– Ты скученъ, и глаза блестятъ.– Я не могу быть покоенъ.– Скажи мнѣ.– Можно ли?– Я вѣрный другъ, и все очень просто.>

⁴²⁰ *Зачеркнуто*: А впрочемъ, можетъ быть, и есть причина.– Какая же?– Ты знаешь, это щекотливый вопросъ, особенно мнѣ, какъ родному; но я тебѣ только то скажу, что я часто думалъ. Въ нашемъ кругу отношенія мужчины и дѣвушки очень неопредѣленны. – <Степанъ Аркадьичъ> Князь Мишута не переставалъ улыбаться, говоря это. <Ордынцевъ> Левинъ смотрѣлъ на него во всѣ глаза, съ удовольствіемъ ожидая, что будетъ. – Я тебѣ про себя скажу: когда я хотѣлъ жениться на Долли, я рѣшительно не зналъ, къ кому я долженъ обратиться – къ матери, къ отцу, къ ней самой или къ свяхъ.– Я думаю, что всегда надо обратиться къ ней самой.– Почему ты думаешь? Позволь, нашъ народный обычай состоитъ въ томъ, что родители обращаются къ родителямъ.– И то нѣтъ. Родители черезъ сватовъ обращаются къ родителямъ.– Ну, хорошо, это всё равно. Такъ вотъ нашъ обычай. Мы въ нашемъ кругу его не держимся. Французскій обычай состоитъ въ томъ, что родные устраиваютъ дѣло между собой или женихъ обращается къ родителямъ. Въ Англіи молодые люди знаютъ сами. Теперь мы свое бросили и не пристали ни къ Англіи, ни къ Франціи.– Да, но здравый смыслъ говорить, что жениться молодымъ людямъ, и потому это ихъ дѣло, а не родителей.– Да, это хорошо говорить, а выходить, что молодой человѣкъ – я положимъ – встрѣчаю Долли на

- Ну, давай же, братецъ, супъ.
- Ну, такъ теперь давай длинный разговоръ.
- Да только я не знаю, говорить ли. Ну да, – сказалъ онъ, кончивъ супъ, – отчего не сказать. Такъ вотъ что. Если бы у тебя была сестра любимая, и я бы хотѣлъ жениться. Посовѣтоваль ли бы ты ей выдти за меня?
- Я? Обѣими руками, но, къ несчастью, у меня нѣтъ сестры, а есть свояченица.
- Да я про нее и говорю, – рѣшительно сказалъ Левинъ. – Такъ скажи.
- Румянецъ дѣтской покрылъ лобъ, уши и шею Ордынцева, когда онъ сказалъ это.⁴²¹
- Про нее? – сказалъ Князь Мишута. – Но мнѣ нужно знать прежде твои планы. Ты, кажется, имѣлъ время рѣшить.
- Да, но я боюсь, ужасъ меня беретъ, я боюсь, что мнѣ откажутъ. Я все-таки надѣюсь, но тогда ужъ...
- Ну да, ну да,⁴²² – сіяя добродушной улыбкой, поддакивалъ Князь Мишута.
- И до сихъ поръ я не знаю, чего мнѣ ждать. Про себя я знаю.... да, это я знаю... – Онъ вдругъ сердито взглянулъ на вошедшаго Татарина и перемѣнилъ Русскую рѣчь на Французскую. – Я знаю, что я не любилъ другой женщины и, должно быть, не буду любить.⁴²³
- Ну да, ну да, – говорилъ Степанъ Аркадьичъ, и лицо его сіяло⁴²⁴ все больше и больше, и онъ, не спуская глазъ съ Левина, подвинулъ къ себѣ серебряное блюдо съ тюрбо.⁴²⁵
- Ну что ты, какъ братъ, какъ отецъ, сказалъ бы мнѣ? Чего я могу ждать?
- Я? Я бы сказалъ, что я лучше ничего не желаю и что вѣроятности большія есть за то, что тебя примутъ.
- Ты думаешь? А если отказъ? Вѣдь это ужасно.
- Онъ свалилъ себѣ рыбу на тарелку, чтобы не развлекать Князя Мишуту, начавшаго было класть.
- Послушай однако, – сказалъ⁴²⁶ Князь Мишута, кладя свою пухлую руку на локоть⁴²⁷ Левина, хотѣвшаго ѣсть безъ соуса. – Пойми, ты соуса возьми. Пойми однако, что можетъ быть такое положеніе; я не говорю, что оно есть, но оно можетъ быть. Ты любишь дѣвушку и боишься поставить сразу судьбу на карту. Она любить и горда и тоже боится. И вы все выжидаете, и родители тоже ждутъ. Ну, подай другую, – обратился онъ къ слугѣ, доливавшему бокалы и вертѣвшемуся около нихъ именно тогда, когда его не нужно было.
- Да, если ты такъ говоришь,⁴²⁸ – бросая вилку, сказалъ⁴²⁹ Левинъ.

балахъ, я хочу сблизиться съ нею, хоть не узнать ее, потому что это вздоръ – узнать дѣвушку нельзя, – но узнать самое важное – нравлюсь ли я ей. Что же мнѣ дѣлать? Я ѣду въ домъ. Ну, чтоже выходить? Тамъ разсуждай, какъ хочешь, а если ты ѣздилъ 10 разъ въ домъ и не сдѣлалъ предложеніе, ты компрометировалъ, ты виноватъ. А если ты не ѣздилъ въ домъ, то ты не можешь сдѣлать предложеніе, такъ что выходить: первый разъ ты поѣхалъ въ домъ, ты надѣлъ вѣнецъ. – Я не нахожу вовсе. – Какже ты находишь? Ну, а опять, если ты сдѣлалъ предложеніе матери или отцу, ты оскорбилъ дочь; если ты сдѣлалъ предложеніе дочери, ты оскорбилъ родителей, вообще путаница. Ты долженъ по телеграфу одновременно сдѣлать предложеніе родителямъ и дочери. – И потому я этаго ничего не соображаю и не хочу знать. Если я буду дѣлать предложеніе, то я сдѣлаю его той, на комъ я хочу жениться. Но, признаюсь, прежде я хочу знать, могу ли рассчитывать на согласіе, и для этаго буду ѣздить въ домъ, и мнѣ все равно, скажутъ ли, что компрометирую, какъ ты говоришь, или нѣтъ. Я тебѣ скажу прямо, не стану beat about the bush [говорить обиняками]. Я желаю сдѣлать предложеніе твоей свояченицѣ.

⁴²¹ *Зачеркнуто:* – Ну да, ну да, – понимающе подчеркивалъ Степанъ Аркадьичъ. – Я ѣздилъ прошлую зиму къ нимъ въ домъ и нынче поѣду и не сдѣлаю предложенія, потому что я не умѣю, какъ другіе опытные въ этомъ дѣлѣ люди.

⁴²² *Зач.*: какъ нашъ братъ. – Не умѣю говорить обиняками такія рѣчи, изъ которыхъ бы я видѣлъ, чего мнѣ ждать.

⁴²³ *Зач.*: Отъ этаго то мнѣ и трудно поставить, не зная, чего я могу ждать.

⁴²⁴ *Зач.*: сочувствіемъ и добротой

⁴²⁵ *Ниже на поляхъ написано:* Степанъ Аркадьичъ описываетъ Ордынцеву тещу, тестя и всю семью.

⁴²⁶ *Зач.*: Степанъ Аркадьичъ

⁴²⁷ *Зач.*: Ордынцева

⁴²⁸ *Зач.*: вскакивая съ мѣста и начиная ходить по 5-аршинной комнатѣ

⁴²⁹ *Зач.*: Ордынцевъ

– Я не говорю, что это есть, это может быть. Но ты⁴³⁰ кушай.

Онъ⁴³¹ подвинулъ ему блюдо.

– Ты не въ присутствіи,⁴³² Мишута, ты не ограждай своей рѣчи. А если ты меня любишь, чему я вѣрю, скажи прямо, просто. Сколько шансовъ у меня успѣха?

– Да ты вотъ какіе вопросы задаешь!⁴³³ На твоёмъ мѣстѣ я бы сдѣлалъ предложеніе, – сказалъ онъ.

– Ну, ты дипломатъ, я знаю. Ты не хочешь сказать прямо, но скажи, есть ли кто другой, котораго я могъ бы опасаться.

– Ну, это еще труднѣе задача; но я скажу тебѣ, что есть. Нынѣшнюю зиму Князь⁴³⁴ Усманской Алексѣй часто ѣздитъ, знаешь. И я бы на твоёмъ мѣстѣ рѣшалъ дѣло скорѣе.

– Ну и что?

– Да ничего, я только совѣтовалъ бы рѣшать дѣло скорѣе.⁴³⁵

– Но кто это такое и что такое этотъ Уворинъ, я понятія не имѣю. И что же, онъ очень ухаживаетъ?

– И да и нѣтъ. Уворинъ – это очень замѣчательный человѣкъ, и онъ долженъ нравиться женщинамъ.

– Отчего же, что онъ такое? – торопливо, горячо спрашивалъ Левинъ, дергая за руку Князя Мишуту, доѣдавшего свое блюдо.

– Ты нынче увидишь его. Впервыхъ, онъ хорошъ, вовторыхъ, онъ джентельменъ въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова, потомъ онъ уменъ, поэтъ и славный, славный малый.

Левинъ вздохнулъ. Какъ онъ любилъ борьбу въ жизни вообще, такъ онъ не допускалъ ея возможности въ любви.

– Такъ ты говоришь, что есть шансы, – сказалъ онъ, задумчиво выпивая свой бокалъ.

– Вотъ что я тебѣ скажу: моя жена удивительная женщина. Ты вѣдь ее знаешь.⁴³⁶ Она не глупа, то, что называется умомъ въ свѣтѣ, но она необыкновенная женщина. —⁴³⁷ Князь Мишута вздохнулъ и помолчалъ минутку, вспомнивъ о своихъ отношеніяхъ съ женою. – Но у нее есть даръ провидѣнія. Не говоря о томъ, что она насквозь видитъ людей, она знаетъ, что будетъ, особенно въ отношеніи браковъ. Она, напримѣръ, предсказала, что N выдетъ за S.,⁴³⁸ и такъ и вышло, и она на твоей сторонѣ.

– Она меня любить.⁴³⁹ О, она прелесть! Если бы я могъ любить больше Катерину Александровну, чѣмъ я ее люблю, то я любилъ бы ее за то, что она сестра твоей жены.

– Ну такъ она мало того что любить тебя, она говоритъ, что Кити будетъ твоей женой непременно.

– Будетъ моей женой, – повторилъ⁴⁴⁰ Левинъ, и лицо его вдругъ просіяло, расплылось улыбкой, той, которая близка къ слезамъ умиленія.

– Что бы тамъ не было, это будетъ, она говоритъ, и это будетъ хорошо, потому что онъ чистый человѣкъ.

⁴³⁰ Зачеркнуто: сядь

⁴³¹ Зач.: сѣлъ

⁴³² Зач.: Стива

⁴³³ Зач.: <Степанъ Аркадьичъ> Князь Мишута съ своей привычкой мягкости сказалъ, что онъ бы на мѣстѣ <Ордынцева> Левина сдѣлалъ бы предложеніе, но прямо не отвѣтилъ на вопросъ <Ордынцева> Левина.

⁴³⁴ Зач.: <Удашевъ> <Уворинъ> Гр. Уворинъ Сергѣй, онъ адъютантъ у Г. Г.

⁴³⁵ Зач.: – Ну, спасибо. Выпьемъ, – и опять онъ вскочилъ и не доѣлъ, сталъ ходить.

⁴³⁶ Рядомъ на полях: <Надо сѣздить къ ней и устроить. Разсужденіе съ нимъ, что и ее тоже жалко.>

⁴³⁷ Зач.: Степанъ Аркадьичъ

⁴³⁸ Зачеркнуто: В. былъ женихомъ А., а она сказала, что не бывать сватѣбѣ,

⁴³⁹ Зач.: Ахъ, это отлично! Я ее ужасно люблю.

⁴⁴⁰ Зач.: Ордынцевъ, и всегда строгое, трудовое

Левинъ молчалъ. Улыбка расплылась до слезъ. Онъ сталъ сморкаться.

– Ну, какже я радъ, что мы съ тобой поговорили.

– Да, такъ ты будешь нынче. И я прїѣду.⁴⁴¹ Мнѣ только нужно съѣздить въ одно мѣсто, да, нужно.

– Я не умѣю говорить. Во мнѣ что-то есть непрїятное.

– Хочешь, я тебѣ скажу твой недостатокъ. Ты резонеръ. Ты оскорбился?

– Нѣтъ, можетъ быть, это правда.⁴⁴² Это твоя жена говорить?

– Нѣтъ, это мое мнѣніе.

– Можетъ быть, эти мысли интересуютъ меня.

– Такъ прїѣзжай непременно и отдайся течению, оно принесетъ тебя. Счетъ! – крикнулъ онъ, взглянувъ на часы.

⁴⁴³ Левинъ съ радостью досталъ изъ своего полного бумажника тѣ 17 рублей, которые съ начаемъ приходились на его долю и которые бы привели его, какъ деревенскаго жителя, въ ужасъ прежде, и Степанъ Аркадьичъ отдѣлилъ 17 рублей отъ 60, которые были у него въ карманѣ, и уплата счета⁴⁴⁴ заключила, какъ всегда это бываетъ, прежній тонъ разговора.⁴⁴⁵

– Ну, теперь ты мнѣ скажи откровенно, – сказалъ Князь Мишута, доставая сигару и покойно усаживаясь, держась одной рукой за ручку бокала, а другой сигару. – Ты мнѣ дай совѣтъ. Я сказалъ, что мнѣ нужно съѣздить. Ты знаешь куда – къ женщинѣ. Не ужасайся. Я слабый, я дурной человекъ, но я человекъ. Ну, послушай. Положимъ, ты женатъ, ты любишь жену, но ты увлекся другой женщиной.⁴⁴⁶

– Извини, но я рѣшительно не понимаю этаго. Какъ бы... все равно, какъ не понимаю, какъ бы я теперь, наѣвшись здѣсь, пошелъ бы мимо калачной и укралъ бы калачъ.

Глаза Князя Мишуты совсѣмъ растаяли.

– Отчего же? Калачъ иногда такъ пахнетъ, что не удержишься. Ну, все равно, человекъ укралъ калачъ. Увлечся другой женщиной. Эта женщина милое, кроткое, любящее существо, бѣдная, одинокая и всѣмъ пожертвовала. Теперь, когда уже дѣло сдѣлано, ты пойми, неужели бросить ее? Положимъ, разстаться, чтобъ не разрушить семейную жизнь, но неужели не пожалѣть ее, не устроить, не смягчить?

– Ну ужъ извини меня, ты знаешь, я чужакъ, для меня всѣ женщины дѣлятся просто на два сорта, т. е. нѣтъ, вѣрнѣе, есть женщины и есть стервы. И я прелестныхъ падшихъ созданий не видалъ и не увижу, а такія, какъ та крашенная Француженка у конторки съ завитками, это для меня гадина, и всѣ падшія такія же.⁴⁴⁷

– А Евангельская?

– Я тебѣ говорю не выдумку мою, а это чувство. Какъ то, что ты пауковъ боишься, такъ я этихъ гадинъ, и потому ты, вѣрно, не изучалъ пауковъ и не знаешь ихъ нравовъ, такъ и я.

– Зачѣмъ такъ строго смотрѣть на жизнь, зачѣмъ дѣлать себѣ трудности,⁴⁴⁸ зачѣмъ все натуживаться?

⁴⁴¹ *Зач.*: послѣ театра. Мнѣ надо тамъ быть.

⁴⁴² *Зач.*: рѣзко

⁴⁴³ *Зач.*: Ордынцевъ, всегда расчетливый и скупой, какъ всѣ люди, живущіе въ деревнѣ,

⁴⁴⁴ *Зач.*: и переговоры по Французски о немъ заключили

⁴⁴⁵ *Зач.*: Кромѣ того, зашелъ знакомый Степана Аркадьича – Черенинъ, полковникъ, полупьяный, и Ордынцевъ уѣхалъ домой.

⁴⁴⁶ *Поперек этого абзаца написано:* <Онъ полонъ жизни. Вотъ счастливчикъ!>

⁴⁴⁷ *Зачеркнуто:* – Ты изъ всего дѣлаешь трудности; ты, стисну въ зубы и напряживаясь, поднимаешь соломинку. – Да, потому что все трудъ. – Но повѣрь, что все тоже самое будетъ, если и не будешь натуживаться. – Да это наше различіе. Ты видишь во всемъ удовольствіе, я – работу. – И я правъ, потому что мнѣ весело, а тебѣ тяжело. – Да, можетъ быть. – Онъ задумался.

⁴⁴⁸ *Зач.*: Жизнь и такъ трудна, а ты все натуживаешься. – Стало быть, надо готовить себя къ труду и что все не такъ просто, какъ кажется.

– Затѣмъ, чтобы не мучаться.

– Ахъ, повѣрь, все тоже самое будетъ, будешь ли или не будешь натуживаться. Послѣ мучаться, прежде мучаться...

– Да что же дѣлать? Въ этомъ разниа нашихъ характеровъ. Ты на все смотришь легко и весело, видишь удовольствіе, а я работу.

– И я правъ, потому что, по крайней мѣрѣ, мнѣ весело, а тебѣ...⁴⁴⁹

Левинъ усмѣхнулся и ничего не сказалъ.

– Ахъ, кабы ты зналъ, какая она женщина.

– Кто? Эта гадина?

Князь Мишута разсмѣялся.

– Прелестная женщина! И женщина, которая внѣ брака жертвуетъ тебѣ всѣмъ, та любить... Да. – Левинъ пожалъ плечами. – Но ты не думай, я теперь ѣду навсегда проститься съ ней.

Они вышли и разѣхались. Князь Мишута – къ прелестной женщинѣ, а Левинъ. – къ себѣ, чтобы переодѣться во фракъ и ѣхать къ Щербацкимъ.

*** № 10 (рук. № 16).**

Пріятно попыхивая изъ окна папиросу въ окно кареты, Князь Мишука ѣхалъ въ Присутствіе, съ каждымъ шагомъ лошадей, уносившихъ его отъ дома, чувствуя облегченіе отъ своего горя. Когда онъ пріѣхалъ въ Присутствіе и выскочилъ изъ кареты, кивая головой на поклоны писца и швейцара, уже въ душѣ его было все свѣтло и весело.

Княгиня между тѣмъ, успокоивъ ребенка, сѣла опять на то же мѣсто, гдѣ онъ засталъ ее, также сжавъ костлявые руки, неподвижно сидѣла, перебирая въ воспоминаніи весь бывшій разговоръ.

«Но чѣмъ же кончилъ онъ *съ нею*, – думала она. Неужели онъ видитъ ее? Зачѣмъ я не спросила его, – думала она. – Нѣтъ, нѣтъ, сойтись нельзя. Если мы и останемся в одномъ домѣ, мы будемъ чужіе. А какъ я любила, Боже мой, какъ я любила его! Какъ я любила, какъ я любила его!» сказала она и заплакала.

II.

Князь Мишука, несмотря на то, что былъ не старъ (ему было подъ 40) и не въ большихъ чинахъ, на то, что никогда ничѣмъ особеннымъ не отличался ни въ школѣ ни по службѣ, никогда не былъ интриганомъ и, несмотря даже на свою всегдашнюю разгульную жизнь, занималъ почетное и приносившее хорошее жалованье мѣсто начальника въ одномъ изъ Московскихъ присутствій.

Мѣсто это онъ получилъ черезъ мужа сестры Анны (ту самую, которую онъ ожидалъ къ себѣ) Каренина, занимавшаго одно изъ важнѣйшихъ мѣстъ въ Министерствѣ, къ которому принадлежало Присутствіе; но если бы Каренинъ не назначилъ своего шурина на это мѣсто, то черезъ сотню другихъ лицъ – братьевъ, сестеръ, родныхъ, двоюродныхъ, дядей, тетокъ – Князь Мишука получилъ бы это мѣсто или всякое другое, подобное этому тысячъ въ 6 жалованья, на которое онъ считалъ себя имѣющимъ права. Половина Петербурга и Москвы были родня и пріятели Князя Мишуки, и всѣ знали его за добраго малаго, честнаго Князя Мишуку, который особеннаго пороха не выдумаетъ, но нигдѣ лицомъ въ грязь не ударить, и у котораго ничего нѣтъ и, несмотря на то, что онъ женился на богатой, дѣла разстроены, а которому нужны же наконецъ средства къ жизни.

Если бы человѣкъ, не имѣющій связей, хитростью, лестью пріобрѣлъ бы себѣ покровителей и черезъ этихъ покровителей пріобрѣлъ бы то самое мѣсто, которое имѣлъ князь Мишука,

⁴⁴⁹ *Зап.*: – И мнѣ очень – не весело, а пріятно бываетъ.

человѣкъ этотъ возбуждалъ бы отвращеніе всѣхъ хорошихъ людей; если бы человѣкъ, имѣющій тѣ связи, которые имѣлъ Князь Мишука, воспользовался этими связями, чтобы пріобрѣсти такое мѣсто, изъ котораго онъ вытѣснилъ бы болѣе способнаго человѣка, онъ тоже былъ бы непріятель; но Князь Мишука родился и выросъ въ средѣ тѣхъ людей, которые⁴⁵⁰ были или стали сильными міра сего. Одна⁴⁵¹ треть государственныхъ людей, стариковъ, была пріятелями его отца и знали его въ рубашечкѣ, другая⁴⁵² треть была съ нимъ на ты, а 3-я треть была хорошіе знакомые; слѣдовательно,⁴⁵³ раздаватели земныхъ благъ въ видѣ мѣстъ, арендъ, концессій, уставовъ и т. п. всѣ были пріятелями и не могли обойти своего, и Князю Мишукѣ нетолько не нужно было искать или подличать, а только не отказываться, не ломаться, не ссориться, не браниться, чего онъ никогда ни съ кѣмъ не дѣлалъ; кромѣ того, Князь Мишука и не желалъ и не требовалъ для себя особенныхъ большихъ земныхъ благъ, а самыхъ скромныхъ⁴⁵⁴ – жалованье, пособіе, денежную награду и т. п. На эти блага ужъ онъ считалъ свои права несомнѣнными, и ему бы даже невозможно до смѣшнаго показалось то, чтобы ему, наприимѣръ, отказали въ мѣстѣ въ тысячѣ 6 жалованья, тѣмъ болѣе что онъ чувствовалъ, что онъ свою должность могъ исполнять и исполнялъ хорошо.

Занимая 2-й годъ мѣсто начальника Присутствія въ Москвѣ, Князь Мишука, и прежде пользовавшійся общимъ расположеніемъ, пріобрѣлъ еще большее уваженіе сослуживцевъ, подчиненныхъ, начальниковъ и всѣхъ, кто имѣлъ до него дѣло.

Главный даръ Князя Мишуки, заслуживавшій ему эту общую любовь и уваженіе даже, состоялъ, кромѣ мягкости и веселаго дружелюбія, съ которыми онъ относился ко всѣмъ людямъ, кромѣ точности и пунктуальности, преимущественно въ полной безстрастности, съ которой онъ относился къ дѣлу, и въ полнѣйшей природной либеральности, состоящей для него въ томъ, что онъ совершенно ровно и одинаково относился ко всѣмъ людямъ, какого бы состоянія и званія они ни были. Кромѣ того, князь Мишука, не считавшій себя совершенствомъ, былъ исполненъ снисходительности къ людямъ и этимъ нравился всѣмъ тѣмъ, кто имѣлъ до него дѣло. Сверхъ же всего этого онъ имѣлъ даръ, обыкновенно независимый отъ ума или другихъ способностей, но какъ таланты, случайно розданные людямъ, – онъ имѣлъ даръ ясно, легко и кратко и все таки форменно выражать смыслъ дѣла письменно и изустно, и этимъ даромъ онъ законно первенствовалъ въ своемъ присутствіи.

Войдя въ присутствіе, провожаемый почтительнымъ швейцаромъ съ портфелемъ, Князь Мишука прошелъ въ свой маленькій кабинетъ и надѣлъ мундиръ. Писцы и служащіе всѣ встали, почтительно кланяясь. Князь Мишука поспѣшно привычно прошелъ къ своему мѣсту и сѣлъ, здороваясь, пожимая руки, съ членами.

Секретарь, почтительно наклоненный, подошелъ съ бумагами и, указывая на бумаги, проговорилъ тихимъ голосомъ:

– Журналъ вчерашняго присутствія и свѣденія отъ Пензенскаго Губернскаго Правленія по дѣлу о кражѣ...

– Хорошо, хорошо, благодарю, – проговорилъ Князь Мишука, закладывая жирнымъ пальцемъ бумагу и съ привычной скромной официальнойностью открыть присутствіе.

«Если бы они знали, – думалъ онъ, слушая докладъ, – какимъ виноватымъ мальчикомъ полчасу тому назадъ былъ ихъ Предсѣдатель», и⁴⁵⁵ звѣздочки глазъ его весело заблестѣли. Колесо завертѣлось, Князь Мишука почувствовалъ, что вертится и самъ въ немъ, и забылъ все

⁴⁵⁰ Зачеркнуто: въ его возрастѣ

⁴⁵¹ Зач.: половина

⁴⁵² Зач.: половина

⁴⁵³ Зач.: такъ называемая протекція для него была не протекція

⁴⁵⁴ Зач.: и простыхъ,

⁴⁵⁵ Зачеркнуто: ему смѣшно и весело стало. <– Такъ нынче, господа, мы> «Ну работать», подумалъ онъ и взялся привычными пріемами за работу дня.

неприятное. Одно, что во время занятій приходило ему въ голову, – была пріятная мысль о томъ, что въ 2 часа надо сдѣлать перерывъ и позавтракать.

Еще не было 2-хъ часовъ, когда у большихъ стеклянныхъ дверей залы присутствія, у которыхъ стоялъ сторожъ,⁴⁵⁶ показалась фигура человѣка безъ мундира, и всѣ члены изъ подъ портрета и изъ за зеркала, обрадывавшись развлеченію, оглянулись на явившагося человѣка, но зазѣвавшійся сторожъ тотчасъ же изгналъ вошедшаго и заперъ за нимъ дверь.

Князю Мишукѣ, не переставая слушать дѣло, показалось, что вошедшій былъ пріятель его Левинъ, и онъ, нагнувшись къ сосѣду члену, проговорилъ:

– Кажется, Константинъ Левинъ. Кажется, онъ.

Князь Мишука любилъ Левина и еще по нѣкоторымъ соображеніямъ очень желалъ его видѣть теперь и радъ былъ, что онъ пріѣхалъ. Онъ окончилъ скорѣе обыкновеннаго дѣла и, сдѣлавъ перерывъ, пошелъ, доставая папиросу, въ свой кабинетъ. Два товарища его, мрачный не отъ характера, но отъ слабости, старичокъ Никитинъ и элегантный камеръюнкеръ Шпандовскій вышли съ нимъ же.

– Послѣ завтрака успѣемъ кончить, – сказалъ князь Мишука.

– Какъ еще успѣемъ, – сказалъ старичокъ.

– А какой мерзавецъ этотъ Фенинъ, – сказалъ Шпандовскій объ одномъ изъ лицъ, участвовавшихъ въ дѣлѣ, которое они разбирали.

Князь Мишука, поморщившись, промолчалъ на слова Шпандовскаго, давая этимъ замѣтить, что неприлично преждевременно составлять сужденіе.

– Кто это былъ? – спросилъ онъ у сторожа.

– ⁴⁵⁷Проситель, Ваше Сіятельство, безъ упроста⁴⁵⁸ лѣзетъ, я только отвернулся.

– Гдѣ онъ?

– Тутъ гдѣ то, – и сторожъ отворилъ дверь.

⁴⁵⁹Некрасивый, но чрезвычайно статный, невысокій молодой человѣкъ съ маленькой бородкой, густыми бровями и блестящими⁴⁶⁰ голубыми глазами, видимо не зная, что ему съ собой дѣлать, держа баранью шапку подъ мышкой, быстро ходилъ взадъ и впередъ передъ дверью.

Лицо Князя Мишуки просіяло не только радостью, но нѣжностью, какъ при видѣ любимой женщины, при видѣ этаго молодаго человѣка.

– Такъ и есть! Левинъ! – проговорилъ онъ. – Какъ хорошо! Наконецъ то ты! – И онъ, обнявъ, поцѣловался съ молодымъ человѣкомъ.

– Я не зналъ, гдѣ ты живешь и заѣхалъ сюда, – сказалъ Левинъ краснѣя.

Ему, видимо, неловко было то дружеское отношеніе на ты, въ которомъ онъ былъ съ начальникомъ, подчиненные котораго только что чуть не вытолкали его. Князь Мишука былъ на ты со всѣми почти своими знакомыми, онъ не былъ на ты только съ тѣми, которыхъ онъ считалъ подлецами; съ тѣми, съ которыми обыкновенно не подаютъ руки, съ тѣми онъ не былъ на ты. А то онъ былъ на *ты* съ веселыми старичками 60 лѣтъ, съ мальчиками 20 лѣтъ, съ актерами, съ министрами, съ купцами и съ генералъ адъютантами, такъ что очень многіе изъ людей, бывшихъ съ нимъ на ты, находились на 2-хъ крайностяхъ общественной лѣстницы и очень бы удивились, что они имѣютъ черезъ Мишуку что нибудь общее. Онъ былъ на ты со всѣми людьми, съ которыми онъ былъ знакомъ и пилъ шампанское, а пилъ онъ шампанское со всѣми. Съ Левинымъ, несмотря на то, что Левинъ былъ лѣтъ на 10 моложе его, онъ былъ на

⁴⁵⁶ *Зач.*: произошло какое то замѣшательство.

⁴⁵⁷ *Зачеркнуто*: А неизвѣстный человѣкъ

⁴⁵⁸ *Зач.*: вошелъ

⁴⁵⁹ *Зач.*: Князь Мишука узналъ Левина, увидавъ русскаго широкостаго молодаго человѣка.

⁴⁶⁰ *Зач.*: добрыми и умными

ты однако не по одному шампанскому. Левинъ былъ товарищемъ по университету и другомъ брата его жены, утонувшаго прекраснаго юноши Князя Щербацкаго, и вслѣдствіи этого Князь Мишука сошелся съ нимъ и полюбилъ его,⁴⁶¹ насколько могъ любить.

Шпандовскій, вглядываясь въ новое для него лицо Левина, котораго онъ зналъ по слухамъ и въ особенности по извѣстному всей Россіи старшему брату философу Левину, замѣтилъ, что этотъ Левинъ долженъ быть очень нервный, чувствительный и не свѣтскій чело-вѣкъ, составлявшій совершенную противоположность ихъ Князю Мишукъ.

— Ну, пойдемъ въ кабинетъ. Мы тебя ждали, ждали, — говорилъ Князь Мишука, подъ словомъ «мы» разумѣя себя и семью жены, въ особенности ея сестру Кити, на которой Князю Мишукъ хотѣлось женить Левина. — Ужасно, ужасно радъ тебя видѣть, — говорилъ Князь Мишука, сіяя улыбкой и сжимая свои звѣздочки и похлопывая Левина по мускулистой, крѣпкой ляжкѣ. — Ахъ, зачѣмъ ты раньше не пріѣхалъ?

Лицо Левина, подвижное, выразительное, сіяло удовольствіемъ при видѣ чело-вѣка, кото-раго, онъ, видимо, любилъ, и вмѣстѣ отражало досаду за неловкость столкновенія съ швейца-ромъ и стѣсненіе при видѣ постороннихъ лицъ — мрачнаго отъ слабости старичка и элегантнаго Шпандовскаго съ такими бѣлыми, тонкими пальцами, такими длинными ногтями и такими въ рубль серебромъ огромными, блестящими запонками на рубашкѣ. Эти руки съ запонками не давали ему свободы мысли.

— Ахъ да, позвольте васъ познакомить, — сказалъ Облонскій. — Мои товарищи — Никитинъ, Шпандовскій, — и, обратившись къ Левину, — Земскій дѣятель, Мировой Судья, новый земскій чело-вѣкъ, гимнастъ, поднимающій одной рукой 5 пудовъ, — и, замѣтивъ, что Левинъ нахмурился при этой шуточной рекомендаціи, — и мой другъ Константинъ Дмитричъ Левинъ.

— Очень пріятно, — сказалъ старичокъ, но отъ слабости сказалъ это такъ, что, очевидно, ему было въ высшей степени непріятно.

— Имѣю честь знать вашего брата, — сказалъ Шпандовскій,⁴⁶² предоставляя къ пожатію свою необыкновенную руку совсѣмъ — съ перстнемъ, запонками и когтями.

Знакомство съ мрачнымъ старичкомъ и Шпандовскимъ не содѣйствовало развязности Левина. Несмотря на то, что имѣлъ обожаніе къ своему умному брату, онъ терпѣть не могъ, когда къ нему обращались не какъ къ Константину Левину, а къ брату знаменитаго Сергѣя Левина.

— Нѣтъ, ужъ и не Мировой Судья, и не главный, и ничто, — сказалъ онъ, обращаясь къ Облонскому. — И если когда нибудь моя нога будетъ...

— Какъ, ты вышелъ? — спросилъ Облонскій.

— Еще не вышелъ, но я подалъ въ отставку и подъ судомъ.

— Вотъ штука. Какъ такъ?

— Ахъ, длинная исторія, и я столько разъ рассказывалъ, что надоѣло, и когда нибудь послѣ, — говорилъ Левинъ, опять оглядываясь на чужихъ и продолжая сидѣть въ неловкой позѣ, не зная, куда дѣвать свою шапку.

— Да ты и въ европейскомъ платьѣ, а не въ русскомъ, — сказалъ Облонскій, обращая вни-маніе на его новое, очевидно отъ французскаго портнаго платье.

Левинъ покраснѣлъ.

— Гдѣ же ты былъ въ это время?

— У себя въ Клеветкѣ и въ разѣздахъ, и дѣлъ конца нѣтъ, и мерзости, мерзости, гадости со всѣхъ сторонъ. Ты можешь себе представить, что я отданъ подъ судъ за рѣшеніе праваго дѣла, и отданъ кѣмъ же? Людьми, изъ которыхъ каждый есть по малой мѣрѣ мошенникъ.

⁴⁶¹ Зачеркнуто: всей душой

⁴⁶² Зач.: пожимая руку

Левинъ вдругъ оживился, видимо забывъ про чужія лица и про то, что онъ сейчасъ только объявилъ, что не станетъ рассказывать, бросилъ свою шапку на столъ, вся сильная⁴⁶³ фигура его распустилась, и онъ началъ рассказывать живо, съ юморомъ и съ желчью, длинную исторію о томъ, какъ его отдали подъ судъ за то, что онъ хотѣлъ только быть справедливымъ. Смыслъ исторіи былъ тотъ, что Левинъ, бывши Мировымъ Судьею, захотѣлъ дѣйствовать⁴⁶⁴ по совѣсти, предполагая, что цѣль его дѣятельности есть справедливость, и забылъ, что, главное, надо дѣйствовать по закону, и, обвинивъ очевидно виновнаго и выручивъ пострадавшаго, но не по закону, онъ попался въ руки шайки, какъ онъ называлъ, уѣздныхъ воровъ, которые жили жалованьями и опеками, и что эта шайка сердится на него давно за его борьбу съ ними по воровству земскихъ денегъ и другихъ, подвела его, перерѣшила его рѣшеніе, и его отдали подъ судъ. Для слушавшихъ его было очевидно, что дѣйствовалъ глупо и попался по дѣломъ; но только Князь Мишука, любившій его, видѣлъ, что, хотя и глупо, хотя такъ и нельзя дѣйствовать, онъ дѣйствовалъ честно, мило, такъ, какъ и слѣдовало дѣйствовать съ его характеромъ, тѣмъ самымъ, который и былъ особенно милъ для него.

Шпандовскій же изъ разсказа вывелъ только то заключеніе, что нѣтъ ничего вреднѣе для умнаго человѣка, какъ жить въ деревнѣ.

«Вотъ онъ, — думалъ онъ, — умный, хорошо воспитанный человѣкъ, и чѣмъ онъ занятъ, о чемъ говорить съ такимъ жаромъ, какъ о государственномъ дѣлѣ? Что у мужика украли 2-хъ клѣтъ, и что ему хотѣлось старшину и кабатчика обвинить. Только деревня можетъ такъ загрубить человѣка».

Левинъ еще не кончилъ говорить, когда вошелъ Секретарь и съ развязной почтительностью и нѣкоторымъ общимъ секретарскимъ скромнымъ сознаніемъ своего превосходства знанія подошелъ съ бумагами къ Облонскому и сталъ подъ видомъ вопроса объяснять какое то затрудненіе.

* № 11 (рук. № 16).

III.

Когда Облонскій спросилъ у Левина, зачѣмъ онъ собственно пріѣхалъ, онъ покраснѣлъ до ушей, потому что онъ самъ себѣ не смѣлъ еще признаваться въ томъ, зачѣмъ онъ пріѣхалъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ въ глубинѣ души онъ очень хорошо зналъ, что онъ пріѣхалъ затѣмъ, чтобы окончательно рѣшить мучавшій его уже 2-й годъ вопросъ, будетъ или нѣтъ Кити Щербацкая его женой. Она росла дѣвочкой на его глазахъ. Когда онъ былъ товарищемъ по университету съ ея братомъ, онъ былъ даже немножко влюбленъ въ старшую сестру Долли, которая была⁴⁶⁵ съ нимъ однихъ лѣтъ и вышла за Облонскаго, и, когда онъ послѣ поѣздки за границу былъ у нихъ въ Москвѣ, онъ нашелъ дѣвочку Кити прелестной дѣвушкой.⁴⁶⁶ Казалось бы, ничего не могло быть проще того, чтобы ему, сыну хорошаго дома, прекрасно учившемуся, человѣку 27 лѣтъ, сдѣлать предложеніе княжнѣ Щербацкой; по всѣмъ вѣроятностямъ онъ долженъ былъ быть признанъ хорошей партіей, но Левину казалось, что Кити была такое совершенство во всѣхъ отношеніяхъ, а онъ такое ничтожество, что не могло быть и мысли о томъ, что его другіе и она сама признали достойнымъ ея.

Онъ видѣлъ въ себѣ два главные недостатка, которые, по его понятію, лишали его права думать о ней. Первое — это было то, что онъ не имѣлъ никакой опредѣленной дѣятельности и

⁴⁶³ Зачеркнуто: энергическая

⁴⁶⁴ Зач.: не по законамъ

⁴⁶⁵ Зачеркнуто: старше его

⁴⁶⁶ Зач.: и первой невѣстой

положенія въ свѣтѣ, тогда какъ его товарищи теперь, когда ему было 30⁴⁶⁷ лѣтъ, были уже который Полковникъ и флигель-адъютантъ, который профессоръ, который почтенный предводитель, Директоръ банка и желѣзныхъ дорогъ; онъ же (онъ зналъ очень хорошо, какимъ онъ долженъ былъ казаться для другихъ) – онъ начиналъ разныя дѣятельности: былъ въ министерствѣ послѣ выхода изъ Университета, былъ Мировымъ Посредникомъ – поссорился, былъ Предсѣдателемъ Управы, былъ Мировымъ Судьей, написалъ книгу о политической экономіи, носилъ русскую поддевку и былъ славянофиломъ. И все это для него, въ его жизни бывшее столь законнымъ и послѣдовательнымъ, для посторонняго зрителя должно было представляться безтолковщиной безпокойнаго и бездарнаго малаго, изъ котораго въ 32 года ничего не вышло. Другой же недостатокъ, самый главный, который онъ зналъ за собой, состоялъ въ томъ, что онъ никогда не объяснялся ни въ какой любви женщинѣ – считалъ себя столь некрасивымъ, что ни одна женщина, тѣмъ болѣе столь красивая, какъ Кити, не могла любить его. Его отношенія⁴⁶⁸ прежнія дружескія съ Кити вслѣдствіи дружбы съ ея братомъ казались ему еще новой преградой въ возможности любви. Некрасиваго, добраго,⁴⁶⁹ умнаго человѣка, какимъ онъ себя считалъ, онъ полагалъ, что можно любить какъ пріятеля, но чтобы любить той любовью, которою онъ любилъ красавицу Кити, нужно было быть красавцемъ, а онъ былъ дурень.

Слыхалъ онъ, что женщины любятъ часто некрасивыхъ людей, но не вѣрилъ этому. Онъ могъ любить только красивыхъ. Въ послѣднее время, въ бытность свою у знаменитаго умнаго брата, къ которому онъ ѣздилъ совѣтоваться о своихъ непріятностяхъ, онъ рѣшилъ сказать ему о своей любви къ Кити и, къ удивленію своему, услышалъ отъ брата, которому онъ вѣрилъ во всемъ, мнѣніе, обрадовавшее и удивившее его. Братъ сказалъ ему: «если ты хочешь жениться, что я одобряю, то Щербацкіе отдадутъ за тебя дочь обѣими руками и отслужатъ молебенъ, а если она не дура, а она славная дѣвушка, пойдетъ съ радостью».

Константинъ Левинъ вѣрилъ во всемъ брату и, какъ ни противно это было его внутреннему убѣжденію, заставилъ себя повѣрить настолько, чтобы поѣхать въ Москву и сдѣлать если не предложеніе, то попытку возможности предложенія.

Въ 4 часа, чувствуя свое бьющееся сердце, онъ слѣлъ съ извозчика у Зоологическаго Сада и съ толпой входившихъ пошелъ дорожкой къ горамъ и катку, на которомъ она была навѣрное, потому что онъ видѣлъ ихъ карету у подъѣзда.

* № 12 (рук. № 103).

Онъ, кончившій прекрасно курсъ, исполненный и физической и нравственной силы и энергіи человѣкъ, чувствовалъ, что онъ какъ бы даромъ хлѣбъ ѣстъ, не избравъ никакой общественной дѣятельности, и сознаніе того, что въ немъ чего то недостаетъ, тяготило его. Но онъ только на дняхъ бросилъ избранную имъ по совѣту брата Сергѣя Дмитрича земскую дѣятельность и, несмотря на все уныніе, которое онъ испытывалъ теперь, оставшись безъ общественной дѣятельности, онъ не могъ не бросить ее такъ, какъ не можетъ не бросить человѣкъ ассигнацію, которая по его опыту оказалась фальшивой. Были въ немъ какія то другія требованья, для которыхъ онъ жертвовалъ дѣятельностью.

Точно также бросилъ онъ службу въ министерствѣ по окончаніи курса, точно также онъ бросилъ два года тому назадъ мировое посредничество и судейство. Былъ онъ и славянофиломъ, тоже въ родѣ должности, былъ свѣтскимъ человѣкомъ, но бросилъ и это. И все это для него, въ его жизни бывшее столь законнымъ и послѣдовательнымъ, для посторонняго зрителя должно было представляться безтолковщиной безпокойнаго и бездарнаго малаго, изъ котораго

⁴⁶⁷ Исправлено на: 32

⁴⁶⁸ Зачеркнуто: братскія

⁴⁶⁹ Зач.: неглупаго

въ 32 года ничего не вышло. И онъ чувствовалъ это, и, несмотря на то, что всѣ его опыты и исканія были искренни, онъ чувствовалъ, что нетолько онъ долженъ казаться, но что дѣйствительно онъ и есть безтолковый, бездарный малый. Особенно живо онъ чувствовалъ это, когда онъ бывалъ въ городѣ и сходилъ съ людьми, занятыми опредѣленной дѣятельностью, и видѣлъ всю эту кипящую со всѣхъ сторонъ опредѣленную, всѣми признанную и всѣми уважаемую общественную дѣятельность. Только онъ одинъ былъ безъ мѣста и безъ дѣла. Такъ онъ думалъ о себѣ въ городѣ. Въ деревнѣ же онъ успокоивался. Въ деревнѣ всегда было дѣло, и дѣло, которое онъ любилъ, и конца не было дѣлѣ, и дѣло было такое, что еще вдвое болѣе, все таки не достигнешь того, что желательно. Но деревенское дѣло было глупое дѣло бездарнаго человѣка, онъ чувствовалъ это.

*** № 13 (рук. № 12).**

Въ гостиную, волоча ногами по ковру, вошла высокая фигура Князя.

— А, Константинъ Дмитричъ, Давно ли? — заговорилъ онъ съ притворствомъ радушія и, подойдя, обнялъ и подставилъ щеку, которая такъ и осталась, потому что Левинъ довольно неучтиво отстранил[ся] и пожалъ руку.

— Чтоже васъ такъ бросаютъ?⁴⁷⁰

— Да я пріѣхалъ не во время, рано; я вѣдь деревенщина.

— Ха ха ха, — громко захохоталъ Князь, только потому хохоча черезъ ха ха ха, а не черезъ ба ба ба, что онъ хохоталъ когда то и смутно помнилъ, какъ онъ смѣивался. — Ну, что хозяйство, дѣла скотныя? Я вѣдь всегда тебя очень радъ видѣть.⁴⁷¹

Черезъ 5 минутъ вошла⁴⁷² подруга Кити, прошлую зиму вышедшая замужъ, извѣстная умница и болтуня Графиня Нордстонъ.⁴⁷³

Вслѣдъ за ней вышла и Кити безъ слѣдовъ слезъ, но съ пристыженнымъ и тихимъ выраженіемъ лица. Пока Нордстонъ заговорила съ Княземъ, Кити подошла къ Левину.

— Какъ я вамъ благодарна, что вы не уѣхали. Не уѣзжайте, простите.>

*** № 14 (рук. № 17).**

Но Левинъ не то что былъ невеселъ, онъ былъ стѣсненъ. Несмотря на то, что онъ живалъ въ городахъ и въ свѣтѣ, эта обстановка бронзы, зеркалъ, газа. Татаръ — все это ему послѣ деревенской жизни было стѣснительно.

— Я провинціалъ сталъ, меня все это стѣсняетъ.

— Ахъ да, помнишь, какъ мы разъ отъ цыганъ ѣхали, — вспомнилъ Степанъ Аркадьичъ (Левинъ одно время, увлеченный Облонскимъ, ѣздилъ къ цыганамъ) — и мы заѣхали ужинать въ 5-мъ часу утра въ Bocher de lancala?

— Что? не помню.

— Какже, ты отличился. Намъ не отворяли, и ты вызвался убѣдить ихъ. И говоришь: «намъ только кусочекъ жаркаго и сыра», и, разумѣется, намъ захлопнули дверь.

— Да, у меня въ крови деревенскія привычки, — смѣясь сказалъ Левинъ.

⁴⁷⁰ *Зачеркнуто:* — Да, правда, рано.

⁴⁷¹ *Зач.*: Пойдемъ ко мнѣ. Онъ позвонилъ и приказалъ лакею доложить барышнямъ, что гость. Левинъ не успѣлъ учтиво уйти отъ Князя, когда почти въ одно и тоже время

⁴⁷² *Зач.*: въ гостиную пріѣхавшая молодая сухая дама Графиня Нордстонъ.

⁴⁷³ *Зач.*: и Княгиня

*** № 15 (рук. № 17).**

- Ну, теперь давай тотъ длинный разговоръ, который ты обѣщаль.
- Да только я не знаю, говорить ли, – краснѣя сказалъ Левинъ.
- Говорить, говорить и непременно говорить. О, какой ты счастливеецъ! – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, глядя въ глаза Левину.
- Отчего?
- Узнаю коней ретивыхъ по какимъ то ихъ таврамъ, юношей влюбленныхъ узнаю по ихъ глазамъ, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ.
- Ну, не очень юноша. Тебѣ сколько лѣтъ?
- Мнѣ 34. Я двумя годами старше тебя. Да не въ годахъ, у тебя все впереди, а...
- А у тебя уже назади?
- Нѣтъ, хоть не назади, у тебя будущее, а у меня настоящее, и настоящее такъ, въ переспорчку.
- А что?
- Да нехорошо. Ну, да я не объ себѣ хочу говорить, и потомъ объяснить всего нельзя, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, который дѣйствительно не любилъ говорить, хоть ему хотѣлось теперь все рассказать именно Левину. Онъ зналъ, что Левинъ, хоть и строгій судья и моралистъ, какъ онъ зналъ его, пойметъ и съ любовью къ нему обсудить и извинить, можетъ быть.
- Не объ себѣ, ну, выкладывай. Эй, принимай! – крикнулъ онъ Татарину.
- Но Левину что то мѣшало говорить. Однако онъ, видимо сдѣлавъ усилие, началъ:
- Ты догадываешься?
- Догадываюсь; но не могу начать говорить. Ужъ по этому ты можешь видѣть, вѣрно или невѣрно я догадываюсь, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, и прекрасные глаза сіяли почти женской нѣжностью, глядя на Левина.⁴⁷⁴
- Ну чтожъ ты скажешь мнѣ? По крайней мѣрѣ, ты откровенно, пожалуйста, – говорилъ Левинъ, – какъ ты смотришь на это? Какъ на возможную и желательную для тебя?
- Я? – сказалъ Степанъ Аркадьичъ. – Я ничего такъ не желалъ бы, какъ этаго. Ничего. Это лучшее, что могло бы быть.
- Но возможная ли?
- Отчего жъ невозможная?
- Я и хотѣлъ просить тебя сказать мнѣ откровенно свое мнѣніе, и если меня ждетъ отказъ, какъ я думаю...
- Отчего?
- Если ждетъ отказъ, то избавить меня и ее отъ тяжелой минуты.
- Ну, это во всякомъ случаѣ для дѣвушки не тяжелая минута, а такая, которой онъ гордятся.
- Ну что ты, какъ братъ, какъ отецъ, сказалъ бы мнѣ? Чего я могу ждать?

⁴⁷⁴ *Зачеркнуто:* Говорить? – Опять Левинъ покраснѣлъ на первомъ словѣ. – Такъ вотъ что. Если бы у тебя была сестра любимая и я бы хотѣлъ жениться на ней. Посовѣтоваль ли бы ты ей выдти за меня? – Я? Обѣими руками. Но, къ несчастью, у меня нѣтъ сестры незамужней, а есть свояченица. И глаза Степана Аркадьича весело смѣялись. – Да я про нее и говорю, – рѣшительно сказалъ Левинъ. Краска, только что проходившая, опять при этихъ словахъ покрыла уши и шею Левина. – Я и не догадывался, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, также смѣясь глазами. – Но послушай, безъ шутокъ, – сказалъ, перемѣнивъ позу и выраженіе, – я отъ всей души желалъ бы, но мнѣ вмѣшиваться въ это дѣло и кому нибудь опасно. – То есть ты хочешь знать, рѣшилъ ли я? Да, но согласись, что получить отказъ... – Ну да, ну да, – сіяя улыбкой, поддакивалъ Степанъ Аркадьичъ. – Есть одна изъ ужаснѣйшихъ вещей. А я не знаю, чего мнѣ ждать! – Онъ сердито взглянулъ на вошедшаго Татарина и перемѣнилъ русскую рѣчь на французскую. – И потому я хотѣлъ просить тебя, какъ моего и ея друга, если ты смотришь на это дѣло какъ на возможность и желательную вещь. – Еще бы, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, и лицо его сіяло все болѣе и болѣе, и онъ, не спуская глазъ съ Левина, подвинулъ къ себѣ серебряное блюдо съ тюрбо.

– Я? Я бы сказалъ, что⁴⁷⁵ ты теперь выбралъ самое лучшее время для предложенія.

– Отчего? – сказалъ Левинъ и свалилъ себѣ рыбу на тарелку, чтобы не развлекать⁴⁷⁶ Степана Аркадьича, начавшаго было ему класть.⁴⁷⁷

– Оттого что послѣднюю зиму сталъ ѣздить къ нимъ Алексѣй Вронской, – сказалъ⁴⁷⁸ Степанъ Аркадьичъ, кладя свою⁴⁷⁹ красивую бѣлую руку на локоть Левина, хотѣвшаго ѣсть безъ соуса.

– Постой, соуса возьми.⁴⁸⁰

– Ну и что же?

– Алексѣй Вронский есть, я думаю, лучшая партія въ Россіи, какъ говорятъ матушки. И какъ я вижу, онъ влюбленъ по уши. Но я тебѣ... И говорить нечего; несмотря на то, что Вронской отличный малый, для меня то, чтобы ты женился на Кити, было бы... Ну, я не стану говорить что, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, не любившій фразъ.

Но Левинъ видѣлъ по сіяющему и серьезному лицу Облонскаго, что это были не слова. Левинъ не могъ удержаться, чтобы не покраснѣть, когда Облонскій произнесъ наконецъ словами то, о чемъ они говорили.

– Ну, подай другую, – обратился Степанъ Аркадьичъ къ Татарину, доливавшему бокалы и вертѣвшемуся около нихъ именно тогда, когда его не нужно было.

– Да, да, ты правъ. Я говорилъ глупости.

– Нѣтъ, отчего, ты спрашивалъ моего совѣта.

– Но кто это такой и что такое этотъ Вронской, я понятія не имѣю.⁴⁸¹

– Вронскій богатъ, сынъ графа Иларіона [*1 неразобр.*], кавалеристъ и отличный, точно отличный малый.

– Но что же онъ такое? Подробнѣе скажи мнѣ, – сказалъ Левинъ.

– Ты нынче увидишь его. Во первыхъ, это славный малый, во вторыхъ, не изъ тѣхъ классическихъ приличныхъ дурногвардейцевъ, а очень образованный человѣкъ, въ своемъ родѣ новый сортъ людей.

– Какой же новый сортъ?

⁴⁷⁵ *Зачеркнуто:* я лучше ничего не желаю и что вѣроятности большія есть за то, что тебя примутъ. – Вѣроятности! – заговорилъ онъ. – А если откажъ? Вѣдь это ужасно.

⁴⁷⁶ *Зачеркнуто:* князя Мишуту

⁴⁷⁷ *Зач.*: – Но а если ты ошибаешься, если меня ждетъ отказъ? Ты мнѣ скажи вѣрно. И онъ самъ улыбнулся, понявъ, что требуетъ невозможнаго.

⁴⁷⁸ *Зач.*: князь Мишута

⁴⁷⁹ *Зач.*: пухлую

⁴⁸⁰ *Зач.*: Ты хочешь, чтобы я былъ сватомъ. Чтобы тебѣ пріѣхать какъ жениху послѣ свахи. – Отчего жъ и не хотѣть? Очень бы хотѣлъ. Это въ тысячу разъ легче. Да и не легче, а разумнѣе, чѣмъ мое положеніе теперь. Идти на совершенно неизвѣстное и рисковать – чѣмъ? оскорбить ее и получить отказъ. Онъ вспыхнулъ, только представивъ себѣ живо это униженіе отказа. – Это гордость. Страшная гордость. Но ты кушай. Онъ подвинулъ ему блюдо. – Я и не говорю, что нѣтъ, – сказалъ, онъ, бросая вилку. – Я не говорю, что я не гордъ, и не говорю, что я хочу быть либераломъ. Я люблю дѣвушку, хочу на ней жениться и желаю какъ можно меньше мучать себя и ее. – Помилуй, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, – ты что – хочешь сватовства, какъ у купцовъ и въ комедіяхъ? Вѣдь ужъ въ наше время, – сказалъ онъ, этимъ аргументомъ окончательно побивая противника, – въ наше время ужъ права женщины, я не говорю эти крайности, а все таки женщина можетъ и должна сама рѣшать свою судьбу. – И ты все таки не отвѣтилъ мнѣ на мой вопросъ: могу ли я надѣяться? – Да ты вотъ какіе вопросы задаешь? Ты знаешь, что я тебя люблю, но у тебя главный недостатокъ то, что ты изо всего дѣлаешь трудности и самъ себя мучаешь. Надо проще смотрѣть на жизнь. Все это очень просто. Ты любишь дѣвушку, и на твоёмъ мѣстѣ я бы сдѣлалъ сейчасъ предложеніе и все бы узналъ. – Да, это очень просто по твоему, а по моему совсѣмъ не просто, – сказалъ Левинъ, задумавшись и чувствуя, что изъ его бесѣды съ Облонскимъ ничего не выйдетъ. – Ну вотъ я скажу тебѣ, – продолжалъ Степанъ Аркадьичъ, – нынѣшнюю зиму къ Щербацкимъ часто ѣздитъ графъ Вронской Алексѣй, знаешь? Ну и очевидно родители думаютъ, что онъ имѣетъ намѣреніе, и оно такъ и должно быть. Но кто же ему можетъ сказать, любить ли его дѣвушка или нѣтъ? Ужъ это пускай онъ самъ отыскиваетъ.

⁴⁸¹ *Зачеркнуто:* И что же, онъ влюбленъ... она влюблена въ него? Мишенька засмѣялся. – Кто тебѣ сказалъ? Но Вронскій ухаживаетъ и

– По моему, это вот какой новый сортъ:⁴⁸² онъ либераленъ, понимаешь, въ своемъ родѣ и кругѣ. Разумѣется, онъ не социалистъ,⁴⁸³ но онъ какъ будто не дорожитъ тѣми преимуществами, которыя ему сами собой дались какъ сыну графа Вронскаго, а онъ⁴⁸⁴ страстный конскій охотникъ, спортсмэнъ, живетъ внѣ Петербурга, за ремонтами, и хочетъ выйти въ отставку. Однимъ словомъ, пренебрегаетъ тѣми благами, за которыми всѣ бѣгаютъ, и совершенно, и притомъ⁴⁸⁵ славный малый и выпить не дуракъ.

– Ну такъ что же, – сказалъ Левинъ, задумчиво выпивая бокаль.

– А то, что на твоёмъ мѣстѣ я бы рѣшилъ дѣло какъ можно скорѣе, и если ты будешь выбранъ, какъ я надѣюсь и желаю...

– Ты надѣешься?

*** № 16 (рук. № 103).**

Кити испытывала послѣ обѣда и до начала вечера чувство подобное тому, которое испытываетъ юноша передъ сраженіемъ. Сердце ея билось сильно, и мысли не могли ни на чемъ остановиться, возвращаясь къ роковому вопросу: «какой?»

Но какъ только она начинала думать объ этомъ, она или вспоминала разговоры и положеніе съ Левинымъ и съ⁴⁸⁶ Удашевымъ, или представляла себѣ положенія будущія замужемъ за Левинымъ и за⁴⁸⁷ Удашевымъ, но думать и рѣшать ничего не могла. Когда она думала о прошедшемъ, она съ удовольствіемъ, съ нѣжностью останавливалась на воспоминаніяхъ своихъ отношеній съ Левинымъ. Воспоминанія⁴⁸⁸ дѣтства и воспоминанія о дружбѣ его съ умершимъ братомъ придавали поэтическую грустную прелесть этимъ мыслямъ. Да и вообще ей легко, радостно было вспоминать про Левина. Въ воспоминанія же⁴⁸⁹ объ Удашевѣ примѣшивалось что то⁴⁹⁰ неловкое, несмотря на то, что онъ былъ въ высшей степени свѣтскій и спокойный человѣкъ, какъ будто фальшь какая то была не въ немъ, онъ былъ очень простъ и милъ, но въ ней самой, тогда какъ съ Левинымъ она чувствовала себя совершенно простою и ясною; но за то какъ только она думала о будущемъ съ⁴⁹¹ Удашевымъ, все будущее представлялось прелестнымъ, блестящимъ, невѣдомо поэтическимъ, съ Левинымъ же ничего не представлялось радостнаго, но что то туманное, сѣрое.

Войдя наверхъ, чтобы одѣться для вечера, она, взглянувъ въ зеркало, съ радостью замѣтила, что она въ одномъ изъ своихъ хорошихъ дней и въ полномъ обладаніи всѣхъ своихъ силъ, что ей такъ нужно было для предстоящаго сраженія: она чувствовала въ себѣ внѣшнюю тишину и свободную грацію движеній и холодную мраморность, которую она любила въ себѣ. Въ половинѣ осьмага, гораздо ранѣе обыкновеннаго приѣзда гостей, лакей доложилъ:

– Константинъ Дмитричъ Левинъ.

Княгиня еще была въ своей комнатѣ, и Князь не выходилъ.

⁴⁸² *Зач.*: Ну, ты знаешь, покойный Вронской, его отецъ, это былъ замѣчательно умный и твердый человѣкъ. У него были враги, какъ у всѣхъ сильныхъ міра, но онъ рѣдкій типъ честолюбиваго, но честнаго человѣка. Онъ изъ ничего, изъ бѣдныхъ дворянъ сталъ графомъ и первымъ человѣкомъ одно время, но онъ оставилъ память въ исторіи. Теперь сынъ его вотъ этотъ старшій въ Петербургѣ командуетъ гвардейскимъ полкомъ, флигель-адъютантъ, обыкновенный типъ сына вельможи, но этотъ

⁴⁸³ *Зач.*: но и то, пожалуй, немножко,

⁴⁸⁴ *Зач.*: любить науки, искусства, подъ предлогомъ болѣзни живетъ за границей

⁴⁸⁵ *Зач.*: милая, открытая натура. Я думаю, что тутъ что нибудь кроется, и онъ мнѣ не совсѣмъ нравится, но женщинамъ онъ долженъ нравиться.

⁴⁸⁶ *Зачеркнуто*: Вронскимъ

⁴⁸⁷ *Зач.*: Вронскимъ

⁴⁸⁸ *Зач.*: о любимомъ умершемъ братѣ

⁴⁸⁹ *Зач.*: о Вронскомъ

⁴⁹⁰ *Зач.*: непріятное

⁴⁹¹ *Зач.*: Вронскимъ

«Такъ и есть», подумала Кити, и вся кровь прилила ей къ сердцу. Она ужаснулась на свою блѣдность, взглянувъ въ зеркало. Она знала, что онъ затѣмъ и пріѣхалъ раньше, чтобы застать ее одну и сдѣлать предложеніе.⁴⁹²

«Боже мой, неужели это я сама должна рѣшить этотъ вопросъ? – подумала она. – Отчего ни мама, ни папа, отчего мнѣ не прикажутъ: дѣлай это или это. И потомъ такъ скоро. Ну, что я скажу ему? Неужели я скажу ему, что я его не люблю. Это будетъ неправда. Скажу, что люблю. И это неправда. А все-таки надо рѣшить,⁴⁹³ но зачѣмъ такъ вдругъ, такъ скоро! Но все-таки надо идти, пока не вышла татап».

Она⁴⁹⁴ уже подходила къ дверямъ большой гостиной и слышала его шаги, но рѣшительно не знала, что она скажетъ ему.

Онъ думалъ и чувствовалъ хотя не тоже, что она, но столь же мучительное и тяжелое.

«Зачѣмъ, и неужели необходимо это страданіе нравственное, – думалъ онъ, – для чело-
вѣка, который хочетъ сдѣлать самое законное простое дѣло – взять жену. А чтожъ дѣлать?
Ѣздить въ домъ, выжидать. И такъ⁴⁹⁵ Облонскій далъ мнѣ замѣтить, что я долженъ былъ давно
сдѣлать предложеніе, что я компрометировалъ. А мнѣ нужно знать, есть ли надежда? И вотъ
теперь я, ничего не зная, не выдавъ ее 8 мѣсяцевъ, рѣшаюсь сказать это слово. Рѣшаюсь полу-
чить отказъ – позоръ.⁴⁹⁶ И я долженъ самъ сдѣлать этотъ страшный вопросъ, отчего не другіе
за меня?⁴⁹⁷ Все лучше, чѣмъ это мученіе нерѣшимости, – думалъ Левинъ, входя въ гости-
ную. – И для нея это легче. Пускай же такъ и будетъ.⁴⁹⁸ Заикнусь ли, не заикнусь, я скажу».⁴⁹⁹

Едва онъ вошелъ въ пустую гостиную, какъ услышалъ звукъ ручки двери и увидалъ ее въ
сѣромъ⁵⁰⁰ платьѣ, входившую въ гостиную.

– Вы не устали послѣ вашихъ⁵⁰¹ подвиговъ на льду? – сказала она, съ улыбкой подавая
ему руку.

– Я не во время, кажется? слишкомъ рано.⁵⁰² Но я только того и хотѣлъ застать васъ
одну, – сказалъ онъ,⁵⁰³ не садясь и не глядя на нее, чтобы не потерять смѣлости.

– Садитесь, Константинъ Дмитричъ, мы всегда рады вамъ,⁵⁰⁴ – говорила она, сама не зная,
что говорятъ ея губы.

Онъ взглянулъ на нее,⁵⁰⁵ и она поняла по этому умному, все вдругъ понимающему
взгляду, что нельзя было⁵⁰⁶ говорить пустяковъ теперь. Она покраснѣла,⁵⁰⁷ взяла альбомъ,
лежавшій на столѣ, и стала открывать и закрывать застѣжку.

⁴⁹² Зачеркнуто: и она знала, что она должна отказать ему. «Нѣтъ, это невозможно», подумала она и пошла къ матери. – Мама! вы выйдете къ Левину? – сказала она, стараясь говорить какъ можно проще. – Все, что ни сдѣлаетъ, все глупо. – сердито сказала княгиня. – Разумѣется, – и пошла въ гостиную.

⁴⁹³ Зачеркнуто: и не мучать его. Но что я скажу ему?

⁴⁹⁴ Зач.: говорила это

⁴⁹⁵ Зач.: князь Мишута

⁴⁹⁶ Зач.: Боже мой, неужели это

⁴⁹⁷ Зач.: и не скажутъ мнѣ. Но

⁴⁹⁸ Зач.: какъ ни мучительно

⁴⁹⁹ Зач.: Такъ думалъ Левинъ одѣваясь и дорогой, и отрывки этихъ мыслей, застланные ужасомъ приближенія минуты, бродили въ его головѣ, когда онъ входилъ

⁵⁰⁰ Зач.: <простомъ, гладкомъ, сѣромъ платьѣ, съ улыбкой входившую съ другой стороны. – Мама сейчасъ выйдетъ, – сказала она садясь.> <въ темномъ, лиловатомъ съ чернымъ платьѣ съ че[пчикомъ?]> вмѣсто Кити старую Княгиню съ строгимъ и нѣсколько насмѣшливымъ лицомъ. – Очень мило съ вашей стороны, что вы насъ не забываете, Константинъ Дмитричъ, что

⁵⁰¹ Зач.: <пруесь> коньковъ

⁵⁰² Зач.: Княгиня посмотрѣла на часы. – О нѣтъ, и Кити сейчасъ выйдетъ.

⁵⁰³ Зач.: ни разу не заикнувшись и

⁵⁰⁴ Зачеркнуто: Я не знаю, ваша дружба съ <Сережей> Евгениемъ покойнымъ такъ связала насъ.

⁵⁰⁵ Зач.: сердито. Она покраснѣла, чувствуя

⁵⁰⁶ Зач.: теперь притворяется и мучать его. Но она сама не знала, что дѣлала и говорила. Она держала

⁵⁰⁷ Зач.: Такъ продолжался несвязный разговоръ. <Левину и въ голову не могло придти сдѣлать предложеніе матери, и

– Я сказалъ вамъ, что не знаю, надолго ли я пріѣхалъ....

«Какъ онъ помнить всѣ свои слова, – подумала она, – это непріятно».

– Что это отъ васъ зависитъ....

Она все ниже и ниже склоняла голову и не знала, что она отвѣтитъ на приближающееся. И еще ничего не случилось, но ей всей душой было жалко его – и себя.

– Можетъ быть, я съумасшедшій и надѣюсь на то, чего нельзя. – Лицо его дѣлалось все мрачнѣе и мрачнѣе. – Я пріѣхалъ за тѣмъ, чтобы предложить вамъ себя, свою руку, свою любовь. – А ... быть моей женой.

Онъ поглядѣлъ на нее изъ-подъ опущенныхъ бровей такъ, какъ будто ждалъ только отказа. Она тяжело⁵⁰⁸ дышала, не глядя на него; но какъ только онъ замолкъ, она подняла свои⁵⁰⁹ свѣтлые, ясные глаза прямо на него и, увидавъ его⁵¹⁰ холодное, почти злое выраженіе, тотчасъ же отвѣчала то, что непосредственно пришло ей.

– Ахъ, зачѣмъ вы это говорите. Я не... Это нельзя, это невозможно, простите меня...

Онъ видѣлъ, что она съ трудомъ удерживаетъ слезы. «Какъ онъ сидѣлъ, такъ и остался, ухватясь обѣими руками за ручки кресель и уставившись за уголь висящаго со стола ковра, и на лицѣ его остановилась злая усмѣшка надъ самимъ собой.

«Еще бы, какже это могло быть?»⁵¹¹ думалъ онъ, не поднимая глазъ, сидя неподвижно передъ ней и чувствуя, какъ, точно волны, наплывала и сплывала краска на его лицѣ.

Молчаніе продолжалось съ секунду. Наконецъ онъ поднялъ глаза. Онъ сказалъ:

– Простите меня, – и хотѣлъ встать, но она тоже начала говорить:⁵¹²

– Константинъ Дмитричъ, будьте великодушны,⁵¹³ я такъ привыкла смотрѣть на васъ какъ на друга...

– Не говорите, – проговорилъ отрывисто, всталъ⁵¹⁴ и хотѣлъ уйти.

Но въ это самое время вышла Княгиня,⁵¹⁵ недовольная, но улыбающаяся своей четверговой улыбкой. Она сѣла и тотчасъ же спокойно начала говорить о томъ, что ей не было интересно и потому не могло быть ни для кого интересно. Онъ сѣлъ опять, ожидая пріѣзда гостей, чтобы уѣхать незамѣтно.⁵¹⁶

Минуть черезъ пять вошла пріѣхавшая подруга Кити, прошлую зиму вышедшая замужъ, извѣстная умница и болтушка Графиня Нордстонъ.

Графиня Нордстонъ была сухая, желтая, съ черными блестящими глазами,⁵¹⁷ болѣзненная и нервная женщина. Она любила Кити всей силой своей души, восхищалась, гордилась

она и онъ видѣли» Левинъ догадывался, что Княгиня нарочно медлитъ выходить, чтобы избѣгнуть объясненія, и потому онъ понималъ, что незачѣмъ дѣлать предложеніе матери, и что кромѣ отказа онъ ничего ожидать не можетъ. Краснѣя и блѣднѣя, онъ самъ не помнилъ, что говорилъ съ матерью. Наконецъ

⁵⁰⁸ *Зач.*: даже громко

⁵⁰⁹ *Зач.*: прелестные

⁵¹⁰ *Зач.*: сердитое

⁵¹¹ *Зачеркнуто*: Надо быть съумасшедшимъ гордецомъ, какъ я, чтобы думать, что это могло быть, – думалъ онъ. – Но все-таки это ужасно, это тяжело, этаго стыда, этаго униженія я никогда не забуду». – Вы простите меня, я очень, очень жалѣю, что доставилъ вамъ эту непріятную минуту.

⁵¹² *Зачеркнуто*: – Я васъ люблю дружбой, но

⁵¹³ *Зач.*: Онъ хотѣлъ спросить причину и замолчалъ, услыхавъ, что она высказала ее. Онъ поднялся.

⁵¹⁴ *Зач.*: не дослушавъ конца,

⁵¹⁵ *Зач.*: весьма

⁵¹⁶ *Зач.*: Только когда раздался звонокъ у подъѣзда и Кити вышла и вслѣдъ за ней вошла гостя Графиня Нордстонъ, Левинъ понялъ, что все это было рассчитано. «И несвободный, сконфуженный, даже и холодный видъ Кити подтвердилъ его въ этомъ.» Левинъ взглянулъ на Кити и почувствовалъ на себѣ этотъ умный, быстрый, проникающій всѣ малѣйшія подробности ея выраженія [взглядъ]; она смутилась и холодно поздоровалась съ нимъ. «Да, я былъ съумасшедшій, – сказалъ онъ самъ себѣ. – И они всѣ вралы – и братъ и Облонскій. Этаго не могло быть».

⁵¹⁷ *Зач.*: элегантная

ею.⁵¹⁸ Любовь ея къ Кити, какъ всегда любовь замужнихъ къ дѣвушкамъ, выражалась только въ одномъ – въ желаніи выдать Кити по своему идеалу счастья замужъ. Левинъ, котораго она часто у нихъ видала, прежде былъ ей противень и непріятень, какъ⁵¹⁹ что то странное и чуждое, но теперь, когда онъ мѣшалъ ея плану выдать Кити за Удашева, она еще болѣе не благоволила къ нему. Ея постоянное и любимое занятіе при встрѣчѣ съ нимъ состояло въ томъ, чтобы шутить надъ нимъ.

– Я люблю, когда онъ съ высоты своего величія смотритъ на меня и или прекращаетъ свой умный разговоръ со мной, потому что я глупа и мнѣ не по силамъ, или онъ снисходитъ до меня; я это очень люблю: снисходить. Я очень рада, что онъ меня терпѣть не можетъ.

Она была права, потому что дѣйствительно Левинъ терпѣть не могъ и презиралъ ее за то, чѣмъ она⁵²⁰ гордилась и что въ достоинство себѣ ставила, – за ея утонченное свѣтское образование.⁵²¹ «Какъ онѣ не понимаютъ, – думалъ онъ часто про нее, – что эту свѣтскую притворную манеру мы⁵²² любимъ въ женщинахъ привлекательныхъ. Это покровъ таинственности на красоту; а она, эта дура (Левинъ былъ всегда рѣзокъ въ своихъ мысляхъ), безъ красоты, безъ граціи, даже безъ здоровья, думаетъ этой то слабостью, свѣтскостью, безъ прелести, щеголять одною ею».

Между Нордстонъ и Левинымъ существовало то нерѣдко встрѣчающееся въ свѣтѣ отношеніе, что два человѣка, оба хорошіе и умные, презираютъ другъ друга всѣми силами души, презираютъ до такой степени, что не могутъ даже серьезно обращаться другъ съ другомъ и не могутъ даже быть оскорблены одинъ другимъ.

Графиня Нордстонъ тотчасъ же накинулась на Левина.

– А! Константинъ Дмитричъ! Опять пріѣхали въ нашъ развратный Вавилонъ, – сказала она, подавая ему крошечную желтую руку и вспоминая прошлогоднія еще его слова, что Москва есть Вавилонъ. – Что, Вавилонъ исправился или вы⁵²³ испортились, – прибавила она, съ⁵²⁴ усмѣшкой оглядываясь на Кити.

– Я очень польщенъ, Графиня, тѣмъ, что вы такъ помните мои слова, – отвѣчалъ Левинъ, сейчасъ же по привычкѣ входя въ свое шуточное враждебное отношеніе къ Графинѣ Нордстонъ. – Вѣрно, они на васъ очень сильно дѣйствуютъ.

– Ахъ какже, я все записываю. Ну что, Кити, ты опять каталась, а я ѣздила утро къ своимъ друзьямъ.

И она начала разговоръ съ Кити. Левинъ собрался встать и уйти. Какъ ни неловко это было, ему все таки легче было сдѣлать эту неловкость, чѣмъ остаться весь вечеръ и видѣть Кити тоже мучающуюся, изрѣдка взглядывающую на него и избѣгающую его взгляда. Онъ хотѣлъ встать, но Княгиня замѣтила, что онъ молчитъ, и обратилась к нему.

– Чтожъ, вы надолго пріѣхали въ Москву? Вѣдь вы, кажется,⁵²⁵ мировымъ земствомъ занимаетесь, и вамъ нельзя надолго.

– Нѣтъ, Княгиня, я ужъ этимъ не занимаюсь, – сказалъ онъ безъ улыбки. – Я пріѣхалъ на нѣсколько дней.⁵²⁶

⁵¹⁸ *Зач.*: и, какъ всѣ любящіе барышень, думала только о томъ, какъ бы ее

⁵¹⁹ *Зач.*: непріятень видъ куска хлѣба среди бездѣлушекъ туалетнаго столика.

⁵²⁰ *Зачеркнуто*: видимо

⁵²¹ *Зач.*: т. е., по понятіямъ Левина, изломанность.

⁵²² *Зач.*: переносимъ только и прощаемъ, какъ у Кити, за ея прелесть, грацію, красоту;

⁵²³ *Зач.*: перемѣнились

⁵²⁴ *Зач.*: злой

⁵²⁵ *Зач.*: мировой судья

⁵²⁶ *Зач.*: – Мнѣ вчера мужъ рассказывалъ, – начала Графиня Нордстонъ, – что его призывали въ свидѣтели къ мировому судѣю о томъ, что кондукторъ сказалъ ли купцу какое-то «волючи» или что то въ этомъ родѣ сказалъ или не сказалъ.

«Что то съ нимъ особенное, – подумала Графиня Нордстонъ, взглядываясь въ его строгое, серьезное лицо, – что то онъ не втягивается въ свои разсужденія. Но я ужъ выведу его. Ужасно люблю сдѣлать его дуракомъ передъ Кити и сдѣлаю»⁵²⁷.

– Константинъ Дмитричъ, – сказала она ему, – растолкуйте мнѣ, пожалуйста, что это такое значить, вы все знаете. У насъ въ Калужской деревнѣ всѣ мужики и всѣ бабы все пропили, что у нихъ было, и теперь ничего намъ не платятъ. Вы такъ хвалите всегда мужиковъ.

Въ это время еще дама входила въ комнату, и Левинъ всталъ. Онъ сверху внизъ посмотрѣлъ на Графиню Нордстонъ и тихо и грустно отвѣчалъ:

– Извините меня, Графиня, но это не можетъ быть⁵²⁸ и даже нехорошо выдуманно.

И, разсердивъ ее ужасно и этимъ взглядомъ и этимъ отвѣтомъ, онъ отвернулся, вглядываясь въ лицо входившаго вслѣдъ за дамой⁵²⁹ военного.

«Это долженъ быть⁵³⁰ Удашевъ», подумалъ Левинъ, и, чтобы убѣдиться въ этомъ, Левинъ взглянулъ на Кити.

Кити уже успѣла взглянуть на Удашева и оглянулась на Левина, и ея невольно счастливые глаза встрѣтили грустный, но всетаки полный любви взглядъ Левина. Кити опустила глаза⁵³¹ и покраснѣла. Левинъ понялъ, что она любила этого человѣка, такъ же вѣрно, какъ еслибы она сказала ему это словами. Но кто же такой былъ⁵³² онъ?

Теперь, хорошо ли, дурно ли, ужъ Левинъ не могъ не остаться, чтобы не узнать, что за человѣкъ былъ тотъ, котораго она любила.

⁵³³Есть люди, которые, встрѣчая своего счастливаго соперника въ чемъ бы то ни было, готовы сейчасъ же отвернуться отъ всего хорошаго, что есть въ немъ, и видѣть одно дурное; есть люди, которые, напротивъ, болѣе всего желаютъ найти въ этомъ счастливомъ соперникѣ тѣ качества, которыми онъ побѣдилъ ихъ, и ищутъ съ щемящей болью въ сердцѣ одного хорошаго. Левинъ принадлежалъ къ такимъ людямъ. Но ему не трудно было отыскивать хорошее и привлекательное въ⁵³⁴ Удашевѣ. Оно сразу бросалось ему въ глаза.⁵³⁵

Удашевъ – невысокій брюнетъ съ красивымъ и чрезвычайно чистымъ лицомъ (какъ съ иголочки мундиръ его, такъ и лицо, курчавые съ преждевременной лысиной волоса, черные усы – все лоснилось). Удашевъ вошелъ съ тѣми рѣдко встрѣчающимися уже въ свѣтѣ пріемами скромности, учтивости и вмѣстѣ спокойнаго достоинства. «Сынъ хорошаго семейства, благовоспитанный и красивъ, очень красивъ», сказали себѣ Левинъ, наблюдая его въ то время, какъ онъ, давъ дорогу дамѣ, послѣ нея подошелъ къ княгинѣ и къ Кити.

⁵²⁷ *Зачеркнуто:* – Мнѣ кажется, что Мировому Судѣ бываетъ скучно, – продолжала она, – и онъ выдумываетъ себѣ дѣло и приглашаетъ къ себѣ въ свидетели всѣхъ, съ кѣмъ имъ хочется видѣться. Можетъ это быть, Константинъ Дмитричъ?

⁵²⁸ *Зач.*: и выдуманно

⁵²⁹ *Зач.*: офицера

⁵³⁰ *Зач.*: Вронскій

⁵³¹ *Зач.*: и смотрѣла на всѣхъ, но только не на вошедшаго, хотя она знала навѣрное, что онъ тутъ. До тѣхъ поръ не смотрѣла, пока офицеръ Вронскій не подошелъ къ ней, особенно почтительно кланяясь и подавая ей нервную съ длинными пальцами руку. Для Левина уже стало несомнѣнно, что это былъ онъ и что она отказала ему, потому что любила Вронскаго.

⁵³² *Зач.*: тотъ человѣкъ, котораго она любила?

⁵³³ *Зач.*: Онъ ожидалъ его совсѣмъ не такимъ по описанію <князя Мишуты> Облонскаго, но онъ тотчасъ же узналъ его и понялъ, что Кити должна была предпочитать его.

⁵³⁴ *Зачеркнуто:* Вронскомъ

⁵³⁵ *Зач.*: Онъ необыкновенно понравился ему. <Скорѣе> Невысокая, <стройная> коренастая <хотя и немного сутуловатая> фигура, <очень быстрая>, <медлительная>, твердая, но чрезвычайно граціозная въ движеніяхъ, утонченная элегантность въ одеждѣ, прекрасное, открытое, румяное и немного смуглое лицо, мягкіе, рѣдкіе, вьющіеся волосы, очень гладкій и бѣлый лобъ и большіе блестящіе, необыкновенно добрые, почти наивные глаза, > круглое, съ здоровыми, какъ жернова, зубами и челюстями лицо <небольшіе тонкіе черные усы, румяныя губы, большіе бѣлые зубы>, круглая, хорошо обстриженная курчавая на затылкѣ и преждевременно плѣшивая голова, каріе, круглые глаза съ дѣтски наивнымъ и вмѣстѣ твердымъ выраженіемъ и необыкновенно твердый и спокойный складъ губъ. «Но Стива ошибался: онъ не былъ честолюбивъ, – рѣшилъ [Левинъ], – онъ добрый, скучающій человѣкъ».

«Но любить ли онъ ее такъ, какъ я люблю ее, такъ, какъ ее должно любить», подумаль онъ.

Одна черта его характера, тотчасъ же выразившаяся при его входѣ въ гостиную, особенно рѣзко, пріятно и вмѣстѣ съ тѣмъ вызывая зависть поразила Левина. Эта черта была очевидная привычка къ спокойствію и счастію. Сейчасъ видно было, что онъ одинъ изъ тѣхъ балованныхъ дѣтей судьбы, которые не знаютъ лишений, стѣсненій, неловкости отношеній. Со всѣми поздоровавшись, со всѣми сказавъ нѣсколько словъ, онъ сѣлъ⁵³⁶ опять съ той же нѣжной осторожностью, какъ показалось Левину, подлѣ Кити и взглянулъ на Левина. Но тотчасъ же быстро всталъ и проговорилъ:

– Княжна, представьте меня, пожалуйста, – вмѣстѣ съ тѣмъ уже протягивая⁵³⁷ руку Левину. Видно было, что ему неловко было быть въ гостиной съ незнакомымъ человѣкомъ, что вмѣстѣ съ тѣмъ Левинъ ему нравился и что онъ не могъ сомнѣваться въ томъ, чтобы ктонибудь не былъ радъ съ нимъ познакомиться.

– Графъ Алексѣй Васильичъ⁵³⁸ Удашевъ, Константинъ Дмитричъ Левинъ, – проговорила Кити, глядя на нихъ, когда Удашевъ по своей привычкѣ крѣпко, крѣпко пожималъ руку, наивно и дружелюбно прямо своими открытыми глазами глядя въ лицо Левину.

«Какъ бы хорошо было, если бы они были дружны между собой и со мною», пришло ей въ голову, и смѣшна и страшна ей показалась эта мысль, когда она вспомнила то, что сейчасъ только было.

⁵³⁹Удашевъ не сказалъ ничего про знаменитаго брата.

– Я много слышалъ про васъ⁵⁴⁰ отъ Княжны, но удивляюсь, что ни раза не встрѣчалъ. Очень радъ, – прибавилъ онъ излишне радушно.

Это не понравилось Левину.

– Константинъ Дмитричъ⁵⁴¹ ненавидитъ и презираетъ городъ и насъ, горожанъ, – сказала Графиня Нордстонъ.

– Точно также, какъ Графиня насъ, провинціаловъ, – сказалъ Левинъ.

⁵⁴²Удашевъ взглянулъ на Левина и Графиню Нордстонъ и, очевидно понявъ ихъ отношенія, улыбнулся.

«Да, его должны любить женщины», подумаль Левинъ, чувствуя эту улыбку.

– А вы всегда въ деревнѣ? – спросилъ⁵⁴³ Удашевъ. – Вотъ чему я завидую.

– Я слыхалъ, что бѣдные люди завидуютъ тѣмъ, которые могутъ жить въ городѣ, но не наоборотъ, – отвѣчалъ Левинъ.

– Да, потому что всякій можетъ жить въ деревнѣ, – подхватилъ⁵⁴⁴ Удашевъ, но я не могу.

«Едва ли онъ любитъ деревню, – подумаль Левинъ. – Видно, что онъ говоритъ для гостиной, т. е. что говоритъ что попало, признавая ту невмѣняемость, которая составляетъ главное условіе удобнаго разговора въ гостиныхъ. Онъ не искренній человѣкъ, – подумаль Левинъ, – но долженъ нравиться».

– Но надѣюсь, Графъ, что вы бы не всегда жили в деревнѣ, – сказала Графиня Нордстонъ.

– Не знаю, я не пробовалъ, но люблю деревню. Я испыталъ странное чувство, – началъ онъ. И у него была такая пріятная дикція и по русски и въ особенности по французски, что

⁵³⁶ *Зач.*: съ какой то особенной

⁵³⁷ *Зач.*: свою бѣлую, нервную

⁵³⁸ *Зач.*: Вронскій

⁵³⁹ Вронскій

⁵⁴⁰ *Зачеркнуто*: по гимнастикѣ. Я тоже любилъ, но доктора запретили мнѣ.

⁵⁴¹ *Зач.*: въ городѣ, кажется, только любить что гимнастику,

⁵⁴² *Зач.*: Вронскій

⁵⁴³ *Зач.*: Вронскій

⁵⁴⁴ *Зач.*: а это, – онъ показалъ на мундиръ, – и другое не позволяетъ.

невольно его слушали и не перебивали. — Я нигдѣ такъ не скучалъ по деревнѣ, русской деревнѣ съ лаптями⁵⁴⁵ и мужиками, какъ когда прожилъ съ матушкой зиму въ⁵⁴⁶ Ницѣ, — сказалъ онъ.

— Вы знаете — Ница скучна сама по себѣ. Да, но и Неаполь,⁵⁴⁷ Соренто, даже они хороши на короткое время. Неправда ли,⁵⁴⁸ Графиня, что...

Онъ говорилъ, обращаясь и къ Кити и къ Левину, глядя на нихъ⁵⁴⁹ своимъ твердымъ, открытымъ взглядомъ, очевидно то, что ему приходило въ голову.⁵⁵⁰

Замѣтивъ, что Графиня Нордстонъ начала рассказывать свое впечатлѣніе пріѣзда въ Венецію, онъ остановился, съ интересомъ слушая ее и не досказавъ того, что началъ. <Рассказывая про свое впечатлѣніе Венеции, Графиня Нордстонъ упомянула объ Аннѣ Карениной, съ которой она тогда провела зиму въ Римѣ, и разговоръ перешелъ на Каренину и на ее ожидаемый пріѣздъ.⁵⁵¹ Всѣ начали съ похвалъ тому лицу, <о которомъ говорили,> и понемногу изъ похвалъ, которыя даютъ мало пищи разговору, естественно перешли въ болѣе или менѣе остроумное осужденіе.

— Я очень люблю Анну, — говорила Графиня Нордстонъ, — но я всегда удивлялась ея способности не только поддѣлываться, но совершенно сживаться съ тѣмъ кругомъ, въ которомъ она живетъ. Въ Римѣ она была въ непроходящемъ восторгѣ отъ искусства, потомъ я ее нашла въ Петербургѣ⁵⁵² влюбленной во дворъ и большой свѣтъ.

Кити, какъ всякая женщина, не безъ удовольствія слушавшая осужденіе другой⁵⁵³ женщины, пришла на помощь сестриной золовкѣ.

— Но она⁵⁵⁴ необыкновенно религіозна, добра.

— Да, но эта религіозность и добро — принадлежность *grande dame* извѣстнаго круга, — вмѣшался Вронскій.⁵⁵⁵

— Все таки она⁵⁵⁶ очень милая женщина⁵⁵⁷ и дѣлаетъ много добра.

Вронскій замолчалъ улыбаясь. Кити обратилась къ Левину, чтобы и его ввести въ разговоръ.

— А вы, Константинъ Дмитричъ, вѣрите, чтобы придворная женщина могла дѣлать добро?

— Придворность, по моему, не мѣшаетъ добру, — отвѣчалъ Левинъ. — Богатство и роскошь мѣшаютъ. И я потому только не вѣрю въ добродѣтельность свѣтскихъ дамъ, что онѣ, раздавая фуфайки по 20 копеекъ людямъ, умирающимъ отъ холода, сами носятъ 4000 рублевыхъ соболы шубы.

⁵⁴⁵ *Зач.*: колями земляныхъ дорогъ

⁵⁴⁶ *Зач.*: Соренто

⁵⁴⁷ *Зачеркнуто*: да вся Италія, она такая блестящая, какъ эти мотивы романсовъ, пѣсенъ, *canzonetto*, которые въ восторгъ васъ приводятъ, но тотчасъ надоѣдаютъ.

⁵⁴⁸ *Зач.*: вы испытывали это. Но я любилъ эту дождливую...

⁵⁴⁹ *Зач.*: своими большими наивными глазами

⁵⁵⁰ *Зач.*: <и Левину нравился и его тонъ, и манера говорить, и, главное то, что всѣмъ было понятно, на уровнѣ каждаго, и никому не могло быть непонятно, и что онъ не спускался ни до кого, а если спускался, то такъ незамѣтно, тогда какъ Левинъ зналъ самъ за собой, что какъ онъ только начиналъ говорить въ гостиной, онъ или увлекался въ разсужденія, непонятныя для слушателей, или оскорблялъ кого нибудь совершенно нечаянно и не давалъ другимъ говорить. — Я любилъ дождливую... — продолжалъ Вронскій. — Но> Левина поразила только слишкомъ свободная и спокойная, хотя и почтительная его манера обращенія съ Кити. Онъ не былъ смущенъ передъ ней. «Едва ли онъ любить ее — подумалъ онъ. — И какъ любить?»

⁵⁵¹ *Зач.*: Какъ всегда бываетъ въ хорошемъ обществѣ,

⁵⁵² *Зач.*: самой чопорной и холодной *grande dame* [светской дамой],

⁵⁵³ *Зач.*: красивой

⁵⁵⁴ *Зач.*: не только *grande dame*, она

⁵⁵⁵ *Зач.*: — И, если я не ошибаюсь, Анна Аркадьевна Каренина составляетъ украшеніе того добродѣтельно-сладкаго, хомяковско-православно-дамско-придворнаго кружка, который имѣетъ такое вліяніе въ Петербургѣ.

⁵⁵⁶ *Зачеркнуто*: удивительная

⁵⁵⁷ *Зач.*: и пріятная

«А какой славный, умный человекъ, и наружность какая милая», подумалъ Вронскій на Левина.

Разговоръ⁵⁵⁸ не умолкалъ ни на минуту, такъ что старой Княгинѣ, всегда имѣвшей про запасъ, въ случаѣ отсутствія тѣмы, два тяжелыя орудія: классическое и реальное образованіе и общую воинскую повинность, не пришлось выдвигать свои запасныя орудія, и графинѣ Нордстонъ некогда и нельзя было дразнить Левина.

⁵⁵⁹Разговоръ зашелъ о вертящихся столахъ и духахъ,⁵⁶⁰ и Графиня Нордстонъ, вѣрившая въ спиритизмъ, стала рассказывать тѣ чудеса, которыя она видѣла.

— Ахъ, Графиня, непременно свезите, ради Бога свезите меня къ нимъ. Я никогда ничего не видалъ необыкновеннаго, хотя вездѣ отыскиваю, — сказалъ⁵⁶¹ Удашевъ.

— Хорошо, въ будущую субботу, но вы, Константинъ Дмитричъ, вѣрите? — спросила она Левина.

— Зачѣмъ вы меня спрашиваете? Вы, вѣрно, знаете, что я скажу.

— Но я хочу слышать ваше мнѣніе.

Левинъ пожалъ плечами.

— Я долженъ быть неучтивъ.

— Чтожъ, вы не вѣрите?

— Чтобы вамъ сказать, Графиня? Еслибы почтенная старушка дама, которую вы должны уважать, рассказывала бы вамъ, что у ней каждый день на носу цвѣтутъ померанцы?

— Я бы сказала, что съумасшедшая старушка. Такъ вы меня называете и старушкой и съумасшедшей, — и она не весело засмѣялась.

— Да нѣтъ, Маша, Константинъ Дмитричъ говоритъ, что онъ не можетъ вѣрить, — сказала Кити.

Но⁵⁶² Удашевъ съ своей открытой веселой улыбкой сейчасъ же пришелъ на помощь разговору, угрожающему сдѣлаться непріятнымъ.

— Вы совсѣмъ не допускаете возможность? — спросилъ онъ. — Почему же? Мы допускаемъ существованіе электричества, котораго мы не знаемъ, почему же не можетъ быть новая сила, еще намъ неизвѣстная, — сказалъ онъ.

— Когда найдено было электричество, — отвѣчалъ Левинъ, — то только было открыто явленіе и неизвѣстно было, откуда оно происходитъ и что оно производитъ, и вѣка прошли послѣ того, какъ подумали о приложеніи его, а спириты, напротивъ, начали съ того, что столики имъ пишутъ, и духи приходятъ, а потомъ уже стали говорить, что это есть сила неизвѣстная.

⁵⁶³Удашевъ съ чуть замѣтной улыбкой посмотрѣлъ на Левина, и, очевидно, понялъ его, но не отвѣчалъ, а продолжалъ свое.

— Да, но спириты говорятъ: теперь мы не знаемъ, что это за сила, но сила есть, и вотъ при какихъ условіяхъ она дѣйствуетъ. А ученые пускай разбираютъ. Нѣтъ, я не вижу, почему это не можетъ быть новая сила.

— А потому, — сказалъ Левинъ, — что при электричествѣ всякій разъ, какъ вы потрете смолу о шерсть, будетъ искра, а здѣсь не всякій разъ, стало быть, это не природное явленіе.

Вѣроятно, чувствуя, что разговоръ принимаетъ для гостини слишкомъ серьезный характеръ,⁵⁶⁴ Удашевъ тотчасъ же постарался переменить его.

⁵⁵⁸ *Зач.*: оживленный, пріятный для всѣхъ,

⁵⁵⁹ *Зач.*: Отъ Карениной

⁵⁶⁰ *Зач.*: <такъ какъ та добродѣтель, о которой говорили, имѣла что-то общее съ спиритизмомъ,> въ которыхъ вѣрилъ братъ Каренина.

⁵⁶¹ *Зач.*: Вронскій

⁵⁶² *Зачеркнуто*: Вронской

⁵⁶³ *Зачеркнуто*: Вронской

⁵⁶⁴ *Зачеркнуто*: Вронской

– Давайте попробуемъ, – началъ онъ, но Левинъ не могъ никогда привыкнутьъ къ тому, что въ гостиной не слѣдуетъ говорить толково и послѣдовательно. Ему всегда казалось, что ежели соберутся люди, ничего не дѣлая, то, очевидно, для того, чтобы разговаривать, высказывать свои мысли, и, всегда увлекаясь разговоромъ, говорилъ серьезно то, что думалъ, забывая то, что въ гостиной неприличнѣе всего толковый разговоръ, потому что онъ мѣшаетъ общественности.

Онъ началъ говорить то, что думалъ, и тотчасъ же почувствовалъ, что онъ глупо дѣлаетъ,⁵⁶⁵ и что⁵⁶⁶ Удашевъ гораздо умнѣе его, но онъ не могъ удержаться, тѣмъ болѣе что онъ чувствовалъ себя раздраженнымъ.

⁵⁶⁷– Я думаю, – говорилъ онъ, – что попытка спиритовъ объяснять свои чудеса какой-то новой силой – самая неудачная. Они прямо говорятъ о силѣ духовной и хотятъ ее подвергать опыту.

Всѣ ждали, когда онъ кончить, и онъ чувствовалъ, что онъ глупъ.

– А я думаю, что вы будете отличный medium, – сказала Графиня Нордстонъ, – въ васъ есть что то восторженное.

Левинъ⁵⁶⁸ покраснѣлъ и замолчалъ.

– Давайте сейчасъ, Княжна, испытаемъ столъ, пожалуйста, – сказалъ⁵⁶⁹ Удашевъ. – Княгиня, вы позволите?

И⁵⁷⁰ Удашевъ, вставъ, отыскивалъ глазами столикъ.

Кити⁵⁷¹ встала⁵⁷² за столикомъ и проходя взглянула на раздраженное лицо Левина и опять встрѣтилась съ нимъ глазами.

Только что хотѣли устраиваться около столика, какъ⁵⁷³ вошелъ старый князь. Молодые люди встали, здороваясь съ нимъ.

– А! – сказалъ он, увидавъ Левина, – радъ васъ видѣть! – и онъ обнялъ его. – Какъ дѣла, на долго ли?

Здравствуйте, Графъ, – сказалъ онъ холодно и сѣлъ въ кресло.⁵⁷⁴ И бѣгло вопросительно взглянувъ на Кити, обратился къ Левину, спрашивая его о хозяйствѣ.

Какъ только отецъ вошелъ, Кити покраснѣла; она одна знала, какъ отецъ ревниво относился къ ея искателямъ⁵⁷⁵ и какъ онъ подъ своимъ важнымъ и глуповатымъ даже видомъ быть проницателенъ и насквозь все видѣлъ то, что его интересовало. Кити взглядывала на Левина. Она понимала⁵⁷⁶ все, что онъ перечувствовалъ въ этотъ вечеръ. Она понимала, какъ тяжело, неловко ему теперь съ ея отцомъ. И ей всей душой было жалко его. И вмѣстѣ съ тѣмъ ей пріятно было жалѣть его въ несчастьи, которое сдѣлала она.

⁵⁶⁵ *Зач.*: увлекаясь разговоромъ въ гостиной,

⁵⁶⁶ *Зач.*: Вронской

⁵⁶⁷ *Зач.*: – <Я совѣтую всемъ интересующимся этимъ, – началъ Левинъ>. Я не могу интересоваться, потому что не могу допустить возможности, – сказалъ онъ. – Но я совѣтую попросить духовъ отвѣтить на какойнибудь вопросъ изъ высшей математики или на вопросъ, сдѣланный по санскритски тамъ, где medium'ы не знаютъ математики и по санскритски. – Отчего же? вы думаете, что духи не знаютъ математики? – сказала Графиня Нордстонъ, – навѣрное лучше васъ знаютъ. – Да, это вопросъ, – смѣясь сказалъ Вронской. – Это прекрасно, – сказала Кити Левину, – задайте Мари математический вопросъ, и она привезетъ намъ отвѣтъ.

⁵⁶⁸ *Зачеркнуто*: не обращая вниманія на ея слова, продолжать:– Надо

⁵⁶⁹ *Зач.*: Вронской

⁵⁷⁰ *Зач.*: Вронской

⁵⁷¹ *Зач.*: улыбаясь

⁵⁷² *Зач.*: и принесла отъ окна столикъ.

⁵⁷³ *Зач.*: волоча ноги,

⁵⁷⁴ *Зач.*: «А! нынче два тютка», сказалъ онъ самъ себѣ, такъ неуважительно называя про себя молодыхъ людей.

⁵⁷⁵ *Зач.*: называя ихъ тютками и перепелами,

⁵⁷⁶ *Зач.*: его спокойный видъ, его шутки съ Нордстонъ, его любезность съ Вронскимъ.

– Такъ-то, такъ-то, мой милѣйшій Константинъ Дмитричъ, обмолотили, продали хлѣба, да и въ Москву, – говорилъ старый Князь.

– Князь, отпустите намъ Константина Дмитрича, – сказала графиня Нордстонъ. – Мы хотимъ опытъ сдѣлать.

– Какой опытъ, столы вертѣть? И, извините меня, дамы и господа, но, по моему, въ колечко веселѣе играть, по крайней мѣрѣ есть смыслъ.

⁵⁷⁷Удашевъ посмотрѣлъ съ удивленьемъ на князя своими открытыми глазами и, чуть улыбнувшись, тотчасъ же заговорилъ съ Графиней Нордстонъ о предстоящемъ на будущей недѣлѣ большомъ балѣ.

– Я надѣюсь, что вы будете? – обратился онъ къ Кити.

Отпущенный старымъ Княземъ, Левинъ незамѣтно вышелъ, и послѣднее впечатлѣніе, вынесенное имъ изъ этаго вечера, было улыбающееся счастливое лицо Кити, отвѣчавшей ⁵⁷⁸Удашеву на его вопросъ о балѣ.

На большой лѣстницѣ Левинъ встрѣтился съ Облонскимъ, входившимъ наверхъ.

– Чтожь такъ рано, сказалъ Степанъ Аркадьичъ, хватая его за руку.

Левинъ нахмурился и, высвобождая схваченную Облонскимъ руку, сердито проговорилъ:

– Мнѣ нужно еще...

– Что же, что? – съ участіемъ проговорилъ по французски Облонскій.

⁵⁷⁹– Да ничего особеннаго. Я тороплюсь.....

Онъ не договорилъ, глотая что то оставшееся въ горлѣ, и сбѣжалъ съ лѣстницы.

*** № 17 (рук. № 21).**

⁵⁸⁰Удашевъ между тѣмъ, выѣхавъ въ 12 часовъ отъ Щербацкихъ съ тѣмъ выносимымъ всегда отъ нихъ пріятнымъ чувствомъ чистоты, свѣжести и невинности съ присоединеніемъ поэтическаго умиленія за свою любовь къ Кити и ея любовь, про которую онъ зналъ, – чувство, которое отчасти зависѣло и отъ того, что не курилъ цѣлый вечеръ, – закурилъ папиросу и, сѣвъ въ сани, задумался, куда ѣхать коротать вечеръ. Онъ стоялъ у Дюссо и, зайдя въ столовую, ужаснулся на видъ Туровщина, Игнатьева и Кульмана, ужинавшихъ тамъ.

«Нѣтъ, я не могу съ ними сидѣть нынче». Онъ чувствовалъ, что между имъ и Кити, хотя и ничего еще не было сказано, установилась ⁵⁸¹опредѣленная и сознаваемая ими обоими связь и что она почему то особенно усилилась нынѣшній вечеръ. ⁵⁸²

«Прелестная дѣвушка! И тронулся, тронулся вешній ледокъ», думалъ онъ о ней.

Онъ вернулся въ свой номеръ, велѣлъ себѣ принести ужинать и, открывъ французскій романъ, разстегнувшись, сѣлъ за столъ. Но книга не читалась. Онъ видѣлъ ея, ея румянецъ, ея улыбку, ея робость ожиданія, что вотъ вотъ онъ скажетъ, и боязнь вызвать это слово.

⁵⁷⁷ *Зачеркнуто:* Вронской

⁵⁷⁸ *Зач.*: Вронскому

⁵⁷⁹ *Зач.*: – Твоя жена – дурной пророкъ. Ну, прощай, надолго...

⁵⁸⁰ *Зач.*: Вронскій долго не спалъ, ходя взадъ и впередъ по небольшой занимаемой имъ комнатѣ въ огромномъ материнскомъ домѣ. «Надо, надо кончить эту жизнь. А то такъ скучно». На него находила тоска и уныніе и прежде; но теперь нашло еще съ большей силой, чѣмъ когда нибудь. И съ тоской соединялось чувство влеченія къ этой милой дѣвущкѣ съ ея маленькой головкой, такъ удивительно поставленной на тонкой шеѣ и прелестномъ станѣ, и тоска соединялась съ этимъ влеченіемъ. Ему хотѣлось плакать и любить и быть любимымъ. Надо было подумать и рѣшить.

⁵⁸¹ *Зачеркнуто:* твердая и важная

⁵⁸² *Зач.*: О чемъ же было думать? Чѣмъ волноваться? Тѣмъ, что онъ счастливъ, что любимъ прелестнѣйшимъ существомъ? Странно сказать, что не останавливало, но задерживало Вронскаго – это то, что это не была большая страсть, на которую онъ такъ давно былъ готовъ,

«Ну и что же? – спросил он себя. – Неужели жениться?» Это было слишком легко и слишком просто. Да и зачем?

⁵⁸³Удашев был ⁵⁸⁴скромный человек, но он не мог не знать, что он был один из лучших женихов в России и что в светском отношении родные Щербацких должны быть более довольны этим браком, чем его родные. Хотя он знал, что ни один Русский человек не сдѣлал бы *mesaillance*,⁵⁸⁵ женившись на Кити, и он знал, что мать его одобряет этот брак, но он чувствовал, что ему не хочется, потому что это слишком легко и просто и вмѣстѣ серьезно.⁵⁸⁶ Удашев никогда не знал ⁵⁸⁷семейной жизни. Самый брак, самая семейная жизнь, помимо той женщины, которая будет его женой, не только не представляли для него никакой прелести, но он по своему взгляду на семейную жизнь видѣлъ до сих пор, что на мужѣ лежит отпечаток чего то смѣшнаго. Он никогда и не думал жениться до нынѣшней зимы в Москвѣ, когда он влюбился в Кити.⁵⁸⁸ Только теперь, чем дальше и дальше заходили его отношенія съ нею, ему приходила эта мысль; но она приходила ему только по отношенію къ нему самому. По отношенію же къ ней, о томъ, что она, любя его, будет несчастлива, если онъ не женится, эта мысль никогда не приходила ему в голову. И потому онъ только спрашивал себя, необходимо ли для его счастья жениться на ней, и былъ въ нерѣшительности. Онъ былъ уменъ и добръ. Но потому ли, что всякое чувство слишкомъ сильно овладѣвало имъ, или потому, что онъ не задумывался надъ жизнью, у него в головѣ никогда не помѣщалась вмѣстѣ мысль о томъ, что ему нужно отъ человека и что человеку нужно отъ него.

Выйдя очень молодымъ блестящимъ офицеромъ изъ школы, онъ сразу попалъ въ колею богатыхъ петербургскихъ военныхъ и, хотя и ѣздилъ въ свѣтъ изрѣдка, не имѣлъ въ свѣтѣ ни связей и ни разу по тому тону, царствующему въ его кругѣ, не ухаживалъ за дѣвушкой. Тутъ, в Москвѣ, это случилось съ нимъ въ первый разъ, и въ первый разъ онъ испытывалъ всю прелесть, послѣ роскошной, утонченно грубой петербургской жизни, сближенія съ невиннымъ прелестнымъ существомъ, которое полюбило его. Онъ не зналъ, что это заманиваніе барышень безъ намѣренія жениться есть одинъ изъ самыхъ обыкновенныхъ дурныхъ и пріятныхъ поступковъ блестящихъ молодыхъ людей, какъ онъ. Онъ думалъ, что онъ самъ первый открылъ его, и наслаждался своимъ открытіемъ. Онъ видѣлъ, какъ онъ говорилъ себѣ, что ледокъ весенній таялъ и она была переполнена любви къ нему, что изъ нея, какъ изъ налитаго яблочка, готова была брызнуть эта любовь. Стоило ему только сказать слово. Онъ не говорилъ этого слова, и упрекать ему себя не за что было. Онъ говорилъ, что всегда говорятъ въ свѣтѣ, всякій вздоръ, но вздоръ такой, которому онъ умѣлъ придавать для нея смыслъ. Онъ ничѣмъ не связалъ себя, онъ только в Москвѣ, какъ въ деревнѣ, веселился невинными удовольствіями (онъ часто думалъ, какъ посмѣялись бы ему его товарищи), но послѣднее время его честная

⁵⁸³ *Зач.*: Вронской

⁵⁸⁴ *Зач.*: одинъ изъ самыхъ скромныхъ людей

⁵⁸⁵ [неравного брака,]

⁵⁸⁶ *Зачеркнуто*: Вронской

⁵⁸⁷ *Зач.*: и не любилъ

⁵⁸⁸ *Зач.*: Выйдя на волю въ своемъ Петербургскомъ блестящемъ гвардейскомъ кругѣ, онъ тотчасъ же попалъ на актрисъ и кокетокъ, но натура его была слишкомъ честная, простая и вмѣстѣ тонкая, чтобы увлечься этими женщинами. Онъ имѣлъ эти связи также, какъ пилъ въ полку не оттого, что любилъ, а оттого же самага, отчего люди курятъ. Всѣ дѣлаютъ, навязываются эти женщины, и питье само собой, и дурнаго тутъ ничего нѣтъ; напротивъ, есть что то пріятное, хорошее, состоящее въ томъ, чтобы, чувствуя въ себѣ силы на все лучшее, дѣлать самое ничтожное. Это сознаніе того, что я всегда выше того, что я дѣлаю, и удовольствіе въ этомъ сознаніи было главное руководящее послѣднее время чувство всей жизнью Вронскаго. Онъ говорилъ по англійски, какъ Англичанинъ, по французски, какъ Французъ, жилъ въ Лондонѣ и Парижѣ, но онъ былъ вполне русскій человекъ. Онъ не могъ переносить фальши и такъ боялся того, чтобы имѣть видъ человека, полагающаго, что онъ дѣлаетъ важное дѣло, а дѣлаетъ пустяки, что онъ всегда дѣлалъ пустяки и имѣлъ такой видъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ самъ чувствовалъ и другіе чувствовали, что въ немъ сидѣлъ запасъ чего то. Теперь ему надо было разстаться съ этимъ чувствомъ, и это не останавливало, но задерживало его; надо было излить этотъ запасъ силы любви, и ему жалко было.

натура подсказывала ему, что надо предпринять что то, что что то может быть нехорошо. Но какъ только онъ говорилъ себѣ – жениться? – ему чего-то совѣстно становилось и казалось, что этаго нельзя. Нынѣшній вечеръ онъ однако почувствовалъ, что надо рѣшить вопросъ.

«Ну, что же – жениться? Ахъ, все бы, только не жениться», наивно отвѣчалъ онъ себѣ. Мало того, что это было слишкомъ просто и легко [*1 неразобр.*] мало того, что онъ никогда не думалъ о женитьбѣ и семьѣ и не могъ представить себѣ жизни внѣ условій холостой свободы, – главная причина была та, что онъ, женившись, выпускалъ тотъ зарядъ чего то, который онъ держалъ въ запасѣ и который онъ не считалъ нужнымъ выпускать.

Онъ ничего не дѣлалъ путнаго, онъ это зналъ, но онъ не представлялъ изъ себя человѣка, который дѣлаетъ важное дѣло, а, напротивъ, онъ имѣлъ видъ человѣка, всѣмъ пренебрегающаго и не хотящаго дѣлать ничего. А вмѣстѣ съ тѣмъ онъ зналъ и другимъ давалъ чувствовать, что если бы онъ захотѣлъ, то онъ многое бы могъ сдѣлать. И в этомъ была его роль, къ которой онъ привыкъ и которой гордился. Женись онъ, и кончено.

«Да, прелестная дѣвушка и милая! Какъ она любить невинно, – думалъ онъ.⁵⁸⁹ – Ну, а потомъ? Впрочемъ, все видно будетъ. Еще времени много, и я ничѣмъ не связалъ себя».

№ 18 (рук. № 17).

Онъ кончилъ первымъ курсъ въ артиллерійскомъ училищѣ и имѣлъ большую способность къ математикѣ, но не бралъ, кромѣ какъ на ночь, книги – романа – въ руки; онъ былъ любезный, блестящій, свѣтскій человѣкъ и предпочиталъ женщинъ и не ѣздилъ въ общество. Онъ по положенію и примѣру брата могъ бы идти по дорогѣ честолюбія. Успѣхами онъ пренебрегалъ и былъ во фронтѣ; онъ былъ богатъ и отдалъ все состояніе брату, женатому, оставивъ себѣ 30 тысячъ въ годъ. Отъ лѣни ли, отъ того ли, что онъ хотѣлъ уберечь свѣжесть запаса, не растративъ его кое-какъ, но въ этой жизни спустя рукава онъ находилъ удовольствіе.

* № 19 (рук. № 13).

VII.

На другой день былъ морозъ еще сильнѣе, чѣмъ наканунѣ. Иней начиналъ спадать. И туманъ стоялъ надъ городомъ.

Въ 11 часовъ утра Степанъ Аркадьичъ, выѣхавъ встрѣчать сестру, неожиданно столкнулся на подъѣздѣ станціи съ Вронскимъ, пріѣхавшимъ съ старымъ лакеемъ въ ливреѣ, въ огромной старинной съ гербами каретѣ.⁵⁹⁰

– А, Ваше сіятельство! – вскрикнулъ Степанъ Аркадьичъ, только что выйдя изъ кареты, стоя на приступкахъ большой лѣстницы и дожидаясь, пока отѣдетъ его карета и подъѣдетъ карета, изъ которой выглядывалъ Вронскій. – А каковъ морозъ? Ты за кѣмъ?

Степанъ Аркадьичъ, какъ и со всѣми, былъ на ты съ Вронскимъ, но почему то, особенно со стороны Вронскаго, это было непрочно и неловко.

– За матушкой. Она нынче должна быть изъ Петербурга, – отвѣчалъ Вронскій, поддерживая саблю, выходя изъ кареты. – Я думаю, ужъ нѣтъ другаго такого экипажа въ Москвѣ. А

⁵⁸⁹ *Зачеркнуто:* «Да, я люблю ее, выйду въ отставку. Да и потомъ, она любитъ меня, и я не могъ, если бы и хотѣлъ, бѣжать теперь. Конецъ пьянству и полковой прежней жизни, и пора. А какая будетъ будущая – убей Богъ, не знаю и представить не могу. Но рѣшено, такъ рѣшено», сказалъ онъ, и когда у него было что рѣшено, то это было рѣшено совсѣмъ; это зналъ всякій, знавшій его, и сказалъ всякій, кто только видѣлъ его простое, твердое лицо. «Главное, грустно, ужасно грустно».

⁵⁹⁰ *Зач.*: «Вронскій былъ одинъ изъ тѣхъ рѣдкихъ людей, съ которыми Алабинъ не былъ [на] ты.» Несмотря на то, что Алабинъ познакомился съ нимъ только мѣсяцъ тому назадъ, онъ ужъ былъ съ нимъ на ты, хотя это ты, видимо, неловко было Вронскому.

вы кого встрѣчаете? – И⁵⁹¹ вспомнив, что онъ на ты, что ему всегда было неловко, прибавилъ, пожимая руку: – Ты кого встрѣчаешь? – И они пошли въ большую дверь.

– Я? Я хорошенькую женщину, – сказалъ онъ улыбаясь. – Я думаю, что самую хорошенькую и самую нравственную женщину Петербурга – сестру Анну, – сказалъ онъ, – Каренину, – разрѣшая недоумѣвающий наивный взглядъ агатово-черныхъ глазъ Вронскаго. – Ты ее, вѣрно, знаешь?

– Къ⁵⁹² сожалѣнію нѣтъ. Я встрѣтилъ разъ Анну... – онъ задумался... – Аркадьевну давно у дяди, но едва ли она помнитъ меня.

– Ну а Алексѣя, моего могущественнаго зятя, вѣрно знаешь? Вотъ человѣкъ, который пойдеть далеко!

– Алексѣя Александровича я⁵⁹³ знаю. Онъ не только пойдеть, но ужъ и пошелъ далеко. Это вполне государственный человѣкъ.

– Уу! – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, выражая этимъ восклицаніемъ способность зятя къ дѣятельности государственного человѣка. – И отлично живутъ, примѣрная семья, – сказалъ онъ, выражая этимъ, какъ понималъ Вронскій, свое удивленіе къ тому, что счастливая семейная жизнь можетъ существовать даже при такой некрасивой и жалкой наружности, какъ наружность Алексѣя Александровича.

– Да, но очень уменъ, – отвѣчалъ Вронскій и,⁵⁹⁴ кажется, хорошій очень человѣкъ.

– Я не спорю, я его очень люблю, отличный малый, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ про зятя такимъ тономъ, который показывалъ, что онъ не любилъ его, на сколько могъ Степанъ Аркадьичъ не любить когонибудь. – Но Анна – это такая прелесть. Я не знаю женщины лучше, добрѣе ее.

Вронскій смотрѣлъ прямо на Алабина своими большими прекрасными глазами и, такъ какъ нечего было сказать на это, ничего не сказалъ; но въ душѣ онъ удивлялся этой нѣжности брата къ сестрѣ, тѣмъ болѣе, что⁵⁹⁵ онъ особенно не любилъ тотъ петербургскій кружокъ, котораго Анна Аркадьевна составляла украшеніе. Если онъ бѣжалъ подъ предлогомъ болѣзни отъ почестей, которыя его ждали въ Петербургѣ, то преимущественно вслѣдствіи отвращенія къ тому могущественному кружку, котораго главнымъ лицомъ былъ Алексѣй Александровичъ и который казался ложнымъ, фальшивымъ, напыщеннымъ Вронскому. Это былъ тотъ кружокъ, который Вронскій называлъ шуточно: утонченно-хомяковско-православно-женско-придворно-славянофильски добродѣтельно изломанный. И ему много лжи, притворства, скромности и гордости казалось въ этомъ тонѣ, и онъ терпѣть не могъ его и лицъ, какъ Каренины, мужа, жену и сестру, которыя составляли его. Отъ этаго онъ ничего не отвѣтилъ Алабину.

– Ты взойди сюда, Михайла, – сказалъ Вронскій къ высокому старому материному лакею, пріѣхавшему съ нимъ. – Для матушки вѣдь переѣздъ изъ Петербурга въ Москву теперь кажется труднѣе, чѣмъ на лошадахъ, – улыбаясь своей кроткой и тихой улыбкой, сказалъ Вронскій. – Тамъ братъ посадилъ ее въ вагонъ съ дѣвушкой и съ Джипомъ, приказалъ кондуктору дѣлать такъ, чтобы какъ можно было похоже на карету, здѣсь мы съ Михайлой встрѣтимъ.

– Вѣрно, въ особомъ отдѣленіи?

– Ну, разумѣется. Чтобъ она была довольна, надо, чтобы провезти ее изъ Петербурга въ Москву такъ, чтобы она не чувствовала, что смѣшалась съ другими, чтобы ее мірокъ, атмосфера ѣхали съ нею...

⁵⁹¹ *Зачеркнуто:* слегка покраснѣвъ

⁵⁹² *Зач.*: удивленію

⁵⁹³ *Зач.*: давно

⁵⁹⁴ *Зач.*: прекрасный

⁵⁹⁵ *Вслед за этимъ написано:* то, что онъ зналъ объ Карениной. Слова эти, какъ явствуетъ изъ контекста, не зачеркнуты Толстымъ, видимо, по рассеянности.

– Ну да, ну да, – говорилъ Степанъ Аркадьичъ, сіяя глазками. – Что, скоро ли? Лучше бы пройти туда на платформу.

Такъ говорили они, ходя взадъ и впередъ по залъ и ожидая прихода поѣзда.⁵⁹⁶

⁵⁹⁷Приближеніе время прихода поѣзда все болѣе и болѣе обозначалось движеніемъ, приготовленіемъ⁵⁹⁸ на станціи, бѣганьемъ артельщиковъ, прислуги, отпираниемъ шкапчиковъ, съ газетами, появленіемъ жандармовъ, служащихъ и подѣздомъ встрѣчающихъ. Степанъ Аркадьичъ и⁵⁹⁹ Вронскій⁶⁰⁰ были не только пропущены, но приглашены на платформу за тѣ самыя двери, отъ которыхъ⁶⁰¹ отгоняли другихъ, желавшихъ пройти туда же.

Морозный паръ лежалъ на всемъ. Холодно было смотрѣть на рельсы. Рабочіе въ шубахъ съ обиндѣвшими усами дѣлали что то. Закутанный стрѣлочникъ пробѣжалъ. Какой то паровикъ свистя пробѣжалъ по дальнимъ рельсамъ. Наконецъ засвистѣлъ вдали паровозъ, загудѣла труба, задрожала платформа и, пыхая сбиваемымъ книзу паромъ, сталъ подкатываться огромный тендеръ съ своимъ кланяющимся начальнику станціи крѣпышомъ машинистомъ, обиндѣвшимъ и обвязаннымъ, въ курткѣ, и медленно и мѣрно насупливающимся и растягивающимся рычагомъ средняго колеса, и за тендеромъ, все медленнѣе и медленнѣе и болѣе колебля платформу, стали проходить почтовый вагонъ, вагоны съ багажами и съ визжавшей собакой, потомъ классы съ высовывающимися [?] изъ-за оконъ пассажирами – коричневые 2-го, потомъ синій 1-го класса. Молодцоватый кондукторъ, на ходу давая свистокъ, соскочилъ сзади, и вслѣдъ за

⁵⁹⁶ На верхнем крае поля написано: Степанъ Аркадьичъ убить всегда натошакъ, а нынче особенно, и завидуешь.

⁵⁹⁷ *Зачеркнуто:* Извоищичъ карета Степана Аркадьича задержалась у подѣзда станціи другой темной старомодной каретой на парѣ бѣлыхъ перекормленныхъ лошадей съ свалившимися шлеями и желобами по спинамъ и съ старымъ кучеромъ и толстымъ лакеемъ на козлахъ. Изъ кареты необходимо должна была выдти старая московская барыня, <какъ изъ желтой гусеницы шелковичнаго червя должна выдти бѣлая бабочка.> Но совершенно неожиданно Степанъ Аркадьичъ увидаль, что въ то время, какъ старикъ, толстый лакей, только закопошился на козлахъ, собираясь слѣзть, дверца, какъ выстрѣлила, отворилась, стукнувшись въ размахъ о колесо, и изъ кареты выпрыгнулъ знакомый конногвардеецъ Алабина Гагинъ, жившій эту зиму въ отпуску въ Москвѣ и такъ пристально ухаживавшій за свояченицей Алабина, за Кити Щербацкой, что каждый день ожидалось объявление о ихъ обрученіи. – А, Алабинъ! Вы за кѣмъ? – проговорилъ Гагинъ, пожимая руку знакомому, и, не дожидаясь отвѣта, указывая улыбаясь на слѣзавшаго, съ козель старика лакея, по французски сказалъ: – А я за матушкой, ѣдетъ изъ Петербурга отъ брата. Вы видѣли, я думаю, ея пару въ каретѣ. Такой классической пары, я думаю, ужъ не осталось въ Москвѣ. Это матушкина гвардія. Ей кажется, что безъ него переѣздъ на Пречистенку не совсѣмъ безопасенъ. Матушка пріѣзжаетъ нынче, – прибавилъ онъ. – Да, а вы за кѣмъ? – За сестрой. – Анна Аркадьевна Каренина, слышалъ; но никогда не имѣлъ чести быть представленнымъ. Я вчера не засталъ васъ въ театрѣ, а нельзя было раньше. Кузьмичъ, ты войди сюда, чтобъ Княгиня сейчасъ увидѣла тебя, – обращался онъ къ старому лакею. – Ахъ да, виноватъ, вы что-то говорили. Обѣдать? Пожалуй, давайте обѣдать гдѣнибудь вмѣстѣ; только я приведу съ собой своего чудака Удашева Костю; онъ вчера пріѣхалъ и у меня остановился. А вечеромъ я у вашихъ. Впрочемъ, не знаю, матушка отпустить ли меня. Какъ бы, голубчикъ, отпереть эту дверь, – обратился онъ къ служащему на желѣзной дорогѣ, – вѣдь скоро придетъ? Да вотъ какъ мы сдѣлаемъ. Мнѣ нужно на Прѣсню, на проѣздку, мой Беркутъ бѣжить, и ваши, т. е. Княгиня съ дочерью, будутъ въ Саду на конькахъ, я обѣщался зайти Княгинѣ. Такъ тамъ сойдемся и рѣшимъ, обѣдаемъ ли вмѣстѣ и гдѣ. Хорошо? Такъ говорилъ Гагинъ, молодой, красивый юноша, ни громкимъ, ни тихимъ голосомъ, спрашивая и не дожидаясь отвѣта, не дослушивая того, что ему говорили, перебивая въ срединѣ рѣчи, очевидно не обращая ни малѣйшаго вниманія на то, что сотни постороннихъ глазъ видятъ и ушей слышатъ его, и двигаясь среди людей, вниманіе которыхъ онъ, очевидно, обращалъ на себя своей красивой, самоуверенной, элегантной и счастливой фигурой, также свободно, какъ бы онъ былъ одинъ съ своимъ пріятелемъ. Не смотря на то, что въ разговорѣ онъ спрашивалъ и не дослушивалъ отвѣта, перебивая въ срединѣ рѣчи, онъ дѣлалъ все это такъ живо и безсознательно и когда замѣчалъ, что сдѣлалъ неучтивость, толкнувъ ли кого нечаянно, или перейдя дорогу дамѣ, или перебивъ рѣчь, такъ охотно, видимо отъ всей души, извинялся, и такое еще съ дѣтства очевидно нетронутое веселье жизни и свѣжесть были во всѣхъ его чертахъ и движеніяхъ, что въ большинствѣ людей, которые видѣли его, двигаясь по залъ станціи, онъ возбуждалъ чувство зависти, но зависти безъ желчи. «Вотъ счастливый, неломанный, не мученый человѣкъ!» говорилъ всякій, кто видѣлъ его. И это самое, вспоминая бывшую дома сцену, думалъ, глядя на него, Степанъ Аркадьичъ. «Вотъ счастливый человѣкъ!» – думалъ Степанъ Аркадьичъ, поутру, до завтрака, особенно нынче, послѣ сцены съ женою, находившійся въ меланхолическомъ расположеніи духа. – Богатъ, что дѣвать некуда денегъ, и свободенъ, какъ птица. Чего ему еще?» Въ томъ, что онъ красивъ и здоровъ, Степанъ Аркадьичъ не завидовалъ ему: эти качества, имѣя ихъ въ высшей степени, Степанъ Аркадьичъ не считалъ за благо, такъ какъ не зналъ, что такое ихъ отсутствіе. – Хорошо, послѣ Суда я заѣду въ садъ, – сказалъ Степанъ Аркадьичъ, – и пообѣдаемъ.

⁵⁹⁸ *Зачеркнуто:* въ буфетѣ и

⁵⁹⁹ *Зач.*: Гагинъ

⁶⁰⁰ *Зач.*: въ числѣ 2-хъ, 3-хъ нѣкоторыхъ избранныхъ

⁶⁰¹ *Зачеркнуто:* какъ безумныхъ,

нимъ стали по одному на останавливающемся ходу сходить нетерпѣливые пассажиры – Гвардейскій офицеръ, прямо держась и строго оглядываясь, и купчикъ съ сумкой, весело улыбаясь.

⁶⁰²Навстрѣчу выходявшимъ толпились встрѣчающіе и влѣзали въ вагоны въ фартукахъ и съ бляхами на грудяхъ артельщики. Толпа, все увеличиваясь и увеличиваясь, загромождила платформу.⁶⁰³ Вронскій стоялъ рядомъ съ Алабинымъ, и оба оглядывали вагоны, отыскивая тѣхъ, кого они встрѣчали.⁶⁰⁴

III

– Графиня Вронская въ этомъ отдѣленіи, пожалуйста, – сказалъ молодой кондукторъ, прикладывая руку къ шапкѣ, подходя къ Вронскому.⁶⁰⁵ Видно было, что хотя онъ и шутилъ только что о привычкахъ своей матери, свиданье съ ней занимало его всего.

Онъ, никого не видя, быстро пошелъ за кондукторомъ. Въ самыхъ дверяхъ вагона онъ почти столкнулся съ невысокой дамой въ бархатномъ платьѣ, обшитомъ мѣхомъ, съ необыкновенно тонкой таліей и широкими плечами. Остановившись, чтобы извиниться и дать ей пройти, онъ взглянулъ въ ея лицо, скромно выглядывавшее изъ овальной рамки бѣлаго платка, которымъ была обвязана ея голова и шея.⁶⁰⁶ Задумчивые сѣрые глаза изъ-подъ необыкновенно длинныхъ рѣсницъ смотрѣли на него дружелюбно внимательно. И дама отстранилась, давая ему дорогу. Онъ поклонился и прошелъ къ своей матери, которая, сбросивъ съ колѣнъ собачку, съ трудомъ поднимала свое одѣтое въ малиновую бархатную шубку тяжелое старческое тѣло съ диванчика и радостно улыбалась ему и съ своей одышкой уже тяжело дышала отъ всего того, что она хотѣла только сказать любимому сыну.

– Получилъ телеграмму? Здоровъ? Ну, слава Богу.

– Хорошо доѣхали? – слушалъ и говорилъ онъ, цѣлуя пухлую руку матери и вмѣстѣ съ тѣмъ думалъ: «Ахъ, это вѣдь Каренина, а я и не узналъ». И онъ оглянулся.

Каренина стояла у двери, слегка улыбаясь красными, изогнутыми губами, и глядѣла тѣми же задумчивыми глазами въ дверь, ожидая, вѣроятно, брата и, очевидно, стараясь не мѣшать свиданію сына съ матерью.

– Анна! А вашъ братъ? Неужели его нѣтъ, – сказала старуха, за взглядомъ сына перенеся свои глаза на Каренину.

Каренина поразила въ первую минуту Вронскаго своими таинственными глазами и особеннымъ страннымъ, но сильнымъ и вмѣстѣ граціознымъ сложеніемъ; теперь, когда онъ

⁶⁰² *Зач.*: Оставалось 5 минутъ до прихода поѣзда, когда Степанъ Аркадьичъ вошелъ въ залу 1-го класса, гдѣ ужъ толпились нѣсколько встрѣчающихъ и буфетчики готовились къ пріѣзду. Степанъ Аркадьичъ зналъ всѣхъ почти, и всѣ его знали, такъ что, когда онъ вошелъ въ залу, его блестяще вычищенная шляпа безпрестанно приподнималась съ его кудрявой головы и опять всякій разъ попадала на тотъ же слѣдъ, немного на бокъ. Въ числѣ знакомыхъ Степану Аркадьичу была особенно пріятна, какъ казалось, встрѣча красавца конногвардейскаго Поручика Князя Гагина. Гагинъ пріѣхалъ встрѣчать мать. И такъ какъ Алабинъ и Гагинъ были одного круга и близкіе знакомые, они все время до прихода поѣзда ходили вмѣстѣ.

⁶⁰³ *Зач.*: Гагинъ

⁶⁰⁴ *Зач.*: <Гагинъ> Вронскій ужъ собирался войти въ вагонъ, когда онъ увидалъ – прямо передъ нимъ на крылечко вагона вышла невысокая дама въ черной шубкѣ и, перегнувшись по направленію къ Алабину, проговорила:– Стива! Онъ не слыхалъ и не видалъ ее, оглядывая другіе вагоны. Дама улыбнулась. И по этой улыбкѣ Гагинъ тотчасъ узналъ ее за сестру Степана Аркадьича. Замѣтивъ на себѣ внимательный взглядъ молодаго человѣка, она перестала улыбаться и, вернувшись въ дверь, сказала что-то и вслѣдъ за тѣмъ опять вышла и внимательно посмотрѣла на него, какъ будто ей нужно было признать его. Въ это время Степанъ Аркадьичъ прошелъ на другую сторону вагона и опять отыскивалъ сестру тамъ, гдѣ ея не было, и не видалъ и не слыхалъ, какъ она опять звала его:– Стива! Стива! И опять она улыбнулась, и опять Гагинъ, забывъ про мать, полюбовался на ея быстрыя движенія, на прекрасное лицо и добрую, веселую улыбку.– Алабинъ! – крикнулъ Гагинъ, – здѣсь, здѣсь васъ ищутъ. Анна Аркадьевна чуть наклонила голову, благодаря Гагина, и легкимъ шагомъ сошла съ крылечка. Гагинъ въ то же время увидалъ изъ окна вагона старушку въ лиловой шляпѣ съ сѣдыми бровями и красивымъ морщинистымъ лицомъ. Старушка, его мать, манила его къ себѣ, и Гагинъ побѣжалъ въ вагонъ, но на крылечкѣ оглянулся, чтобы видѣть, какъ она встрѣтится съ братомъ. Хоть это и неловко было, онъ остановился, глядя на ихъ встрѣчу, и невольно чему-то улыбался.

⁶⁰⁵ *Зачеркнуто*: Вронскій быстро пошелъ въ вагонъ.

⁶⁰⁶ *Зач.*: Большіе

посмотрѣлъ еще разъ на нее, его поразило необыкновенное спокойствіе граціи въ ея позѣ. Она ждала и не торопилась.

Улыбка, какъ будто много знающая и относящаяся къ нему и немного насмѣшливая, почему то тревожила Вронскаго.

– Братъ вашъ здѣсь.

– Да, онъ всегда ищетъ тамъ, гдѣ не надо, – сказала она, – онъ 2 раза пробѣжалъ мимо нашего вагона, – сказала она, и звуки ея голоса, густаго, нѣжнаго и чрезвычайно естественнаго (что, къ несчастью, онъ слышалъ такъ рѣдко), опять, какъ неожиданностью, поразили его.

– Извините меня, я не узналъ васъ въ первую минуту, да и вы, вѣроятно, не помните меня.

– О нѣтъ, – сказала она, – я бы узнала васъ, потому что мы съ Графиней, кажется, всю дорогу говорили про васъ, – и она улыбнулась опять, и опять въ этой улыбкѣ ему показалась насмѣшливость, и онъ подумалъ: «Вѣроятно, матушка рассказывала ей и мои планы женитьбы», и почему то это ему непріятно показалось.

Онъ быстро вышелъ на крылечко и крикнулъ:

– Алабинъ, твоя сестра здѣсь!⁶⁰⁷

И Степанъ Аркадьичъ, толкая народъ, улыбаясь, быстрымъ шагомъ прошелъ мимо оконъ, но опять, къ удивленію Вронскаго, Каренина не дождалась его, а быстрой, легкой походкой подошла навстрѣчу брату и, просіявъ лицомъ, какъ будто попавъ подъ лучъ свѣта, обхватила его правой рукой за шею, крѣпко и быстро притянула къ себѣ и, громко чмокнувъ, поцѣловала.⁶⁰⁸

Что то въ быстрыхъ, но всегда граціозныхъ въ своей простотѣ движеніяхъ и въ походкѣ, такъ странно легко носившей довольно полное тѣло, было опять особенно ново и поразительно для Вронскаго.⁶⁰⁹

– Прелестъ! – сказала старушка про Каренину. – Ее мужъ со мной посадилъ, и я такъ была рада, такая милая, добрая. Прелестная женщина, – продолжала старушка, не прерывая своихъ похвалъ, несмотря на то, что предметъ ихъ, Каренина, опять вошла въ вагонъ, чтобы проститься съ Графиней.

– Ну, вотъ вы, Графиня, встрѣтили сына, а я брата, и теперь прощайте, благодарю васъ очень, очень, – сказала она по французски. – И всѣ исторіи мои пришли къ концу, а то бы нечего ужъ рассказывать.

– Ну, нѣтъ, милая, – сказала старушка, трепля и глядя руку сына, которую она держала въ своей рукѣ. – Я бы съ вами объѣхала вокругъ свѣта и не соскучилась. Вы однѣ изъ тѣхъ милыхъ женщинъ, съ которыми и поговорить и помолчать пріятно. А объ сынѣ, пожалуйста, не думайте. Нельзя такъ не разлучаться никогда. У Анны Аркадьевны – сказала Графиня, объясняя сыну, – есть сыночекъ 8 лѣтъ, кажется, и она никогда съ нимъ не разставалась и все мучается, что оставила его.

– Да, мы всю дорогу съ Графиней говорили – я о своемъ, она о своемъ сынѣ, – сказала Каренина, поправляя неловкое положеніе, въ которое ихъ ставила старушка, и опять насмѣшливая улыбка показалась на ея губахъ.

«Зачѣмъ мама ей рассказывала про мою любовь», подумалъ онъ.

– Ну, прощайте, прощайте, милая. Дайте поцѣловать ваше хорошенькое личико. Безъ васъ бы я пропала.

⁶⁰⁷ *Зачеркнуто:* и черезъ минуту въ вагонъ съ трескомъ <ввалился> вошелъ Степанъ Аркадьичъ. – А, наконецъ то, – закричалъ онъ.

⁶⁰⁸ *Зач.*: «Какая странная и милая», подумалъ Гагинъ.

⁶⁰⁹ *Зач.*: Старушка ждала ужъ его. – Получилъ телеграмму? Здоровъ? Ну, слава Богу. – Хорошо доѣхали? Чтожъ, можно выходить. – Анисья моя пропала. – Это ваши вещи? Выходя изъ вагона подъ руку съ матерью, онъ опять отыскивалъ глазами сестру и брата, которые стояли, задержанные толпой у двери. Когда старушка догнала Анну Аркадьевну, Анна Аркадьевна опять улыбнулась ей.

– Ваша матушка слишком добра. Я благодаря ей не видѣла времени, – сказала Каренина и, наклонивъ съ улыбкой голову, подала руку Вронскому и вышла.

«Такъ вотъ онъ, этотъ необыкновенный сынъ! этотъ герой, этотъ фениксъ, который влюбленъ и котораго все-таки не можетъ стоять ни одна женщина, – думала Каренина, вспоминая хвалы матери своему сыну. – Ахъ, Боже мой, да что мнѣ за дѣло».

– Ну, Аннушка, ты ужь устрой багажъ и приѣзжай, – сказала она подошедшей дѣвушкѣ, доставая билетъ, и положила руку на руку брата.

– Послушай, любезный, вещи сестры, – сказалъ онъ служащему, кивнувъ пальцемъ, и прошелъ съ ней въ дамскую комнату.

– Ну что жъ, какъ ты, Анна? Алексѣй Александровичъ, твой Сережа?

– Все⁶¹⁰ хорошо, очень хорошо.

– Впрочемъ и спрашивать нечего. Ты сіяешь, – сказалъ Стива, какъ будто издалека вглядываясь въ нее, – и пополнѣла ровно на столько, чтобы не подурнѣть, а похорошѣть.

⁶¹¹– Право? Ну, мнѣ все равно. Но что жъ это? – сказала она съ грустнымъ выраженіемъ. – Неужели? Ахъ, Стива, Стива! – сказала она, покачивая головой. – Это ужасно. Женщины не прощаютъ этаго.

Онъ зналъ, что она говорила про его невѣрность. Онъ писалъ ей. Онъ съ виноватымъ лицомъ стоялъ передъ нею.

– Послѣ, послѣ. Да, ужасно, я негодяй, но помоги, но пойми.

⁶¹²Старый⁶¹³ дворецкій, ѣхавшій съ Графиней, явился въ вагонъ доложить, что все готово. И Графиня прервала свой рассказъ о внукѣ, крестникѣ, о милости Государя и др. и со страхомъ поднялась, чтобы идти сквозь столь ненавистную ей толпу станціи желѣзной дороги.

– Пойдемте, мама, теперь мало народа, и мы васъ проведемъ прекрасно, – сказалъ сынъ.

Дѣвушка несла мѣшекъ и собачку, артельщикъ другіе мѣшки. Вронскій велъ подъ руку, дворецкій поддерживалъ за другую руку. Съ трудомъ перебравшись черезъ мучительный для старыхъ людей порогъ, шествіе тронулось дальше и подходило уже къ⁶¹⁴ залѣ. Молодая дама въ блестящей атласной шубкѣ, съ краснымъ чѣмъ то на подолѣ, съ блестящими ботинками съ пуговицами и кисточками и съ лиловой вуалью до половины намянутого лица, громко⁶¹⁵ говоря что-то, съ испуганнымъ лицомъ почти пробѣжала навстрѣчу и чуть не толкнула старуху и привела ее въ ужасъ.⁶¹⁶ Еще пробѣжалъ артельщикъ. Очевидно что-то случилось на станціи. Послышались шаги, голоса, и народъ отъ подъѣзда хлынулъ назадъ, и ужасъ чего-то случившагося распространился на всѣхъ лицахъ.

– Что такое? что, гдѣ? Бросился? Раздавили?

Вронскій посадилъ мать на кресло рядомъ съ Карениной и быстрыми шагами пошелъ за Степаномъ Аркадьичемъ, пошедшимъ узнавать, что такое.

⁶¹⁰ *Зачеркнуто:* прекрасно, прекрасно, такъ прекрасно, какъ никогда не было въ жизни. Весело.

⁶¹¹ *Зач.*: Да знаешь, – говорила она улыбаясь, – я какъ то освободилась отъ всего. Я спокойна съ Алексѣемъ Александровичем, и наши отношенія самыя лучшія, твердыя: нѣтъ ни ревности, ни холодности. На Сережу радуюсь, и самой <весело> легко жить. Особенно Москва и ты на меня дѣйствуютъ, точно въ дѣтствѣ воскресенье послѣ уроковъ, весело.

⁶¹² *Зачеркнуто:* Такъ они говорили, дожидаясь, когда въ комнату вошелъ

⁶¹³ *Зач.*: лакей

⁶¹⁴ *Зач.*: выходнымъ дверямъ, у которыхъ, еще не уѣхавъ, а дожидаясь вещей, разговаривая стояли Алабинъ съ сестрой, когда вдругъ что-то, очевидно, произошло гдѣ то на станціи. Пробѣжалъ одинъ артельщикъ, потомъ жандармъ съ ужасомъ на лицахъ, и толпа съ подъѣзда хлынула назадъ навстрѣчу Графинѣ. – Ахъ, матушки! Что такое, что такое? – задыхаясь говорила старушка. Пока ее усаживали въ сторонѣ на лавочкѣ, Алабинъ подошелъ къ Графинѣ. Но она не видала его и не отвѣчала его поклону, она слишкомъ <испуганно> занята была своимъ <шествіемъ>

⁶¹⁵ *Зач.*: смѣясь съ молодымъ человѣкомъ, чуть

⁶¹⁶ *Зач.*: Каренина смотрѣла на него. Вронскій чувствовалъ это и улыбался. Уже старуха выходила въ выходныя двери, какъ вдругъ

Стрѣлочникъ попалъ подъ отодвигаемый поѣздъ, и его раздавило на смерть. Еще прежде чѣмъ вернулись Вронскій и Алабинъ, лакей разсказалъ это Графинѣ.

Степанъ Аркадьичъ вернулся прежде и разсказалъ ужасныя подробности.

— Но гдѣ же Алеша? — задыхаясь и трясясь, спрашивала мать, какъ будто боясь, съ нимъ бы не случилось чего.

— Вотъ онъ идетъ.

⁶¹⁷Вронскій шелъ торопливо, застегивая сертукъ, и лицо его было блѣдно, какъ платокъ.

— Поѣдемте, мама.

— Чтожъ, неужели ты видѣлъ его?

— Да,⁶¹⁸ видѣлъ.

— Совсѣмъ убить, умеръ? — спросила Анна Аркадьевна.

Онъ взглянулъ на нее⁶¹⁹ строго, какъ ей показалось.

— Да, — отвѣчалъ онъ холодно.

— Ужасно то, что осталось несчастное семейство, — сказалъ Степанъ Аркадьичъ. — Какая ужасная смерть.

— Напротивъ, мгновенная, — сказалъ Вронскій.

— Мгновенная, — повторила она задумчиво, и красота ея таинственныхъ, въ глубь смотрящихъ глазъ поразила его. — Ну, прощайте еще разъ, Графиня, — сказала она.

— Ну, поѣдемте, мама, — сказалъ сынъ.

Но только что онъ взялъ ее за руку, какъ подошелъ Начальникъ Станціи.

— Вы пожертвовали для семейства убитаго 200 рублей, потрудитесь записать.

Вронскій оглянулся на Анну, она пристально смотрѣла на него. Онъ покраснѣлъ и отошелъ съ Начальникомъ Станціи, что то живо говоря ему.⁶²⁰

— Что съ тобой, Анна? — спросилъ братъ, когда они отѣхали уже нѣсколько сотъ сажень.

Анна молчала и тряслась вся, какъ въ лихорадкѣ.

— Ничего, — сказала она, насильно улыбаясь.

— Вотъ ты говоришь, что я здорова. А ужасно нервна стала. Эта дорога и это страшное событіе и твое положеніе — все это меня ужасно взволновало. Ничего, это пройдетъ. Ну, а Долли ужасно убита, ты говоришь? — «Я думаю», сказала она про себя, не глядя на брата.

— Анна, ты пойми, — началъ Степанъ Аркадьичъ, снимая шляпу отъ волненія, — ты пойми, что я чувствую себя виноватымъ до такой степени, что я не нахожу словъ. Съ такой женщиной, какъ Долли. Но, другъ мой, я вѣдь признаю свою вину. Неужели все погибло? — Онъ всхлипнулъ и помолчалъ. — Дѣвушка эта...

— Ахъ, ради Бога не разсказывай подробности, — положивъ свою маленькую ручку на рукавъ его шубы, сказала Анна Аркадьевна.

— Но, Анна, ты всегда была моимъ ангеломъ хранителемъ, ты вся живешь для добра. Спаси меня.... Ты, я знаю, утѣшишь, успокоишь, устроишь, она любить тебя, вѣрить тебѣ....

— Да, но почему ты думаешь, что я могу сдѣлать что нибудь? Ахъ, какъ вы гадки, всѣ мужчины, — сказала она.

Подѣхавъ къ своему дому, Степанъ Аркадьичъ высадилъ сестру, значительно вздохнувъ, пожалъ ей руку и поѣхалъ въ Присутствіе.

⁶¹⁷ *Зачеркнуто:* Дѣйствительно,

⁶¹⁸ *Зач.*: ужасно

⁶¹⁹ *Зач.*: и въ встрѣтившемся ихъ взглядѣ, несмотря на ужасъ минуты, онъ почувствовалъ что то

⁶²⁰ *Зач.*: У подѣзда они еще разъ простились, и Анна Аркадьевна сказала:— Надѣюсь видѣть васъ у себя, — и только что она сказала <и увидала его сконфу[женное]>, <она застыдилась>, она подумала: «точно я награждаю его. Ахъ, да что мнѣ за дѣло». — Ну, Стива, теперь разскажи мнѣ свое горе, — сказала она, когда сѣла съ братомъ въ карету.

* № 20 (рук. № 17).

– Графиня Вронская въ этомъ отдѣленіи, пожалуйста, – сказалъ молодцоватый кондукторъ, подходя къ Вронскому.

Лицо Вронскаго выражало волненіе, и видно было, что, хотя онъ шутилъ только что о привычкахъ своей матери, свиданье съ ней волновало его. Онъ непривычно быстро пошелъ за кондукторомъ. Въ самыхъ дверяхъ вагона онъ почти столкнулся съ⁶²¹ дамой въ⁶²² темносинемъ суконномъ платьѣ съ пелеринкой, обшитомъ мѣхомъ.⁶²³

Тотчасъ же по простотѣ этого платья и манерѣ дамы, узнавъ, что это была дама, Вронскій остановился, чтобы извиниться.⁶²⁴ Взглянувъ на простое⁶²⁵ лицо дамы,⁶²⁶ обязанной кругомъ по шляпѣ большимъ платкомъ, и встрѣтившись взглядомъ съ глазами, дружелюбно внимательно смотрѣвшими на него, Вронскому вспомнилось что то знакомое и милое, но что была эта дама, онъ не могъ вспомнить. Дама эта, очевидно, старалась отдѣлаться, и не знала какъ, отъ другой дамы, прощавшейся съ ней и о чемъ то просившей. Проходя, Вронскій услышалъ:

– Что вамъ стоитъ? А можетъ быть, это Богъ свелъ меня съ вами. Вы слово скажете мужу.

– Я все готова сдѣлать, что отъ меня зависить, но повѣрьте, что это не въ моей власти, – сказалъ нѣжный густой голосъ.

* № 21 (рук. № 17).

Въ дверяхъ зашумѣло, и вмѣсто женскаго полушалія – мужской голосъ.

– Пришелъ проститься съ вами, Анна Аркадьевна, – говорилъ голосъ. – Хоть немножко насладиться вашимъ обществомъ, и за то спасибо.

Вронской оглянулся. Просительница дама ушла, и въ дверяхъ стоялъ старикъ въ собольей шапкѣ, знаменитый ученый, котораго Вронской зналъ съ вида.

– Надѣюсь встрѣтиться съ вами въ Москвѣ и продолжать нашъ споръ и доказать – вы знаете, мы, женщины, смѣлы – доказать, что въ нигилистахъ не можетъ быть ничего честнаго.

– Петербургскій взглядъ, – сударыня.

– Не Петербургскій, а человѣческій, – сказалъ нѣжный, чистый голосъ.

– Ну съ, позвольте поцѣловать вашу ручку.

– До свиданья, Иванъ Петровичъ. Да посмотрите – если братъ тутъ, пошлите его ко мнѣ.

– А вашего брата нѣтъ? Неужели его нѣтъ? – сказала старуха, за взглядомъ сына переноса свои глаза на даму въ пелеринѣ, обшитой мѣхомъ.

«Ахъ, вѣдь это Каренина», подумалъ Вронской, теперь совершенно разсмотрѣвъ ее. Она была похожа на брата – то же красивое, цвѣтное и породистое лицо и сложеніе, но совершенно другія глаза.⁶²⁷ Глаза ея казались⁶²⁸ малы отъ густыхъ черныхъ рѣсницъ, окаймлявшихъ ихъ.⁶²⁹

⁶²¹ *Зачеркнуто:* <невысокой> молодой, довольно полной и элегантной

⁶²² *Зач.*: бархатномъ

⁶²³ *Зач.*: съ необыкновенно тонкой таліей и широкими плечами.

⁶²⁴ *Зач.*: и дать ей пройти.

⁶²⁵ *Зач.*: <некрасивое,> свѣжее, румяное, неправильное и чрезвычайно привлекательное

⁶²⁶ *Зач.*: скромно выглядывавшее изъ овальной рамки бѣлаго платка, которымъ была обязана <голова> шея. Задумчивые, небольшие, странные сѣрые глаза, окруженные необычно длинными рѣсницами, смотрѣли на него дружелюбно и внимательно.

⁶²⁷ *Зачеркнуто:* и выраженіе. Вмѣсто свиныхъ, по мнѣнію Вронскаго, глазокъ Степана Аркадьича, у нея были большіе

⁶²⁸ *Зач.*: велики

⁶²⁹ *Зач.*: и вмѣсто поверхностно добродушнаго, веселаго обычнаго выраженія лица Степана Аркадьича глаза выражали <большую> серьезность и впечатлительность.

Но⁶³⁰ главная черта ея, бросавшаяся въ глаза, были черные, какъ вороново крыло, волоса, которые не могли быть приглажены и вездѣ выбивались и вились.

* № 22 (рук. № 17).

<– Ну такъ скажи же мнѣ все про себя. Прежде чѣмъ я ее увижу, мнѣ нужно понять ваше положеніе.

– Что мнѣ сказать, – началъ Облонскій, снимая шляпу отъ волненія.⁶³¹ – Я погубилъ себя и семью,⁶³² я пропалъ, и семья, и она, и дѣти – все пропало,⁶³³ если ты не поможешь.

– Отчего жъ ты такъ отчаиваешься?

– Надо знать Долли, какая она женщина. И она беременная.⁶³⁴ Какъ она можетъ простить меня, когда я самъ не могу простить.⁶³⁵

– Но что она говорить?

– Она говорить, что не можетъ жить со мной, что она оставитъ меня, и она это сдѣлаетъ.

– Но какъ? Вѣдь надо же жить какъ нибудь, надо устроить судьбу дѣтей.

– Анна, ты всегда была моимъ Ангеломъ-хранителемъ, спаси меня.

– Да, но почему ты думаешь, что я могу сдѣлать что нибудь?⁶³⁶ Ахъ, какъ вы гадки, всѣ мужчины, – сказала она.

– Нѣтъ, она не проститъ, – сказалъ онъ.

– Если она тебя любила, то проститъ непременно.

– Ты думаешь, проститъ? Нѣтъ, не проститъ, – повторялъ онъ черезъ минуту.>

* № 23 (рук. № 17).

<Общественныя условія такъ сильно, неотразимо на насъ дѣйствуютъ, что никакія разсужденія, никакія, даже самыя сильныя чувства не могутъ заглушить въ насъ сознаніе ихъ.> Долли была убита своимъ горемъ, вся поглощена имъ, но, несмотря на то, она помнила, что Анна золовка была жена одного изъ важнѣйшихъ лицъ Петербурга и Петербургская grande dame, и это то обстоятельство сдѣлало то, что она не исполнила того, что обѣщала мужу, т. е. не забыла то, что пріѣдетъ золовка. Будь ея золовка неизвѣстная деревенская барыня, она, можетъ быть, и не захотѣла бы знать и видѣть ее, но Анна – жена Алексѣя Александровича – этаго нельзя было сдѣлать. «Кромѣ того, Анна ни въ чемъ не виновата, – думала Долли. – Я объ ней кромѣ нетолько самаго хорошаго, но не знаю ничего кромѣ общаго восторга и умиленія, и въ отношеніи себя я видѣла отъ нея только ласку и дружбу – правда, нѣсколько приторную, съ афектаціей какого-то умиленія, но дружбу. За что же я не приму ее?»

Но все таки Долли съ ужасомъ и отвращеніемъ представляла себѣ тѣ религіозныя утѣшенія и увѣщанія прощенія христіанскаго, которыя она будетъ слышать отъ золовки.

⁶³⁰ *Зач.*: главную прелесть составл[яли]

⁶³¹ *Зач.*: Я негодай

⁶³² *Зач.*: Да. Она не проститъ мнѣ, нѣтъ, не проститъ. Но

⁶³³ *Зач.*: Ты – послѣдняя надежда...<– Но другъ мой, надо же жить, надо же подумать о дѣтяхъ.> Что же я сдѣлаю?

⁶³⁴ *Зачеркнуто*: Это ужасно. Я такой негодай, я мерзавецъ, – и Мишенька заплакалъ.

⁶³⁵ *Зач.*: – Ты скажи мнѣ про Долли. Что она? Какъ она приняла это? Ахъ, несчастная!– Долли, кажется, сама не знаетъ, на что она рѣшилась.

⁶³⁶ *Зач.*: Одинъ Тотъ, Кто знаетъ наши сердца, можетъ помочь намъ. Облонскій замолчалъ. Онъ зналъ этотъ <выспренній> нѣсколько притворный, восторженный тонъ <религіозности> въ сестрѣ и никогда не умѣлъ продолжать разговоръ въ этомъ тонѣ. Но онъ зналъ тоже, что подъ этой напыщенной религіозностью въ сестрѣ его жило золотое сердце.

* № 24 (рук. № 103)

Цѣлый день этотъ, особенно занятой прїѣздомъ матери, разговорами съ ней,⁶³⁷ Удашевъ совершенно неожиданно и не кстати въ серединѣ разговоровъ, постороннихъ мыслей вдругъ слышалъ нѣжный и густой голосъ, говорившій: «ваша матушка про своего, а я про своего сына», и вмѣстѣ съ голосомъ и словами передъ воображеніемъ⁶³⁸ Удашева являлись⁶³⁹ глубокіе глаза и полный, крѣпкій станъ, и легкія, быстрыя граціозныя движенія, тщетно удерживаемая улыбка,⁶⁴⁰ и онъ цѣлый день былъ какъ не свой, а потерянный. Какъ только онъ оставался одинъ, самъ съ собой, голосъ этотъ пѣлъ эти простыя слова, и⁶⁴¹ Удашеву становилось на душѣ радостно, и онъ улыбался чему то. Когда онъ задумывался о томъ, что бишь ему нынче дѣлать, что предстоитъ прїятнаго или тяжелаго въ этотъ день, онъ находилъ въ своей душѣ⁶⁴² воспоминаніе о Карениной, которую онъ видѣлъ одну минуту.

«Отчего же мнѣ не поѣхать къ⁶⁴³ Облонскимъ?» вдругъ пришло ему въ голову въ серединѣ 3-го акта, въ самую торжественную минуту драмы.

Онъ всталъ и пошелъ черезъ ноги 1-го ряда.⁶⁴⁴ Выйдя изъ театра, онъ взялъ извозчика и поѣхалъ къ Облонскимъ. Но войдя въ сѣни, на него вдругъ нашелъ страхъ неловкости, сомнѣніе, чего онъ никогда еще въ жизни не испытывалъ. «Не поздно ли? Не странно ли будетъ, что я войду? Что сказать, если и войду? И зачѣмъ я прїѣхалъ?»

Увидавъ въ передней лакея Щербацкихъ, сомнѣніе его еще болѣе усилилось.⁶⁴⁵ Онъ рѣшилъ, что не взойдетъ, и придумалъ предлогъ предполагаемаго обѣда. Онъ доставалъ бумажникъ, чтобы написать два слова Облонскому, когда вдругъ какая то странная сила потянула его взгляды кверху, и онъ увидалъ⁶⁴⁶ съ косами на головѣ легкимъ, граціознымъ шагомъ шедшую гдѣ то въ вышинѣ женщину. И это была она. Она наклонила голову.⁶⁴⁷ Онъ понялъ, что войти къ Облонскимъ нельзя, что она можетъ быть недовольна, но онъ видѣлъ ее и, поговоривъ на лѣстницѣ съ Степаномъ Аркадьичемъ, онъ уѣхалъ домой.

⁶⁴⁸Когда онъ нынѣшній вечеръ ложился спать, онъ, какъ обыкновенно это послѣднее время, вспомнилъ о Кити Щербацкой и задалъ себѣ вопросъ, что же дѣлать; онъ услышалъ только голосъ: «Я про своего, а ваша матушка про своего сына», и глаза, и наклонъ головы съ косами и съ выбившимися колечками на шеѣ, и дѣвичій образъ съ таинственными глазами представились ему.

И вслѣдъ за этимъ вопросъ измѣнился. Вопросъ уже былъ не о томъ,⁶⁴⁹ жениться или нѣтъ, но о томъ, чѣмъ онъ далъ поводъ думать, что онъ намѣренъ жениться.

⁶³⁷ Зачеркнуто: Вронской

⁶³⁸ Зач.: Вронскаго

⁶³⁹ Зач.: <таинственные, прелестные> ясные и добрые

⁶⁴⁰ Зач.: кривая, нѣсколько на бокъ, но прелестная, тихая и свѣтлая

⁶⁴¹ Зач.: Вронской чувствовалъ, какъ счастіемъ наполнялось его сердце.

⁶⁴² Зач.: только одинъ этотъ голосъ, эти глаза, весь этотъ образъ. И изъ самой глубины его души смотрѣли на него эти глаза. Они были тамъ, въ глубинѣ его души.

⁶⁴³ Зач.: Алабинымъ

⁶⁴⁴ Зач.: — Куда вы, Вронскій?— Ахъ, я совсѣмъ забылъ одну вещь, — сказалъ онъ, радостно улыбаясь. — Мнѣ и нельзя было быть нынче въ театрѣ, — и онъ поѣхалъ къ <Алабину> Облонскому.

⁶⁴⁵ Зач.: и онъ вслухъ говорилъ самъ съ собою,

⁶⁴⁶ Зач.: въ одномъ сѣромъ платьѣ

⁶⁴⁷ Зач.: для него. И этотъ поклонъ ея головы, когда она проходила, была первая радость, которую онъ получилъ въ этотъ день. И онъ, переговоривъ съ Степаномъ Аркадьичемъ, неловко и странно уѣхалъ домой.

⁶⁴⁸ Зачеркнуто: Возвратившись въ нынѣшній вечеръ къ часто послѣднее время занимавшей его мысли о томъ, какъ и когда сдѣлать предложеніе Княжнѣ Щербацкой, на что онъ уже давно рѣшился, вдругъ совершенно неожиданно запѣлъ голосъ:

⁶⁴⁹ Зач.: какъ и когда сдѣлать предложеніе,

⁶⁵⁰ «Рѣшительно ничѣмъ, — отвѣчалъ онъ себѣ. — Я какъ будто предчувствовалъ это. Да, я ничѣмъ не связанъ, и это кончено».

Онъ говорилъ это себѣ, но чувствовалъ, что къ испытываемой имъ радости примѣшивалось невольное сознаніе какого то дурнаго поступка. Но такъ или иначе рѣшилъ онъ самъ [съ] собою.

«Я не могу больше ѣздить къ Щербацкимъ, и моя идилія кончена. И надо уѣхать отсюда. Ремонтъ приметъ Федченко все равно».

* № 25 (рук. № 14).

Х.

У⁶⁵¹ одного изъ главныхъ лицъ Москвы былъ большой балъ.⁶⁵² Танцовали въ большой залѣ.⁶⁵³ Балъ былъ великолѣпенъ, но, какъ и всегда въ Москвѣ, бѣденъ мущинами.

Кити пріѣхала съ матерью рано и застала уже половину залъ полными, только что начинали танцевать. Въ толпѣ, но отдѣляясь отъ толпы не только для Кити, но и для постороннихъ, стоялъ Вронскій, очевидно ожидая и отдѣляясь отъ толпы не одной своей красивой наружностью, но и той особенной граціей и скромной свободой обращенія, которыя отличали его отъ всѣхъ.

Кити была въ голубомъ платьѣ съ бѣлымъ вѣнкомъ на головѣ и если бы она не знала, что она хороша, она бы увѣрилась въ этомъ потому, какъ она встрѣчена была въ залахъ. Опять, какъ и въ тотъ день, какъ Левинъ видѣлъ ее на конькахъ, въ строгомъ и спокойномъ по складу своему лицѣ ея было красящее ее оживленіе, сдержанное волненіе, скрываемое рѣшительностью, которую бы можно назвать отчаянностью, если бы это настроеніе не было скрыто привычкой свѣтскаго приличія.

Съ самаго того вечера, въ который она отказала Левину, 8 дней она не видала больше Вронскаго. Даже въ обычный пріемный четвергъ онъ не былъ у нихъ. Но она знала, что онъ былъ въ городѣ, знала, что онъ будетъ на балѣ. Она знала это отъ Анны, которая ѣздила на другой день своего пріѣзда къ старухѣ Вронской и тамъ встрѣтила сына и рассказывала, что просидѣла тамъ болѣе часа⁶⁵⁴ и что онъ будетъ на балѣ, потому что приглашалъ Анну танцевать съ нимъ.⁶⁵⁵ Кити страшно было подумать о томъ, чтобы ея отношенія съ нимъ могли прекратиться именно тогда, когда она такъ рѣшительно отказала Левину. Это было хуже чѣмъ ужасно, это было глупо и смѣшно, и она еще не позволяла себѣ вѣрить этому. Должны были быть непонятными для нея причины, которыя помѣшали ему видѣть ее въ продолженіи 8 дней. «Мать не желаетъ. Онъ дѣлаетъ окончательныя приготовленія», думала она и съ одинаковымъ страхомъ отгоняла и утѣшительныя и безнадежныя мысли. Балъ долженъ рѣшить все. Она уви-

⁶⁵⁰ *Зач.*: Слово не было сказано, но честная натура его не могла лгать самому себѣ; онъ зналъ, что хоть и не было ничего сказано, бросить ее теперь было бы дурно. Но вдругъ онъ почувствовалъ ужасъ, страхъ, стыдъ раскаянія.

⁶⁵¹ *Зачеркнуто*: Генераль Губернатора

⁶⁵² *Зач.*: одинъ изъ тѣхъ баловъ, которые такъ поражаютъ въ Москвѣ своей непривычной роскошью.

⁶⁵³ *Зач.*: Москва все таки провинція, и Московскіе балы имѣютъ все таки тотъ провинціальный характеръ, что всѣ знаютъ и часто видятъ другъ друга и всѣмъ весело и странно видѣть другъ друга въ парадѣ. Анна исполнила желаніе Кити и перешла свое черное бархатное платье, одѣла его жолто грязнымъ кружевомъ и пріѣхала на балъ. Она даже и не могла не сдѣлать этого. Такъ всѣ пристали къ ней, и самъ Генераль Губернаторъ былъ у нее и уѣхалъ съ общаніемъ, что она будетъ. Въ знаменитой красавицахъ Москвѣ красавицъ было много, и Анна не затмила никого. Она въ своемъ бархатномъ, сфранномъ для бала, платьѣ не поразила никого. Платье такъ опоздало и еще болѣе такъ опоздалъ Шарль, что она пріѣхала на балъ уже въ 12-мъ часу, когда танцовали вальсъ послѣ 2-й кадрили. — Я уже думалъ, что вы не пріѣдете, — сказала ей Генераль Губернаторъ, встрѣчая ее у двери. — Балъ былъ бы испорченъ. Она прошла къ хозяйкѣ, и не успѣла <поздороваться> она кончить начатую рѣчь, какъ Ник[олаевъ]

⁶⁵⁴ *Зачеркнуто*: и что Вронскій ей очень и очень понравился.

⁶⁵⁵ *На поляхъ рядом и ниже написано*: [1] Глаза не таинствен[ны] болѣе, но свѣтъ лучезар[енъ], petillant [сверкающий]. [2] Она счастлива и жа[ла]. Ей стыдно. А. — «Я ожила съ вами», спрашиваетъ, отчего. Онъ не слу[шаетъ], и слушаетъ его рѣчи.

дить его, она танцуетъ съ нимъ 1-ю кадрили и, вѣроятно, мазурку, которую она рѣшила отдать ему. Глаза ея встрѣтились съ его глазами. «Да, онъ ждалъ меня!» подумала она, и, здороваясь съ хозяйкой и знакомыми, она ждала его и услышала его шаги и увидала даже, не глядя на него, черную тѣнь его мундира. Онъ стоялъ подлѣ нее и напоминалъ о 1-й кадрили, къ которой уже оркестръ игралъ призывъ. Она спокойно положила свою прелестную формой обнаженную руку съ однимъ тонкимъ браслетомъ съ изумрудомъ, подаркомъ Степана Аркадьича, и счастливая голубая и нарядная пошла съ нимъ по скользкому паркету подъ яркимъ свѣтомъ свѣчей въ середину шумно устанавливавшихся паръ. Онъ говорилъ, какъ всегда, просто и спокойно. Объяснилъ дѣлами то, что не пріѣхалъ въ четвергъ, и Кити такъ хотѣлось вѣрить ему, что она не сомнѣвалась въ томъ, что прежнія ихъ отношенія нисколько не измѣнились. Даже разсѣянность, съ которой онъ отвѣчалъ на нѣкоторые вопросы, и взглядъ, обращаемый постоянно на входныя двери, не обратилъ на себя ея вниманія. Тѣ же были его прекрасные, прямо и честно смотрѣвшіе наивные агатовые глаза, и тоже было ея чувство къ этимъ глазамъ, что она не допускала возможности, чтобы что нибудь измѣнилось; а вмѣстѣ съ тѣмъ какая то змѣя не переставая сосала ея сердце; она какъ будто предчувствовала большое несчастье, и волненіе ея не утихло.

Въ то самое время какъ Вронскій, отвѣдя ее къ толпѣ нетанцующихъ дамъ, кланяясь отходилъ отъ нея, въ залу вошла⁶⁵⁶ Анна въ черномъ обшитомъ кружевами Долли (Кити узнала ихъ) бархатномъ платьѣ съ⁶⁵⁷ лиловыми цвѣтами на головѣ.⁶⁵⁸ Анна остановилась на мгновеніе у входа, спокойно отыскивая хозяйку своими странными отъ рѣсницъ, несвѣтящимися глазами. И увидавъ ее, слегка кланяясь знакомымъ, пошла къ ней своей легкой, какъ бы летящей походкой. Хозяинъ и хозяйка поспѣшили къ ней навстрѣчу.⁶⁵⁹ Она улыбнулась своей добродушной свѣтлой улыбкой. Она подходила ужъ къ Кити, когда Корнилинь [?], знаменитый церемонимейстеръ, дирижеръ баловъ, съ своимъ быстрымъ взглядомъ, оглядывающимъ свое хозяйство, увидаль ее и подошелъ къ ней той особенной ловкой, свободной походкой, которой ходятъ только⁶⁶⁰ дирижирующіе балами.

— Анна Аркадьевна, какъ я счастливъ, — сказалъ онъ, улыбаясь, наклоняясь и предлагая руку, — туръ вальса.

Она посмотрѣла, кому передать вѣеръ и, отдавъ⁶⁶¹ его съ улыбкой К[орнилину?], положила привычнымъ⁶⁶² и особеннымъ, ей одной свойственнымъ жестомъ руку на его плечо.

— Вы давно ли тутъ? А Лидія гдѣ? — спросила она его про его жену.

— Мы вчера пріѣхали, мы были на выставкѣ въ Вѣнѣ, теперь я ѣду въ деревню оброки собирать, — говорилъ онъ, продолжая вальсировать. — Да, — сказалъ онъ, — отдыхаешь, вальсируя съ вами, прелесть, *précision*.⁶⁶³ А тутъ ни одной нѣтъ хорошей для вальса. Нечто маленькая Щербацкая.

— Да, мы съ вами уже спѣлись, — сказала Анна, напоминая, какъ часто они вальсировали на Петербургскихъ балахъ. — Отведите меня къ Лидіи, — сказала она.

Кор[нилинь] сдѣлалъ еще туръ и прямо завальсиров[алъ], укорачивая шагъ и приговаривая «*pardon, mesdames*», прямо на народъ и прямо къ своей женѣ, которую хотѣла видѣть

⁶⁵⁶ *Зачеркнуто:* невысокая дама

⁶⁵⁷ *Зач.*: простой прической

⁶⁵⁸ *Зач.*: Она не могла обратить ничего вниманія, но Кити не спуская глазъ смотрѣла на нее, и та боль и волненіе, которыя она ощущала въ глубинѣ сердца, стали сильнѣе.

⁶⁵⁹ *Зач.*: <что то говоря.> — Я боялась, что вы не пріѣдете. Балъ былъ бы испорченъ.

⁶⁶⁰ *Зач.*: молодые люди

⁶⁶¹ *Зач.*: хозяйкѣ

⁶⁶² *Зач.*: граціознымъ

⁶⁶³ [точность.]

Анна. <Еще войдя на балъ, Анна невольно замѣтила Гагина, только что кончившаго вальсъ и⁶⁶⁴ отводившаго хорошенькую свѣтлую, сіяющую голубую Кити къ матери. Глаза ихъ встрѣтились тогда же и, странно, Анна, столь привычная къ свѣту, ко всѣмъ возможнымъ положеніямъ, замѣтила, что глаза ихъ встрѣтились, и отвернувшись, такъ что онъ не успѣлъ поклониться. Теперь, проходя черезъ толпу къ Лидіи Корсаковой, она еще, странно, не видѣла его, но чувствовала, что онъ шель за нею и смотрѣлъ на нее.> Едва она подошла къ красавицѣ Лидіи Корсаковой, прелестной брюнеткѣ съ чрезмѣрно открытыми плечами и руками, какъ Вронскій ужъ подошелъ и, низко кланяясь, сказалъ, что онъ пришелъ поклониться, такъ какъ не имѣлъ времени, и просить на тѣ танцы, которые она можетъ дать ему.⁶⁶⁵

Она не замѣтила или не хотѣла замѣтить его поклон[а] въ то время, какъ она проходила мимо его. Она повернулась къ нему, холодно⁶⁶⁶ улыбаясь.

— Сейчасъ я къ вашимъ услугамъ, — сказала она ему, я не видѣлась еще съ старымъ другомъ. И вотъ на балѣ...

— Я думаю, Лидію Ивановну легче всего встрѣтить на балѣ, — сказалъ онъ улыбаясь.

— А вы знакомы?

— Съ кѣмъ мы не знакомы, — сказала Лидія Корсакова. — Насъ съ мужемъ знаютъ, какъ благаго волка.

И она обратилась къ Аннѣ съ вопросомъ о ея мужѣ, о ней; она говорила съ ней и чувствовала его взглядъ. И взглядъ этотъ непріятно смущалъ ее. Подъ его взглядомъ она чувствовала свою наготу и стыдилась ея, — чувство, котораго она не испытывала съ давней дѣвичьей поры.⁶⁶⁷ <Взглядъ его былъ странный, она представилась ему прелестной, когда онъ въ первый разъ увидалъ ее. Но этихъ плечъ, этой груди и рукъ онъ не видѣлъ. Онѣ были лишнія, они ослѣпляли его.> Это ей тяжело, непріятно стало, она чуть, съ свойственнымъ ей движеніемъ, топнула ногой съ вопросомъ и упрекомъ во взглядѣ: «Ну что вамъ отъ меня надо? И развѣ можно такъ смотрѣть на людей?» Но сердитое выраженіе ея лица вдругъ смягчилось, когда она увидала въ его взглядѣ не смѣлость, не дерзость, но виноватую⁶⁶⁸ покорность лягавой собаки. «Что хочешь дѣлай со мной, — говорилъ его взглядъ. — Но не оскорбитель тебя я хочу, а себя хочу спасти и не знаю какъ».

Поговоривъ съ Лидіей, она обратилась къ нему, и ей самой на себя досадно было, что она не могла быть вполне натуральна съ нимъ. Она взглянула на свои таблетки, хотя этаго вовсе не нужно было дѣлать.

— Кадриль, слѣдующую, да еще.

Молодой человѣкъ подбѣжалъ, прося на кадриль.

— Мазурку? — сказалъ Гагинъ.

— Я думала, что вы танцуете съ Кити, — сказала она, и опять въ глазахъ у нихъ промелькнуло что-то такое, что говорило о томъ, что между ними уже было прошедшее — неясное, но сильное.

— Теперь могу я васъ просить на туръ вальса? — сказалъ онъ, оттирая молодого человѣка, который, видимо, только что собирался это сдѣлать.

Она улыбнулась молодому человѣку и опять своимъ быстрымъ жестомъ занесла обнаженную руку — Гагинъ увидалъ въ первый разъ эту руку — на его эполетъ. Онъ обнялъ ее полную талію; лицо ея съ подробностями выющихся волосъ на шеѣ, родинки подъ щекой, лицо

⁶⁶⁴ Зачеркнуто: стоявшаго въ срединѣ круга

⁶⁶⁵ Зач.: Странный взглядъ его опять поразилъ ее, странный тѣмъ, что онъ смущалъ ее.

⁶⁶⁶ Зач.: однако

⁶⁶⁷ Поперекъ полей написано: <Подъ его взглядомъ ей совѣстно было за свою наготу.>

⁶⁶⁸ В подлиннике: виноватая

это, странное, прелестное, съ⁶⁶⁹ таинственными глазами и блестящими изъ подъ длинныхъ рѣсницъ и смотрѣвшими мимо его, было въ разстояніи поцѣлуя отъ него. Онъ не спускалъ съ нея глазъ, сдѣлалъ первое движеніе, какъ вдругъ Корсаковъ на бѣгу захлопалъ въ ладоши, и звуки вальса остановились.

– Ахъ, виновать! – кричалъ онъ, рысью подбѣгая къ нимъ, – я не видалъ. Вальсъ, опять вальсъ, – кричалъ онъ.

«Гагинъ все это время держалъ ее талию и при первыхъ звукахъ пошелъ съ ней туръ. Когда онъ опять взглянулъ ей въ глаза, глаза эти не только блестя, но дрожали, вспыхивали страннымъ блескомъ, который какъ бы ослѣпилъ его.

Въ тѣснотѣ кадрили Гагинъ досталъ стулъ, но она не хотѣла сѣсть, и стоя они разговаривали о⁶⁷⁰ четѣ Корсаковыхъ. Они говорили о пустякахъ, но ослѣпительный блескъ не потухалъ въ ея глазахъ.

– Я его давно знаю, – говорилъ Гагинъ, – это самая милая чета, которую я знаю. Вотъ люди, которые легко берутъ жизнь. Она – это товарищъ мужа. Одна цѣль – веселиться.

– Да и хорошо честно веселиться.

– И какъ Богъ устроилъ, что у нихъ нѣтъ дѣтей, такъ это нейдетъ имъ.

– Я думаю, напротивъ, что они оттого такъ устроились, что у нихъ нѣтъ дѣтей.

– Нѣтъ, а отчего жъ, они оба богаты, красивы, неревнивы.

– О нѣтъ, я знаю даже случай, гдѣ онъ былъ ревнивъ; впрочемъ, я начинаю сплетничать.

Но все это у нихъ такъ мило. Ну что, Княгиня отдохнула съ дороги?

– Напротивъ, она готова сейчасъ ѣхать опять съ вами. Она безъ ума отъ васъ.

Она подняла глаза и посмотрѣла на него, какъ бы говоря: «не скажите глупаго комплимента». Но глаза его отвѣтили: «зачѣмъ говорить, вы сами знаете, что я безъ ума отъ васъ», и опять виновато покорно смотрѣли его⁶⁷¹ агатовые наивные глаза изъ его⁶⁷² красиваго лица.

Кити была въ голубомъ платьѣ съ голубымъ вѣнкомъ на головѣ, и голубое настроеніе было въ ея душѣ, когда она вошла въ залу. И первое лицо, встрѣтившее ее, былъ Гагинъ. Она танцевала съ нимъ 1-ю кадрили, но онъ былъ спокоенъ странно и смотрѣлъ на дверь. Она видѣла его тоже, когда Анна вошла въ залу, и выраженіе лица его, серьезное, строгое даже, выраженіе лица, похожее на выраженіе человѣка, готовящегося на дѣло, долженствующаго рѣшить его жизнь.> Весь балъ, весь свѣтъ – все закрылось туманомъ въ душѣ Кити. Только привычка свѣта поддерживала ее и заставляла дѣлать все, что отъ нея могло требоваться. По этой же привычной способности она поняла, что мазурку, которую она оставляла до сихъ поръ для⁶⁷³ Вронскаго, нужно отдать, и она отдала ее Корсакову. Передъ мазуркой она вышла въ гостиную и опустилась въ кресло. Воздушная юбка платья поднялась облакомъ вокругъ ея тонкаго стана. Она держала вѣеръ и обмахивала свое разгоряченное лицо.

– Кити, что же это такое! – сказала Графиня Нордстонъ, по ковру неслышно подходя къ ней. – Я не понимаю этого.

У Кити дрогнула нижняя губа, она быстро встала.

– Нечего понимать. Очень весело, – сказала она и вышла въ залу.

– Онъ при мнѣ звалъ ее на мазурку. Она сказала: «вы развѣ не танцуете съ Кити Щербацкой?»»

⁶⁶⁹ Зачеркнуто: маленькими

⁶⁷⁰ Зачеркнуто: впечатлѣніяхъ бала

⁶⁷¹ Зач.: каріе

⁶⁷² Зач.: мужественнаго, твердаго, наивнаго

⁶⁷³ Зач.: Гагина

⁶⁷⁴ – Ахъ, мнѣ все равно, – сказала Кити, чувствуя ужъ не горе, а ужасъ и отчаяніе передъ своимъ положеніемъ.

Ей хорошо было танцовать въ 1-й парѣ съ Корсаковымъ, потому что не надо было говорить, онъ все бѣгалъ изъ мѣста въ мѣсто. Гагинъ съ Анной танцовали въ серединѣ и сидѣли почти противъ нея. Она видѣла ихъ своими дальнорезкими глазами, видѣла ихъ и вблизи, когда они сталкивались въ парахъ, и она видѣла, что они по своему чувствовали одни во всемъ залѣ.⁶⁷⁵ Мало того, она видѣла, что на лицѣ Гагина, всегда столь твердомъ и независимомъ, было только то выраженіе, которое было на лицѣ Анны. И странно, Кити ужаснулась этому чувству, но что то ужасно жестокое въ своемъ оживленіи было въ лицѣ Анны въ ея простомъ черномъ платьи съ ея прелестными плечами и руками. Она⁶⁷⁶ любовалась ей больше, чѣмъ прежде, но теперь она ненавидѣла ее и себя за то, что она ненавидѣла ее. Она считала себя подавленной, убитой, и лицо ея выражало это.⁶⁷⁷

Когда Гагинъ увидалъ ее, столкнувшись съ ней въ мазуркѣ, онъ былъ пораженъ ея некрасивостью. Онъ почти не узналъ ее.⁶⁷⁸

– Прекрасный балъ, – сказала она ему.

– Да, – отвѣчалъ онъ, – надѣюсь, что вы веселитесь.

В серединѣ мазурки, повторяя сложную фигуру, вновь выдуманную Корсаковымъ, Анна, разойдясь съ кавалеромъ, вышла на середину круга, взяла двухъ кавалеровъ, потомъ подозвала къ себѣ одну даму и Кити. Кити испуганно смотрѣла на нее, подходя. Анна, прищурившись смотрѣла на нее, не видя ее, и вдругъ сказала виновато:

– Мнѣ нужно одну, кажется, одну, – и она равнодушно отвернулась отъ⁶⁷⁹ вопросительнаго взгляда Кити. «Да, что то чуждое, бѣсовское и прелестное было въ ней», сказала себѣ Кити.

Анна не хотѣла остаться ужинать, но хозяинъ сталъ просить ее:

– Полноте, Анна Аркадьевна, – заговорилъ Корсаковъ, почти насильно забирая ея обнаженную руку подъ рукавъ своего фрака. – Какая у меня идея котильона! Un bijou!⁶⁸⁰

И онъ тянулъ ее настолько, насколько позволяло приличіе.⁶⁸¹

Хозяинъ улыбался одобрительно.⁶⁸² Вронскій стоялъ подлѣ и ничего не говорилъ, но встрѣтился съ ней глазами, и она почувствовала, что между нимъ и ею уже было прошедшее, длинное, сложное, котораго не было.

– Успѣете отдохнуть завтра въ вагонѣ, – говорилъ Корсаковъ.

– А вы ѣдете завтра? – сказалъ⁶⁸³ Вронскій.

– Да, – отвѣчала она,⁶⁸⁴ съ неудержимымъ дрожащимъ блескомъ глазъ и улыбкой взглянувъ на него.

XI.

⁶⁷⁴ Зачеркнуто: <Зачѣмъ> Кто ее

⁶⁷⁵ Зач.: что они ничего и никого не видятъ и что имъ очень весело.

⁶⁷⁶ Зач.: любила ее

⁶⁷⁷ Рядом на полях написано: *petillement du regard* [сверкание взгляда]

⁶⁷⁸ Зачеркнуто: Ему показалось, что это была изуродованная, жалкая Анна, что прежде она была Анна, а теперь перестала ей быть и стала чужая.

⁶⁷⁹ Зач.: умоляющаго

⁶⁸⁰ [Прелестъ!]

⁶⁸¹ Рядом на полях написано: <Аннѣ было весело, и она говорила не то, что хотѣла.>

⁶⁸² Зачеркнуто: Гагинъ

⁶⁸³ Зачеркнуто: Гагинъ

⁶⁸⁴ Зач.: и знала что онъ будетъ на желѣзной дорогѣ. Но она не боялась, не радовалась этому, ей было весело, – было весело, какъ бываетъ весело послѣ сомнѣній о томъ, не пришло ли уже время веселья.

– Я не знаю что со мной случилось, – говорила она на другой день Долли, сидя в ее гостиной перед обедом, после которого она должна была ехать. – Мне было весело, как 18-летней девочке, я не думала, чтобы я, мать семейства, могла еще так веселиться. Но одно, – она вдруг покраснела до корней выходящих волос на шею, до слез, – одно, Долли, душечка, помоги мне. Я не знаю, как это случилось, но Алексей Гагин не отходил от меня, и я боюсь, я кокетничала с ним, сама не зная этого. Я не знаю, что нашло на меня, я забыла Кити и все, и мне просто было весело. По правде тебе сказать, я от этого не остаюсь до завтра, хотя могла бы. Михаил Михайлович придет после завтра. Долли, ты не повторишь, мне на Кити смотреть стыдно, и оттого она не придет обедать. Но право, право, я не виновата или виновата немножко.⁶⁸⁵

– О как я узнаю Стиву, – засмеялась Долли и, чтобы смягчить, поцеловала Анну. – Я узнаю.

– О нет, о нет. – Анна нахмурилась. – Я даже не позволю себе усомниться в самой себе. Все это новые лица, я на минутку все забыла.

– А они чувствуют это, – сказала Долли. – Впрочем, правду сказать тебе, я и не очень желаю Гагина для Кити. Мое сердце на стороне Ордынцева; да если он мог влюбиться в тебя в один день, то и лучше, чтобы он не женился.

Анна задумалась радостно. «Влюблен в меня, – думала она. – Может».

Кити, правда, не пришла. Степан Аркадьич простился еще утром, и они обедали одни, и Долли никогда не могла забыть этого милого часа, который она провела с Анной. Анна, как будто для того чтобы жалела о ней, была еще милее, дети не отходили от нее, и мальчика обманули и усадили вниз, а то он рыдал, как только заговаривали об ее отъезде.

– Ну, прощай, милый, милый друг, – говорила Долли, обнимая ее при прощании. – То, что ты сделала, я не забуду никогда.

– Да что же я, – застенчиво улыбнулась [Анна].

– Ты меня поняла, ты меня поняла, и ты прелесть.

«Ну, все кончено, и слава Богу, – подумала Анна как только она села одна с Аннушкой в вагон, – все кончено, и слава Богу, а я дурно поступила, и я могла увлечься, да, могла».

Ни знакомых, ни приятных лиц никого не было. Попробовала почитать, бросила, и началось то волшебное тяжелое состояние – полусветло, чужие лица, шопот, вздрагивание, то тепло, то холодно, а там отворенная дверь, мрак, буря, снег и подтянутый кондуктор с следами бури на воротник.

Барыня больна жаром. Анна сняла шубу, все жарко, и нервы натянуты; воздуха, дышать, дышать. Она надела шубку и на первой станции вышла на крылечко. Аннушка бросилась. «Нет, я подышать». Буря, свист, стукотня. «Депеша дан[а]. Сюда, пожалуйста», и тень. Страшно, жутко, кто себя знает, что будет. – Вдруг фигура мужская. Она посторонилась пройти, но он к ней.

– Не нужно ли вам чего? – с низким поклоном.

– Как вы! – и она поблудила. – Вы зачем едете?

– Чтобы быть с вами.

– Не говорите этого, это гадко, дурно для вас, для меня.

– О если это чтонибудь для вас.

Она задыхалась от волнения.

– Зачем? Кто вам позволил говорить мне это?

– Я не имею права, но моя жизнь не моя, а ваша и навсегда.

Она закрыла лицо руками и шла в вагон. Всю ночь она не спала, старушка сердилась; колеблющийся свет, тряска, свист, стук остановки и буря, бьющаяся на двор.

⁶⁸⁵ Поперек страницы написано: – Я слышала, что Вронский не отходил от тебя.

* № 26 (рук. № 15).

<У одного изъ главныхъ лицъ Москвы былъ большой балъ. Кити уговорила Анну ѣхать на этотъ балъ, и хоть не въ лиловомъ, какъ Кити непремѣнно воображала, а въ черномъ бархатномъ сръзанномъ платьѣ, на которое Долли дала свои венеціанскіе гипюра-кружева. Анна ѣхала, и Кити была довольна.

Балъ этотъ долженъ былъ рѣшить ея судьбу, и она теперь, принеся въ жертву Левина, не сомнѣвалась ни минуты въ томъ, что она рѣшится по ея желанію.>

Кити не видала Вронскаго съ самаго того дня, когда она отказала Левину, но знала, что онъ въ городѣ и будетъ на балѣ.

Анна ѣздила на другой день своего приѣзда къ старухѣ Вронской, застала тамъ сына, провела съ нимъ болѣе часа и вернулась еще съ большей увѣренностью въ томъ, что онъ очень, очень хорошій молодой человѣкъ и будетъ прекрасный мужъ для Кити.

— Одно, что мнѣ не понравилось въ немъ, — говорила Анна, — это то, что онъ хочетъ выходить въ отставку, а въ его положеніи это значитъ искать немилости, бравировать. Я его, кажется, убѣдила не дѣлать этаго, а понемногу, если онъ не хочетъ жить въ Петербургѣ, удаляться отъ двора и перейти въ штатскую номинальную должность. Это все гордость, — говорила Анна.

Анна же рассказывала, что она будетъ на балѣ. Кити ѣхала на балъ все съ тѣмъ же чувствомъ юноши, идущимъ на сраженіе, не покидавшимъ ее съ четверга; но успѣхъ сраженія казался ей несомнѣннымъ, и она чувствовала себя сильной и красивой, какъ никогда. Костюмъ ея былъ голубое платье съ бѣлымъ тюникомъ, и голубые цвѣты на головѣ вѣнкомъ шли къ ней. Если бы она и сомнѣвалась въ своемъ успѣхѣ, первыя минуты входа ея на балъ подтвердили ей ея увѣренность въ томъ, что она хороша.

Она не успѣла дойти до 2-й залы, какъ таблетки ея уже были наполнены именами тѣхъ, съ которыми она танцуетъ, и улыбающіяся при встрѣчѣ ея лица подругъ, очевидно подъ улыбкой скрывающія зависть, говорили ей про ея успѣхъ.

* № 27 (рук. № 15).

Какъ ни любовалась Кити Анной, она не ожидала ее найти столь красивою. Въ особенности простота и спокойствіе ее манеры въ этой бальной суетѣ и бальномъ туалетѣ придавали Аннѣ особенную красоту въ глазахъ Кити. Анна улыбкой встрѣтила Кити, и улыбка эта сказала, что она тоже любитъ ея, и пожала ей руку.

Кити видала прежде Анну въ Москвѣ и Петербургѣ въ гостиныхъ и любовалась граціей и ловкостью ея ума, всегда добродушнаго, но эти прелести ума Кити мало цѣнила. Въ этотъ приѣздъ она особенно полюбила Анну, потому что увидала ее въ совершенно новомъ, душевномъ быту у сестры; но она никогда не видала ее на балѣ и теперь увидала ее совершенно новою и неожиданною для себя. Она ждала ее въ лиловомъ и теперь, увидавъ ее, поняла, что она не могла быть въ лиловомъ, а что ея прелесть состояла въ томъ, что она всегда выступала изъ своего туалета, что туалетъ никогда не могъ быть видѣнъ на ней. И черное платье съ кружевомъ не было видно, была видна одна она.

И Кити, подумавъ о себѣ, побоялась, не давить ли ее самою ея розовый воздушный туалетъ, не замѣтенъ ли онъ. Но это было не справедливо. И улыбка Анны сказала ей это. «Charmant»,⁶⁸⁶ говорила эта улыбка. Но, кромѣ того, въ бальной, совершенно новой Аннѣ Кити увидала еще новую прелесть — то, что Анна⁶⁸⁷ не видѣла, очевидно, ничего веселаго и ничего

⁶⁸⁶ [«Восхитительно».]

⁶⁸⁷ *Зачеркнуто*: была вполнѣ женщина на балѣ, приѣхавшая для того, чтобы было весело ей и другимъ.

неприятнаго на балѣ. Не было въ ней ни этаго сіянія, готовности, которое бываетъ у очень молодыхъ выѣзжающихъ и рѣжетъ немного, ни этаго старанія стать выше толпы, этой глупой философіи бальной, которая такъ свойственна некрасивымъ и не *recherchées*⁶⁸⁸ женщинамъ.. Она была спокойна и весела. Тѣмъ, которые хотѣли затѣвать съ ней тонкіе и глубокомысленные разговоры, она легко и весело перерѣзывала нить разговора.⁶⁸⁹

Хозяинъ дома говорилъ съ ней, когда Кити подошла къ ней.

Кипарисовъ наклонился, прося на туръ вальса.

– Давно ли вы здѣсь? – спросила она.

– Мы 3-го дня пріѣхали.

– А Лидія тутъ?

– Да, мы были въ Вѣнѣ, а теперь я ѣду собирать оброки.

– А вы знакомы? – спросилъ хозяинъ.

– Съ кѣмъ мы не знакомы? Мы какъ бѣлые волки, насъ всѣ знаютъ. Туръ вальса.

– Я не танцую, – сказала она, – когда могу не танцовать.

– Надѣюсь, что нынче вы не можете не танцовать.

Въ это время подходилъ Вронскій. Кити замѣтила, что онъ смотрѣлъ на Анну и поклонился ей, но что Анна, хотя и могла видѣть его, быстро подняла руку на плечо Кипарисова и не отвѣтила на его поклонъ, не выдавъ его.⁶⁹⁰

Вронскій подошелъ къ ней, напоминая о первой кадрили, и пригласилъ на вальсъ. Приведя ее назадъ, Вронскій опять подошелъ къ Аннѣ и предложилъ вальсъ. Опять Кити показалось странно то, что Анна какъ будто сердито повернулась къ нему и неохотно занесла свойственнымъ ей быстрымъ жестомъ на плечо обнаженную полную руку. Едва они сдѣлали первое движеніе, какъ вдругъ Кипарисовъ на бѣгу захлопалъ въ ладоши, и звуки вальса остановились.

– Ахъ, виноватъ, – закричалъ онъ, увидавъ ихъ, и, рысью выбѣжавъ на середину, закричалъ: – вальсъ!

Вронскій покраснѣлъ, чего никогда еще не видала Кити, а Анна съ тѣмъ же холоднымъ и недовольнымъ лицомъ поспѣшно отстранилась отъ него.

«За что она недовольна имъ?» подумала Кити.

Послѣ вальса началась 1-я кадрили. И для Кити примѣты сбывались. Она танцевала не переставая. Первая кадрили съ нимъ прошла просто и весело. Онъ объяснилъ нездоровьемъ то, что не былъ въ четвергъ. Въ тѣснотѣ кадрили она и не ждала серьезнаго разговора; но она ждала мазурки и не отдавала ее. Въ одной изъ тѣхъ скучныхъ кадрилией, которыя она танцевала то съ танцующими старыми людьми, не представляющими никакого интереса, то съ юношами, представлявшими еще меньше интереса, она танцевала *vis-à-vis* съ Вронскимъ и Анной.

* № 28 (рук. № 103).

⁶⁹¹ XIII ... слѣдующая по порядку.

Прямо отъ Щербацкихъ послѣ⁶⁹² мучительнаго вечера Левинъ заѣхалъ на телеграфъ и далъ знать къ себѣ въ деревню, чтобы за нимъ выѣхали лошади. Вернувшись къ брату, у кото-

⁶⁸⁸ [утонченным]

⁶⁸⁹ *Зачеркнуто*: Но кромѣ того, Кити замѣтила въ ней неожиданную, но столько знакомую самой Кити черту радостнаго возбужденія отъ успѣха. Она видѣла, что она была немного пьяна тѣмъ женскимъ пьянствомъ <восторга> любованья толпы. Вокругъ изогнутыхъ румяныхъ губъ ея чуть замѣтно порхала улыбка возбужденія, глаза свѣтились ярко, и она вся была въ нервномъ веселомъ раздраженіи.

⁶⁹⁰ *Зач.*: Кити замѣтила это.

⁶⁹¹ *Зачеркнуто*: Глава VIII. Деревня.

⁶⁹² *Зач.*: отказа и

раго онъ стоялъ, онъ зашелъ къ кабинетъ брата,⁶⁹³ чтобы объявить ему, что онъ завтра ѣдетъ, и прервалъ его въ его занятіяхъ. Братъ сидѣлъ съ двумя свѣчами у письменнаго стола⁶⁹⁴ и быстро писалъ. Вокругъ него лежали открытыя книги. Онъ откинулся на спинку кресла и, поднявъ глаза, остановилъ эти свои всегда проницательные глаза на разстроенномъ лицѣ меньшаго брата. Проницательные глаза на этотъ разъ ничего не видали. Лицо старшаго брата было совсѣмъ другое, чѣмъ оно было утромъ: оно осунулось и какъ бы похудѣло; но глаза блестѣли, какъ звѣзды, блестѣли, ничего не видя и не наблюдая.

— Что, ѣдешь? — сказалъ онъ. — Что же такъ? — Онъ, очевидно, забылъ о томъ, когда пріѣхалъ братъ, за чѣмъ, на долго ли, и съ трудомъ старался вспомнить. — Что же, ты кончилъ свои дѣла...

Константинъ Левинъ понялъ, что брату будетъ стоить перерыва мыслей разговоръ его съ нимъ, и потому поспѣшно отвѣтилъ:

— Да, кончилъ. Такъ я соберу оброкъ и пришлю, — сказалъ онъ.

Сергѣй Левинъ вдругъ нагнулся и приписалъ два слова на полѣ бумаги.

— Да, да, благодарствуй, — сказалъ онъ. — Ну, прощай, Костя. Извини меня.

Константинъ Левинъ всталъ и направился къ двери.

— Ахъ да, — сказалъ онъ, останавливаясь. — Гдѣ стоитъ Николинъка?

Сергѣй Левинъ нахмурился.

— Не знаю, право, впрочемъ у Прохора лакея есть адресъ. Развѣ ты хочешь его видѣть? Вѣдь ничего не выйдетъ.

— Да, можетъ быть.

— Ну, какъ знаешь. Прощай.

И Константинъ Левинъ ушелъ въ свою комнату укладываться. «Да, что то есть во мнѣ противное, отталкивающее, — думалъ онъ про себя. — И не гоюсь я для другихъ людей. Гордость, говорятъ. Нѣтъ, у меня нѣтъ и гордости. — И онъ представлялъ себѣ Удашева, счастливаго, добраго, умнаго и наивнаго, никогда ни въ чемъ не сомнѣвающагося. — Она должна была выбрать его. И такъ и надо».⁶⁹⁵

И онъ чувствовалъ себя несчастнымъ, и съ сознаниемъ своего несчастья, по какому то тайному для него родству чувствъ, соединилось воспоминаніе о братѣ Николаѣ и желаніе видѣть его и помочь ему.⁶⁹⁶ «Поѣздъ отходитъ утромъ. Я успѣю съѣздить къ нему». Онъ спросилъ у Прохора адресъ брата Николая и велѣлъ привести извозчика.⁶⁹⁷

Утромъ, когда Константинъ Левинъ узналъ о томъ, что братъ Николай здѣсь въ Москвѣ, онъ испыталъ непріятное чувство стыда за погибшаго брата и забылъ о немъ. Онъ зналъ, что дѣйствительно ничего нельзя было сдѣлать. Что двѣ доли состоянія были уже промотаны Николаемъ Левинымъ и что, давая ему еще, братья только бы лишали себя и ему бы не помогли, какъ не наполнили бы бездонную бочку. Кромѣ того Николай Левинъ считалъ себя обиженнымъ братьями и, казалось, ненавидѣлъ братьевъ, и въ послѣднее свиданье, гдѣ ссора произошла преимущественно между Сергѣемъ и Николаемъ (Константинъ только держалъ сторону Сергѣя), Николай, выходя, сказалъ рѣшительно: «Теперь между нами все кончено, и я обоихъ васъ не знаю».⁶⁹⁸ Утромъ, когда онъ чувствовалъ себя полнымъ надеждъ,⁶⁹⁹ Константинъ Лев-

⁶⁹³ *Зач.*: и прервалъ его въ его занятіяхъ.

⁶⁹⁴ *Зач.*: обложенный книгами и бумагами,

⁶⁹⁵ *Зачеркнуто*: И чѣмъ яснѣе онъ признавалъ это, тѣмъ больше ему щемило сердце. Онъ легъ спать и сейчасъ же заснулъ крѣпкимъ сномъ, какъ спится послѣ несчастья.

⁶⁹⁶ *Зач.*: а теперь опять ему не хотѣлось

⁶⁹⁷ *Зач.*: Николай Левинъ стоялъ въ подворьѣ за Москвой рѣкой.

⁶⁹⁸ *Зач.*: Теперь, вѣроятно, онъ былъ въ тяжкомъ положеніи, если прислалъ къ Сергѣю своего человѣка съ часами. Константинъ Левинъ, такъ легко принявшій извѣстіе объ этомъ,

⁶⁹⁹ *Зач.*: на лучшее счастье

инь рѣшилъ самъ съ собою, что вслѣдствіи этаго всего дѣла съ братомъ Николаемъ и ѣздить къ нему нѣтъ никакой надобности. Онъ испытывалъ утромъ только чувство гадливости, какъ будто его изъ свѣта и ясности тянулъ кто то въ нечистоту и грязь, и онъ только отряхнулся и пошелъ своей дорогой; но теперь, вечеромъ, чувствуя себя несчастнымъ, мысль о братѣ Николаѣ, пришедшая ему еще въ сѣняхъ дома Щербацкихъ, не покидала его, и онъ рѣшился употребить нынѣшній вечеръ на то, чтобы отыскать его и попытаться сойтись съ нимъ. Онъ зналъ, что братъ Николай не любилъ Сергѣя, но что его онъ всегда любилъ и что слова его (съ его переменчивымъ характеромъ) ничего не значатъ. А, не смотря на его паденье, Константинъ Левинъ не только любилъ, но уважалъ своего брата Николая и считалъ его однимъ изъ умнѣйшихъ и добрѣйшихъ людей, которыхъ онъ зналъ. Отыскавъ Троицкое подворье, Константинъ Левинъ вошелъ чрезъ грязную дверь съ блокомъ въ грязный корридоръ, и пропитанный табакомъ, вонючій теплый воздухъ охватилъ его.

– Кого вамъ? – спросила развращенная и сердитая женщина.

– Левина.

– 21-й номеръ.

Дверь 21 № была полуотворена, и оттуда въ полость свѣта выходилъ густой дымъ дурнаго и слабого табака и слышался не знакомый Константину Левину голосъ; но Константинъ Левинъ тотчасъ же узналъ, что братъ тутъ, онъ услышалъ его кашель – тонкій, напряженный и сердитый. Онъ вошелъ въ дверь, голосъ непріятный продолжалъ говорить, рассказывая какое то судебное дѣло, какъ добыты слѣдствіемъ улики какія то.

– Ну, чортъ его дери, – сквозь кашель проговорилъ голосъ брата. – Маша! Добудь ты намъ не улики, а поѣсть и водки.

Женщина молодая, рябоватая и не красивая, но очень пріятная, въ простомъ шерстяномъ платьѣ безъ воротничковъ и рукавчиковъ, открывавшихъ пухлую шею и локти, вышла за перегородку и увидала Левина.

– Какой то баринъ, Николай Дмитричъ, – сказала она.

– Кто еще тамъ? – сердито закричалъ голосъ.

– Это я, – сказалъ Константинъ Левинъ, выходя на свѣтъ.

– Кто я?

– Можно тебя видѣть?

– А! – проговорилъ Николай Левинъ, вставая и хмуря свое и такъ мрачное и сердитое лицо. – Константинъ! Что это тебѣ вздумалось. Ну, входи же. Это мой братъ Константинъ меньшій, – сказалъ онъ, обращаясь къ господину старому, но крашеному и молодящемуся съ стразовой булавкой въ голубомъ шарфѣ.

Константинъ Левинъ съ перваго взгляда получилъ отвращеніе къ этому господину, да и кромѣ самыхъ дрянныхъ людей онъ не ожидалъ никого встрѣтить у брата, и ему, какъ оскорбленіемъ, кольнуло въ сердце, что этому господину братъ, вѣрно, рассказывалъ про ихъ отношенія.

– Это мой адвокатъ, – онъ назвалъ его, – дѣлецъ. Ну, садись, – сказалъ Николай Левинъ, замѣтивъ непріятное впечатлѣніе, произведенное на брата его знакомымъ.

И годъ тому назадъ, когда послѣдній разъ Константинъ видѣлъ брата, Николай былъ не хорошъ и даже страшень, но теперь и некрасивость и мрачность, особенно когда онъ былъ золъ, еще увеличились. Маленькій, нескладный ростъ, растрепанная, грязная одежда, не вьющіеся⁷⁰⁰ густые висящіе на морщинистый лобъ взлохмаченные волосы, короткая борода, не растущая на щекахъ, усы и брови длинные и висящіе внизъ на глаза и губы, худое, желтое лицо и блестящіе, непріятные по своей пронизательности глаза.

– Я нынче пріѣхалъ, узналъ, что ты тутъ, и хотѣлъ...

⁷⁰⁰ *Зачеркнуто:* прямо торчащіе, взлохмаченные, рѣдкіе

– Да,⁷⁰¹ отъ лакея Сергѣя Дмитріевича. Ну, да чтобъ ты такъ не бѣгалъ глазами, я тебѣ въ двухъ словахъ объясню, зачѣмъ я здѣсь и кто это. Изъ Кіева я убѣжалъ отъ долговъ, сюда пріѣхалъ получить долгъ съ Васильевского, онъ мнѣ долженъ 40 тысячъ по картамъ. Это дѣлецъ, – сказалъ онъ, указывая на господина, – адвокатъ, по мнѣ, понимаешь. Порядочные адвокаты ходятъ къ порядочнымъ, а къ нашему брату такіе же, какъ мы. А это, – сказалъ онъ по французски, указывая на женщину, – моя жена, т. е. не бойся, знаменитое имя Левиныхъ не осрамлено, мы не крутились, а вокругъ ракитаго куста. Я ее взялъ изъ дому, но желаю всѣмъ такимъ жень. Ну, ступай, Маша. Водки, водки, главное. Ну, теперь видишь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. И если ты считаешь, что компрометировался, то вотъ Богъ, а вотъ порогъ.

Константинъ Левинъ слушалъ его, но понималъ не то, что ему говорилъ братъ, а все то, что заставляло его говорить такъ, и внимательно смотрѣлъ ему прямо въ глаза. Николай Левинъ понималъ это; онъ зналъ, какъ братъ одной съ нимъ породы, одного характера, ума, понималъ насквозь значеніе его словъ, и, видимо,⁷⁰² сознаніе того, что онъ слишкомъ понять, стало непріятно ему. Онъ повернулся къ адвокату.

– Ну, батюшка, видите, какіе у меня братья, у него 3 тысячи да земель не заложенныхъ, и, видите, мною не брезгаютъ.

– А что же, есть надежда получить эти деньги? – спросилъ Константинъ Левинъ, чтобы вести разговоръ общій, пока не уйдетъ этотъ господинъ.

– Когда я пьянъ, то чувствую надежду, – отвѣчалъ Николай Левинъ, – и потому стараюсь быть всегда пьянъ.

– Полная, Константинъ Дмитричъ, – отвѣчалъ адвокатъ улыбаясь. – Я принялъ мѣры и полагаю...

Константинъ Левинъ не слушалъ адвоката, а оглядывалъ комнату. За перегородкой въ грязной конуркѣ, вѣроятно, спалъ онъ – братъ. На диванчикѣ лежала ситцевая подушка, и, вѣроятно, спала она. На ломберномъ столѣ въ углу былъ его міръ умственный. Тутъ Константинъ Левинъ видѣлъ тетради, исписанныя его почеркомъ, и книги, изъ которыхъ онъ, къ удивленію, узналъ Библію.⁷⁰³

– Ну, ему не интересно, – перебилъ его Николай Левинъ, – а вотъ водки – это лучше, – прибавилъ онъ, увидѣвъ входившую Машу съ графинчикомъ и холоднымъ жаркимъ. – Ну что жъ ты дѣлаешь, расскажи, – сказалъ онъ, сдвигая карты и патроны со стола, чтобы опростать мѣсто для ужина, и повеселѣвъ уже при одномъ видѣ водки.

– Я все въ деревнѣ живу.

– Ну а Амалія наша (онъ такъ называлъ мачиху) – чтоже, бросила шалить или все еще соблазняется? Какая гадина!

– За что ты ее ругаешь? Она, право, добрая и жалкая старуха.

– Ну, а Сергѣй Дмитричъ все философіей занимается? Вотъ пустомеля то. Я при всей бѣдности издержалъ 3 рубля, взялъ его послѣднюю книгу. Удивительно мнѣ, какъ эти люди могутъ спокойно говорить о философіи. Вѣдь тутъ вопросы жизни и смерти. Какъ за нихъ возьмешься, такъ вся внутренность переворачивается, и видишь, что есть минуты, особенно съ помощью вотъ этаго, – онъ взялъ графинчикъ и сталъ наливать водку, – что есть минуты, когда не то что понимаешь, а вотъ, вотъ поймешь, откроется завѣса и опять закроется, а они, эти пустомели, о томъ, что ели ели на мгновенье постигнуть можно, они объ этомъ пишутъ, это то толкуютъ, то есть толкуютъ, чего не понимаютъ, и спокойно безъ⁷⁰⁴ любви, безъ уваженія даже къ тому, чѣмъ занимаются, а такъ, изъ удовольствія кощунствовать.

⁷⁰¹ *Зач.*: по часамъ узналъ

⁷⁰² *Зач.*: разсердился на это.

⁷⁰³ *Зачеркнуто*: и Гомера.

⁷⁰⁴ *Зач.*: стѣснения, безъ сердца

– Не говори этого. Ты знаешь, что это неправда, – сказал Константинъ Левинъ и, видя въ немъ все то же раздраженіе и зная, что онъ ни отъ чего такъ не смягчается, какъ отъ похвалы, чтобы смягчить его, захотѣлъ употребить это средство. – Ты знаешь, что это не правда. Разумѣется, есть люди, какъ ты, которыхъ глубже затрагиваютъ эти вопросы и они глубже ихъ понимаютъ.

Но только что онъ сказалъ это, глаза, смотрѣвшіе другъ на друга, запрыгали, замелькали, и Николай Левинъ понялъ, что онъ съ умысломъ сказалъ это. И Константинъ Левинъ замолчалъ.

– Ну и ладно. Хочешь водки? – сказалъ Николай Левинъ и вылилъ жадно одну рюмку водки въ свой огромный ротъ и, облизывая усы, съ такою же жадностью, нагнувшись всѣмъ тѣломъ, взялся за жаркое, глотая огромными кусками, какъ будто у него отнять сейчасъ или что оттого, что онъ съѣстъ или не съѣстъ, зависитъ вся судьба его. Константинъ Левинъ смотрѣлъ на него и ужасался. «Да, вотъ онъ весь тутъ, – думалъ онъ. – Вотъ эта жадность ко всему – вотъ его погибель. Какъ онъ ѣстъ теперь эту спинку сухаго тетерева, такъ онъ все бралъ отъ жизни».

– Ну, да что говорить о другихъ. Ты что же дѣлаешь въ деревнѣ? – сказалъ Николай Левинъ. Онъ выпилъ еще водки, и лицо его стало менѣ мрачно. – Ну съ, Михаилъ Вакулычъ, прощайте. Приходите завтра, а я съ нимъ поболтаю, – сказалъ онъ адвокату и, вставъ, еще выпилъ водки и вышелъ съ нимъ за дверь.

Слѣдующая по порядку XIII.

– Что, вы давно съ братомъ? – спросилъ Константинъ Левинъ Марью, сидѣвшую у окна и курившую папиросу.

– Второй годъ, – сказала она вспыхнувъ и поторопилась сказать, откуда онъ взять ее. – Здоровье ихъ не хорошо, а вонъ все, – она показала глазами на водку.

И Константинъ Левинъ, не смотря на то, что онъ только нынче утромъ говорилъ, что для него нѣтъ падшихъ созданий, а с....., онъ почувствовалъ удовольствіе отъ того, что эта с..... чутьемъ поняла, что онъ любитъ брата, и какъ бы приняла его въ свои сообщники. Въ ней было такъ много простоты⁷⁰⁵ и любви къ этому человѣку, что ему пріятно было съ нею понимать другъ друга.

– Что, съ моей женой знакомишься? Славная дѣвка, – сказалъ Николай Левинъ, ударивъ ее по плечу. – Ну, теперь мы одни. Рассказывай про себя. Не велятъ намъ наши умники признавать родство по роду, а я вотъ⁷⁰⁶ тебя увидалъ, что то іокнуло. Выпей же. Въ этомъ не одна veritas,⁷⁰⁷ а мудрость вся. Ну, рассказывай про себя, что ты дѣлаешь.

Константинъ Левинъ рассказалъ свои занятія хозяйствомъ, потомъ земствомъ и свои разочарованія. Николай Левинъ расхохотался дѣтскимъ смѣхомъ.

– Это хорошо. Это значить, что ты лгать не можешь. Вѣдь все это вранье, игрушки и перетасовка все того же самого, самого стараго и глупаго. Одинъ законъ руководить всѣмъ міромъ и всѣми людьми, пока будутъ люди. Сильнѣе ты другаго – убей его, ограбь, спрячь концы въ воду, и ты правъ, а тебя поймаютъ, тотъ правъ. Ограбить одного нельзя, а цѣлый народъ, какъ нѣмцы французовъ, можно. И тотъ, кто видитъ это, чтобы пользоваться этимъ, тотъ негодяй, а тотъ, кто видитъ это и не пользуется, а смѣется, тотъ мудрецъ, и я мудрецъ.

Но странное дѣло, Константинъ Левинъ, слушая его, слушая то самое, что онъ самъ иногда думалъ, не только не утверждался въ этихъ мысляхъ, но, напротивъ, убѣждался, что смотрѣть на міръ такъ нельзя, что это болѣзнь. Въ глазахъ его брата весь міръ было такое безоб-

⁷⁰⁵ Зачеркнуто: смиренія

⁷⁰⁶ Зач.: часы нынче послалъ Сергѣю, жалко, совѣстно какъ то, и вотъ

⁷⁰⁷ [истина,]

разіе, что страшно было жить въ немъ, и понятно, что спастись отъ него можно было только въ забвеніи. Онъ сталъ возражать ему, но Николай Левинъ не далъ говорить ему.

– Нѣтъ, братъ, не портъ себя, вѣдь не увѣришь себя въ томъ, чему не вѣришь. Не знаю, что изъ тебя выйдетъ, – продолжалъ онъ съ улыбкой (онъ рѣдко улыбался, но улыбка его была чрезвычайно пріятна), – не настолько у тебя запаса есть, что пустомелей ты не будешь, а это хуже всего. Спитъся, какъ я, тоже не хорошо, противно, какъ я самъ себѣ бываю, и рѣшительно не знаю, куда тебя вынесетъ. Нечто вотъ эта, – сказалъ, онъ указывая на Машу. – Эти умѣютъ жить во всемъ этомъ сумбурѣ, у нихъ все глупо и ясно. Выпей, Маша. Или нѣтъ, не пей.

– Ты думаешь? – сказалъ Константинъ Левинъ краснѣя, – что женитьба...

– Да, на міру смерть красна. Выводить людей, чтобы вмѣстѣ горе дѣлать на этомъ дурацкомъ свѣтѣ.

– Но ты мнѣ про себя расскажи, – сказалъ Константинъ Левинъ. Константину тяжело было это воззрѣніе на міръ, а онъ не могъ не раздѣлять его. – Про себя скажи, что ты дѣлалъ и дѣлаешь? Не могу ли я?

Онъ не договорилъ, потому что блѣдное лицо Николая покраснѣло.

– Ты ужъ не любезничай, пожалуйста, дружокъ. Я васъ ограбилъ, ужъ это я знаю, и скажалъ и скажу, что больше я гроша отъ васъ не возьму, да я и по природѣ бездонная кадка. Это я сказалъ и скажу, – заговорилъ онъ съ злостью, – что если бы мнѣ дали тогда мою часть, когда мнѣ нужна была, вся бы жизнь моя была другая.

Эта мысль и упрекъ, который онъ дѣлалъ Сергѣю Левину за то, что ему не дали его части, когда онъ ее требовалъ, было его больное мѣсто. Константинъ Левинъ зналъ, что это было несправедливо и что онъ всегда, раздражаясь, говорилъ про это. И теперь все выраженіе лица его измѣнилось, и онъ не замѣчалъ, что то, что онъ говорилъ, было непослѣдовательно и не логично, потому что какая же могла быть его жизнь, когда онъ вообще считалъ всякую жизнь бессмыслицей и себя по природѣ бездонной кадкой. Но, напавъ разъ на эту тему, онъ много и долго и желчно говорилъ, особенно упрекая брата Сергѣя въ его безсердечности.⁷⁰⁸

– Ты знаешь, за что онъ ненавидитъ меня.

– Впервыхъ, не только не ненавидитъ, но любить.

– Ужъ позволь мнѣ знать, ненавидитъ за то, что я нахожу, что всѣ его сочиненія написаны прекраснымъ языкомъ, но вода, и за то, что говорилъ ему это. – Но Константинъ Левинъ съ трудомъ могъ сбить его съ этой темы. – Ну, хорошо, оставимъ. Чтоже тебѣ про меня знать? Таже исторія. Въ Кіевѣ проигралъ все, занялъ, не отдалъ.

– Но сколько?

– Ахъ, все равно, и если заплачу и если не заплачу. Я давно сказалъ, что вы за меня не отвѣтчики. Ну, имя ваше я въ грязи таскаю. Ну, это не бѣда. Пожалуй, я назовусь Левинскимъ. Одно утѣшительно – это то, что когда мы оба умремъ и на томъ свѣтѣ вспомнимъ съ Сергѣемъ Дмитриевичемъ, какъ онъ обижался на меня за то, что я имя его въ грязи таскаю. Ну вотъ увидишь, что мы тамъ никакъ не будемъ въ состояніи понять, что такое это должно означать, – сказалъ онъ, какъ и всегда отвлекая разговоръ отъ себя.

– Да этакъ, пожалуй, мы тамъ и не поймемъ, что такое значитъ, что мы братья.

– Нѣтъ, – визгливо и широко раскрывая ротъ, прокричалъ Николай Левинъ, – Нѣтъ, это мы поймемъ, и многое еще поймемъ. Мы поймемъ все настоящее, коренное, – заговорилъ онъ восторженно, блестя глазами изъ лица, которое теперь было совершенно другое, чѣмъ то, которое увидалъ Константинъ Левинъ, войдя въ комнату. Теперь это было вдохновенно-прелестное лицо, каждое движеніе этаго лица приковывало къ себѣ вниманіе. Вообще въ эту минуту, послѣ 5-ти рюмокъ водки, Николай Левинъ находился въ самомъ выгодномъ моментѣ своего пьянства. Мысли еще своимъ обиліемъ не затемняли слова, и языкъ дѣйствовалъ еще послушно.

⁷⁰⁸ Рядом на полях написано: про брата, авторское самолюбие

Нѣтъ, все das Echte⁷⁰⁹ мы и тамъ поймемъ, оно вездѣ одно. Мы поймемъ то, что насъ съ тобою связываетъ, то, зачѣмъ ты пріѣхалъ сюда ко мнѣ, да, вотъ этотъ твой взглядъ, old boy,⁷¹⁰ – сказалъ онъ, замѣтивъ, какъ слезы выступали на глаза брата, – вотъ это, – сказалъ онъ, указывая на Машу, – то, что насъ связываетъ, связало съ ней. Вотъ съ этой б....., да.

– Вы бы поменьше пили, Николай Дмитричъ, – сказала Маша, вызванная этимъ обращеніемъ.

– Да ты думаешь, она ничего непонимаетъ? Она все это понимаетъ лучше всѣхъ насъ. А что, вѣдь не похожа она на б....., и правда, что есть въ ней что то хорошее, милое, – сказалъ онъ.

– Вы, я думаю удивляетесь на него, – сказалъ Константинъ Левинъ, чтобы сказать что нибудь.

– Да не говори ей «вы». Она боится. Ей, кромѣ Мироваго Судьи, когда ее судили за воровство, котораго она не крала, кромѣ Мироваго Судьи, никто не говорилъ «вы». Да, братъ, то, что меня съ ней связываетъ, то, что мы съ ней при свѣтѣ нашей любви видимъ другъ въ другѣ, это останется. Останется то, что меня связываетъ вотъ съ этимъ, – онъ указалъ на книги. – Ты знаешь, я что дѣлаю. Я перевожу Библію. Вотъ книга.

И онъ сталъ объяснять свой взглядъ на нѣкоторыя любимыя его книги, особенно книгу Іова. Но скоро языкъ его сталъ мѣшаться, и онъ сталъ перескакивать съ одного предмета на другой, и Константинъ Левинъ уѣхалъ отъ него, попросивъ Машу извѣщать его о состояніи его здоровья и, главное, если нужны будутъ деньги. Онъ и теперь хотѣлъ передать ей тайно отъ него 100 рублей, но она не взяла, сказавъ, что утаить нельзя, а сказать – онъ разсердится.

*** № 29 (кор. №109).**

И въ воображеніи Левина мгновенно одно за другимъ возникли тѣ отмѣченныя въ его воспоминаніи «сомнительными» событія изъ жизни брата Николая.

Онъ избилъ до полусмерти мальчика, котораго онъ взялъ изъ деревни и воспитывалъ, готовя въ университетъ, такъ что мать мальчика подала жалобу на Николая Левина.

Это гадко, но надо знать страстность, неудержимость его характера и вмѣстѣ всегда единственный двигатель всѣхъ его дѣйствій – безкорыстное увлеченіе добромъ.

Онъ проигралъ деньги шулеру и, не платя денегъ, подалъ прошеніе на шуллера, доказывая, что тотъ его обманулъ, и, разумѣется, не доказалъ. Все это было гадко, глупо. Но надо было знать брата Николая, чтобы понимать, какъ въ его понятіи нельзя было отдать плуту деньги, которыя онъ желалъ употребить не для себя, а съ пользою для другихъ. Онъ попадался полиціи въ безобразныхъ кутежахъ и буйствахъ, которыя были отвратительны; но Константинъ Левинъ зналъ, что въ эти кутежи и буйства Николая увлекали окружавшіе его люди, а что Николай Левинъ былъ лишенъ способности понимать разницу между хорошими и дурными людьми. У него всѣ были хороши. И зналъ, что кутежи эти вытекали изъ потребности забыться. А забыться нужно было отъ того, что жизнь не удовлетворяла тѣмъ требованіямъ, которыя мучали его. А требованія были самыя высокія. Онъ неправильно обвинялъ Сергѣя Ивановича въ томъ, что тотъ не далъ ему продать общее имѣніе и взять свою половину для какой то химической фабрики, которую онъ хотѣлъ завести и которая должна была осчастливить и обогатить цѣлую губернію.

Константинъ Левинъ зналъ, что Николай былъ кругомъ виноватъ въ этомъ столкновеніи, несправедлив, озлобленъ, но Константинъ Левинъ зналъ тоже, что счеты между двумя старшими братьями велись давнишніе и что логически Николай Левинъ былъ кругомъ виноватъ и не правъ въ томъ, въ чемъ онъ обвинялъ Сергѣя Иваныча, но вообще онъ имѣлъ основаніе

⁷⁰⁹ [настоящее]

⁷¹⁰ [дружнше,]

для озлобленія и только потому былъ неправъ, что не могъ, не умѣлъ или не хотѣлъ указать, въ чемъ именно виноватъ Сергѣй Ивановичъ передъ нимъ, а винъ этихъ было много – маленькихъ, ничтожныхъ, но жестокихъ оскорбленій – насмѣшки, умышленнаго непониманія и презрѣнія. Константинъ Левинъ помнилъ, какъ въ то время, когда Николай былъ въ періодъ внѣшней набожности, постовъ, монаховъ, службъ церковныхъ, Сергѣй Ивановичъ только смѣялся надъ нимъ, какъ потомъ, когда Николай кончилъ курсъ и поѣхалъ въ Петербургъ служить, по адресному календарю выбравъ мѣсто – Отдѣленіе составленія законовъ, какъ самую разумную дѣятельность, какъ Сергѣй Ивановичъ, имѣвшій связи и вѣсь уже тогда,⁷¹¹ выставлялъ своего брата какъ чудака и младенца. Была и доля зависти Николая къ успѣху Сергѣя Ивановича, думалъ Константинъ Левинъ и понималъ, что, какъ честная натура, не признавая въ себѣ этой зависти, Николай придумывалъ причины озлобленія противъ Сергѣя Ивановича. Болѣе же всего – это очень хорошо понималъ Константинъ Левинъ – братъ Николай былъ озлобленъ и на Сергѣя Ивановича и на общество за то, что и Сергѣй Ивановичъ и весь міръ были логически правы, отвергая и презирая его; а вмѣстѣ съ тѣмъ, не смотря на свою нелогичность, онъ чувствовалъ, что онъ въ душѣ своей, въ самой основѣ своей души, и правѣе и лучше⁷¹² Сергѣя Ивановича и тѣхъ, кто составляютъ общественное мнѣніе. Ту высоту, съ которой погибавшій братъ Николай презиралъ общество и Сергѣя Ивановича, Константинъ Левинъ особенно живо понималъ и чувствовалъ теперь. Разсужденіе его началось съ униженія, съ признанія себя недостойнымъ и дурнымъ, и кончилось тѣмъ, что онъ хотѣлъ примкнуть къ той точкѣ зрѣнія брата Николая, съ которой можно презирать тѣхъ, передъ которыми онъ считалъ себя дурнымъ.

Узнавъ отъ Прокофья адресъ брата, Левинъ пріѣхалъ въ 11-мъ часу въ⁷¹³ гостинницу, гдѣ стоялъ его братъ. Левинъ замѣтилъ, что швейцаръ измѣнилъ тонъ почтительности, когда онъ спросилъ Левина.

- Наверху, 12-й и 13-й, – сказалъ швейцаръ.
- Дома?
- Должно, дома.

Дверь 12 нумера была полуотворена, и оттуда въ полосу свѣта выходилъ густой дымъ дурнаго и слабаго табака, и слышался незнакомый Левину голосъ; но Левинъ тотчасъ же узналъ, что братъ тутъ, онъ услышалъ его покашливанье, и при этомъ звукѣ передъ его воображеніемъ возникъ образъ брата, какимъ онъ его видѣлъ въ послѣдній разъ съ его большимъ, нескладнымъ ростомъ и большими, наивными и дикими глазами, которые могли смотрѣть такъ соблазнительно нѣжно и такъ страшно жестоко.

Онъ вошелъ въ дверь, незнакомый голосъ говорилъ:

– Наша артель только потому не могла дать желаемыхъ результатовъ, что капиталы старались задавить ее, какъ враждебное явленіе...

Константинъ Левинъ заглянулъ въ дверь и увидалъ взѣрошеннаго молодого человѣка въ поддевкѣ, который говорилъ, брата, сидѣвшаго спиной, и какую то женщину. У него больно сжалось сердце при мысли о томъ, въ средѣ какихъ чужихъ людей живетъ его братъ, и еще больнѣе стало, когда онъ изъ разговора человѣка въ поддевкѣ понялъ, что это былъ социалистъ. Онъ не давалъ себѣ яснаго отчета въ томъ, что⁷¹⁴ этотъ социалистъ былъ самымъ рѣзкимъ признакомъ гибели брата, что, какъ воронья надъ тѣломъ, такъ близость этаго рода людей показываетъ смерть, но онъ почувствовалъ это. Онъ стоя слушалъ.

– Ну, чортъ ихъ дери, – прокашливаясь проговорилъ голосъ брата. – Маша! Добудь тѣ намъ поѣсть и водки.

⁷¹¹ *Зачеркнуто:* не помогъ

⁷¹² *Зач.*: всего міра

⁷¹³ *Зач.*: одну изъ малоизвѣстныхъ московскихъ гостинницъ

⁷¹⁴ *Зачеркнуто:* ему особенно грустно стало отъ сознанія того, что

Молодая женщина, рябоватая и некрасивая, въ простомъ шерстяномъ платьѣ безъ воротничковъ и рукавчиковъ, открывавшихъ пухлую шею и локти, вышла за перегородку и увидала Левина.

– Какой-то баринъ, Николай Дмитричъ, – сказала она.

– Кого нужно? – сердито закричалъ Николай Левинъ.

– Это я, – сказалъ Константинъ Левинъ, выходя на свѣтъ, и хотѣлъ еще сказать что то, но остановился, увидавъ брата. Онъ не ожидалъ его такимъ.⁷¹⁵

– Кто я? – еще сердитѣе вскрикнулъ Николай Левинъ, не узнавая еще брата, и сдѣлалъ столь знакомое Константину Левину судорожное движение головой и шеей, какъ будто галстукъ жаль его.

Константинъ Левинъ зналъ, что это движеніе есть признакъ самага дурнаго расположенія духа, и со страхомъ ждалъ, какъ приметъ его братъ, когда узнаетъ.

– А, Костя! – вдругъ неожиданно радостно вскрикнулъ онъ, глаза его засвѣтились нѣжностью, и [онъ] двинулся къ нему, чтобы его обнять. Но потомъ опять оглянулся на молодаго человѣка, сдѣлалъ опять судорожное движеніе головой и остановился, и совсѣмъ другое, дикое и⁷¹⁶ страдальческое и жестокое выраженіе остановилось на его худомъ лицѣ.

– Я писалъ вамъ и Сергѣю Иванычу, что я васъ не знаю. Вы меня стыдитесь и ненавидите, и я васъ не хочу знать. Что тебѣ, что вамъ нужно?

Какъ онъ совсѣмъ не такой былъ, какимъ его воображалъ Константинъ Левинъ! Какъ многое изъ его характера, изъ того, что дѣлало столь труднымъ общеніе съ нимъ, какъ все это забылъ Константинъ Левинъ и какъ онъ все это мучительно вспомнилъ, когда увидалъ его лицо и въ особенности это судорожное поворачиванье головы. Но Левинъ не думая отвѣтилъ, что ему пришло въ голову.

– Мнѣ нужно тебя видѣть, потому что ты мой братъ, и я тебя не стыжусь и не ненавижу, а я тебя... – Онъ остановился, съ радостью увидавъ, что слова эти подѣйствовали на брата.

Николай дернулся губами.

– А, ты такъ, – сказалъ онъ смутившись. Ну, входи, садись. Хочешь ужинать? Маша, 3 порціи принеси. Постой, Маша. Ты знаешь, – сказалъ онъ, указывая на господина въ поддевкѣ съ лохматой шапкой волосъ. – Это г-нъ Крицкій, мой сосѣдъ по номеру и мой другъ. Очень замѣчательный человѣкъ. Его, разумѣется, преслѣдуетъ полиція, потому что онъ не подлець. А это мой братъ – не Кознышевъ, quasi-философъ, а Константинъ.

– Я пойду, – робко прошептала женщина отъ дверей.

– Нѣтъ, постой, я сказалъ, – крикнулъ онъ.

И съ тѣмъ практическимъ неумѣньемъ и съ той нескладностью разговора, которую такъ зналъ Константинъ, онъ, не отпуская Машу, сталъ рассказывать Константину Левину всю исторію Крицкаго; какъ его выгнали изъ университета за то, что⁷¹⁷ онъ завелъ общество вспомоществованія бѣднымъ студентамъ и воскресныя школы, и какъ потомъ онъ поступилъ въ народную школу учителемъ и его оттуда выгнали, и какъ онъ завелъ производительную артель и его за это то судили. Всѣ молчали. Онъ одинъ говорилъ. И Константинъ Левинъ видѣлъ, что онъ сердится за то, что и ему, и Крицкому, и Машѣ неловко.

– Да, я слышалъ, вы рассказывали сейчасъ про артель, – сказалъ онъ Крицкому.

⁷¹⁵ *Зач.*: – Что вамъ угодно?<– Мнѣ угодно видѣть тебя.> – Я нынче пріѣхалъ, – отвѣчалъ Левинъ, – узналъ, что ты тутъ, и хотѣлъ... – Да, отъ лакея Сергѣя Иваныча. Сергѣй Иванычъ прислалъ тебя.<– Полно, пожалуйста, – началъ Левинъ, но голосъ его дрогнулъ, и онъ остановился.> – Ну войдите, коли вамъ <угодно меня видѣть> дѣло есть, – сказалъ онъ, <опуская глаза, – только не понимаю зачѣмъ.> Это<тъ господинъ>, – сказалъ онъ, указывая на молодаго господина въ поддевкѣ съ <крашенными усами, <– помѣщикъ> – адвокатъ> лохматой шапкой волосъ, – Крицкій, мой сосѣдъ по номеру, котораго преслѣдуетъ полиція за то, что онъ честный человѣкъ. Можете при немъ все говорить. Онъ мой другъ

⁷¹⁶ *Зачеркнуто*: холодное

⁷¹⁷ *Зач.*: съ товарищами требовалъ свободы отношеній къ профессорамъ и

– Я ничего не рассказывалъ, – насупившись, сердито проговорилъ Крицкій.

– Ну, стой, – перебилъ Николай Левинъ, – а эта женщина, – сказалъ онъ брату, указывая на Машу, – моя подруга жизни. Я взялъ ее изъ дома. – Онъ покраснѣлъ, говоря это. – Но люблю ее и уважаю и всѣхъ, кто меня хочетъ знать, прошу любить и уважать ее. Она все равно что моя жена. Все равно. Такъ вотъ ты знаешь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. И если думаешь, что ты унизишься, то вотъ Богъ, а вотъ порогъ.

– Отчего же я унижусь, я не понимаю.

– Ну, хорошо.

Николай перевелъ глаза съ Крицкаго на брата и улыбнулся своей дѣтской, наивной улыбкой.

– Вы не дичитесь его, – сказалъ онъ Крицкому. – Онъ это можетъ понять, расскажите ему нашъ планъ.

– Да я нисколько не дичусь, а только не вижу надобности рассказывать то, что можетъ быть неинтересно.

– Ты видишь ли, – заговорилъ Николай, съ усиленіемъ морща лобъ и подергиваясь. Ему, видимо, трудно было сообразить все, что нужно и хотѣлось ему сказать брату. – Вотъ видишь ли, – онъ указалъ въ углѣ комнаты какіе то желѣзные брусья, завязанные бичевками въ бумагѣ, очевидно изъ лавки. – Видишь ли это? – Это матерьялъ для нашей артели. Комунисты – пошлое слово, а, какъ я ихъ понимаю, это апостолы. Они то самое, что были первые христіяне. Они проповѣдуютъ равенство.

– Да, но только съ той разницей – отвѣчалъ Константинъ Левинъ, которому не нравился вообще Крицкій⁷¹⁸ и въ особенности не нравился потому, что его сближеніе съ братомъ показывало ему очевиднѣе всего паденіе брата, – да, но съ той разницей, что первые христіяне признавали одно орудіе – любовь и убѣжденіе; а, сколько я понимаю,⁷¹⁹ проповѣдники комунисты признаютъ и требуютъ насиліе,⁷²⁰ – нѣсколько сердито заговорилъ братъ. – Свобода и равенство.

Константинъ Левинъ замолчалъ, видя, что возраженіе раздражаетъ брата. Притомъ вопросъ комунизма не интересовалъ его вообще и теперь еще менѣе, чѣмъ когда либо. Онъ вглядывался въ наружность брата и думалъ, какъ бы сойтись и помочь ему. Для него было несомнѣнно, что братъ не могъ интересоваться комунизмомъ, но что это была та высота, съ которой онъ, презираемый всѣми, старался презирать всѣхъ.

– Я съ своей стороны, – сказалъ Крицкій, – вовсе не утверждалъ, чтобы *мы* были подобны первымъ христіанамъ. Я, признаюсь вамъ, и не знаю, что они проповѣдывали, да и не хочу знать, – сказалъ онъ съ улыбкой, злой и враждебной, напоминавшей выраженіе собаки, показавшей зубы. – И мы предоставляемъ проповѣдывать любовь тѣмъ, которые довольны существующимъ порядкомъ вещей. А мы признаемъ его прямо уродливымъ и знаемъ, что насиліе побѣждается только насиліемъ.⁷²¹

Константинъ Левинъ смотрѣлъ на Крицкаго и перемѣнилъ объ немъ свое мнѣніе. Онъ понравился ему: было что то напряженно честное и искреннее и, главное, огорченное и въ его выраженіи и въ его тонѣ. Но онъ не сталъ возражать ему. Самый вопросъ не интересовалъ его. Его интересовало только отношеніе къ нему брата.

⁷¹⁸ *Зачеркнуто:* (онъ видѣлъ въ немъ неискренность и желаніе казаться)

⁷¹⁹ *Зач.*: (вѣдь я знаю это)

⁷²⁰ *Зач.*: – Да, это правда. Это я имъ говорю, – сказалъ Николай, обращаясь къ Крицкому.

⁷²¹ *Зачеркнуто:* – Положимъ, – сказалъ Константинъ Левинъ, съ раздраженіемъ обращаясь къ нему, – но позвольте узнать, какого же порядка вы хотите. – Это слишкомъ долго объяснять, и я не знаю, насколько нужно доказывать. Есть у васъ еще папиросы, Николай Дмитричъ? – Да я вамъ помогу. Вы думаете, что я, принадлежа къ привилегированнымъ сословіямъ, не знаю вашей точки зрѣнія и не признаю ее отчасти. Я вамъ скажу главные ваши положенія:

*** № 30 (рук. № 103).**

XVIII.

Утромъ Константинъ Левинъ выѣхалъ изъ Москвы и къ вечеру пріѣхалъ. Дорогой, въ вагонѣ, онъ разговаривалъ съ сосѣдями о политикѣ, о послѣднихъ книгахъ, о знакомыхъ, и тоска и недовольство собой все точно также мучали его, какъ и въ Москвѣ, но когда онъ вышелъ на своей станціи, увидалъ криваго кучера Игната съ поднятымъ воротникомъ кафтана, когда увидалъ въ неяромъ свѣтѣ, падающемъ изъ оконъ станціи, свои козровыя сани, своихъ лошадей съ подвязанными хвостами, въ сбруѣ съ кольцами и махрами, когда кучеръ Игнатъ, еще въ то время, какъ укладывались, разсказалъ ему важнѣйшія деревенскія новости о перевозѣ изъ сушилки гречи и о томъ, что отелилась Пава, онъ почувствовалъ, что понемногу переносится въ другой міръ, въ такой, въ которомъ совсѣмъ другая оцѣнка радостей и горестей. Это онъ почувствовалъ при одномъ видѣ Игната и лошадей, но когда онъ надѣлъ привезенный ему тулупъ и сѣлъ, закутавшись, въ сани, когда тронулся, поглядывая на пристяжную, знакомую ему, бывшую верховой, донскую, надорванную, но лихую лошадь, онъ вдругъ почувствовалъ успокоеніе и совершенно иначе сталъ понимать то, что съ нимъ случилось. Онъ не чувствовалъ болѣе униженія, стыда, недовольства собой. Онъ чувствовалъ себя собой и другимъ не хотѣлъ быть.

По славной дорогѣ прокативъ въ 40 минутъ 11-ть верстъ до деревни, онъ засталъ еще старушку мачиху, жившую съ нимъ въ деревнѣ, не спящей. Изъ оконъ ея комнаты падалъ свѣтъ на снѣгъ площадки передъ домомъ. Кузьма, услыжавъ колокольчикъ, выбѣжалъ на крыльцо. Левинъ вошелъ. Лягавая сука Ласка визжала, терлась, поднималась и хотѣла и не смѣла положить переднія лапы ему на грудь.

Мачиха вышла на площадку лѣстницы и, удивленная неожиданнымъ скорымъ возвращеніемъ пасынка, спросила, что случилось:

— Отъ чего ты такъ скоро?

— Ничего, тамап, соскучился. Въ гостяхъ хорошо, а дома лучше, — отвѣчалъ онъ ей. — Сейчасъ приду, все вамъ разскажу, только переодѣнусь.

Мачиха вернулась къ себѣ и съ своей сожительницей Натальей Петровной, ожидая Костю, по своему принялась обсуждать причину его скорого возвращенія.

Не смотря на то, что Левинъ не говорилъ своей мачихѣ о своихъ намѣреніяхъ, она съ Натальей Петровной почти всякій разъ предполагала, что онъ ѣдетъ въ Москву жениться, и со страхомъ ожидала новой хозяйки.

— Можетъ быть, все покончилъ и образовался, да и пріѣхалъ все собирать.

— Вы вѣчно все глупости выдумываете, — отвѣчала мачиха. — Просто кончилъ дѣло.

Между тѣмъ Левинъ прошелъ въ кабинетъ. Кабинетъ медленно освѣтился принесенной свѣчой, выступили знакомыя подробности: олени рога, полки съ книгами, зеркало печи съ отдушниками, которую давно надо починить, диванъ, большой столъ, на столѣ начатая открытая книга, сломанная пепельница, тетрадь съ его почеркомъ. Онъ прочелъ: «Тепло есть сила, но сила есть тепло. Чтоже мы выиграли?» Прочелъ онъ свои замѣтки о книгѣ, которую онъ читалъ. Потомъ онъ подошелъ къ углу, гдѣ у него стояли двѣ пудовыя гири и гимнастически поднятъ ихъ, разминаясь. За дверью заскрипѣли женскіе шаги. Онъ поспѣшно поставилъ гири. Вошла дѣвушка отъ мачихи, предлагая чаю. Онъ покраснѣлъ, увидавъ ее.

«Я думалъ, что это кончено», сказалъ онъ себѣ.

— Сейчасъ приду на верхъ, — отвѣчалъ онъ.

И быстро переодѣлся и побѣжалъ на верхъ, но по дорогѣ встрѣтилъ его прикащикъ.

Прикащикъ принесъ письма, бумаги и разсказалъ, что гречу не привезли изъ сушилки, не смотря на то, что это было приказано сдѣлать въ день отъѣзда. Левину стало досадно, и

онъ сдѣлать выговоръ прикащику. Но было одно важное и радостное событіе: это было то, что отелилась Пава, лучшая, дорогая корова (Игнатъ не умѣлъ сказать, бычка или телку отелила Пава). Она отелила телку.

– Кузьма, дай тулупъ. А вы велите-ка взять фонарь, я пойду взгляну, – сказалъ онъ прикащику.

Скотная конюшня для дорогихъ коровъ была сейчасъ за домомъ. Пройдя черезъ дворъ мимо сугроба у сирени, онъ подошелъ къ конюшнѣ. Пахнуло навознымъ теплымъ паромъ, когда отворилась примерзшая дверь, и коровы, удивленные непривычнымъ свѣтомъ фонаря, зашевелились по свѣжей соломѣ. Мелькнула гладкая, чернопѣгая, широкая спина Голландки; Беркутъ, быкъ, лежалъ съ своимъ кольцомъ въ губѣ и хотѣлъ было встать, но раздумалъ и только пыхнулъ раза два, когда проходили мимо. Красная красавица, громадная, какъ гипопотамъ, Пава, задомъ повернувшись, заслоняла отъ входившихъ теленка и стала обнюхивать его. Левинъ вошелъ въ денникъ по свѣжей соломѣ, оглядѣлъ Паву и поднялъ краснопѣгаго теленка на его шатающіяся длинныя ноги. Взволнованная Пава замычала было, но успокоилась, когда Левинъ подвинулъ къ ней телку, тотчасъ же начавшую снизу вверхъ поталкивать подъ пахъ мать, и стала лизать ее шаршавымъ языкомъ.

– Да сюда посвѣти, Федоръ, сюда фонарь, – говорилъ Левинъ, оглядывая телку. – Въ мать, даромъ что мастью въ отца. Очень хорошо! Вотъ это будетъ корова! Василій Федоровичъ, вѣдь хороша? – обращался онъ къ прикащику, совершенно примирясь съ нимъ за гречу подъ вліяніемъ радости за телку.

– Въ кого же дурной быть?

– Ну, хорошо, теперь ступайте, и я домой пойду.

Онъ⁷²² вернулся домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа.⁷²³ Онъ подѣлъ къ мачихѣ, рассказалъ ей про брата Сергѣя, про Николая не говорилъ, зная, что она не любитъ его; потомъ посмѣшили ее, зная, что она это любила, сдѣлать съ ней 12-ть спящихъ дѣвъ, любимый ея пасьянсъ, принимая въ немъ живѣйшее участіе, и усѣлся на большомъ креслѣ въ ея комнатѣ съ книгой и стаканомъ чая на маленькомъ столикѣ, то читая, то вступая въ разговоръ, который вела мачиха съ Натальей Петровной.

Кромѣ дѣла по своему и братниному хозяйству, у Левина всегда бывало свое умственное дѣло. Онъ кончилъ курсъ по Математическому факультету, и одно время страстно занимавшая его математика давно уже ему опротивѣла, но естественныя, историческія и философскія науки попеременно интересовали его. Безъ всякой связи и послѣдовательности онъ бросался съ страстью, съ которой онъ все дѣлалъ, то въ изученіе одной, то другой стороны знанія. Учился, читалъ, доходилъ то того, что все это вздоръ, и бросалъ и брался за другое. Теперь онъ былъ въ періодъ физическихъ занятій. Его занимали вопросы электричества и магнетизма. Онъ читалъ Тиндаля и, взявъ книгу, вспомнилъ весь свой ходъ мыслей, свои сужденія Тиндаля за его самодовольство, ловкость и усовершенствованія произведенія опытовъ и отсутствіе философской подкладки. «И потомъ онъ все вреть о кометахъ, но красиво. Да, – вдругъ всплывала радостная мысль, – черезъ два года, можетъ быть, вотъ что у меня въ стадѣ: двѣ голландки, сама Пава еще можетъ быть жива, 12-ть молодыхъ Беркутовыхъ дочерей. Да подсыпать на казовый конецъ этихъ трехъ – чудо!»

Онъ опять взялся за книгу.

«Ну, хорошо, электричество и тепло – одно и то же, но возможно ли въ уравненіи для рѣшенія вопроса подставить одну величину вмѣсто другой? Нѣтъ. Ну, такъ что же! Связь между всѣми силами природы чувствуется инстинктомъ.⁷²⁴ А все-таки пріятно. Да, особенно пріятно,

⁷²² *Зачеркнуто:* быть въ томъ веселомъ дѣтскомъ

⁷²³ *Зач.*: за которое его такъ любили и всѣ знавшіе его

⁷²⁴ *Зачеркнуто:* Я всему знаю опредѣленное мѣсто.

какъ Павина дочь будетъ уже краснопѣгой коровой, и все стадо, въ которое подсыпать этихъ трехъ. Отлично! Да, что то тяжело было въ Москвѣ. Ну, что же дѣлать. Я не виновать».

Старая Ласка, еще несовсѣмъ переварившая радость его приѣзда и бѣгавшая, чтобы полаять на дворѣ, вернулась, махая хвостомъ, и, внося съ собой запахъ воздуха, подошла къ нему, подсунула голову подъ его руку, жалобно подвизгивая, требуя, чтобы онъ поласкалъ ее. И когда онъ поласкалъ, она тутъ же, у ногъ его, свернулась кольцомъ, положивъ голову на заднія пазанки. И въ знакъ того, что теперь все хорошо и благополучно, слегка раскрыла ротъ, почмокала губами и, лучше уложивъ около старыхъ зубъ липкія губы, затихла въ блаженномъ спокойствіи.

Левинъ внимательно слѣдилъ за этимъ послѣднимъ ея движеніемъ.

«Такъ то и я!» сказалъ онъ себѣ, думая о томъ, что было въ Москвѣ, и дѣйствительно онъ чувствовалъ успокоеніе. Онъ въ первый разъ теперь былъ въ состояніи ясно понять и прочувствовать то, что съ нимъ было, все, что онъ потерялъ, и ему было грустно, очень грустно, но грусть эта была спокойная.

Левинъ едва помнилъ свою мать, память о ней была для него самымъ священнымъ воспоминаніемъ, и будущая жена его должна была быть въ его воображеніи повтореніемъ того прелестнаго священнаго идеала женщины, которымъ была для него мать.

Для Левина любовь была совсѣмъ не то, что она была для Степана Аркадыча и для большинства его знакомыхъ. Первое отличіе его любви уже было то, что она не могла быть запрещенная, скрывающаяся и дурная. У него было то запрещенное и скрываемое, что другіе называли любовью. Но для него это было не любовь, но стыдъ, позоръ, вѣчное раскаяніе. Его любовь, какъ онъ понималъ ее, не могла быть запрещенною, но была высшее счастье на землѣ, поэтому она должна стоять выше всего другаго. Все другое, мѣшающее любви, могло быть дурное, но не любовь. И любовь къ женщинѣ онъ не могъ представить себѣ безъ брака. Его понятія о женитбѣ поэтому не были похожи на понятія Степана Аркадыча и другихъ, для которыхъ женитба была одно изъ многихъ общежительныхъ дѣлъ; для Левина это было одно высшее дѣло, отъ котораго зависѣло все счастье жизни.

Въ юности его мечты о женитбѣ были общія, неопредѣленные, но съ того времени, какъ онъ, вернувшись изъ-за границы, узналъ Кити взрослой дѣвушкой, мечты эти слились съ любовью къ одной женщинѣ, которая одна отвѣчала его требованіямъ и сама собой становилась на то мѣсто идеала женщины, которое занимала мать. Чувство это, несмотря на сомнѣнія въ себѣ, страхъ отказа, росло и росло и достигло своей высшей ступени въ то время, какъ онъ поѣхалъ въ Москву. У чувства этаго была уже длинная исторія. Тысячи сценъ съ нею, самыхъ чистыхъ и невинныхъ (его любовь такъ была далека отъ чувственности, что онъ часто боялся, что у него не будетъ дѣтей), тысячи сценъ, гдѣ она то утѣшала и ласкала его (воображеніе его постоянно путало будущую жену съ бывшей матерью), то была веселой подругой и товарищемъ, то была матерью его дѣтей (онъ представлялъ себѣ уже взрослыхъ, не менѣе 5-ти лѣтъ, дѣтей и много мальчиковъ и дѣвочекъ), то была, и это чаще всего, благодѣтельницей крестьянъ и образецъ добродушія и кротости для всѣхъ окружающихъ. Тысячи такихъ сценъ были прожиты съ нею и прожиты имъ съ нею по нѣскольку разъ этой жизнью воображенія. Нѣкоторыя слова даже по нѣскольку разъ уже были сказаны (все въ этой воображаемой жизни имъ и ею). Много сновъ съ нею повторялись уже. И теперь со всѣмъ этимъ должно было разстаться.

⁷²⁵И несмотря на то, ⁷²⁶услыхавъ чмокание уложившей губы собаки, сидя на своемъ креслѣ съ книгой и слушая лепетъ мачихи съ Натальей Петровной, онъ сказалъ себѣ: «такъ то и я», и почувствовалъ успокоеніе.

⁷²⁵ *Зачеркнуто:* И разстаться нельзя было, и сверхъ того надо было нести предъ собою весь позоръ полученнаго отказа.

⁷²⁶ *Зач.*: вступивъ въ свои законныя формы и привычки жизни, онъ чувствовалъ дѣйствительное успокоеніе.

* № 31 (рук. № 16).

На другой день бала Анна Аркадьевна рано утром послала мужу телеграмму, извѣщающую о своемъ выѣздѣ въ тотъ же день, несмотря на то что она⁷²⁷ намѣревалась пріѣхать только на другой день.

– Я соскучилась о Сережѣ, – объясняла она⁷²⁸ невѣсткѣ перемѣну своего намѣренія, – нѣтъ, ужъ лучше нынче.

Мишенька, какъ всегда, не обѣдалъ дома и обѣщалъ только пріѣхать проводить сестру въ 7 часовъ. Кити тоже не пріѣхала, приславъ записку, что у нее голова болитъ, и Долли съ Анной обѣдали одни съ дѣтьми и Англичанкой. И Анна, какъ будто нарочно, для того чтобы больше жалѣли о ней, когда она уѣдетъ, была, особенно мила и задушевна съ Долли и дѣтьми. Дѣти опять не отходили отъ нее, и надо было обмануть ихъ, чтобы они пустили ее уѣхать. Тѣ послѣдніе полчаса, которые Долли провела съ Анной въ ея комнатѣ, когда Анна уже пошла одѣваться и Долли пошла за ней, Долли никогда потомъ не могла забыть. Анна была весь этотъ день, особенно эти послѣдніе полчаса, въ томъ размягченномъ припадкѣ чувствительности, которые иногда находили на нее. Любовь, нѣжность ко всѣмъ и ко всему, казалось, переполняли ея сердце, и сердце это было такъ открыто въ эти минуты, что она высказывала всѣ свои тайныя мысли, и всѣ эти мысли были⁷²⁹ прекрасны. Глаза ея блестѣли лихорадочнымъ блескомъ и безпрестанно подергивались слезами умиленія.

– Что бы было со мной, съ нимъ, съ дѣтьми безъ тебя, – сказала ей Долли.

Анна посмотрѣла на нее, и глаза ее подернулись слезами.

– Не говори этаго, Долли. Не я, а ты. У тебя въ сердцѣ нашлось столько любви, чтобы ты простила...

– Да, простила, но...

Она не договорила.

– Долли! У каждого есть свои skeletons⁷³⁰ въ душѣ, какъ Англичане говорятъ.

– Только у тебя нѣтъ.

– Есть, – вдругъ сказала Анна, и какая [-то] смѣшная, хитрая улыбка сморщила ея губы.

– Ну, такъ они смѣшные skeletons, а не мрачныя, – улыбаясь сказала Долли.

– Нѣтъ, мрачныя. Ты знаешь, отчего я ѣду нынче, а не завтра? Это признанье, которое меня давило, и я хочу его тебѣ сдѣлать.

И, къ удивленію своему, Долли увидала, что Анна покраснѣла до ушей, до выющихся черныхъ колецъ волосъ на шеѣ.

– Да, – продолжала Анна. – Ты знаешь, отчего Кити не пріѣхала обѣдать. Она ревнуетъ ко мнѣ. Я испортила, т. е. я была причиной того, что балъ этотъ былъ для нея мученьемъ, а не радостью. Но, право, право, я не виновата или виновата немножко, – сказала она, тонкимъ голосомъ протянувъ слово «немножко».

– О, какъ ты похожа на Мишеньку, – смѣясь сказала Долли.

Анна какъ будто оскорбилась и нахмурилась.

– О нѣтъ, о нѣтъ! Я не Мишенька. Я оттого говорю тебѣ, что я ни на минуту даже не позволяю себѣ сомнѣваться въ себѣ.

– Да, Мишенька мнѣ говорилъ, что ты съ Вронскимъ танцевала мазурку и что онъ...

⁷²⁷ *Зач.*: обѣщала.

⁷²⁸ *Зачеркнуто*: золовкѣ

⁷²⁹ *Зач.*: чисты и ясны и исполнены

⁷³⁰ [скелеты, *иносказательно* – серьезные неприятности]

– Ты не можешь себя представить, какъ это смѣшно вышло. Я только думала сватать, и вдругъ я почувствовала себя польщенной...

– О, они это сейчасъ чувствуютъ, – сказала Долли.

– Но я бы была въ отчаяніи, если бы онъ точно сталъ ухаживать за мной. Это глупо и ни къ чему не ведетъ.

– Впрочемъ, Анна, по правдѣ тебѣ сказать, я не очень желаю для Кити этого брака. Мое сердце на сторонѣ Левина. И лучше, чтобы это разошлось, если онъ, этотъ Вронскій, могъ влюбиться въ тебя въ одинъ день.

– Ахъ, Боже мой, это было бы такъ глупо, – сказала Анна, и опять густая краска выступила на ея лицо. – Такъ вотъ я и уѣзжаю, сдѣлавъ себя врага въ Кити, которую я такъ полюбила. Ахъ, какая она милая! Но ты поправишь это, Долли. Да?

– Какія мысли! Это не можетъ быть.

– Да, но я такъ бы желала, чтобы вы меня всѣ любили, какъ я васъ люблю и еще больше полюбила, – сказала Анна съ слезами на глазахъ. – Ахъ, какъ я нынче глупа!

Она провела платкомъ по лицу и стала одѣваться.

Уже передъ самымъ отѣздомъ пріѣхалъ, опоздавши, Степанъ Аркадьичъ съ краснымъ, веселымъ лицомъ и запахомъ вина и сигары.

Чувствуя, что чувствительность Анны сообщилась и ей, Долли съ слезами на глазахъ въ послѣдній разъ обняла золовку и прошептала:

– Помни, Анна, что то, что ты сдѣлала, я никогда не забуду и что я люблю и всегда буду любить тебя какъ лучшаго друга.

– Я не понимаю, за что, – проговорила Анна.

– Ты меня поняла и понимаешь. Ты прелесть.

И такъ онѣ разстались.

–

«Ну, все кончено, и слава Богу, – была первая мысль, пришедшая Аннѣ Аркадьевнѣ, когда она, простившись послѣдній разъ съ братомъ, стоявшимъ въ вагонѣ до 3-го звонка, сѣла на свой диванчикъ рядомъ съ Аннушкой. Она оглядѣлась въ полусвѣтѣ спальнаго вагона. – Слава Богу, завтра увижу Сережу и Алексѣя Александровича, и пойдетъ моя жизнь, уже тѣмъ хорошая, что привычная, по старому. Утро визиты, иногда покупки, всякій день посѣщеніе моего пріюта, обѣдъ съ Алексѣемъ Александровичемъ и къмъ нибудь и разговоры о важныхъ придворныхъ и служебныхъ новостяхъ. Avant soirée⁷³¹ съ Сережей, потомъ укладывать его спать и вечеръ или балъ, а завтра тоже».

Какая то больная дама укладывалась ужъ спать. Двѣ другія дамы говорили, очевидно, не столько для себя, сколько для нея, на дурномъ французскомъ языкѣ, и толстая старуха укутывала ноги и выражала замѣчанія о топкѣ. Аннѣ не хотѣлось ни съ кѣмъ говорить, она попросила Аннушку достать фонарикъ, прицѣпила его къ ручкѣ кресла и достала англійскій романъ. Но не читалось, сначала мѣшала возня и ходьба; потомъ, когда тронулись, нельзя было не прислушаться къ звукамъ; потомъ снѣгъ, бившій въ лѣвое окно и налипавшій на окно, и видъ закутаннаго прошедшаго кондуктора, занесеннаго снѣгомъ съ одной стороны, и разговоры о томъ, что страшная метель на дворѣ, развлекали ея вниманіе. Но потомъ все было тоже и тоже: та же тряска съ постукиваніемъ, тотъ же снѣгъ въ окно, тѣ же быстрые переходы отъ пароваго жара къ холоду и опять къ жару, то же мерцаніе тѣхъ же лицъ въ полумракѣ и тѣ же голоса. Аннушка ужъ дремала, держа свои узлы широкими руками въ прорванной одной перчаткѣ. Анна Аркадьевна не могла и думать о снѣ, она чувствовала себя столь возбужденною. Она попробовала опять читать, долго не понимала того, что читаетъ, но потомъ вчиталась было, какъ вдругъ она почувствовала, что ей стыдно чего то, что точно она сдѣлала дурной, низкій поступокъ,

⁷³¹ [Перед вечером]

и ей стыдно за него. «Чего же мнѣ стыдно?» спросила она себя. Стыднаго ничего не было. Она перебрала всѣ свои московскія воспоминанія. Всѣ были хорошія, пріятныя. Вспомнила балъ. Вспомнила Вронскаго и его влюбленное, покорное лицо, вспомнила всѣ свои отношенія съ нимъ – ничего не было стыднаго. А вмѣстѣ съ тѣмъ на этомъ самомъ мѣстѣ воспоминаній чувство стыда усиливалось, какъ будто какой-то внутренній голосъ именно тутъ, когда она вспоминала о Вронскомъ, говорилъ ей: тепло, очень тепло, горячо, чѣмъ ближе она подходила къ Вронскому. Опять она повторила себѣ: «Ну, слава Богу, все кончено», и опять взялась за книгу. Она взялась опять за книгу, но рѣшительно уже не могла читать. Какое то странное возбужденіе все болѣе и болѣе усиливалось въ ней. Она чувствовала, что нервы ея натянуты, какъ струны, готовые порваться, особенно въ головѣ, что глаза ея раскрываются больше и больше, что пальцы на рукахъ и ногахъ нервно движутся, что въ груди что то давить дыханье и что всѣ звуки въ этомъ колеблющемся полумракѣ съ болѣзненной яркостью воспринимаются ею. Что она не знаетъ хорошенько, ѣдетъ ли она или стоитъ. Аннушка ли подлѣ нея или чужая, что тамъ на ручкѣ – салопъ ли это или звѣрь, и что она сама не знаетъ, гдѣ она и кто она. И что ей странно отдаваться этому волшебному забытію, и что то тянетъ къ нему. Она поднялась, чтобы опомниться, и сняла теплый капотъ. На минуту она опомнилась и поняла, что вошедшій худой мужикъ былъ истопникъ и что это вѣтеръ и снѣгъ ворвались за нимъ въ дверь; но потомъ опять все смѣшалось, что то странно заскрипѣло и застучало, какъ будто раздирали кого то, потомъ красный свѣтъ ослѣпилъ глаза, и потомъ все закрылось стѣной, и ей казалось, что она провалилась, и вдругъ голосъ окутаннаго человѣка и занесеннаго снѣгомъ прокричалъ что то. Она опять поднялась и опомнилась. Она поняла, что подѣхали къ станціи. Она попросила Аннушку подать опять снятый капотъ, надѣла его и направилась къ двери.

– Выходить изволите, – сказала Аннушка.

– Нѣтъ, я только подышать, мнѣ что то нехорошо.

И она отворила дверь. Метель и вѣтеръ рванулись ей на встрѣчу. Она вернулась назадъ, ужаснувшись. Но потомъ опять отворила дверь и рѣшительно вышла на крылечко, держась за перилы. Ей хотѣлось понять, что дѣлалось на дворѣ, для того чтобы разогнать это⁷³² забытіе, которое томило ее.

Вѣтеръ былъ силенъ на крылечкѣ, но на платформѣ за вагонами должно было быть затишье. Она сошла и стала,⁷³³ дыша снѣжнымъ морознымъ воздухомъ и оглядываясь въ полусвѣтѣ.

Страшная буря рвалась и свистѣла⁷³⁴ между колесами вагоновъ по столбамъ на углѣ станціи. Все: и вагоны, и столбы, и люди – все было съ одной стороны занесено снѣгомъ. Но какіе то люди бѣгали, скрывая на доскахъ платформы по снѣгу. Какая то согнутая тѣнь человѣка проскользнула подъ ея ногами, и слышались знакомые звуки молотка по желѣзу.

– Дешу дай! – слышался голосъ.

– Сюда пожалуйста, № 108, – кричалъ кто-то, и занесенный снѣгомъ пробѣжалъ обвязанный человѣкъ.

Хотя голова ея стала и свѣжѣе нѣсколько, чувство⁷³⁵ жуткости и тоски⁷³⁶ не покидало ее. Она вздохнула полной грудью и уже вынула руку изъ муфты, чтобы взяться за перила и входить, какъ вдругъ какая то⁷³⁷ тѣнь подлѣ самой ее заслонила ей слабый свѣтъ, падающій отъ фонаря. Она оглянулась и въ ту же минуту узнала Вронскаго. Онъ, приложивъ руку къ козырьку, наклонился передъ нею и спросилъ, не нужно ли ей чего нибудь. Не можетъ ли онъ служить. Появ-

⁷³² Зачеркнуто: чувство

⁷³³ Зач.: положивъ обѣ руки въ муфту,

⁷³⁴ Зач.: заноса снѣгомъ рельсы и вагоны. Освѣщенный фонаремъ вагонъ на другомъ пути былъ до половины бѣлый.

⁷³⁵ Зач.: страха

⁷³⁶ Зач.: усиливалось

⁷³⁷ Зач.: высокая фигура человѣка

леніе его тутъ было слишкомъ неожиданно и вмѣстѣ съ тѣмъ было такъ ожиданно, что она довольно долго ничего не отвѣчала и, держась рукой за холодный столбикъ, молча смотрѣла на него, и, несмотря на тѣнь, въ которой онъ былъ, она видѣла, или ей казалось, что она видѣла, его лицо и глаза, выраженіе ихъ до малѣйшихъ подробностей. Это было опять то выраженіе испуганнаго восхищенія, которое такъ подѣйствовало на нее вчера.

— Какъ вы? Зачѣмъ вы? — сказала она и въ ту же минуту вспомнила, что ей надо было только сказать: «нѣтъ, ничего, благодарю васъ». Она пустила руку и остановилась, обдумывая, чтобы сказать ему простое. Но онъ уже отвѣчалъ на ее вопросъ:

— Я ѣду для того, чтобы быть тамъ, гдѣ вы, — сказалъ его нѣжный голосъ, и она ясно видѣла теперь, хотя и въ темнотѣ, выраженіе его всей фигуры, склоненной головы, какъ бы ожидавшей удара, и лица, робкаго и раскаивающагося за то, что онъ смѣлъ говорить.

И въ это же время буря, какъ бы одолѣвъ препятствіе, засыпала снѣгъ съ крышъ вагоновъ, затрепала какимъ то желѣзнымъ оторваннымъ листомъ, и гдѣ то впереди плачевно и мрачно заревѣлъ густой свистокъ вагона.

— Не говорите этаго, — сказала она, — это дурно для васъ, для меня.

— О, если бы это что нибудь было для васъ.

— Но что же это! — почти вскрикнула она, тяжело переводя дыханіе, и,⁷³⁸ взявшись за столбикъ, хотѣла уйти, но, какъ бы обдумавъ, опять остановилась.

— Какое право вы имѣете говорить мнѣ это?

— Мое право, — сказалъ онъ вдругъ,⁷³⁹ какъ будто слова эти, давно готовая, сами вырвались изъ его устъ, — то, что моя жизнь не моя, а ваша и навсегда.

Она, тяжело дыша, стояла подлѣ него.

— Но простите меня. Я не буду больше говорить этаго. Мнѣ нужно было сказать это вамъ, чтобы объяснить...

— Я ничего не хочу слышать.

И она быстро вошла в вагонъ. Но въ маленькихъ сѣняхъ она остановилась и закрыла лицо руками. Когда она вошла въ вагонъ и сѣла на свое мѣсто, то волшебное напряженное состояніе, которое ее мучало и сначала, продолжалось еще съ большею силою. Она не спала всю ночь. И всю ночь въ странномъ безпорядкѣ и въ самыхъ странныхъ сочетаніяхъ она видѣла и слышала дѣйствительные и воображаемые предметы и звуки. Блѣдное морщинистое лицо старушки в чепцѣ подъ колеблющимся свѣтомъ фонаря, Вронскій, просящій прощенія и предлагающій царство и отбирающій билеты, занесенный снѣгомъ съ одной стороны Аннушка, храпящая звуками молотка о желѣзо, и буря, уносящая все, и толчки красныхъ огней, скрипящихъ подъ давленіемъ колесъ, и красные огни глазъ Вронскаго, рѣжущіе глаза до тѣхъ поръ, пока ихъ не заноситъ снѣгомъ, и стыдъ, стыдъ не совершеннаго постыднаго дѣла.

Къ утру она задремала, сидя въ креслѣ, и когда проснулась, то уже было бѣло, свѣтло, и поѣздъ подходилъ къ Петербургу. И тотчасъ же мысли о домѣ, мужѣ, о сынѣ толпою пришли ей, и она съ удивленіемъ вспомнила вчерашній ужасъ и стыдъ. Да, было одно — это признаніе Вронскаго. Да, это было не во снѣ, но это была глупость, которой она легко положить конецъ. «Такъ чего же мнѣ стыдно?» опять спросила она себя и не находила отвѣта.

Въ Петербургѣ, только что остановился поѣздъ, она вышла. Первое лицо,⁷⁴⁰ обратившее ея вниманіе, было лицо мужа. Онъ стоялъ, невольно обращая на себя вниманіе почтительно-служащихъ и полиціи, не подпуская къ нему народъ.⁷⁴¹

⁷³⁸ Зачеркнуто: топая ногой

⁷³⁹ Зач.: выпрямляясь

⁷⁴⁰ Зачеркнуто: встрѣтившееся ей,

⁷⁴¹ Зач.: <Высокая, полная фигура его съ шляпой, прямо надвинутой на широкій умный лобъ, и круглое <румяное> бритое лицо съ остановившейся на немъ невеселой, но спокойной улыбкой и такъ обращало на него вниманіе, но не наружностью>. Небольшая, слабая фигура его въ круглой шляпѣ съ большими полями и бритое все лицо въ очкахъ и съ доброй, безвырази-

– Какъ ты милъ, что самъ пріѣхалъ, – сказала она.

– Это меньшее, что я могъ сдѣлать за то, что ты дала мнѣ лишній день, – отвѣчалъ онъ, цѣлуя ея руку съ спокойной сладкой улыбкой.

– Сережа здоровъ?

– ⁷⁴²Онъ, здоровъ, – сказалъ онъ и, взявъ ее подъ руку, повелъ къ каретѣ, также улыбаясь и переноса свои глаза выше толпы, чтобы никого не видѣть.

Въ дверяхъ Вронскій поклонился Аннѣ Аркадьевнѣ и спросилъ, какъ она провела ночь.

– Благодарю васъ, очень хорошо.

Она взглянула на мужа, чтобы узнать, знаетъ ли онъ Вронскаго. Алексѣй Александровичъ смотрѣлъ на Вронскаго, вспоминая, кто это.

Вронскій ⁷⁴³ между тѣмъ смотрѣлъ на Каренина, ⁷⁴⁴ какъ будто въ первый разъ увидѣлъ его: ⁷⁴⁵ изучалъ всѣ малѣйшія подробности его лица, сложенія, одежды даже.

«Да, онъ уменъ, – думалъ онъ, ⁷⁴⁶ глядя на его высокій лобъ съ горбинами надъ бровями, – и твердый, сильный человѣкъ, это видно по выдающемуся подбородку, съ характеромъ, несмотря на физическую слабость. Глаза его маленькіе не видятъ изъ подъ очковъ, когда не хотятъ, но онъ долженъ быть и тонкій наблюдательный человѣкъ, когда онъ хочетъ, онъ добрый даже, но онъ ⁷⁴⁷ не привлекательный человѣкъ, и она не можетъ любить и не любить его, я видѣлъ это по ея взгляду».

– Графъ Вронскій.

– А, очень радъ, – равнодушно сказалъ Алексѣй Александровичъ, подавая руку. – Туда ѣхала съ матерью, а *назадъ* съ сыномъ, – сказалъ онъ, ударяя, какъ имѣлъ привычку, безъ причины на одно слово и, какъ бы отпустивъ Вронскаго, пошелъ дальше, глядя выше людей, но Вронскій шелъ подлѣ и спрашивалъ у Анны, позволено ли ему будетъ пріѣхать къ ней.

– Очень рады будемъ, – сказалъ Алексѣй Александровичъ, все также улыбаясь, – по понедѣльникамъ, – и теперь уже, отпустивъ совсѣмъ Вронскаго, обратился къ женѣ.

– Мари вчера была у ⁷⁴⁸ Великой Княгини.

– А, – сказала Анна.

Она думала въ это время о томъ, что замѣтила особенный, какъ бы чахоточный румянецъ на щекахъ Вронскаго и складку между бровей. И ей жалко стало его. Но въ ту же минуту она подумала: «но что мнѣ», замѣтила и стала спрашивать о томъ, что ея *belle soeur* ⁷⁴⁹ дѣлала у Курковыхъ.

– Что, этотъ Вронскій тотъ, что за границей былъ? – спросилъ ее мужъ.

– Да, братъ нашего.

– Онъ, кажется, одинъ изъ такихъ, что слышали *звонъ*, – сказалъ съ своей той же улыбкой и ударяя любовно на словъ *звонъ*, – но не знаютъ, гдѣ онъ. Но еще разъ мерсі, мой другъ, что подарила мнѣ день, тебѣ карету подастъ Кондратій, а я ѣду въ Министерство.

И онъ, пожавъ ей руку, отошелъ отъ нея.

тельной улыбкой не имѣло ничего привлекательнаго.

⁷⁴² *Зач.*: Какъ новый мостъ,

⁷⁴³ *Зач.*: встрѣчалъ и прежде

⁷⁴⁴ *Зач.*: и зналъ его, но теперь онъ

⁷⁴⁵ *Зач.*: съ такимъ вниманіемъ и интересомъ онъ смотрѣлъ на него и

⁷⁴⁶ *Зач.*: вспоминая

⁷⁴⁷ *Зачеркнуто*: холодный

⁷⁴⁸ *Зач.*: Курковыхъ

⁷⁴⁹ [золовка]

* № 32 (рук. № 21).

«Онъ уѣзжалъ изъ Москвы неожиданно, не объяснивъ матери, для чего онъ уѣзжаетъ. Нѣжная мать огорчилась, когда узнала отъ сына, что онъ никогда и не думалъ жениться, и разсердилась на него (что съ ней рѣдко бывало) за то, что онъ не хотѣлъ объяснить ей, почему онъ уѣзжаетъ въ Петербургъ, не дождавшись⁷⁵⁰ ремонта, который онъ собиралъ въ Москвѣ, и именно тогда, когда она поторопилась вернуться изъ Петербурга, чтобы быть съ нимъ.

— Простите меня, папан, но я, право, не могу оставаться уже по одному тому, — сказалъ онъ съ улыбкой, —⁷⁵¹ что отъ меня ожидается то, чего я не могу сдѣлать, и мнѣ лучше уѣхать.

— Но отчего же такъ вдругъ?

Онъ не объяснилъ матери другой причины⁷⁵² и уѣхалъ. Неловкость объясненія товарищамъ и начальникамъ того, что онъ уѣзжаетъ, не дождавшись ремонта, тоже ни на минуту не заставила его задуматься.>

* № 33 (рук. № 22).

⁷⁵³Первое лицо, встрѣтившее ее дома, былъ сынъ. Онъ выскочилъ къ ней по лѣстницѣ, несмотря на крикъ Mariette, не пускавшей его, и повисъ ей на шеѣ.

— Мама! Мама! — кричалъ онъ. — Мама! Мама!

Анна не ожидала такой радости, и эта радость сообщилась ей. Она на рукахъ внесла его на лѣстницу и, только съ улыбкой кивнувъ головой Mariette, уѣжала съ нимъ въ свою комнату и стала цѣловать его.

«О, какихъ пустяковъ я боялась!» подумала она.

Когда Mariette вошла въ комнату, они уже нацѣловались, и Анна рассказывала сыну, какая въ Москвѣ есть дѣвочка Таня и какъ Таня эта умѣетъ читать и учить даже брата.

— А рисовать умѣетъ? — спрашивалъ Сережа.

Mariette жаловалась, но упрекать нельзя было. Анна пошла въ свою комнату, и Сережа пошелъ за ней.

Еще Анна не успѣла выпить кофе, какъ ей доложили о пріѣздѣ Лидіи Ивановны [*1 неразобр.*]. Пыхтя вошла съ мягкими глазами кубышка.

— Я не могла дождаться.

Анна любила ее, но въ это свиданіе она какъ будто въ первый разъ увидела ее со всѣми ея недостатками. Ей показалось что то ненатуральное и излишнее въ тонѣ Графини Лидіи Ивановны.

— Ну, что мой другъ, снесли оливковую вѣтвь? — спросила она.

— Да, когда я уѣхала, они сошлись опять. Но вы не повѣрите, какъ это тяжело и какъ они оба жалки.

⁷⁵⁰ *Зачеркнуто:* конца отпуска

⁷⁵¹ *Зачеркнуто:* первое, что мнѣ нужно, а, второе, потому, что то, чего вы такъ желаете, не можетъ сдѣлаться,

⁷⁵² *Зач.*: и, видя <неловкость объясненія товарищамъ и начальникамъ>, что онъ огорчилъ ее, простился

⁷⁵³ *Зач.*: Сережа былъ здоровъ и милъ и обрадовался матери <особенно потому, что могъ показать сдѣланную имъ самимъ коробочку>. Анна была рада видѣть сына, но также какъ подѣйствовалъ на нее мужъ при первой встрѣчѣ съ нимъ, также подѣйствовалъ и сынъ, и въ отношеніи сына она почувствовала разочарованіе. Она ждала большей радости. Въ это утро Графиня Лидія Ивановна заѣхала къ Аннѣ, чтобы узнать о <ея здоровьи и о> результатахъ ея поѣздки, цѣль которой была извѣстна Графинѣ Лидіи Ивановнѣ, какъ ближайшему другу Алексѣя Александровича и его жены. Графиня Лидія Ивановна была высокая, полная, очень толстая женщина съ прекрасными выразительными глазами и съ усталымъ выраженіемъ когда то красиваго лица.....

– Да, много, много горя и зла на свѣтъ, и я такъ измучена нынче, – сказала Графиня Лидія Ивановна.⁷⁵⁴

– А что? – спросила Анна.

– Я начинаю уставать отъ тщетнаго ломанія копій за правду. И иногда совсѣмъ развиваюсь. Дѣло сестричекъ (это было филантропическое, религіозное, патріотическое учрежденіе) подвигалось бы, но съ этими господами ничего невозможно дѣлать, – сказала она съ насмѣшливой покорностью судьбѣ. – Они ухватились за мысль, изуродовали ее и потомъ обсуждаютъ такъ мелко и ничтожно.⁷⁵⁵ Два-три человѣка, вашъ мужъ въ томъ числѣ, понимаютъ значеніе этаго дѣла, а другіе только роняютъ. Вчера мнѣ пишетъ Гжадикъ (это былъ извѣстный панславистъ за границей), – и Графиня Лидія Ивановна рассказала содержаніе письма Гжадика. Послѣ Гжатики Графиня рассказала еще непріятности и козни, дѣлаемые противъ дѣла соединенія церквей, и уѣхала, торопясь, такъ какъ ей въ этотъ день надо было быть еще на засѣданіи одного общества и на славянскомъ комитетѣ.⁷⁵⁶

«Вѣдь все это было и прежде, но отчего я не замѣчала этаго прежде, – сказала себѣ Анна. – Или она раздражена очень нынче; что же ей дѣлать, бѣдной, дѣтей нѣтъ. Правда, что смѣшно, что ея цѣль религія и добродѣтель, а она все сердится и все враги у нее... Но все таки она милая».

Послѣ Графини Лидіи Ивановны пріѣхала кузина Алексѣя Александровича, старая дѣвушка, унылая и скучная, но торжественная, потому что она знала Жуковского и Мойера. Въ 3 часа и она уѣхала.

*** № 34 (рук. № 26).**

– Ну что, Долинька, твой козырь что подѣлываетъ?

– Ничего, папа, – отвѣчала Долли, понимая, что рѣчь идетъ о мужѣ, – все ѣздитъ. Я его почти не вижу, – не могла она не прибавить съ насмѣшливой улыбкой.

– Что жъ, онъ не уѣхалъ еще въ деревню лѣсъ продавать?

– Нѣтъ, все собирается.

– Вотъ какъ? – промышаль Князь. – Ну, всетаки у тебя больше шансовъ встрѣтить его гдѣ-нибудь. Если встрѣтишь, скажи ему, что мнѣ нужно его видѣть и переговорить съ нимъ.

Княгиня и Кити съ любопытствомъ взглянули на Князя. «О чемъ ему могло быть нужно переговорить съ Стивой?» Княгиня думала, что она догадалась.

– Да и мнѣ жалко этотъ лѣсъ, – сказала она про лѣсъ, который продавалъ Степанъ Аркадьичъ въ имѣньи ея дочери. – Но что же дѣлать, если необходимо. Я сама думаю, какъ бы онъ не продешевилъ. Ты, вѣрно, про это хочешь переговорить съ нимъ?

⁷⁵⁴ *Зачеркнуто:* которая всегда была занята самыми благими добродѣтельными цѣлями, но которую исполненіе этихъ цѣлей всегда приводило въ раздраженіе.

⁷⁵⁵ *Зач.*: Графиня Лидія Ивановна просидѣла съ часъ и для приличія спрашивала иногда Анну о ней, но, не въ силахъ слушать внимательно ее, всякій разъ опять начинала рассказывать то о своихъ сестричкахъ, то о соединеніи Церкви, о интригахъ и препятствіяхъ, и Анна, вслушиваясь въ ея рѣчь, уже не имѣла того чувства неловкости, которое она испытала при первой встрѣчѣ съ мужемъ.

⁷⁵⁶ *Зач.*: Послѣ нея пріѣхала княгиня Бетси, очень высокая, съ длиннымъ, блѣднымъ и красивымъ [лицомъ] дама, одна изъ блестящихъ по знатности и роскоши дамъ Петербурга. Она была представительницей другаго совсѣмъ Петербургскаго круга. Она любила Анну и, узнавъ о ея пріѣздѣ, тотчасъ же пріѣхала рассказать кучу новостей свѣтскихъ, браковъ, ухаживаній. Въ этихъ рассказахъ и разговорахъ Анна уже совершенно нашла себя. Особенно новость, что N выходитъ за Б, живо заняла ее. Разговоръ зашелъ о братѣ Удашева, и Анна сказала, что она познакомилась съ нимъ. – Неправда ли, это мужчина! Это человѣкъ страстей, – сказала Бетси. – Онъ мнѣ двоюродный. Последнее время онъ пересталъ ѣздить въ свѣтъ. Мнѣ говорили, что онъ женится. – Да, кажется, – сказала Анна и покраснѣла, и ей показалось, что Бетси поняла, почему она покраснѣла. – Я ему всегда предсказывала большую страсть. Такъ онъ здѣсь теперь. Непремѣнно пошлю за нимъ мужа, чтобы онъ рассказалъ мнѣ про невѣсту.

– Да, да, про это самое, – сказала Князь, съ своимъ непроницаемымъ видомъ взглянувъ на Кити, и Кити поняла, что ему нужно было видѣть Степана Аркадыча, чтобы переговорить не о лѣсѣ, а о ней. Что – она не знала, но вѣрила, что любовь отца не обманетъ его.

Долли очень скоро удалось въ этотъ день встрѣтить Степана Аркадыча. Онъ обѣдалъ у Генерала-Губернатора и пріѣхалъ домой переодѣть фракъ. И до обѣда еще заѣхалъ къ тестю.

– Ну что, когда ты ѣдешь совершать условія на лѣсѣ? – прямо приступилъ онъ къ дѣлу.

– Да все некогда, Князь, – отвѣчалъ Степанъ Аркадычъ.

Онъ все время находился въ холодныхъ отношеніяхъ съ тестемъ, но эта холодность со стороны стараго Князя нисколько не мѣшала неизмѣнному добродушію и веселому спокойствію Степана Аркадыча.

«Вы меня не любите, тѣмъ хуже для васъ, а мнѣ все равно. Я и съ вами пріятель, какъ и со всѣми моими пріятелями».

– Что жъ, вы думаете, что я продешевлю?

– Это-то я думаю. Мы съ тобой не такіе мастера наживать, какъ проживать; но въ томъ дѣло, что я бы просилъ тебя ѣхать скорѣе. И заѣхать къ Константину Левину.

– Я и хотѣлъ.

– Такъ, пожалуйста, Стива, поѣзжай къ нему, и вы пріятели. И ты знаешь, между разговоромъ сондируй его о Кити. Я того мнѣнія, что онъ робѣетъ сдѣлать предложеніе, а она любить его.

Степанъ Аркадычъ былъ очень удивленъ этой непривычной заботливостью отца, онъ рассказалъ все, что зналъ о намѣреніяхъ Левина, и обѣщалъ ѣхать.

Князь, прося его, чтобы это было тайной, опять впалъ въ свое видимое равнодушіе и, подставивъ небритую щеку, отпустилъ его.

*** № 35 (рук. № 18).**

Часть вторая.

Глава I. Дьяволь.

Прошло два мѣсяца. Вернувшись въ Петербургъ, жизнь Анны пошла по старому. Все было то же: тотъ же мужъ, тотъ же сынъ, тѣ же наполняющіе жизнь выѣзды, тѣ же три свѣтскіе круга, въ которые три ѣздила Анна; но все это со времени пріѣзда ея изъ Москвы измѣнилось. Прежде свѣтская жизнь съ толками о новомъ бракѣ, о повышеніи, перемѣщеніи, съ заботами о туалетѣ для бала, для праздника, съ мелкими досадами за первенство того или другаго, той или другой, мелкими тщеславными радостями успѣха спокойно наполняла ея время. Свѣтская жизнь эта, казавшаяся Аннѣ, пока она не вступила въ эту жизнь, такимъ страшнымъ водоворотомъ, опаснымъ, раздражающимъ, оказалась, какъ она испытала это въ эти послѣдніе два года своей Петербургской жизни, такой смирной и тихой. Затрагивали только самые мелкіе интересы, и Анна часто испытывала среди визитовъ, обѣдовъ, вечеровъ, баловъ чувство усталости и скуки однообразнаго исполненія долга. Теперь все это вдругъ перемѣнилось. Не стало этой середины. Или ей было несносно, противно въ свѣтѣ, или она чувствовала, что ей было слишкомъ не весело, а радостно быть въ свѣтѣ. Весь свѣтскій кругъ одинъ, всѣ знаютъ другъ друга и ѣздить другъ къ другу, но въ этомъ большомъ кругѣ есть свои подраздѣленія.

Анна имѣла друзей и близкіе связи въ трехъ различныхъ кругахъ. Одинъ – это былъ⁷⁵⁷ служебный, офиціальнй кругъ ея мужа, сослуживцевъ, подчиненныхъ, и нѣкоторыя жены ихъ считались достойными. Другой кругъ – это былъ тотъ кругъ, черезъ который Алексѣй Александровичъ сдѣлалъ свою карьеру, кругъ, близкій къ двору, внѣшне скромный, но могущественный. Центромъ этаго кружка была Графиня А.; черезъ нее то Алексѣй Александровичъ

⁷⁵⁷ Зачеркнуто: кругъ ея мужа и его друга Мери

сдѣлать свою карьеру. Въ кружкѣ этомъ царствовалъ постоянно восторгъ и умиленіе надъ своими собственными добродѣтелями. Православіе, патріотизмъ и славянство играли большую роль въ этомъ кругѣ. Алексѣй Александровичъ очень дорожилъ этимъ кругомъ, и Анна одно время, найдя въ средѣ этаго кружка очень много милыхъ женщинъ и въ этомъ кружкѣ не чувствуя себя принужденной къ роскоши, которая была имъ не по средствамъ,⁷⁵⁸ сжилась съ этимъ кружкомъ и усвоила себѣ ту нѣкоторую утонченную восторженность, царствующую въ этомъ кружкѣ. Она, правда, никогда не вводила этотъ тонъ, но поддерживала его и не оскорблялась имъ. Теперь же, вернувшись изъ Москвы, кружокъ этотъ ей сталъ невыносимъ, она видѣла все притворство, на которомъ замѣшанъ онъ, и скучала и сколь возможно менѣе ѣздила къ⁷⁵⁹ Графинѣ Н.

Другой кругъ, въ которомъ появлялась Анна, былъ собственно⁷⁶⁰ свѣтъ. Кругъ огромныхъ домовъ, баловъ, экипажей, посланниковъ, [*1 неразобр.*] театровъ, маскарадовъ, кругъ людей и знатныхъ и громадно богатыхъ. Связь ея съ этимъ кругомъ держалась черезъ Бетси Курагину, жену ея двоюроднаго брата, у которой было 120 тысячъ дохода и которая съ самаго начала появленія Анны въ свѣтъ влюбилась въ нее и ухаживала за ней и втягивала ее въ свой кругъ, смѣясь надъ тѣмъ кругомъ и называя его композиціей изъ чего-то славянофильско-хомяковско-утонченно православно-женско-придворно подленькаго.⁷⁶¹

— Это богадѣльня. Когда стара и дурна буду, я сдѣлаюсь такая же, — говорила Бетси, — но вы la plus jolie femme de Petersbourg.⁷⁶²

Этого круга Анна избѣгала прежде сколько могла, такъ какъ онъ требовалъ расходовъ выше ея средствъ, да и по душѣ предпочитала первый. Теперь же сдѣлалось наоборотъ. И она избѣгала восторженныхъ друзей своихъ и ѣздила въ большой свѣтъ. И тамъ она встрѣчала Удашева и испытывала волнующую радость при этихъ встрѣчахъ. Особенно часто встрѣчала она Удашева у Бетси, которая была урожденная Удашева и ему двоюродная. Удашевъ былъ вездѣ, гдѣ только онъ могъ встрѣтить ее, и онъ говорилъ ей, когда могъ, о своей любви. Всякій разъ она запрещала ему это, она ему не подавала никакого повода, но всякій разъ, какъ она встрѣчалась съ нимъ, въ душѣ ея загоралось то самое чувство оживленія, которое нашло на нее въ тотъ день въ вагонѣ, когда она въ первый разъ встрѣтила его. Она сама чувствовала, что радость свѣтилась въ ея глазахъ и морщила ея губы, и она не могла затушить ее. И онъ видѣлъ это, и онъ покорялся ей, но также упорно⁷⁶³ преслѣдовалъ ее. Но онъ не преслѣдовалъ ее,⁷⁶⁴ онъ только чувствовалъ и зналъ это, что не могъ жить внѣ лучей ея, и онъ старался видѣть ее, говорить съ ней. Его полковая жизнь шла по старому — тѣ же манежи, выходы, смотры, только онъ рѣже ѣздилъ въ ягть клубъ, меньше принималъ участія въ полковыхъ дѣлахъ и кутежахъ и больше ѣздилъ въ свѣтъ, въ тотъ большой роскошный свѣтъ; въ маленькій кружокъ Графини⁷⁶⁵ А. онъ не былъ допущенъ, да и не желалъ этаго. Одинъ разъ обѣдалъ у Удашевыхъ⁷⁶⁶ и раза 3 былъ съ визитомъ. Въ свѣтѣ Удашевъ устроилъ себѣ ширмы, чтобы не компрометировать Каренину. Онъ видимо ухаживалъ за выѣзжавшей первый годъ княжной Бѣлосельской, и въ свѣтѣ поговаривали о возможности этаго брака. Удашевъ никогда ни съ кѣмъ не говорилъ о своемъ чувствѣ; но если бы онъ высказалъ кому нибудь, онъ бы высказалъ то, что онъ думалъ: т. е. что онъ не имѣетъ никакой надежды на успѣхъ, что онъ злится на себя и свою страсть,

⁷⁵⁸ *Зачеркнуто:* очень

⁷⁵⁹ *Зач.*: къ Мери и др.

⁷⁶⁰ *Зач.*: блестяще и роскошно свѣтскій кругъ.

⁷⁶¹ *В подлиннике:* подленькимъ

⁷⁶² [самая красивая женщина в Петербургѣ.]

⁷⁶³ *Зачеркнуто:* какъ ей казалось,

⁷⁶⁴ *Зач.*: не ждалъ ничего,

⁷⁶⁵ *Зач.*: Н.

⁷⁶⁶ *Очевидная описка, вместо:* Карениныхъ

которая изломала всю его жизнь, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ въ глубинѣ души гордился своей страстью и зналъ очень хорошо, что въ несчастной любви къ дѣвушкѣ, которая свободнѣе женщины, вообще есть что-то жалкое, смѣшное; но въ любви къ замужней женщинѣ, чтобы ни пѣли моралисты, есть что-то грандіозное, доказывающее силу души.

Удашевъ одинъ разъ обѣдалъ у Карениныхъ. Алексѣй Александровичъ позвалъ его, встрѣтивъ; но больше его не звали, — на этомъ настояла Анна, — и бывалъ съ визитами, но Анна не принимала его, когда могла. Поэтому онъ могъ видѣть ее только въ свѣтѣ и сталъ опять ѣздить повсюду въ свѣтѣ, который онъ было оставилъ. Въ свѣтѣ, для того чтобы имѣть предлогъ, а отчасти и потому, что первую зиму выѣзжавшая княжна Бѣлосельская была очень милая дѣвушка, Удашевъ ухаживалъ будто бы за Княжной Бѣлосельской, и вездѣ, гдѣ бывала Анна, былъ и онъ.

Страсть страстью; но день, имѣющій 24 часа, долженъ быть наполняться. Удашевъ не могъ не продолжать свою холостую и полковую товарищескую жизнь, хотя и старался избѣгать товарищескихъ попойекъ.

* № 36 (рук. № 24).

⁷⁶⁷Вронскій поѣхалъ во Французскій театръ, гдѣ ему дѣйствительно нужно было видѣть Полковаго Командира, не пропускавшаго ни одного представленія французскаго театра, съ тѣмъ чтобы переговорить съ нимъ о своемъ миротворствѣ, о томъ дѣлѣ, которое занимало и забавляло его уже 3-й день. Въ дѣлѣ этомъ были замѣшаны и Петрицкій, котораго онъ любилъ, и другой, недавно поступившій, славный малый, товарищъ, молодой князь Кадровъ, главное же, были замѣшаны интересы полка. <Дѣло затѣялось на завтракъ, который давалъ ихъ выходявшій изъ полка офицеръ. Князь Кадровъ и Петрицкій въ 1-мъ часу, уже поѣвши устрицъ и выпивши бутылку Шабли, громко разговаривая и смѣясь, ѣхали на извозникъ⁷⁶⁸ къ товарищу, дававшему завтракъ, когда мимо нихъ пролетѣлъ лихачъ извозникъ съ молоденькой, хорошенькой дамой, въ бархатной шубкѣ. Дама оглянулась на ихъ говоръ и смѣхъ.

— Смотри, смотри, прелесть какая хорошенькая! Пошелъ, извозникъ, догоняй! Рубль на водку.

Извозникъ навскачь сталъ гнать за лихачемъ. Дама оглянулась другой, третій разъ. Офицеры смѣясь покрикивали ей и ѣхали за нею. Сворачивать не приходилось, такъ какъ дама ѣхала нетолько по тому же направленію, по которому нужно было ѣхать офицерамъ, но остановилась даже и вышла передъ тѣмъ самымъ домомъ, въ который ѣхали офицеры. Она вышла прежде ихъ. Извозникъ, видно, былъ заплаченъ и отъѣхалъ; а хорошенькая дама, оглянувшись на офицеровъ, вошла на то самое крыльцо, на которое имъ надо было входить, и офицеры только видѣли ее мелькомъ, какъ она еще разъ оглянулась, входя на лѣстницу. Она взошла выше той площадки, на которой жилъ тотъ товарищъ, къ которому они ѣхали, и скрылась.

Петрицкій и Кадровъ опоздали, и уже человекъ 30 офицеровъ шумѣли за виномъ.⁷⁶⁹ Вронской былъ тутъ же. Петрицкій и Кадровъ, перебивая одинъ другаго, принялись рассказывать о красотѣ встрѣченной дамы и о⁷⁷⁰ необыкновенномъ случаѣ, что она живетъ въ этомъ самомъ домѣ. Приѣхавшіе, чтобы догнать другихъ, выпили залпомъ нѣсколько бокаловъ и успѣшно догнали, даже перегнали другихъ.⁷⁷¹ Вронскій, занятый другимъ разговоромъ, и не замѣтилъ, какъ эти два молодца, чрезвычайно пораженные красотой этой лореточки и заманчи-

⁷⁶⁷ Зачеркнуто: Удашевъ

⁷⁶⁸ Зачеркнуто: на Пантелеймоновскую

⁷⁶⁹ Зач.: Удашевъ

⁷⁷⁰ Зач.: скрытности хозяина, который ничего не сказалъ про это.

⁷⁷¹ Зач.: Удашевъ

вымъ оглядываніемъ ея на нихъ, отправились въ кабинетъ къ хозяину и, призвавъ туда хозяйскаго лакея и наведя справки о томъ, живетъ ли мамзель наверху, и, получивъ отъ него утвердительный отвѣтъ, написали неизвѣстной посланіе, что они оба влюблены, умираютъ отъ любви къ ней, и сами понесли это письмо наверхъ.

⁷⁷²Вронской узналъ все это уже тогда, когда въ комнату ворвались оба молодые люди съ лицами, разстроенными чѣмъ то особеннымъ кромѣ пьянства. Изъ ихъ разсказовъ ⁷⁷³Вронскій понялъ, что, когда они позвонили, къ нимъ вышла дѣвушка. Узнавъ, что тутъ живетъ дама, которая часъ тому назадъ пріѣхала на извозикѣ въ бархатной шубкѣ, они просили передать письмо, прося отвѣта. Но пока дѣвушка переговаривалась и спрашивала, отъ кого записка, выскочилъ какой то человѣкъ съ бакенбардами колбасиками, какъ они разсказывали, бросилъ письмо и ткнулъ въ грудь Кадрова. Это разсказывалъ Петрицкій.

— Нѣтъ, не толкнулъ, а грубо заперъ дверь, — оправдывался Кедровъ.

— Ну, не толкнулъ, — продолжалъ Петрицкій, — но все таки чортъ знаетъ что такое! А Василій (лакей) говорилъ, что мамзель. Мы спрашивали у него. Онъ говорилъ: много ихъ мамзелей.

Всѣ посмѣялись этой исторіи, но ⁷⁷⁴Вронской и нѣкоторые другіе поняли, что исторія эта не хороша, но дѣлать и говорить теперь нечего было.

На другой день Полковой Командиръ позвалъ ⁷⁷⁵Вронскаго къ себѣ и, такъ какъ и ожидалъ ⁷⁷⁶Вронской, дѣло шло объ исторіи вчерашней мамзели и Петрицкаго съ Кедровымъ. > Оба были въ эскадронѣ ⁷⁷⁷Вронскаго. Къ полковому командиру пріѣзжалъ чиновникъ комисиі прошеній титулярный совѣтникъ Венденъ съ жалобой на его офицеровъ, которые оскорбили его жену. Молодая жена его, какъ разсказывалъ Венденъ, — онъ былъ женатъ полгода, — была въ церкви съ матушкой и вдругъ почувствовала нездоровье, происходящее отъ извѣстнаго положенія, не могла больше стоять и поѣхала домой на первомъ попавшемся ей лихачѣ — извозикѣ. Тутъ за ней погнались офицеры, она испугалась и, еще хуже разболѣвшись, прибѣжала на лѣстницу домой. Самъ Венденъ, вернувшись изъ присутствія, услыхалъ звонокъ и какіе то голоса, вышелъ и увидалъ пьяныхъ офицеровъ съ письмомъ, вытолкалъ ихъ и просилъ строгаго наказанія.

— Нѣтъ, какъ хотите, а Петрицкій, вы его защищаете, совсѣмъ онъ становится невозможень, — сказалъ Полковой командиръ. — Нѣтъ недѣли безъ исторіи. Вѣдь этотъ чиновникъ не оставитъ дѣла, онъ поѣдетъ дальше.

⁷⁷⁸Вронской видѣлъ всю неблаговидность этаго дѣла, въ особенности то, что кто то изъ товарищей получилъ ударъ въ грудь и что удовлетворенія требовать нельзя, а, напротивъ, надо все сдѣлать, чтобы смягчить этаго титулярнаго совѣтника и замять дѣло. Полковой командиръ призвалъ ⁷⁷⁹Вронскаго именно потому, что зналъ его за рыцаря чести, твердости, умнаго человѣка и, главное, человѣка, дорожащаго честью полка. Они потолковали и рѣшили, что надо ѣхать имъ: Петрицкому и Кедрову къ этому титулярному совѣтнику извиняться, и ⁷⁸⁰Вронскій самъ вызвался ѣхать съ ними, чтобы смягчить это дѣло сколько возможно. Полковой командиръ и ⁷⁸¹Вронскій оба понимали, что имя ⁷⁸²Вронскаго и флигель-адъютантскій вен-

⁷⁷² Зач.: Удашевъ

⁷⁷³ Зач.: Удашевъ

⁷⁷⁴ Зачеркнуто: Удашевъ

⁷⁷⁵ Зач.: Удашева

⁷⁷⁶ Зач.: Удашевъ

⁷⁷⁷ Зач.: Удашева

⁷⁷⁸ Зач.: Удашевъ

⁷⁷⁹ Удашева

⁷⁸⁰ Зачеркнуто: Удашевъ

⁷⁸¹ Зач.: Удашевъ

зель должны много содѣйствовать смягченію титулярнаго совѣтника. И дѣйствительно, эти два средства оказались отчасти дѣйствительными, но результат примиренія остался сомнительнымъ, какъ и рассказывалъ это⁷⁸³ Вронскій.

Вотъ этимъ то дѣломъ миротворства и занимался⁷⁸⁴ Вронской въ тотъ день, какъ кузина его ждала обѣдать. Молодые люди, несмотря на свои товарищескія, запанибратскія отношенія съ⁷⁸⁵ Вронскимъ, уважали его и покорились его рѣшенію ѣхать извиниться съ нимъ вмѣстѣ, тѣмъ болѣе что свое рѣшеніе онъ высказалъ имъ строго и рѣшительно, объявивъ, что если это дѣло не кончится миромъ, то имъ обоимъ надо выйти изъ полка. Одна уступка, которую онъ сдѣлалъ, состояла въ томъ, что Кедровъ могъ не ѣхать, такъ какъ онъ тоже считалъ себя оскорбленнымъ.

Въ назначенный часъ⁷⁸⁶ Вронской повезъ Петрицкаго къ титулярному совѣтнику. Титулярный совѣтникъ принялъ ихъ, стоя, въ вицмундирѣ, и румяное лицо его съ бакенбардами колбасиками, какъ описывалъ Петрицкій, было торжественно, но довольно спокойно.

⁷⁸⁷Вронской видѣлъ, что они съ Полковымъ Командиромъ не ошиблись, предполагивъ, что имя и эполеты будутъ имѣть свое вліяніе.

Титулярный совѣтникъ поклонился⁷⁸⁸ Вронскому и подаль ему руку, но чуть наклоненіемъ головы призналъ существованіе Петрицкаго.⁷⁸⁹ Вронской началъ говорить:

— Два товарища мои были вовлечены цѣлымъ рядомъ несчастныхъ случайностей въ ошибку, о которой они отъ всей души сожальютъ, и просятъ васъ принять ихъ извиненія.

Титулярный совѣтникъ шевелилъ губами и хмурился.

— Я вамъ скажу,⁷⁹⁰ Графъ, что мнѣ очень лестно ваше посредничество и что я бы готовъ признать ошибку и раскаянье, если оно искренно, но, согласитесь...

Онъ взглянулъ на Петрицкаго и поднялъ голосъ.⁷⁹¹ Вронской замѣтилъ это и поспѣшилъ перебить его.

— Они просятъ вашего извиненія, и вотъ мой товарищъ и пріятель Петрицкій.

Петрицкій промывалъ, что онъ сожальетъ, но въ глазахъ его не было замѣтно сожалѣнія, напротивъ, лицо его было весело, и титулярный совѣтникъ увидалъ это.

— Сказать: извиняю,⁷⁹² Графъ, очень легко, — сказалъ титулярный совѣтникъ, но испытать это никому не желаю, надо представить положеніе женщины.....

— Но согласитесь, опять перебилъ⁷⁹³ Вронской. — Молодость, неопытность, и потомъ, какъ вы знаете, мы были на завтракъ, было выпито.... Я надѣюсь, что вы, какъ порядочный человѣкъ, войдете въ положеніе молодыхъ людей и великодушно извините. Я съ своей стороны, и Полковой командиръ просилъ меня, будемъ вамъ искренно благодарны, потому что я и прошу за людей, которыми мы дорожимъ въ полку. Такъ могу ли я надѣяться, что дѣло это кончится миромъ?

На губахъ титулярнаго совѣтника играла пріятная улыбка удовлетвореннаго тщеславія.

⁷⁸² *Зач.*: Удашева

⁷⁸³ *Зач.*: Удашевъ

⁷⁸⁴ *Зач.*: Удашевъ

⁷⁸⁵ *Зач.*: Удашевымъ

⁷⁸⁶ *Зач.*: Удашевъ

⁷⁸⁷ *Зач.*: Удашевъ

⁷⁸⁸ *Зач.*: Удашеву

⁷⁸⁹ *Зач.*: Удашевъ

⁷⁹⁰ *Зачеркнуто*: Князь

⁷⁹¹ *Зачеркнуто*: Удашевъ

⁷⁹² *Зач.*: Князь

⁷⁹³ *Зач.*: Удашевъ

– Очень хорошо,⁷⁹⁴ Графъ, я прощаю, и онъ подаль руку. – Но эти господа должны знать, что оскорблять женщину неблагородно.....

– Совершенно раздѣляю ваше мнѣніе, но если кончено.... – хотѣлъ перебить⁷⁹⁵ Вронской.

– Безъ сомнѣнія кончено, – сказалъ титулярный совѣтникъ. – Я не злой человѣкъ и не хочу погубить молодыхъ людей; не угодно-ли вамъ сѣсть? Не угодно-ли?

Онъ подвинулъ спички и пепельницу. И Вронской чувствовалъ, что меньшее, что онъ можетъ сдѣлать, это посидѣть минуту, тѣмъ болѣе что все такъ хорошо обошлось.

– Такъ прошу еще разъ вашего извиненія и вашей супруги за себя и за товарища, – сказалъ Петрицкій.

Титулярный совѣтникъ подаль руку и закурилъ папиросу. Все, казалось, прекрасно кончено, но титулярный совѣтникъ хотѣлъ подѣлиться за папиросой съ своимъ новымъ знакомымъ,⁷⁹⁶ Графомъ и флигель-адъютантомъ, своими чувствами, тѣмъ болѣе, что⁷⁹⁷ Вронской своей открытой и благородной фizioноміей произвелъ на него пріятное впечатлѣніе.

– Вы представьте себѣ,⁷⁹⁸ Графъ, что молодая женщина въ такомъ положеніи, стало быть, въ самомъ священномъ, такъ сказать, для мужа положеніи, ѣдетъ изъ церкви отъ нездоровья, и тутъ вдругъ.....

⁷⁹⁹Вронской хотѣлъ перебить его, видя, что онъ бросаетъ изъ подлобья мрачные взгляды на Петрицкаго.

– Да, но вы изволили сказать, что вы простили.

– Безъ сомнѣнія, и въ этомъ положеніи два пьяные...

– Но позвольте...

– Два пьяные мальчишки позволяютъ себѣ писать и врываться.

Титулярный совѣтникъ⁸⁰⁰ покраснѣлъ, мрачно смотрѣлъ на Петрицкаго.

– Но позвольте, если вы согласны...

Но титулярнаго совѣтника нельзя было остановить.

– Врываться и оскорблять честную женщину. Я жалѣю, что щетка не подвернулась мнѣ. Я бы убилъ....

Петрицкій всталъ нахмурившись.

– Я понимаю, понимаю, – торопился говорить⁸⁰¹ Вронской, чувствуя, что смѣхъ поднимается ему къ горлу, и опять пытаюсь успокоить титулярнаго совѣтника, но титулярный совѣтникъ уже не могъ успокоиться.

– Во всякомъ случаѣ я прошу васъ признать, что сдѣлано съ нашей стороны что возможно. Чего вы желаете? Погубить молодыхъ людей?

– Я ничего не желаю.

– Но вы извиняете?

– Для васъ и для Полковаго Командира, да, но этихъ мерз...

– Мое почтеніе, очень благодаренъ, – сказалъ⁸⁰² Вронской и, толкая Петрицкаго, вышелъ изъ комнаты.>

⁷⁹⁴ *Зач.*: Князь

⁷⁹⁵ *Зач.*: Удашевъ

⁷⁹⁶ *Зач.*: Княземъ

⁷⁹⁷ *Зач.*: Удашевъ нравился ему.

⁷⁹⁸ *Зач.*: Князь

⁷⁹⁹ *Зачеркнуто*: Удашевъ

⁸⁰⁰ *Зач.*: былъ красенъ, и, какъ звѣрь,

⁸⁰¹ *Зач.*: Удашевъ

⁸⁰² *Зач.*: Удашевъ

* № 37 (рук. № 19).

«Ну, такъ и есть, – подумала хозяйка, также какъ и всѣ въ гостиной, съ тѣхъ поръ какъ она вошла, невольно слѣдившіе за ней, – такъ и есть, – думала она, какъ бы по книгѣ читая то, что дѣлалось въ душѣ Карениной, – она кинулась ко мнѣ. Я холодна, она мнѣ говоритъ: мнѣ все равно, обращается къ Д., тотъ же отпоръ. Она говоритъ съ двумя-тремя мужчинами, а теперь съ нимъ. Теперь она взяла въ ротъ жемчугъ – жестъ очень дурнаго вкуса, онъ встанетъ и подойдетъ къ ней».

И такъ точно сдѣлалось, какъ предполагала хозяйка. Гагинъ всталъ. Рѣшительное, спокойное лицо выражало еще большую рѣшительность; онъ шелъ, но еще не дошелъ до нея, какъ она, какъ будто не замѣчая его, встала и перешла къ угловому столу съ лампой и альбомомъ. И не прошло минуты, какъ уже она глядѣла въ альбомъ, а онъ говорилъ ей.⁸⁰³

– Вы мнѣ сказали вчера, что я ничѣмъ не жертвую. Я жертвую всѣмъ – честью. Развѣ я не знаю, что я дурно поступилъ съ Щербацкой? Вы сами говорили мнѣ это.

– Ахъ, не напоминайте мнѣ про это. Это доказываетъ только то, что у васъ нѣтъ сердца.

Она сказала это, но взгляды ея говорилъ, что она знаетъ, что у него есть сердце, и вѣрить въ него.

– То была ошибка, жестокая, ужасная. То не была любовь.

– Любовь, не говорите это слово, это гадкое слово.

Она подняла голову, глаза ея блестѣли изъ разгоряченнаго лица. Она отвѣчала, и очевидно было, что она не видѣла и не слышала ничего, что дѣлалось въ гостиной. Какъ будто электрическій свѣтъ горѣлъ на этомъ столикѣ, какъ будто въ барабаны били около этого столика, такъ тревожило, раздражало все общество то, что происходило у этого столика и, очевидно, не должно было происходить. Всѣ невольно прислушивались къ ихъ рѣчамъ, но ничего нельзя было слышать, и, когда хозяйка подошла, они не могли ничего найти сказать и просто замолчали. Всѣ, сколько могли, взглядывали на нихъ и видѣли въ его лицѣ выраженіе страсти, а въ ея глазахъ что то странное и новое. Одинъ только Алексѣй Александровичъ, не прекращавшій разговора съ Генераломъ о классическомъ образованіи, глядя на свѣтлое выраженіе лица своей жены, зналъ значеніе этого выраженія.⁸⁰⁴ Со времени пріѣзда ея изъ Москвы онъ встрѣчалъ чаще и чаще это страшное выраженіе – свѣта, яркости и мелкоты, которое находило на лицо и отражалось въ духѣ жены. Какъ только находило это выраженіе, Алексѣй Александровичъ старался найти ту искреннюю, умную, кроткую⁸⁰⁵ Анну, которую онъ зналъ, и ничто въ мірѣ не могло возратить ее въ себя, она становилась упорно, нарочно мелочна, поверхностна, насмѣшлива, логична,⁸⁰⁶ холодна, весела и ужасна для Алексѣя Александровича. Алексѣй Александровичъ, религіозный человѣкъ, съ ужасомъ ясно опредѣлилъ и назвалъ это настроеніе; это былъ дьяволъ, который овладѣвалъ ея душою. И никакія средства не могли разбить этого настроенія. Оно проходило само собою и большею частью слезами. Но прежде это настроеніе приходило ей одной, теперь же онъ видѣлъ, что оно было въ связи съ присутствіемъ этаго⁸⁰⁷ красиваго, умнаго и хорошаго юноши.

Алексѣй Александровичъ ясно доказывалъ Генералу, что навязыванье классическаго образованія также невозможно, какъ навязываніе танцевальнаго образованія цѣлому народу.⁸⁰⁸ Но онъ видѣлъ, чувствовалъ, ужасался, и въ душѣ его становилось холодно.

⁸⁰³ *Зачеркнуто:* что то странное, дикое

⁸⁰⁴ *Зач.*: Послѣдній годъ (онъ былъ женатъ шесть лѣтъ)

⁸⁰⁵ *Зач.*: Нана

⁸⁰⁶ *Зач.*: страстна къ веселью,

⁸⁰⁷ *Зач.*: энергическаго, молодцоватаго,

⁸⁰⁸ *Зачеркнуто:* онъ мямлилъ, искалъ слова и улыбался.

Окончивъ разговоръ, онъ всталъ и подошелъ къ угловому столу.

— ⁸⁰⁹Анна, я бы желалъ ѣхать, — сказалъ онъ, не глядя на вставшаго⁸¹⁰ Вронскаго, но видя его, видя выраженіе его лица, умышленно, чтобъ не выказать ни легкости, ни презрѣнія, ни сожалѣнія, ни озлобленія, умышленно безвыразительное. Онъ понималъ все это и небрежно поворачивалъ свою шляпу.

— Ты хотѣла раньше ѣхать домой, да и мнѣ нужно.

— Нѣтъ, я останусь, пришли за мной карету, — сказала она просто и холодно.

«Это онъ, это дьяволъ говорить въ ней», подумалъ Алексѣй Александровичъ, глядя на ея прямо устремленные на него, странно свѣтящіеся между рѣсницъ глаза.

— Нѣтъ, я оставлю карету, я поѣду на извозикѣ.

И, откланявшись хозяйкѣ, Алексѣй Александровичъ вышелъ.

Истинно хорошее общество только тѣмъ и хорошее общество, что въ немъ до высшей степени развита чуткость ко всѣмъ душевнымъ движеніямъ. Ничего не произошло особеннаго. Молодая дама и знакомый мущина отошли къ столу и въ продолженіе полчаса о чемъ то⁸¹¹ говорили; но всѣ чувствовали, что случилось что то непріятно грубое, неприличное, стыдное. Хотѣлось завѣсить ихъ. И когда Алексѣй Александровичъ вышелъ, Княгиня⁸¹² Нана рѣшилась во что бы то ни стало нарушить уединеніе и перезвала къ ихъ столу двухъ гостей. Но черезъ 5 минутъ⁸¹³ Анна встала и простилась, сіяющей улыбкой пренебреженія отвѣчая на сухость привѣтствій. Вслѣдъ за ней вышелъ и⁸¹⁴ Вронскій.

— Что я вамъ говорила?

— Это становится невозможно, — переговорили хозяйка дома и толстая дама. — Бѣдный дуракъ!

Старый, толстый Татаринъ, кучеръ въ глянцевиномъ кожанѣ, съ трудомъ удерживалъ лѣваго прозябшаго сѣраго, извивавшагося у подѣзда; лакей стоялъ, отворивъ дверцу. Швейцаръ стоялъ, держа внѣшнюю дверь.⁸¹⁵ Анна Каренина отцѣпляла маленькой бѣлой ручкой кружева рукава отъ крючка шубки и, нагнувши головку, улыбалась.⁸¹⁶ Вронскій говорилъ:

— Вы ничего не сказали, положимъ, я ничего не требую, ничего. Только знайте, что моя жизнь — ваша, что одна возможность счастья — это ваша любовь.⁸¹⁷

— Какъ должно быть ужасно легко мужчинамъ повторять эти слова. Сколько разъ вы говорили это?⁸¹⁸ Я одинъ разъ сказала это... и то неправду. Поэтому я не скажу этаго другой разъ, — повторила она медленно, горловымъ густымъ голосомъ, и вдругъ, въ тоже время какъ отцѣпила кружево,⁸¹⁹ она прибавила: — Я не скажу, но когда скажу... — и она взглянула ему въ лицо. — До свиданья, Алексѣй Кирилычъ.

Она подала ему руку⁸²⁰ и быстрымъ, сильнымъ шагомъ прошла мимо Швейцара и скрылась въ каретѣ. Ея взглядъ, прикосновеніе руки прожгли его. Онъ поцѣловалъ свою ладонь въ томъ мѣстѣ, гдѣ она тронула его, и поѣхалъ домой, безумный отъ счастья.

⁸⁰⁹ *Зач.*: Нана

⁸¹⁰ *Зач.*: Гагина

⁸¹¹ *Зач.*: горячо

⁸¹² *Зач.*: Мика

⁸¹³ *Зач.*: Нана

⁸¹⁴ *Зач.*: Гагинъ

⁸¹⁵ *Зач.*: Настасья Аркадьевна

⁸¹⁶ *Зач.*: Гагинъ

⁸¹⁷ *Зачеркнуто*: И скажу больше. Любите ли вы меня, я не знаю, но вы не любите мужа[?]- Да я не сказала, что я люблю васъ.

⁸¹⁸ *Зач.*: Женщины никогда не говорятъ этаго.

⁸¹⁹ *Зач.*: — потому что незачѣмъ говорить. Я люблю тебя. Завтра въ 4 часа.

⁸²⁰ *Зач.*: взглянула

Вернувшись домой, Алексѣй Александровичъ не прошелъ къ себѣ въ кабинетъ, какъ онъ это дѣлалъ обыкновенно, а, спросивъ, дома ли Марья Александровна (сестра), и, узнавъ, что ея тоже нѣтъ дома, вошелъ на верхъ не раздѣваясь и, заложивъ за спину сцѣпившіяся влажныя руки, сталъ ходить взадъ и впередъ по залѣ, гостиной и диванной. Образъ жизни Алексѣя Александровича, всегда встававшего въ 7 часовъ и всегда лежащагося въ постель въ половинѣ 1, былъ такъ регулярень, что это отступленіе отъ привычки удивило прислугу и удивило самого Алексѣя Александровича, но онъ не могъ лечь и чувствовать, что ему необходимо объясниться съ женой и рѣшить свою и ея судьбу.

Онъ, не раздѣваясь, ходилъ своимъ⁸²¹ слабымъ шагомъ взадъ и впередъ по звучному паркету освѣщенной одной лампой столовой, по ковру темной гостиной, въ которой свѣтъ отражался только въ большое зеркало надъ диваномъ, и черезъ ея кабинетъ, въ которомъ горѣли двѣ свѣчи,⁸²² освѣщая красивые игрушки, такъ давно близко знакомыя ему, ея письменнаго стола, и до двери спальни, у которой онъ поворачивался.⁸²³

Онъ слышалъ, какъ въ спальню вошла⁸²⁴ Аннушка, горничная, слышалъ, какъ она выглянула на него и потомъ, какъ будто сердясь на то, что онъ такъ непривычно ходитъ не въ своемъ мѣстѣ, стала бить подушки, трясти какими то простынями.

Всѣ эти столь привычные предметы, звуки⁸²⁵ имѣли теперь значеніе для Алексѣя Александровича и мучали его.

Какъ человѣку съ больнымъ пальцемъ кажется, что какъ нарочно онъ обо все ушибаетъ этотъ самый палецъ, такъ Алексѣю Александровичу казалось, что все, что онъ видѣлъ, слышалъ, ушибало его больное мѣсто въ сердцѣ.

На каждомъ протяженіи въ своей прогулкѣ и большей частью на⁸²⁶ паркетѣ свѣтлой столовой онъ останавливался и говорилъ себѣ: «Да, это необходимо рѣшить и прекратить и высказать свой взглядъ на это и свое рѣшеніе. Но высказать что же и какое рѣшеніе? Что же случилось? Ничего. Она долго говорила съ нимъ. Ну, что же?»⁸²⁷ Можетъ быть, я вижу что то особенное въ самомъ простомъ, и я только подамъ мысль»... и онъ трогался съ мѣста; но какъ только онъ входилъ въ темную гостиную, ему вдругъ представлялось это преображенное, мелкое, веселое и ужасное выраженіе лица, и онъ понималъ, что дѣйствительно случилось что то⁸²⁸ неожиданное и страшное и такое, чему необходимо положить конецъ, если есть еще время. Онъ входилъ въ кабинетъ и тутъ, глядя на ея столь съ лежащей наверху малахитоваго бювара начатой запиской, онъ живо вспоминалъ ее тою, какою она была для него эти 6 лѣтъ – открытою,⁸²⁹ простою и довольно поверхностною натурою, вспоминалъ ея вспыльчивость, ея несправедливую⁸³⁰ досаду на него⁸³¹ и потомъ простое раскаяніе – слезы дѣтскія почти и нѣжность, да, нѣжность. «А теперь? Нѣтъ этаго теперь, рѣже и рѣже я вижу и понимаю ее, и больше и больше выступаетъ что то новое, неизвѣстное. Есть же этому причина». Вспоминалъ онъ тоже свое часто повторявшееся въ отношеніи ея чувство своей недостаточности. Онъ вспоминалъ, что часто она какъ будто чего то требовала отъ него такого, чего онъ не могъ ей дать, и какъ

⁸²¹ *Зач.*: неровнымъ

⁸²² *Зач.*: между мелочами ея

⁸²³ *На поляхъ противъ этого места и ниже написано:* [1] <Встаетъ, отсѣкнулась.> [2] <Сестра возвращается и намекаетъ.> [3] <Вспоминаетъ, какъ онъ встрѣтилъ ее съ Гагинымъ на желѣзной дорогѣ и какъ тогда въ глазахъ ея былъ дьяволъ.>

⁸²⁴ *Зачеркнуто:* Маша

⁸²⁵ *Зачеркнуто:* какъ ножомъ рѣзали его въ самое сердце.

⁸²⁶ *Зач.*: срединѣ въ темной гостиной

⁸²⁷ *Зач.*: Вольно же мнѣ видѣть въ этомъ что то особенное.

⁸²⁸ *Зач.*: и холодъ охватывалъ его сердце.

⁸²⁹ *Зач.*: до послѣднихъ извивовъ души

⁸³⁰ *Зач.*: почти всегда

⁸³¹ *Зач.*: ея грубыя слова, укоризны иногда

онъ успокоивалъ себя, говоря: нѣтъ, это мнѣ только такъ кажется. А, видно, было что то между ними, и вотъ эта трещина оказалась.

«Все равно, я долженъ объясниться и разрѣшить все это».

Румяное, круглое лицо съ огромнымъ шиньономъ въ бѣлѣйшихъ воротничкахъ высунулось изъ двери спальни.

— Извольте ложиться, Алексѣй Александровичъ, я убралась,⁸³² — сказала Аннушка.

Алексѣй Александровичъ заглянулъ въ спальню, и вдругъ при видѣ этой горничной и при мысли о томъ, что она догадывается⁸³³ или догадается, почему такъ непривычно во 2-мъ часу не ложится спать ея баринъ, чувство⁸³⁴ отвращенія⁸³⁵ къ женѣ, къ той, которая ставила его въ унижительное положеніе, стрѣльнуло въ сердце.

— Хорошо, сказалъ онъ⁸³⁶ и, прибавивъ шагу, направился опять къ столовой.

У подъѣзда зашумѣли. Алексѣй Александровичъ вернулся въ ея кабинетъ и, сдвинувъ очки, близко посмотрѣлся въ зеркало. Лицо его,⁸³⁷ желтое и худое, было покрыто красными пятнами и показалось ему самому отвратительно.

«И⁸³⁸ неужели это такія простыя, ничтожныя событія и признаки — вечеръ у Княгини, то, что я не легъ спать въ опредѣленное время, это мое разстроенное лицо, — неужели это начало страшнаго бѣдствія?»

Да, какой то внутренній голосъ говорилъ ему, что это было начало несчастія. Что несчастіе уже совершилось, хотя еще не выразились всѣ его послѣдствія. «Но всетаки я долженъ высказать и высказать слѣдующее», и Алексѣй Александровичъ ясно и отчетливо пробѣжалъ въ головѣ весь конспектъ своей рѣчи къ ней: 1) воззваніе къ ней и попытка вызова на признаніе и вообще откровенность съ ея стороны 2) религіозное объясненіе значенія брака 3) ребенокъ и онъ самъ — ихъ несчастье 4) ее собственное несчастье.

На лѣстницу входили женскіе шаги. Алексѣй Александровичъ, готовый къ своей рѣчи, стоялъ, осторожно соединяя кончики пальцевъ обѣихъ [рукъ], и приводилъ въ спокойствіе и порядокъ мысли, которые онъ хотѣлъ передать женѣ. Этотъ жестъ соединенія кончиковъ пальцевъ рукъ всегда успокоивалъ его и приводилъ въ акуратность, которая теперь такъ нужна была ему. Но еще по звуку тонкаго сморканія на серединѣ лѣстницы онъ узналъ, что входила не Анна, а жившая съ нимъ сестра его Мари. Алексѣй Александровичъ гордился своей сестрой Мари, прозванной свѣтскими умниками душой въ турнюрѣ, былъ обязанъ ей большею частью своего успѣха въ свѣтѣ (она имѣла высшія женскія связи, самая могущественная), былъ радъ тому, что она жила съ нимъ, придавая характеръ высшей утонченности и какъ будто самостоятельности его дому. Онъ и любилъ ее, какъ онъ могъ любить, но онъ не любилъ разговаривать съ нею съ глаза на глазъ. Онъ зналъ, что она никогда не любила его жены, считая ее⁸³⁹ мелкою и terre à terre⁸⁴⁰ и потому не подмогою, а помѣхою въ карьерѣ мужа, и потомъ тотъ усвоенный Мари тонъ слишкомъ большаго ума, доходившаго до того, что она ничего не говорила просто, былъ тяжелъ съ глазу на глазъ.

Мари была мало похожа на брата, только большіе выпуклые полузакрытые глаза были общіе. Мари была не дурна собой, но она уже пережила лучшую пору красоты женщины, и съ ней сдѣлалось то, что дѣлается съ немного перестоявшейся простоквашей. Она отсикну-

⁸³² *Зач.*: сказалъ голосокъ горничной

⁸³³ *Зачеркнуто*: о чемъ думаетъ баринъ,

⁸³⁴ *Зач.*: злости

⁸³⁵ *Зач.*: къ ней, къ себѣ наполнило его душу.

⁸³⁶ *Зач.*: съ своей притворной улыбкой

⁸³⁷ *Зач.*: бѣлое, пухлое, морщинистое

⁸³⁸ *Зач.*: на него нашла робость. Какъ и что скажетъ онъ ей? Она шла тихо черезъ залу

⁸³⁹ *Зачеркнуто*: глупую

⁸⁴⁰ [будничной]

лась. Та же хорошая простокваша стала слаба, не плотна и подернулась безвкусовой, нечисто цвѣтной сывороткой. Тоже сдѣлалось съ ней и физически и нравственно. Мари была чрезвычайно, совершенно искренно религіозна и добродѣтельна. Но съ тѣхъ поръ какъ она отсикнулась, что незамѣтно случилось съ ней года два тому назадъ, религіозность не находила себѣ полного удовлетворенія въ томъ, чтобы молиться и исполнять Божественный законъ, но въ томъ, чтобы судить о справедливости религіозныхъ взглядовъ другихъ и бороться съ ложными ученіями, съ протестантами, съ католиками, съ невѣрующими. Добродѣтельныя наклонности ея точно также съ того времени обратились не на добрыя дѣла, но на борьбу съ тѣми, которые мѣшали добрымъ дѣламъ. И какъ нарочно послѣднее время всѣ не такъ смотрѣли на религію, не то дѣлали для улучшенія духовенства, для распространенія истиннаго взгляда на вещи. И всякое доброе дѣло, въ особенности угнетеннымъ братьямъ Славянамъ, которые были особенно близки сердцу Мари, встрѣчало враговъ, ложныхъ толкователей, съ которыми надо было бороться. Мари изнемогала въ этой борьбѣ, находя утѣшеніе только въ маломъ кружкѣ людей, понимающихъ ее и ея стремленія.

— О, какъ я подрублена нынче, — сказала она по французски, садясь на первый стулъ у двери.

Братъ понялъ, что она хотѣла сказать, что устала.

— Я начинаю уставать отъ тщетнаго ломанія копій за правду. И иногда я совсѣмъ развѣсываюсь. А Анна? — прибавила она, взглянувъ на лицо брата. — Что значитъ, — сказала она, — это отступленіе отъ порядка? Люди акуратные, какъ ты, выдаютъ себя однимъ отступленіемъ. Что такое?

— Ничего. Мнѣ хотѣлось поговорить съ Анной.

— А она осталась у Нана? — взглянувъ, сказала Мари, и большіе полузакрытые глаза ея подернулись мрачнымъ туманомъ.

— О, какъ много горя на свѣтѣ и какъ неравномѣрно оно распредѣляется, — подразумевая подъ этимъ горе Алексѣя Александровича, отражающееся на нее. — Княгиня надѣялась, что ты заглянешь, — продолжала она, чтобы показать, что понимаетъ горе брата, но не хочетъ о немъ говорить. — Дѣло сестричекъ (это было филантропически-религіозное учрежденіе) подвинулось бы, но съ этими господами ничего не возможно дѣлать, — сказала она съ злой насмѣшливой покорностью судьбѣ. — Они ухватились за мысль, изуродовали ее и потомъ обсуждаютъ такъ мелко и ничтожно.

Она очень огорчена, но и не можетъ быть иначе... Разсказавъ еще нѣкоторыя подробности занимавшаго ее дѣла, она встала.

— Ну, вотъ, кажется, и Анна, — сказала она. — Прощай. Помогай тебѣ Богъ.

— Въ чемъ? — неожиданно спросилъ онъ.

— Я не хочу понимать тебя и отвѣчать тебѣ. Каждый несетъ свой крестъ, исключая тѣхъ, которые накладываютъ его на другихъ, — сказала она, взглянувъ на входившую Анну. — Ну, прощайте. Я зашла узнать, зачѣмъ онъ не спитъ, — сказала она Аннѣ, — и разговорила о своемъ горѣ. Доброй ночи.⁸⁴¹

Анна⁸⁴² чуть замѣтно улыбнулась, поцѣловалась съ⁸⁴³ золовкой и обратилась къ мужу.

— Какъ, ты не въ постели? — и, не дожидаясь отвѣта, быстро и легко прошла въ темную гостиную.

Въ гостиной она остановилась, какъ бы задумавшись о чемъ то. Алексѣй Александровичъ вошелъ за ней въ гостиную. Она стояла въ накинутаго распущеннаго башлыкѣ, играя

⁸⁴¹ Зачеркнуто: И она пошла внизъ.

⁸⁴² Зач.: быстро и легко вошла въ залу

⁸⁴³ Зач.: невѣсткой

обѣими руками его кистями и задумчиво опустивъ голову. Увидавъ его, она подняла голову, улыбнулась.

– Ты не въ постели? Вотъ чудо! – И съ этими словами скинула башлыкъ и прошла въ спальню. – Пора, Алексѣй Александровичъ, – проговорила она изъ за двери.

– ⁸⁴⁴Анна, мнѣ нужно переговорить съ тобой!

– Со мной? – Она высунулась изъ двери. – Ну да, давай переговоримъ, если такъ нужно. – Она сѣла на ближайшее кресло. – А лучше бы спать.

– Что съ тобой? – началъ онъ.

– Какъ что со мной?

Она отвѣчала такъ просто, весело, что тотъ, кто не зналъ ее, какъ мужъ, не могъ бы замѣтить ничего неестественнаго ни въ звукахъ, ни въ смыслѣ ея словъ. Но для него, знавшаго, что когда ⁸⁴⁵на лицѣ его видна была тревога, забота, иногда самая легкая, она тотчасъ же замѣчала ее и спрашивала причины; для него, знавшаго, что всякія свои радости, веселье, горе она тотчасъ сообщала ему, для него теперь видѣть, что она не хотѣла замѣчать его состоянія, что не хотѣла ни слова сказать про себя, было ужасно.

– Какъ что со мной? Со мной ничего. Ты уѣхалъ раньше, чтобы спать, и не спишь, не знаю отчего, и я пріѣхала и хочу спать.

– Ты знаешь, что я говорю, – повторилъ онъ тихимъ и строгимъ голосомъ. – У тебя въ душѣ что то дѣлается. Ты *взволнована* и обрадована чѣмъ-то независимо отъ меня, отъ общей спокойной жизни. Ты весела..., – сказалъ онъ, самъ чувствуя всю праздность своихъ словъ, когда онъ говорилъ ихъ и смотрѣлъ на ея смѣющіеся, страшные теперь ⁸⁴⁶для него глаза.

– Ты всегда такъ, – отвѣчала она, какъ будто совершенно не понимая его и изо всего того, что онъ сказалъ, понимая только послѣднее. – То тебѣ непріятно, что я скучна, то тебѣ непріятно, что я весела. Мнѣ не скучно было. Это тебя оскорбляетъ.

⁸⁴⁷Онъ вздрогнулъ, какъ будто его кольнуло что то, ⁸⁴⁸чувствуя, что то дьявольское навожденіе, которое было въ ней, не пронзимо ничѣмъ.

– ⁸⁴⁹Анна! ⁸⁵⁰Ты ли это? – сказалъ онъ также тихо, сдѣлавъ усиліе надъ собой и удержавъ выраженіе отчаянія.

– Да что же это такое, – сказала она съ такимъ искреннимъ и комическимъ всетаки, веселымъ удивленіемъ. – Что тебѣ отъ меня надо?

– Тебя, тебя, какая ты есть, а не это, – говорилъ Алексѣй Александровичу махая рукой, какъ бы разгоняя то, что застилало ее отъ него. И голосъ его задрожалъ слезами.

– Это удивительно, – сказала она, не замѣчая его страданія и пожавъ ⁸⁵¹плечами. – Ты нездоровъ, Алексей Александровичъ.

Она встала и хотѣла ⁸⁵²уйти; но онъ схватилъ своей разгоряченной рукой ея тонкую и холодную руку и остановилъ ее. Она бы могла шутя стряхнуть его руку, и въ томъ взглядѣ, который она опустила на его костлявую слабую руку и на свою руку, выразилось насмѣшливое презрѣніе, но она не выдернула руки, только съ отвращеніемъ ⁸⁵³дрогнула плечомъ.

– Ну-съ, я слушаю, что будетъ.

⁸⁴⁴ *Зач.*: Нана

⁸⁴⁵ *Зач.*: онъ ложился спать позже обыкновеннаго, когда

⁸⁴⁶ *Зачеркнуто*: потому что закрытые отъ

⁸⁴⁷ *Зач.*: – Ахъ, это ужасно, – сказалъ, вскрикнувъ

⁸⁴⁸ *Зач.*: Онъ хотѣлъ сказать что-то <но удержался> жестокое

⁸⁴⁹ *Зач.*: – Ахъ; Ахъ это ужасно!

⁸⁵⁰ *Зач.*: Опомнись

⁸⁵¹ *Зач.*: своими холодными бѣлыми

⁸⁵² *Зач.*: затворить дверь

⁸⁵³ *Зач.*: дернулась

— ⁸⁵⁴Анна! — началъ онъ, составляя концы пальцевъ и изрѣдка ударяя на излюбленные слова, — Анна, повѣришь ли ты мнѣ или нѣтъ, это твое дѣло, но я обязанъ передъ тобой, передъ собой и передъ Богомъ высказать всѣ мои опасенія и всѣ мои сомнѣнія. Жизнь наша связана и связана не людьми, а Богомъ. Разорвать эту связь можетъ только преступленіе.⁸⁵⁵ Въ связи нашей есть таинство, и ты и я — мы его чувствуемъ, и оттого я знаю, хотя ничего не случилось, я знаю, что теперь, именно нынче, въ тебя вселился духъ зла и искушаетъ тебя, завладѣлъ тобой. Ничего не случилось, — повторилъ онъ болѣе вопросительно, но она не измѣняла удивленно насмѣшливаго выраженія лица, — но я вижу возможность гибели для тебя и для меня⁸⁵⁶ и прошу, умоляю опомниться, остановиться.

— Что же, это ревность, къ кому? Ахъ, Боже мой, и какъ мнѣ на бѣду спать хочется.

— Анна, ради Бога не говори такъ,⁸⁵⁷ — сказалъ онъ кротко.

— Можетъ быть, я ошибаюсь, но повѣрь, что то, что я говорю, я говорю столько же за себя, какъ и за тебя. Я люблю, я люблю тебя, — сказалъ онъ.

При этихъ словахъ на мгновеніе лицо ее опустилось, и потухла насмѣшливая искра во взглядѣ.

— Алексѣй Александровичу⁸⁵⁸ я не понимаю, — сказала она.

— Позволь, дай договорить, да,⁸⁵⁹ ... я думалъ⁸⁶⁰ иногда прежде о томъ, что бы я сдѣлалъ, если бы⁸⁶¹ моя жена измѣнила мнѣ. Я бы оставилъ ее и постарался⁸⁶² жить одинъ. И я думаю, что я бы не былъ счастливъ, но я могъ бы такъ жить, но не я главное лицо, а ты.⁸⁶³ Женщина, преступившая законъ, погибнетъ, и гибель ее ужасна.

⁸⁶⁴Она молчала, но онъ чувствовалъ, что неприступная черта лежала между нимъ и ею.

— Если ты дорожишь собой, своей вѣчной душой, отгони отъ себя это холодное, не твое состояніе, вернись сама въ себя, скажи мнѣ все, скажи мнѣ, если даже тебѣ кажется, что ты жалѣешь, что вышла за меня, что ты жалѣешь свою красоту, молодость, что ты боишься полюбить или полюбила, — продолжалъ онъ.

— Мнѣ нечего говорить, — вдругъ быстро выговорила, — да и... пора спать.

— Хорошо, — сказалъ онъ.

⁸⁶⁵Алексѣй Александровичъ⁸⁶⁶ тяжело вздохнулъ и пошелъ раздѣваться.

Когда онъ пришелъ въ спальню, тонкія губы его были строго сжаты, и глаза не смотрѣли на нее. Когда онъ легъ на свою постель, Анна ждала всякую минуту, что онъ еще разъ заговоритъ съ нею. Она не боялась того, что онъ заговоритъ, и ей хотѣлось этаго. Но онъ молчалъ.

⁸⁵⁴ *Зачеркнуто:* Еще разъ онъ <видимо> смиренно [?] и умоляющимъ взглядомъ просилъ ее, чтобы она вернулась, она, такая она была прежде; но неприступная черта таже лежала между ними. Онъ все таки началъ говорить:— Наша жизнь связана и связана

⁸⁵⁵ *Зач.*: Бываетъ, что связи эти разрываются, но тогда гибнутъ тѣ люди. И

⁸⁵⁶ *Зач.*: Я не буду пугать тебя

⁸⁵⁷ *Зач.*: Я не буду тебя пугать собой. Чѣмъ я буду пугать? Я слабый человѣкъ и физически и морально.

⁸⁵⁸ *Зач.*: ты чѣмъ то разстроены, у тебя нервы

⁸⁵⁹ *Зач.*: я слабый человѣкъ; я собой пугать не буду, я ничего не сдѣлаю, не могу, да и не хочу наказывать. Мщеніе у Бога.

⁸⁶⁰ *Зач.*: <въ минуты моей ревности> прежде ужасные

⁸⁶¹ *Зач.*: ты разорвала нашу связь

⁸⁶² *Зач.*: бы умереть

⁸⁶³ *Зач.*: Повѣрь мнѣ ты, теперь торжественная минута.

⁸⁶⁴ *Зач.*: — Что съ вами, я понять не могу, я бы думала, что вы ужинали. [*Так в подлиннике.*] — И опять таже

⁸⁶⁵ *Зачеркнуто:* Всю ночь эту Алексѣй Александровичъ не смыкалъ глазъ, и, когда на другой день онъ увидалъ туже чуждость въ своей женѣ, онъ рѣшилъ самъ съ собой, что одно изъ главныхъ несчастій его жизни свершилось. Какъ, въ какихъ подробностяхъ оно выразится, что онъ будетъ дѣлать, онъ не зналъ, но зналъ, что сущность несчастья совершилась.

⁸⁶⁶ *Зач.*: расплакавшись, <долго> всхлипывалъ <потомъ> еще на постелѣ. Но еще всхлипыванья не прошли, какъ они перешли въ сырое храпѣнье.

«Ну, такъ я⁸⁶⁷ заговорю съ нимъ, вызову его опять», подумала она, но въ ту же минуту услышала ровный и спокойный свистъ въ его крупномъ горбатомъ носу.

Она осторожно поднялась и сверху внимательно разглядывала его спокойное, твердое лицо,⁸⁶⁸ и особенно выпуклые и обтянутые жилистыми вѣками яблоки закрытыхъ глазъ испугали ее. Эти глаза похожи были на мертвые.

— Нѣтъ, ужъ поздно, голубчикъ, поздно, — прошептала она, и ей весело было то, что уже было поздно, и она долго лежала неподвижно съ открытыми глазами, блескъ которыхъ, ей казалось, она сама въ темнотѣ видѣла.

*** № 38 (рук. № 22).**

Это было очень мило, но разговоръ перервался, и опять надо было затѣвать новое. Хозяйка занялась этимъ дѣломъ раздуванія огня разговора и предложила вопросъ о возможности счастливыхъ браковъ безъ страсти.

— Я думаю, — сказала⁸⁶⁹ одна дама, — что бракъ по разсудку — самый счастливый, потому что видятъ другъ друга, какіе есть, а не какіе кажутся.⁸⁷⁰

— Да, это было бы такъ, если бы дѣйствительно любви не было, — сказалъ кто-то. — Но счастье браковъ по разсудку разлетается именно отъ того, что появляется любовь, та самая, которую не признавали.

— Но если это такъ, какъ скарлатина, то черезъ это надо пройти. Всякая дѣвушка должна влюбиться, опомниться и выдти замужъ. Тогда надо выучиться прививать любовь, какъ оспу.

— Я была влюблена въ дьячка, — сказала княгиня Мягкая.

— Нѣтъ, я думаю безъ шутокъ, что для того, чтобы узнать любовь, надо ошибиться.

— Вотъ именно, — сказала Анна, — надо ошибиться и поправиться.

Она засмѣялась, перегнулась къ столу, сняла перчатку съ бѣлой руки и взяла чашку.

— Ну, а если ошибка въ женитьбѣ? — сказалъ хозяинъ.

— Все таки надо поправиться.

— Но какъ?

— Я не знаю какъ, — сказала она. — Никогда не поздно раскаяться.

⁸⁷¹Вронской смотрѣлъ на Анну⁸⁷² на столько, на сколько позволяло приличіе, и лицо его сіяло счастьемъ.

*** № 39 (рук. № 31).**

Послѣ объясненія своего съ женою Алексѣй Александровичъ почувствовалъ себя до такой степени несчастнымъ и жалкимъ и сознаніе своей жалкости такъ оскорбляло его, что онъ съ тѣхъ поръ ни разу не вызывалъ жену на объясненія и избѣгалъ ее, что было такъ легко и естественно при той занятой и свѣтской жизни, которую они оба вели. Онъ съ такимъ усиліемъ началъ это унижительное объясненіе тогда и такъ пристыженъ былъ тѣмъ отпоромъ мнимаго непониманія, который ему дала Анна, что онъ не въ силахъ былъ начать новое. На него нашель столбнякъ гордости. «Не хочешь, — говорилъ онъ, мысленно обращаясь къ ней, — тѣмъ хуже для тебя». Онъ самъ чувствовалъ, что это отношеніе къ женѣ было безумно, что оно было

⁸⁶⁷ В подлиннике: я такъ

⁸⁶⁸ Зачеркнуто: безъ очковъ

⁸⁶⁹ Зач.: Анна

⁸⁷⁰ Зач.: — Браки по разсудку были бы самые счастливые, если бы люди не влюблялись, — сказала Анна.

⁸⁷¹ Зачеркнуто: Удашевъ

⁸⁷² Зач.: мрачно. «Неужели это бездушная кокетка и только», думалъ онъ

подобно тому, что бы сказалъ человѣкъ, попытавшійся тщетно потушить пожаръ и который, разсердившись бы на тщету своихъ усилій, сказалъ бы: «Такъ на же тебѣ, такъ сгоришь за это».

Онъ чувствовалъ это нѣсколько разъ, хотѣлъ заговорить съ нею, но всякій разъ имъ овладѣвалъ столбнякъ гордости. Онъ, съ трудомъ удерживая слезы, обдумывалъ самъ съ собой, что онъ скажетъ ей; но какъ только онъ подходилъ къ ней, лицо его противъ его воли принимало холодно спокойное выраженіе, и онъ говорилъ не о томъ, что хотѣлъ.

* № 40 (рук. № 27).

I.

Левинъ жилъ въ деревнѣ, и стыдъ отказа, привезенный имъ изъ Москвы, все болѣе и болѣе застилался невидными, но значительными для него событіями деревенской жизни. Съ нимъ свершалось то, что онъ себѣ ставилъ не разъ какъ правило, для утѣшенія въ горестныя минуты, но что, какъ правило, никогда не утѣшало его, но въ дѣйствительности всегда оказывалось справедливо. Въ то время, когда онъ пріѣхалъ изъ Москвы и вздрагивалъ и краснѣлъ всякій разъ, какъ вспоминалъ свой позоръ, онъ сказалъ себѣ: «Сколько у меня бывало такихъ горестей и стыдовъ, которые казались непереносимы, какъ, напримѣръ, единица за латынь, когда я думалъ, что погибъ отъ этаго; падшая любимая лошадь и другіе, и чтожъ, теперь, когда прошли года, я вспоминаю и удивляюсь, какъ это могло огорчать меня. Тоже будетъ и съ этимъ горемъ. Пройдутъ года, и я буду удивляться, какъ это могло огорчать меня».

Но тогда это разсужденіе не успокоило его, а прошло 3 мѣсяца, и дѣйствительно онъ началъ успокаиваться, но не совсѣмъ. Онъ забывалъ, что, кромѣ времени, прошедшаго послѣ единицы за латынь и гибели лошади, былъ уже выдержанный экзаменъ въ латыни и другія лучшія лошади, но теперь не было другой женщины, которая бы замѣнила ему ту, которую онъ потерялъ безвозвратно. А онъ чувствовалъ самъ, какъ чувствовала любящая его старушка тетушка и всѣ его окружающіе, что нехорошо человѣку одному быть. Онъ помнилъ, какъ онъ, разговорившись шутя, сказалъ разъ своему скотнику Николаю, наивному, милому мужику: «Что, Николай, хочу жениться», и какъ Николай поспѣшно отвѣчалъ, какъ дѣло, въ которомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія: «И давно пора, Константинъ Дмитричъ».

Но женитьба теперь стала отъ него дальше, чѣмъ когда либо. Мѣсто было занято, и, когда онъ теперь въ воображеніи ставилъ на это мѣсто кого-нибудь изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыхъ онъ зналъ, онъ чувствовалъ, что это было совершенно невозможно. Но время дѣлало свое, и съ каждой недѣлей онъ рѣже и рѣже и съ меньшею живостью и болью вспоминалъ о Кити, и, хотя предполагалъ по времени, что теперь она уже замужемъ или выйдетъ на дняхъ, онъ ждалъ съ нетерпѣніемъ подтвержденія этаго предположенія, зная, что это извѣстіе, какъ выдергиваніе зуба, совсѣмъ вылечить его.

Но еще прежде чѣмъ онъ получилъ это извѣстіе, пришла весна, одна изъ тѣхъ рѣдкихъ весенъ, которыхъ и старики не запомнятъ, и эта прекрасная весна почти совсѣмъ успокоила его.

Не весна съ цвѣточками и соловьями такъ успокоительно подѣйствовала на него, но весна рѣдкая для травъ и хлѣбовъ. Весна долго не открывалась. Днемъ таяло на солнцѣ, а ночью подмораживало. Настъ былъ такой, что на возахъ ѣздили. Такъ тянулось недѣли три; казалось, конца не будетъ. Потомъ вдругъ понесло теплымъ вѣтромъ, тучи полились дождемъ три дня и три ночи теплой бурей. Потомъ сталъ туманъ, и понемногу стали разбираться переломанныя льдины, всплывшіеся потоки, и вдругъ прояснѣло, и въ тотъ же день весь дрожащій теплый воздухъ наполнился звуками жаворонковъ, на низахъ заплакали чибисы надъ болотами, булькающими отъ проснувшейся въ нихъ жизни. Мужики откидывали навозъ отъ завалинь и отдирали примерзшія къ плетню бороны и ладили сохи. Бабы с незагорѣлыми бѣлыми ногами легко и весело, звонко болтая, шли за водой. Облѣзшая, вылинявшая мѣстами только скотина

заревѣла на выгонахъ, пощипывая старику съ пробивавшейся зеленой травкой; заиграли кривоногіе ягнята вокругъ теряющихъ волны блеющихъ матерей, запахло землей отъ отошедшихъ полей и огородовъ, надулись почки горькой и липкой спиртовой березы, распушилась верба надъ быстро, на глазахъ тающимъ въ лѣсахъ снѣгомъ у корней, и по старымъ [1 неразобр.] слѣдамъ полетѣла выставленная, облетающаяся пчела, и весело заблестѣли озими, всѣ гладкія, ровныя, какъ бархатъ, безъ одной плѣшины и вымочки.

⁸⁷³Левинъ надѣлъ большіе сапоги и одну суконную поддевку и пошелъ по хозяйству. Коровы были выпущены на варокъ и, сіяя перелинявшей гладкой шерстью, грѣлись на солнцѣ. Онъ велѣлъ выгнать ихъ на выгонъ. «Ничего, пусть загрязнятся, обчистятся. А телятъ выпустить на варокъ». Приплодъ нынѣшняго года былъ хорошъ. Даже полукровные были хороши. Ранніе были съ мужицкую корову. Но Павина дочь выдавалась изъ всѣхъ. Полюбовавшись скотиной, онъ сдѣлалъ распоряженіе о водопоѣ, такъ какъ вода въ прудѣ была грязна, и замѣтилъ, что на неупотреблявшемся зимой варкѣ рѣшетки были кѣмъ то поломаны. Онъ послалъ за плотникомъ. Плотникъ ладилъ сохи, которыя должны были быть налажены еще до масляницы. Это было досадно, но это была привычная досада. Какъ ни бился Левинъ въ хозяйствѣ, въ томъ, чтобы дѣлать все впередъ, а не тогда, когда нужно употреблять, и чтобы сдѣланное разъ было спрятано, это повторялось всегда и во всемъ, сколько ни бился онъ. Общій порядокъ бралъ свое. Рѣшетки не нужны были зимой на варкѣ, ихъ снесли въ конюшню и переломали, теперь надо дѣлать новыя. Сохи велѣно чинить зимой, и нарочно взято 3 плотника, но всѣмъ имъ нашлись дѣла всю зиму, и сохи ладили и въ его экономіи, какъ и всѣ мужики, тогда, когда пахать надо было.

– Позовите Василия Ѳедоровича (прикащика).

Василій Ѳедоровичъ, сіяя также, какъ и всѣ и все въ этотъ день, въ обшитомъ мерлушкой тулупчикѣ, пришелъ, шагая черезъ грязь, и доказалъ, что иначе нельзя было. Но въ такой день нельзя было сердиться.

– Ну что, сѣять можно?

– За Туркинымъ верхомъ съ понедѣльника можно.

– Ну, а клеверъ?

– Послать-съ, разсѣвають. Не знаю только пролѣзутъ ли, тонко.

– На сколько десятинъ?

– На три.

– Отчего?

– Телѣгъ еще не собрали.

– Ахъ, какъ вамъ не стыдно.

– Да не безпокойтесь, все сдѣлаемъ во времени.

Опять это была одна изъ старыхъ досадъ Левина. Клеверъ надо было сѣять чѣмъ раньше, тѣмъ лучше; но это вводилъ Левинъ, и ему не вѣрили, и всякій разъ надо было бороться.

– Игнатъ, – крикнулъ онъ кучеру, съ засученными рукавами у колодца обмывавшему коляску – Осѣдай мнѣ.

⁸⁷³ *Зачеркнуто:* Въ началѣ этой весны Левинъ вышелъ послѣ чаю въ большихъ сапогахъ

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.